HQ1121
.A5

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

BOOK CARD

Please keep this card in
book pocket

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

HQ1121
.A5

a 00001 90168 7

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.

Form No. 513

HQ1121
.A5
ee
c

М. Н. Анзимірова
(Марахъ).

5276
.23
Prichiny nravstvennoĭ fizionomii zhenshchiny
XX

ПРИЧИНЫ НРАВСТВЕННОЙ ФИЗІОНОМІИ ЖЕНЩИНЫ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

съ приложеніемъ обзора статей по женскому вопросу.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
С.-Петербургская Электропечатня. Коломенская, 38—41.
1901.

такъ часто избираетъ до сихъ поръ. Трудъ свой я сочту вполнѣ вознагражденнымъ, если хоть десятки молодыхъ женскихъ головокъ, познакомившись съ своимъ прошлымъ, призадумаются надъ многими вопросами своей жизни, поймутъ ея осмысленность, отвѣтственность, и промѣняютъ блестящія погремушки модныхъ магазиновъ, пополняющіе такъ часто ихъ незавидные досуги,—на желаніе мыслить серьезно, чтобъ выработать въ себѣ человѣка всесторонне-полезнаго, стремящагося къ умственному и нравственному усовершенствованію.

Описываемое здѣсь взято изъ многихъ историческихъ и философскихъ произведеній крупныхъ иностранныхъ и русскихъ авторовъ, такъ что все достоинство настоящаго изданія заключается только въ соединеніи матеріаловъ въ одну, доступную по цѣнѣ, книгу.

Мы не будемъ брать задачъ свыше силъ, но постараемся помочь читательницамъ додумываться до своего настоящаго назначенія, до правдивой и безъ сомнѣнія высокой цѣли земного существованія всякаго человѣка безразличнаго пола.

I.

Введеніе.

Надъ вольной мыслью Богу не угодно
Насиліе и гнетъ;
Она, въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умретъ.
Поэтъ.

Типъ заурядной женщины, сложившійся съ древности подъ вліяніемъ самыхъ неблагопріятныхъ для нея условій, при невѣрныхъ взглядахъ на весь ея полъ,—имѣетъ много несимпатичныхъ сторонъ; но приписывать ихъ женской природѣ—въ высшей степени неосновательно. Типъ этотъ, т. е. вся нравственная физіономія женщины, выработанъ самимъ мужчиною прошлаго, его законами, его желаніемъ господствовать, его эгоистическими требованіями, наконецъ отсутствіемъ общечеловѣческихъ правъ, въ которыхъ женщинѣ было отказано во всѣ времена. Какъ многовѣковая борьба сѣвернаго человѣка съ природой выработала въ мужчинѣ энергію, силу воли и любовь къ труду тамъ, гдѣ это обѣщало увѣнчаться успѣхомъ—такъ точно вѣчная неволя, при невозможности открытой борьбы, выработала въ женщинѣ тѣ неприглядныя привычки къ хитрости, къ дѣйствительной и притворной робости, къ всевозможнымъ видамъ кокетства и лицемѣрія, которыя такъ или иначе облегчали ея незавидную судьбу. Вмѣстѣ съ тѣмъ должна была пострадать и тѣлесная организація женщины, когда для нея придумали ненормальныя условія жизни: лишенная здоровыхъ тѣлодвиженій, запряженная, помимо личнаго желанія и общаго физическаго состоянія, въ ярмо безсрочнаго дѣторожденія, всегда неудовлетворенная и безправная, она должна была платить дань и душевной слабости наравнѣ съ физическою. Неизбѣжное внутреннее озлобленіе расшатывало ея нервную систему тѣмъ сильнѣе и разрушительнѣе, чѣмъ одареннѣе была ея природа. И все это прошло почти незамѣченнымъ до нашего времени, хотя природа не перестаетъ мстить человѣческому обществу за нарушеніе ея законовъ.

Ознакомившись съ обстоятельствами, способствовавшими развитію по-

добнаго типа въ человѣкѣ женскаго пола, мы наглядно убѣдимся въ возможности создавать какіе угодно типы при помощи воспитанія и власти надъ ними. Мы увидимъ на какой нравственной почвѣ должны естественно зарождаться и преуспѣвать одни качества и вымирать другія; мы узнаемъ, откуда взялось то, что несимпатично въ женщинѣ настоящаго времени, прослѣдимъ за ходомъ исторіи женской цивилизаціи, и во всемъ этомъ намъ помогутъ сами законодатели различныхъ странъ, насадившіе, много тысячъ лѣтъ назадъ, корни нынѣшнихъ золъ. Для этого придется не одинъ разъ выходить изъ рамокъ строго историческихъ, обращаться къ свѣтиламъ мысли, вставлять ихъ мнѣнія для подтвержденія своихъ, вообще пользоваться имѣющимся матеріаломъ для выясненія намѣченныхъ задачъ.

Исторія—это самая широкая изъ всѣхъ наукъ, дающая въ себѣ мѣсто почти всѣмъ остальнымъ наукамъ; слѣдовательно, автору предлагаемаго труда нѣтъ никакой возможности вообразить, что онъ пишетъ исторію. Онъ береть только одинъ изъ множества ея отдѣловъ, притомъ далеко не полный, и прикасающійся къ исторіи лишь настолько, насколько это необходимо для общаго обзора вопроса.

Такъ какъ большинство явленій, совершающихся на нашихъ глазахъ, не составляютъ ничего самобытнаго, отдѣльнаго, но имѣютъ прямую связь съ прошедшимъ,—то то-же самое можно сказать и о будущемъ: оно точно также будетъ вытекать изъ настоящаго и прошедшаго, будетъ находиться въ прямой связи съ тѣмъ и другимъ. Это одинаково относится какъ къ явленіямъ, такъ и къ самой личности человѣка, къ обществу и всему человѣчеству. Ясно, что будущіе всходы лежатъ въ зависимости отъ настоящихъ посѣвовъ, а настоящіе составляютъ послѣдствія прошедшихъ. Такимъ образомъ каждый изъ насъ пожинаетъ плоды посѣвовъ отжившаго поколѣнія, часто горькіе плоды его ошибокъ, заблужденій, недомыслія или распущенности. Но въ то же время мы пожинаемъ—какъ въ частности, такъ и въ общемъ,—много умнаго и полезнаго, стоившаго ему большихъ, усидчивыхъ трудовъ, а намъ доставшагося въ готовомъ видѣ. И если мы не постараемся обратить вниманіе и перерабатывать въ себѣ то, отъ чего страдаемъ изъ за предковъ, то этимъ самымъ нерадѣніемъ готовимъ такую же грустную жатву горькихъ плодовъ и грядущему поколѣнію. Мы такъ часто говоримъ, что горячо любимъ своихъ дѣтей,—но доказываемъ ли мы это на дѣлѣ? Разумѣется, огромныя, рѣзкія перемѣны намъ еще не по силамъ, да и сама природа указываетъ намъ на необходимость постепенности и послѣдовательности; но если мы не станемъ вдумываться во множество вопросовъ, составляющихъ причины нашихъ бѣдъ, не поищемъ средствъ улучшить свою личность и свое положеніе,—

то наша жизнь на землѣ пройдетъ, если и не особенно вредно, то безслѣдно: мы не заслужимъ ничьего спасибо, не оставимъ никакого добраго воспоминанія въ своихъ дѣтяхъ и внукахъ.

Всякій человѣкъ, получающій нормальное воспитаніе, рано пріучается вдумываться во все окружающее и задаваться разнаго рода вопросами; притомъ люди, обезпеченые со всѣхъ сторонъ, въ большинствѣ случаевъ, менѣе склонны къ размышленіямъ, чѣмъ необезпеченные, и это весьма естественно, по крайней мѣрѣ въ прошломъ. Баловни фортуны, они, съ одной стороны, не нуждаются въ серьезномъ мышленіи: оно не увеличиваетъ ихъ благосостоянія. А съ другой стороны они такъ заняты пріятностями настоящаго, что не видятъ необходимости заниматься не только прошедшимъ, но и будущимъ; они обыкновенно наслаждаются эгоистично тѣмъ, что имѣютъ, не стремясь ни измѣнить его, ни допытываться, почему именно это устроилось такъ, а не иначе.

Совсѣмъ другое происходитъ въ головахъ тѣхъ, кому каждое улучшеніе стоитъ труда и борьбы, которыхъ нужда, иногда и безвыходность заставляютъ обдувать каждый шагъ трудовой жизни. Поэтому такъ называемое *среднее сословіе* работаетъ мыслью преимущественно передъ остальными сословіями и большею частью изъ его среды выходятъ тѣ ученые по разнымъ отраслямъ знанія, которые двигаютъ міръ по пути прогресса. Оно ищетъ причинъ существующаго порядка вещей и находитъ ихъ въ прошломъ. Углубляясь отъ факта къ факту, отъ одной эпохи до другой— въ старину, запасаясь положительными свѣдѣніями, знакомясь съ различными философіями, люди науки обогащались знаніемъ, давая и другимъ возможность расширять свое образованіе.

Къ числу изслѣдованій принадлежитъ и такъ называемый женскій вопросъ, такъ какъ онъ касается доброй половины человѣческаго рода. Въ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ объ немъ писали много, притомъ такія свѣтила мысли, какъ Милль, Легувэ, Тэнъ, Брюлль, Вольтеръ, Руссо, Бюхнеръ (Фридр.), Жидъ, Л. Бланъ, Жирарденъ и многіе другіе; но, кромѣ того, что не всякая женщина знаетъ иностранные языки,— большинство не въ состояніи часто обзаводиться книгами, особенно дорогими.

Въ исторіи войнъ и политическихъ подвиговъ, преподаваемой въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, женскія имена отсутствуютъ, изрѣдка только выглядывая изъ за мужскихъ. Въ исторіи разнородныхъ открытій и изобрѣтеній—женщины какъ будто и на свѣтѣ нѣтъ. Въ исторіи прогресса наукъ и искусствъ равнымъ образомъ не замѣтно почти ни одного женскаго имени, кромѣ искуства въ долготерпѣливомъ рукодѣльи.

Какъ существо отвсюду отстраненное, совершенно безъучастное во всемъ томъ, что считается важнымъ, и безправное вездѣ, гдѣ для человѣка жи-

ветъ вопросъ смысла, интереса и выгоды, не прикасающееся ни къ какому общечеловѣческому движенію, и даже въ семьѣ гнѣздящееся только какъ неизбѣжное зло,—женщина не представляетъ умственнаго интереса ни для кого. Вѣроятно вслѣдствіе этого ей и предназначалось такъ дэлго оставаться всегда невѣждой, не пригодной ни къ чему, кромѣ воспроизведенія дѣтей; но вѣдь и имъ она приносила своимъ невѣжествомъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, такъ что отецъ торопился брать ихъ въ свои руки, какъ только они выходили изъ пеленокъ.

Повторяю: въ такомъ видѣ женщинѣ напрасно дана жизнь, и даже странно, что мудрая и могущественная природа одухотворила женщину, когда легко могла-бы созидать потомство на другихъ началахъ.

Но для всякой особы того-же пола она любопытна какъ зеркало, которое незабвенный дѣдушка Крыловъ далъ въ руки обезьянѣ: что это за созданіе такое—не человѣкъ и не звѣрь? Имѣются ли въ ней признаки самобытныхъ способностей, вкусовъ, стремленій, или она видимо создана только для развлеченія или наказанія другого пола?.. Былъ ли бы такимъ же безтолковымъ мужчина при ея обстоятельствахъ, или же его выручило преимущество мускульной силы,—преимущество, внѣшнее значеніе котораго постепенно ослабѣваетъ?.. И отчего объ особѣ женщины такія разнорѣчивыя мнѣнія?.. Отвѣты на эти вопросы можно получить только при ознакомленіи съ исторіей женской цивилизаціи.

Заинтересованная выясненіемъ вопроса половина человѣческаго рода никогда не имѣла права не только ратовать за свои интересы, но еще не далека и та пора, когда для благовоспитанной женщины считалось непристойнымъ выражать свое мнѣніе и вообще работать головою.

Мужской полъ даже въ прошломъ столѣтіи еще прозывалъ въ насмѣшку «синимъ чулкомъ» всякую женщину, осмѣливающуюся разсуждать о сколько нибудь серьезныхъ вещахъ *). Отъ всего думающаго и разсуждающаго женщина была отдѣлена крѣпкою перегородкою кухоннаго и бѣлевого хозяйства. Законами же, тяготѣвшими надъ цѣлою ея жизнью, руководилъ враждебный,—какъ доказали послѣдствія,—ея интересамъ полъ: онъ ихъ составлялъ, онъ же приводилъ ихъ и въ дѣйствіе.

Заглянувъ въ старину, мы видимъ, что одни знаменитые писатели древности находили еще за нѣсколько сотъ лѣтъ до Р. Х., что ужаснѣе женщины нѣтъ ничего на свѣтѣ. Эврипидъ, напримѣръ, говорилъ громогласно. «Ужасна сила волнъ, которую море поднимаетъ въ своей ярости; не менѣе ужасно дыханіе огня; ужасны водовороты потоковъ; ужасна и нищета, и тысячи другихъ бѣдствій,—но все это менѣе ужасно, чѣмъ

*) Bas bleu.

женщина: нѣтъ красокъ, которыя могли бы изобразить это несчастіе, нѣтъ выраженій, которыя дали бы о ней понятіе»! Или въ такомъ родѣ: «О, еслибъ люди могли размножаться помимо женщинъ,—какимъ это было бы благодѣяніемъ для мужчинъ»! (Я такъ думаю, что женщины, какъ существа неразумныя, мечтали о томъ же въ обратномъ смыслѣ).

И это говорилось въ Греціи *) въ то время, когда женщина находилась въ самомъ приниженномъ положеніи; когда свобода ея была настолько стѣснена закономъ, что она не имѣла права выходить изъ своего помѣщенія (гинекея) за исключеніемъ нѣсколькихъ случаевъ, поименованныхъ въ законахъ; когда она даже не обѣдала съ отцемъ, мужемъ или братьями, при постороннихъ; когда самая колесница, доставившая молодую жену въ домъ мужа, тутъ же сжигалась, для видимаго указанія на ожидающее ее затворничество.

Въ другихъ странахъ и ранѣе, и позже, женщину находили достойной даже царствовать. Въ древней Германіи женщинѣ приписывали божескій даръ предвѣдѣнія и вліянія на судьбы человѣчества, а въ Англіи мужъ пользовался правомъ выводить свою жену, за извѣстные проступки продавать на рынокъ, съ веревкой на шеѣ. То она была угнетенной рабой, то являлась капризной владычицей и законодательницей сердецъ, то правительницею цѣлой страны, то прикрѣпленною законами къ домашнему очагу, какъ къ тюрьмѣ, какъ бы для доказательства убогости ея мозговъ. Мало того, что она была лишена всякой самостоятельности даже въ дѣлахъ своей собственности,—ея свидѣтельству законъ не дозволялъ вѣрить; ее не допускали ни въ храмъ, **) ни въ общество ни къ учебникамъ; всякое участіе въ общественныхъ дѣлахъ ей было воспрещено; въ наслѣдствахъ ее устраняли.

Повидимому самыя блестящія способности должны бы были притупиться при подобномъ давленіи отъ колыбели до могилы, а между тѣмъ женское вліяніе, невидимое и неосязаемое, проникало всюду, пока не касалось законнаго улучшенія ея общаго положенія.

Понадобились цѣлыя тысячелѣтія для того, чтобъ между мужчинъ нашлись заступники женскаго пола. Но они сперва не затрогивали вопроса справедливости, говоря только, что во имя собственныхъ интересовъ мужчины нельзя долѣе оставлять женщину въ невѣжествѣ, что это нелѣпо, потому что вредно отражается на цѣломъ обществѣ. Такимъ образомъ уже выясняется до нѣкоторой степени, какими цѣлями руководился первобытный мужчина, отказывая женщинѣ въ правахъ на знаніе.

---

*) Эврипидъ.

**) Maimonides: „La femme est indigne d'étudier la loi sainte“. 1705: De doctrina legis.

Къ чести образованнаго мужчины новѣйшаго времени, давно подготовлявшагося къ иному міровоззрѣнію, и отбросившаго старинные предразсудки праотцевъ, какъ непригодный хламъ,—передовые сѣятели новыхъ идей нашли множество сторонниковъ. Интеллигентный слой общества, находясь въ курсѣ вопросовъ древней исторіи человѣчества, понялъ, что, благодаря невѣрной основѣ въ понятіяхъ, древніе законодатели, дѣлая ошибку за ошибкой, дошли до того, что ужъ невозможно было и придумать такого положенія, въ которомъ женщина бы еще не побывала. Исключенія имѣются вездѣ и во всемъ, но когда смертный, сынъ своего времени, соображается въ своихъ дѣяніяхъ не съ разумомъ и идеей правды, но съ собственными склонностями и страстями, то и законы его должны созидаться и измѣняться сообразно личному темпераменту законодателя, сообразно вкусамъ и стремленіямъ, лежащимъ въ тѣсной связи со степенью его личнаго умственнаго развитія.

Путешественникамъ приходилось также наталкиваться на самыя рѣзкія въ этомъ отношеніи противоположности. Послѣ магометанскихъ женскихъ гаремовъ они видѣли воочію, въ центрѣ Африки и на югѣ Азіи, мужскіе гаремы, гдѣ властвовалъ женскій полъ. А у Монголовъ мужъ выгонялъ изъ своего дома забеременѣвшую жену, считая ее съ этого часа оскверненною, нечистою, порочною: (вотъ до чего доходитъ людское остроуміе)! У нѣкоторыхъ племенъ Океаніи распутство женщины придавало ей цѣнность; а въ Индіи ей предписывалась строжайшая вѣрность даже относительно покойника—мужа *). Наши миссіонеры еще не такъ давно писали изъ Китая о невозможности увѣрить Китайца, что у женщины такая же душа, какъ у него самого; а Магометъ обѣщаетъ рай съ женщинами за праведную жизнь на землѣ, изъ чего можно заключить, что женщинѣ не только будетъ мѣсто въ раю, но еще, что она будетъ тамъ состоять въ видѣ награды: или то, что для мужчины рай, будетъ для женщины адомъ?..

По нѣкоторымъ законамъ женщина не должна была даже въ мысляхъ допускать имени иного мужчины, кромѣ мужа, а по другимъ,—какъ на нѣсколькихъ островахъ Индѣйскаго океана,—и понынѣ не совсѣмъ выродились племена, гдѣ, по словамъ Мейнерса и Унгера,—у однихъ женщина должна принадлежать всему племени *сообща*, а у другихъ она состоитъ женою для всѣхъ членовъ одной семьи.

Изъ всего этого видно, что понятія о назначеніи женщины составлялись не только по мѣркѣ мужскихъ желаній, но еще и по чрезвычайно

---

*) Manou, V, 156, 157: „Apûsavoir perdi son époux, qu'elle ne prononce pas même le nom d'un autre homme".

разнообразной мѣркѣ, а это послѣднее обстоятельство само собою указываетъ на ихъ произвольность. О мнѣніи-же самой женщины, которой, казалось-бы, слѣдуетъ лучше всѣхъ знать о своемъ личномъ призваніи,—никто не справлялся: при господствѣ кулака она не смѣла о немъ заявлять.

Обидно за человѣка, когда подумаешь, что даже въ позднѣйшія времена жизненный вопросъ для женщины ставился ребромъ: «Если хочешь пользоваться тою малою дозою относительнаго счастія, въ которой тебѣ не отказываютъ,—старайся прежде всего научиться плѣнять мужчинъ, т. е. привлекать ихъ къ чувственной сторонѣ; успѣешь въ этомъ,—твое счастье, а не успѣешь,—пеняй на себя, потому что другого исхода для тебя нѣтъ!»

Болѣе смѣтливыя женскія натуры, изучая личность тогдашняго мужчины, понимали это безъ словъ, видѣли ежедневныя этому подтвержденія и принялись тѣмъ усерднѣе за подобную профессію, что она представляла собою и выгоду, и облегченіе, и занятіе, т. е. выходъ изъ тягостнаго положенія безучастности въ собственной и общественной жизни. Убѣждаясь все крѣпче и крѣпче, что вся сила въ красивой внѣшности, что никакія нравственныя, или умственныя качества женщины не перевѣшиваютъ красоты тѣлесной,—женщина стала наконецъ посвящать цѣлую жизнь на украшенія своей физической особы, въ чемъ ей ревностно помогало и воспитаніе опытныхъ въ этомъ дѣлѣ матерей. Такимъ образомъ, лишенная иного рода мозговой дѣятельности, она тысячелѣтіями тратила свои природные дары на то, чтобъ создать себѣ цѣли и дѣло въ предоставленной ей узкой рамкѣ; и чѣмъ была она талантливѣе, тѣмъ болѣе увлекалась пустяками, придавая имъ большое значеніе потому именно, что натура ея требовала дѣятельности.

Монтескье, французскій мыслитель, изучавшій философію права, по личному складу характера относился довольно грубо къ особѣ женщины вообще, но и онъ утверждалъ, что «*страны полигаміи, т. е. многоженства, суть осьдлыя мѣста для укорененія деспотическаго образа правленія; что въ этихъ мѣстахъ мужчина, повелитель въ своемъ гаремѣ,—является рабомъ во всемъ остальномъ. Тамъ-же, гдѣ женщина пользуется правами и уваженіемъ не изъ свѣтскихъ галантерейностей, но по чувству долга,—семья существуетъ не фиктивно, но въ полномъ составѣ, и добродѣтели ея процвѣтаютъ*». Существуетъ-ли на самомъ дѣлѣ жена и мать въ такой семьѣ, гдѣ одно лицо главы, взявшее себѣ всѣ порціи правъ, напрасно старается замѣнить собою недостающихъ членовъ?. Такое устройство не можетъ называться семьей, потому что изъ-за полноправной особы мужа остальныхъ членовъ ея совсѣмъ не видно.

Постараемся-же ознакомиться хоть вкратцѣ съ древними законами различныхъ народовъ, касавшимися женскаго пола, и прослѣдить, по возможности, на какихъ основаніяхъ они создавались, на какихъ поддерживались впослѣдствіи, и почему именно они всегда были такъ неблагосклонны къ женщинѣ. Кромѣ того, изъ самаго приципа законовъ мы увидимъ, входило ли въ ихъ цѣли намѣреніе защитить слабый полъ отъ произвола сильнаго, или-же они руководились только желаніемъ обезпечить удобствами сильный полъ, подчинивъ ему всесторонне слабый. Это послѣднее обстоятельство, если оно только существовало,—представляетъ немалый интересъ ужъ по одному тому, что наведетъ насъ на правильную оцѣнку человѣка въ его первобытномъ видѣ.

Общій взглядъ на прошлое.

Для ознакомленія съ давнопрошедшимъ мы имѣемъ нѣсколько источниковъ: 1) въ сохранившихся преданіяхъ; 2) въ описаніяхъ древнихъ путешественниковъ; 3) въ образѣ жизни и нравахъ еще существующихъ дикихъ племенъ Полинезіи, Африки, Азіи и Америки; 4) въ наукахъ, выработанныхъ настолько, что даютъ точныя опредѣленія о происхожденіи всего существующаго.—Какъ геологу не всегда требуется углубленіе въ почву для опредѣленія происхожденія породъ данной мѣстности и эпохи ихъ геологическаго образованія,—такъ и для историка нѣтъ надобности обращаться за свѣдѣніями къ современникамъ Авраама для опредѣленія ступени или эпохи умственнаго развитія населенія данной мѣстности: по образцу современнаго намъ полу-дикаря, историкъ вѣрно опредѣляетъ эпоху, которую онъ переживаетъ, и эта будетъ та самая, какую переживали, много вѣковъ назадъ, наши прародители.

Не всѣ народы шли одинаковыми шагами по пути прогресса мысли. Одни и понынѣ, въ вѣкъ крупныхъ реформъ для многихъ,—спятъ спокойнымъ сномъ на ступени образованія семьи; поэтому у нихъ еще не можетъ быть своей исторіи. Другіе дошли въ своей исторіи до системы монархизма, или республики, и только тутъ успокоились. Третьи примиряются съ деспотизмомъ, не имѣя силъ выбиться, и т. д. Иныя племена центральной Африки продолжаютъ жить точь въ точь такъ, какъ живали при Авраамѣ и Іаковѣ.—Наконецъ извѣстнымъ путешественникамъ удавалось посѣщать и такія селенія, гдѣ еще не имѣютъ понятія и о семьѣ, гдѣ люди живутъ еще въ полной умственной несостоятельности, изо дня въ день, безъ всякихъ помысловъ о завтрашнемъ, безъ надеждъ и сожалѣній, почти какъ звѣри. Они даже не подозрѣваютъ какъ велика земля,

кѣмъ заселена, а если и узнаютъ случайно, что по близости есть еще люди, то интересуются ими только изъ боязни, и всячески ихъ избѣгаютъ.

Подобный образецъ человѣка говоритъ самъ за себя, и нѣтъ повода предполагать, чтобы наши далекіе предки чѣмъ-нибудь отъ него отличались.

Относительно преданій имѣется также возможность отличить сказку отъ истины при помощи сравненій всего, что говорилось о данной странѣ древними и новыми путешественниками. У каждой націи есть свои преданія, изъ которыхъ одни сохранились въ ея пѣсняхъ, или сказкахъ, другія были такъ или иначе помѣчены, впослѣдствіи записаны, и такимъ образомъ открывалось многое изъ прошлаго страны.

Между древними путешественниками болѣе всѣхъ извѣстенъ Геродотъ, который провелъ много лѣтъ въ посѣщеніяхъ Египта, Ассиріи, Фракіи, Вавилона, Палестины, Македоніи, береговъ Евксинскаго (нынѣ Чернаго) моря, Италіи, — около 450 лѣтъ до Р. Х. Онъ ѣздилъ съ цѣлью писать исторію всего того, что видѣлъ, и написалъ ее въ десяти томахъ, составляющихъ такую драгоцѣнную историческую рѣдкость, что они переведены почти на всѣ языки. Даровитая и любознательная натура его сказывается въ этихъ многочисленныхъ разсказахъ; и можно ли имъ не вѣрить, когда онъ писалъ съ благородною цѣлью принести этимъ пользу потомству?.. Какъ бы довѣрчивъ онъ ни былъ, сообщенія его не могутъ быть далекими отъ истины. Не менѣе извѣстны и знамениты путешественники XVIII столѣтія: Кукъ (англичанинъ, посвятившій жизнь изслѣдованіямъ, въ 1779 году убитый туземцами береговъ Берингова пролива), Бугенвиль, Лаперузъ (французы, совершившіе по нѣскольку разъ кругосвѣтныя плаванія); и если эти и другія изслѣдователи, раздѣленные промежутками времени въ нѣсколько сотъ лѣтъ, пріѣзжавшіе въ ту же мѣстность съ разныхъ сторонъ, отзывались о ней почти одинаково, — къ нимъ можно отнестись съ довѣріемъ.

Такъ, напримѣръ, у Геродота, въ мемуарахъ географа Страбона (черезъ 400 лѣтъ) и у Діодора Сицилійскаго, писавшаго почти вплоть до Рождества Спасителя, значится одно и тоже, а именно, что кочевыя племена Африки не имѣли понятія о бракѣ и совокуплялись вездѣ, на подобіе звѣрей и птицъ; а когда дѣти подростали, племя ихъ причисляло къ тому изъ взрослыхъ, съ которымъ они имѣли наиболѣе сходства, такъ какъ невозможно было узнать, кто изъ племени ихъ дѣйствительный отецъ. То же самое говоритъ Геродотъ и другіе путешественники объ Авзонахъ, о прибрежныхъ жителяхъ Евксинскаго моря и о Скиоіи (нынѣшнія южныя части Россіи и Сибири, занимаемыя въ древности народами турецко-татарскаго происхожденія).

Совершенно схожее состояніе нравовъ встрѣчаемъ мы въ описаніяхъ Далмаціи, подошвы Кавказа, Британіи, Ирландіи и Болеарскихъ острововъ.

Историкъ Теопомпъ, оставившій потомству общее описаніе нравовъ многихъ странъ до своего времени (онъ написалъ также исторію Греціи*), сообщаетъ, что «въ древней Италіи женщины были общимъ достояніемъ опредѣленной мѣстности, и дѣти воспитывались также сообща, потому что ни одинъ отецъ не могъ знать, который ребенокъ его».

Не менѣе знаменитый ученикъ Сократа, Ксенофонтъ, и греческій поэтъ Аполлоній подтверждаютъ это. Еслибъ разрушительныя войны, на которыя наши предки были такъ падки, не уничтожали, вмѣстѣ съ остальнымъ, и множества дорогихъ для потомковъ изслѣдованій и документовъ,—вѣроятно можно было бы найти цѣлыя сотни авторитетныхъ доказательствъ, о которыхъ многіе ученые упоминаютъ вскользь,—что о бракѣ и семьѣ не было и помину въ глубокой древности. Хотя нѣкоторые историки приписываютъ первое постановленіе брака, съ обязательною для обоихъ половъ вѣрностью, Кекропсу, или Кекропію, миѳическому родоначальнику царей Аттики, научившему своихъ родичей и земледѣлію, но привился онъ, повидимому, гораздо позднѣе.

Въ этотъ періодъ времени женщина во многихъ мѣстностяхъ, по свидѣтельству многочисленныхъ авторовъ историческихъ описаній**), ничѣмъ не была связана съ мужчиною, и ни въ чемъ отъ него не зависѣла. Отсутствіе семейныхъ обязанностей и постановленій законовъ, еще не существовавшихъ, дѣлали ее совершенно свободной въ обществѣ людей, не знавшихъ, равнымъ образомъ, никакихъ общественныхъ учрежденій. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ она являлась даже вліятельнѣе и могущественнѣе мужчины, такъ какъ дѣти, при неизвѣстности отцевъ, принадлежали матерямъ, и несложныя тогдашнія генеологіи производились по женскимъ линіямъ.

Къ греческимъ и римскимъ историкамъ присоединяются, для подтвержденія подобнаго положенія вещей, и путешественники новаго времени: Дюмонъ Д'юрвиль, Ляфитò, Ріэнци, Кукъ; кромѣ того — Эсхинъ (ученикъ философа Карнеада), оріэнталистъ Клапротъ, Беттигеръ—археологъ, Гаммеръ-Пургшталь—оріэнталистъ. Они сообщаютъ о нѣкоторыхъ племенахъ Новой Зеландіи, Австраліи, Маркизскихъ острововъ. О жителяхъ Таити нѣкоторые изъ нихъ отзываются какъ о людяхъ весьма кроткихъ, совѣстливыхъ, вѣрующихъ въ безсмертіе души, но не понимающихъ чувства стыда въ половомъ отношеніи, и живущихъ среди самаго возмути-

*) Около 300 лѣтъ до Р. Х.

**) Геродотъ, I, стр. 173; Дама, III, стр. 461; Гераклитъ, II, стр. 217; Полибій, Плутархъ и др.

тельнаго,— по нашимъ понятіямъ,— разврата, при самыхъ невинныхъ на него взглядахъ.

Другіе пишутъ о подобномъ же состояніи правовъ у племенъ Западной Индіи, на островахъ Товарищества и Маріанскихъ, прибавляя, что женщина тамъ независима, имѣетъ власть, принимаетъ участіе въ большинствѣ мужскихъ трудовъ, не исключая и войны, пользуется голосомъ въ судилищахъ и совѣтахъ племени, и что генеологія и родство ведутся у нихъ по женскому полу, а дѣти принадлежатъ не отцу, а матери *).

Легенда о нѣкогда существовавшихъ Амазонкахъ (съ ихъ царицами, основавшими много городовъ; съ ихъ интересами, по поводу коихъ онѣ имѣли столкновенія съ Тезеемъ, Киромъ и Александромъ; съ ихъ обычаемъ подбрасывать сосѣдямъ дѣтей мужского пола, оставляя при себѣ только женскій) принимаетъ также у нѣкоторыхъ весьма уважаемыхъ тружениковъ по исторіи характеръ дѣйствительности, и совершенно совпадаетъ съ тѣми невымышленными мѣстностями, гдѣ водились женскія общины **). Существованіе Амазонокъ предполагаютъ въ Скиѳіи, въ Либурніи, на Кавказѣ и по берегамъ Евксинскаго моря. Придавая, или нѣтъ, вѣру этому послѣднему, въ общемъ трудно не признать, что было время, когда положеніе человѣческихъ обществъ не походило на настоящее, и фактъ этотъ относится къ тому длинному періоду, когда еще не былъ введенъ бракъ и семейная жизнь съ наложенными на нихъ обязанностями.

Но за много тысячъ лѣтъ до этого состоянія людей, уже раздѣлившихся на племена,—было время, когда не только людей, но и животныхъ не существовало на землѣ.

Имѣется много научныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ ученые спеціалисты могли опредѣлить прежнее состояніе земного шара. Благодаря громадѣ ихъ трудовъ, и мы можемъ узнать, какимъ переворотамъ и измѣненіямъ подвергалась наша земля за нѣсколько десятковъ тысячъ лѣтъ назадъ.

Вотъ гипотеза ***) исторіи образованія земного шара:

---

*) Разногласій въ этой области знанія очень много: у каждаго изслѣдователя древнихъ формъ половыхъ союзовъ свой методъ, своя точка зрѣнія, свои толкованія (См. Летурно, Морганъ, Бахофенъ, Соссюнъ, Girard-Teulon, Эспинасъ, Масперо, Вестермаркъ, Макъ-Леннанъ, Энгельсъ). Они стремятся узнать исторію установленія брака, моя же цѣль — узнать господствовавшія отношенія половъ, принесшія извѣстныя послѣдствія.

**) Геродотъ, Дама, Клеаркъ.

***) Гипотезою называется предположеніе, основанное на научныхъ данныхъ.

Изъ огненной массы солнца нѣкогда отдѣлилась часть, которая, отъ быстраго движенія вокругъ своей оси, начала постепенно охлаждаться. Подобныя явленія, т. е. отдѣленія частей отъ солнца, происходили неоднократно во всѣ времена; они продолжаются и понынѣ, образуя новыя планеты. Съ теченіемъ времени, отъ такого охлажденія наружной оболочки вертящагося шара, образовалась тонкая кора. Все это извѣстно и доказано; но въ силу какого именно закона природы это совершалось и совершается, а также изъ чего состоитъ солнце, и какъ оно образовалось,—все это составляетъ пока секретъ мірозданія. Астрономы, непрестанно слѣдя за движеніемъ небесныхъ тѣлъ, нашли способы опредѣлять изъ какихъ веществъ состоятъ планеты, на какомъ разстояніи находятся отъ насъ, какую имѣютъ плотность и прочее. Но подробности здѣсь не у мѣста; я хочу только указать на ту крайнюю постепенность, съ которою все совершалось на нашей планетѣ.

Пока земная кора была тонка, жаръ на земномъ шарѣ былъ такъ великъ, что не только ни одно животное, но и никакое растеніе не могло на немъ существовать. Ихъ и не было. Испаренія, исходившія отъ охлажденія раскаленной внутренности земли, окружали ее густыми, горячими парами, не пропускавшими солнечнаго свѣта. Но, по мѣрѣ охлажденія, слой твердой наружной коры утолщался, а вслѣдствіе этого и внутренній жаръ не такъ сильно нагрѣвалъ поверхность. Въ то же время и пары уменьшались, давая солнечнымъ лучамъ доступъ до поверхности. Вся масса первоначальныхъ паровъ подвергалась тѣмъ же физическимъ законамъ, не измѣнившимся и понынѣ: частицы легкаго пара поднимались, охлаждались, сливались въ капли, и отъ собственной тяжести снова падали на землю въ видѣ дождя. Такъ какъ подобное передвиженіе водяныхъ паровъ было въ то время безпрерывно, то и дожди никогда не прекращались, такъ что земля представляла одно сплошное болото. Все это продолжалось тысячелѣтіями, которыхъ прошло много, прежде чѣмъ густые туманы разсѣялись, и земля стала нагрѣваться солнечными лучами болѣе, чѣмъ своимъ раскаленнымъ ядромъ. Тогда начали появляться низшіе виды растеній: мхи, лишаи, хвощи и т. п.

Послѣ длиннаго ряда переходовъ отъ низшихъ растеній къ высшимъ, начали появляться низшіе виды животнаго царства съ самой несложной организаціей. Нѣкоторыя изъ наливочныхъ животныхъ, невидимыхъ безъ увеличительныхъ стеколъ, живутъ всего нѣсколько часовъ, и въ этотъ короткій срокъ успѣваютъ возмужать и оставить потомство.

Далѣе пошли кораллы, у которыхъ замѣчается кишечный каналъ; затѣмъ мелкія животныя, снабженныя уже головами. Послѣ всѣхъ появи-

лись млекопитающія животныя, совершенствовавшіяся въ свою очередь съ большою постепенностью.

Подобный прогрессъ замѣчается и понынѣ. Въ природѣ, повидимому, существуетъ какой-то таинственный законъ, по которому все живущее должно совершенствоваться; оно какъ будто восходитъ со ступени на ступень по невидимой лѣстницѣ, и человѣку, какъ одаренному богаче остальныхъ животныхъ, безъ сомненія предстоятъ великіе труды мысли, по всей вѣроятности даже цѣлый переворотъ воззрѣній, прежде чѣмъ онъ постигнетъ наконецъ задачу своего бытія! Но и это послѣднее пока составляетъ только желательный вопросъ будущаго.

Человѣкъ является послѣднимъ и совершеннѣйшимъ существомъ на землѣ.

Но первобытный человѣкъ не былъ похожъ на нынѣшняго царька земли. Не имѣя никакого опыта, не владѣя никакимъ орудіемъ, кромѣ собственныхъ зубовъ, кулаковъ и ногтей, онъ и наружнымъ видомъ долженъ былъ напоминать обезьяну: волосы его, незнакомые со стрижкой, росли и путались, дѣлая его голову всегда всклокоченной; онъ зацѣплялся ими, при поискахъ пищи, за все, такъ что колючія, ползучія и липкія растенія оставляли свои частицы въ спутанныхъ волосахъ. Надо также думать, что природа, надѣлившая всякихъ животныхъ броней отъ непогоды въ видѣ шерсти, перьевъ или чешуи,—не оставила беззащитнымъ и первобытнаго человѣка, не имѣвшаго никакой одежды: по всей вѣроятности тѣло его было покрыто такою-же шерстью, какъ и у прочихъ животныхъ.

Незнакомый съ окружавшей его природой, не владѣя тѣмъ разумомъ, который послѣдующіе люди пріобрѣтали постепенно, получая изъ поколѣнія въ поколѣніе готовыми понятіями,—первобытный человѣкъ долженъ былъ изъ врожденнаго чувства самосохраненія вырабатывать силу въ рукахъ, ногахъ, зубахъ и ногтяхъ (вѣрнѣе — когтяхъ), чтобы выучиться быстрѣе бѣгать, плавать, дѣлать прыжки, лазить на деревья, скакать съ нихъ, ползать, — для добыванія пищи и спасенія отъ хищныхъ звѣрей. Слѣдовательно, не хозяиномъ, но дикимъ, жалкимъ и безпомощнымъ бродилъ будущій баринъ по лѣсамъ, среди неизвѣстныхъ, страшныхъ для него явленій, среди непрестанныхъ опасеній быть пойманнымъ и уничтоженнымъ которымъ-нибудь изъ сильнѣйшихъ звѣрей. Онъ долженъ былъ и жительствовать, какъ звѣрь, въ логовищахъ, въ природныхъ пещерахъ, на деревьяхъ, въ ямахъ, или въ грубыхъ шалашахъ *).

*) Еще не такъ давно дикія племена Гварауновъ, въ Южной Америкѣ, жили на деревьяхъ, какъ наши прародители. Оттомаки также представляютъ собою образецъ полной дикости человѣка, его близости къ скоту.

Въ первые вѣка своей жизни человѣкъ, пугаясь каждаго непонятнаго для него явленія природы, принималъ его за живую силу; а такъ какъ онъ не зналъ предѣловъ этой непонятной силы, не зналъ почему и откуда она является, сознавая только то, что самъ онъ передъ нею безсиленъ, онъ счелъ ее за высшее существо, властное надъ его судьбою. Не будучи въ состояніи представить себѣ силы безъ плоти, онъ воплотилъ ее въ своемъ воображеніи и сталъ ей поклоняться, чтобы умилостивить къ себѣ. Такимъ образомъ, первою религіею человѣка былъ политеизмъ, т. е. многобожіе, которое впослѣдствіи разрослось до признанія за боговъ болѣе 25,000 предметовъ. Политеизмъ практиковался въ трехъ родахъ: поклоненіе небеснымъ свѣтиламъ, называемое *собеизмомъ*, поклоненіе рѣкамъ, животнымъ, огню и т. п. предметамъ — *фетишизмомъ*, а поклоненіе кумирамъ, идоламъ — *идолопоклонствомъ*. Этотъ разнообразный политеизмъ существуетъ до сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ. Люди признали единаго Бога только тогда, когда стали способными къ отвлеченнымъ понятіямъ, когда умъ ихъ уже значительно расширился. Какимъ законамъ подлежитъ каждый отдѣльный человѣкъ, такимъ точно подлежитъ и все человѣчество, имѣющее также свое младенческое состояніе, свою зрѣлость и опытную старость. Дитя не можетъ представить себѣ Бога иначе, какъ въ формѣ человѣка, потому что разсудокъ его еще коротокъ, не развитъ.

Нужда есть лучшій учитель въ жизни человѣка: она естественно двигаетъ его по пути прогресса; она развиваетъ, изощряетъ его умственныя способности; безъ ея вмѣшательства, послужившаго первымъ толчкомъ къ мышленію, духовныя силы человѣка спали бы среди окружающей ихъ со всѣхъ сторонъ жизни: отъ этого нуждающійся человѣкъ всегда прогрессируетъ быстрѣе обезпеченнаго, какого бы рода ни была его нужда.*)

Она же заставила первобытнаго человѣка искать орудій помимо кулаковъ, зубовъ и когтей. Приноровившись употреблять острые камни для обработки камней же, онъ началъ обтесывать себѣ орудія первой необходимости, нѣсколько похожія формою на нынѣшній ломъ, кирку, и даже топоръ. Такая проба была первымъ шагомъ, доказывавшимъ превосходство его въ умственной сферѣ надъ прочими животными.

---

*) Изъ этого позволительно сдѣлать болѣе или менѣе правдоподобный выводъ: нужда составляетъ для человѣческаго ума тотъ рычагъ, посредствомъ котораго онъ ставится способнымъ развиваться до безконечности. Только при знакомствѣ съ нуждою, онъ находится въ нормальномъ состояніи, такъ какъ путемъ нужды онъ научается узнавать все что справедливо, здорово и полезно.

У береговъ нѣкоторыхъ морей, рѣкъ и озеръ позднѣйшіе изслѣдователи находили, при раскопкахъ, остатки грубыхъ рыболовныхъ снастей изъ камня, костей и роговъ, и тутъ же цѣлыя груды рыбьихъ костей и раковинъ, изъ чего заключили, что въ самыя отдаленныя времена человѣкъ уже питался рыбой, придумавъ средства ее добывать. Находили также пещеры, и въ нихъ слѣды угля, пепла, каменныя орудія, а близъ грубыхъ очаговъ изъ камня — кремни. Это послужило доказательствомъ умѣнья человѣка добывать огонь еще въ тѣ времена, когда употребляли каменныя орудія (Все это долгое время употребленія каменныхъ орудій называется *каменнымъ періодомъ* въ исторіи общечеловѣческой цивилизаціи).

Слѣдовательно, и въ каменный періодъ люди уже переставали жить на деревьяхъ, или подъ ними, а выбирали природныя пещеры, защищенныя отъ непогодъ, гдѣ хоть временно вели осѣдлую жизнь. Конечно, въ разныхъ мѣстностяхъ люди устраивались различно.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія въ нѣкоторыхъ озерахъ Швейцаріи вода убыла такъ сильно, что тамошнимъ старожиламъ не приходилось ни видѣть, ни слышать на своемъ вѣку ничего подобнаго. Въ это время въ Цюрихскомъ озерѣ замѣтили обнажившіеся ряды какихъ-то подводныхъ свай, назначенія которыхъ никто не могъ объяснить. Разумѣется, принялись изслѣдовать это интересное открытіе, и по мѣрѣ углубленія нашли ясные слѣды присутствія тутъ человѣка отдаленныхъ временъ. Здѣсь были орудія, остатки построекъ, кости отъ съѣденныхъ животныхъ, концы когда-то сплетенныхъ веревокъ, даже лоскутья грубыхъ тканей изъ пеньки. Эти большія постройки изъ деревьевъ, повидимому, пострадали отъ пожара.

Схожія съ этими постройки находили и въ другихъ мѣстахъ. Орудія въ нихъ были каменныя, — слѣдовательно, еще въ каменный періодъ, по крайней мѣрѣ, въ концѣ его, люди ужъ строили себѣ жилища, знали употребленіе веревокъ, умѣли прясть и ткать. Остатки выдолбленныхъ каменныхъ ступъ и зерна пшеницы и ячменя указывали на то, что ихъ перетирали, или толкли. Свайныя постройки были укрѣплены въ грунтѣ, подъ водой, затѣмъ продолжались до поверхности водъ, гдѣ представляли жилища гораздо замысловатѣе нашихъ деревенскихъ избъ. Ихъ находили, кромѣ Швейцаріи, въ озерахъ Даніи, Германіи, Италіи, Великобританіи, и приписываютъ уже концу длиннаго каменнаго періода.

Что первыя орудія свои для разрѣзанія животныхъ, для рубки лѣса и другихъ нуждъ люди дѣлали изъ камня,—извѣстно достовѣрно. Въ это время они еще и не подозрѣвали о возможности добывать и обработывать металлы. Только черезъ промежутокъ времени, примѣрно, въ нѣсколько

тысячъ лѣтъ они дошли до умѣнья выдѣлывать орудія изъ бронзы, а съ желѣзомъ ознакомились уже гораздо позднѣе.

Въ прошломъ столѣтіи наши недалекіе предки, раскапывая землю для своихъ надобностей, сначала случайно натыкались на могилы болѣе или менѣе древнихъ народовъ, гдѣ находили разныя вещи и орудія. Такъ какъ было извѣстно, что наши праотцы держались обычая класть въ могилу любимыя вещи покойника, то начали раскапывать намѣченныя мѣста ужъ прямо съ научными цѣлями.

Какъ въ настоящее время, такъ и въ прошедшее, — вновь изобрѣтаемые предметы жизненнаго удобства сперва доступны, по цѣнѣ, одному зажиточному сословію, и только черезъ нѣкоторое время они становятся общимъ достояніемъ. Поэтому, когда и въ богато убранныхъ, и въ бѣдныхъ могилахъ находили одинъ каменныя вещи,—можно было заключить, что другихъ въ то время не существовало. Но попадались и такія мѣста погребенія, гдѣ только въ бѣдныхъ могилахъ находили каменныя вещи, тогда какъ въ богатыхъ имѣлись и бронзовыя. Наконецъ, иные изслѣдователи открывали, что въ самыхъ богатыхъ могилахъ, кромѣ бронзовыхъ, встрѣчались и желѣзныя вещи. Изъ этого нельзя не заключить, что прежде всего употреблялись каменныя орудія, затѣмъ бронзовыя, и только впослѣдствіи познакомились съ желѣзомъ.

Для обозначенія эпохи жизни народовъ люди науки раздѣлили исторію развитія человѣчества на три главныхъ періода, сообразно съ употреблявшимся для издѣлій матеріаломъ: каменный періодъ, бронзовый и желѣзный.

Когда человѣкъ дошелъ до умѣнія выражать свои мысли письменно,— все, только что здѣсь описанное, подтвердилось.

Нечего и говорить, что съ теченіемъ времени люди постепенно совершенствовали свои произведенія, въ томъ числѣ и письменные знаки. Сперва говорить о чемъ-нибудь письменно было дѣломъ труднымъ и сложнымъ, потому что требовалось много времени и труда для изученія этого искусства. Первоначальные знаки были многочисленны, разнообразны и настолько замысловаты, что немногіе могли ихъ упомнить. (У Китайцевъ и до сихъ поръ нѣсколько тысячъ комбинацій знаковъ; за то тому, кто ихъ успѣшно изучилъ, предоставляются тамъ большія преимущества передъ другими).

Въ первоначальныхъ, наиболѣе трудныхъ письменныхъ знакахъ уже почти не упоминается о каменныхъ орудіяхъ, совершенно выведенныхъ въ то время изъ употребленія, а говорится только о бронзовыхъ. Въ послѣдующихъ же письменахъ, называемыхъ іероглифами, говорится уже о введеніи желѣзныхъ орудій. Это доказываетъ, что письмена были изобрѣ-

тены въ бронзовый періодъ, далеко послѣ каменнаго, тогда какъ іероглифами писали уже при наступленіи желѣзнаго періода. Іероглифы составляютъ цѣнный документъ для изученія древности.

Путешественники разсказываютъ, что нынѣшніе дикари, до сихъ поръ незнакомые съ употребленіемъ желѣза, приходили въ такой восторгъ при видѣ желѣзныхъ орудій, что охотно давали цѣнную звѣриную шкуру, или слоновый клыкъ за пару гвоздей*); а за топоръ готовы были отдавать самыя дорогія для нихъ вещи.

Нельзя не предполагать, что въ первобытныя времена женщина жила на положеніи обыкновенной животной самки, и самецъ овладѣвалъ ею безъ разговоровъ. Однако, надо думать, что дальнѣйшее его обращеніе съ нею находилось въ зависимости и отъ его личнаго темперамента, и отъ условій мѣстностей, среди которыхъ оба жили. Имѣются данныя, по которымъ можно заключить, что одни самцы (они еще мало походили на человѣка) обращались съ своими самками жестоко, порабощали ихъ, заставляли добывать пищу на двоихъ, работать за двоихъ, устроивать жилище, доставать топливо; а такъ какъ самкамъ приходилось еще кормить дѣтей, которыхъ онѣ не покидали, таская за собою всюду, — бѣднымъ жертвамъ жизнь доставалась весьма тяжело.

Другіе самцы, подъ вліяніемъ неизвѣстныхъ причинъ, жили съ своими самками полюбовно, миролюбиво, защищали ихъ отъ нападеній другихъ самцевъ и не эксплуатировали ихъ трудами. Многіе ученые утверждаютъ, что первобытный человѣкъ питался не мясною, а растительною пищею тамъ, гдѣ климатъ это дозволялъ. Онъ ее употреблялъ въ сыромъ видѣ, пока не умѣлъ добывать огня; и только впослѣдствіи, когда онъ изловчился ловить птицъ, или настигать звѣрей, онъ сталъ охотиться и употреблять мясную пищу. Родъ пищи не могъ не вліять на общій складъ его характера.

Всѣ послѣдствія условій жизни самки, вмѣстѣ съ темпераментомъ обоихъ половъ, передавались въ потомство, о которомъ, благодаря прежнимъ и новымъ изслѣдованіямъ, есть точныя свѣдѣнія весьма любопытнаго свойства.

Былъ ли въ состояніи первобытный человѣкъ, полу-звѣрь, постигнуть свое высшее назначеніе? Принужденный обстоятельствами, лежавшими внѣ его власти, жить среди непрестанныхъ опасеній быть растерзаннымъ,

*) Корабельныхъ.

убитымъ, настигнутымъ, быть постоянно на-готовѣ къ самозащитѣ, или отпору—онъ въ тѣ времена долженъ былъ естественно считать физическую силу своимъ лучшимъ даромъ и украшеніемъ: она помогала ему во всѣхъ случаяхъ его несложной жизни. А вслѣдствіе такого позволительнаго, въ тѣ времена, убѣжденія, онъ счелъ женскій полъ ниже своего, и хотя женщина, раздѣляя его труды, совершала и другіе, — поставилъ себя надъ нею хозяиномъ. Отъ него нельзя было и ожидать ничего большаго: по недомыслію онъ принялъ свой талантъ за право, и воспользовался имъ, подчинивъ жену своей власти. И не только жену, но и дѣтей, и родителей своихъ, когда они ослабѣвали, и весь слабосильный полъ онъ счелъ естественнымъ подчинять волѣ сильнаго. Не видя ни откуда отпора, мужчина, съ теченіемъ времени, пошелъ дальше: своихъ товарищей по набѣгамъ, помощниковъ своего относительнаго благосостоянія, онъ также счелъ созданными для себя, для своихъ личныхъ цѣлей, и если оказывался дѣйствительно сильнѣе физически, то ставилъ себя какъ бы собственникомъ всѣхъ этихъ свободныхъ жизней еще гораздо ранѣе того времени, когда общество стало нуждаться въ законныхъ вождяхъ.

Исторія, развертывая передъ нами весь порядокъ хода человѣческихъ дѣяній, указываетъ и на постепенныя перемѣны, совершавшіяся въ понятіяхъ человѣка по мѣрѣ его умственнаго развитія и пріобрѣтенія коекакихъ знаній. Но здѣсь идетъ рѣчь не о томъ отдѣлѣ исторіи, съ которымъ насъ знакомятъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Та исторія исчерпываетъ политическую дѣятельность древнихъ воинственныхъ народовъ, обогащавшихся на счетъ бѣдствій своихъ сосѣдей, признававшихъ за высокую цѣль жизни расширеніе своихъ владѣній и считавшихъ воинственную славу желательнѣе всякой другой. Та исторія открыла намъ звѣроподобіе человѣка въ его отношеніяхъ къ ближнимъ мужскаго пола, къ людямъ, одареннымъ не только одинаково, но и тождественно. Здѣсь же мы постараемся ознакомиться съ тѣмъ, что должно было вызвать къ дѣятельности сердце человѣка; съ тѣмъ, чему, повидимому, предназначено очеловѣчивать его, т. е. смягчать, облагораживать его грубость посредствомъ чувства любви, тѣсно связывающей его съ женою и дѣтьми. Чѣмъ ознаменовалъ себя древній человѣкъ съ этой стороны?

Г. Летурно, профессоръ антропологіи въ Парижѣ, проводитъ интереснѣйшую параллель между инстинктомъ собственности и инстинктомъ любви.

«Какъ тотъ, такъ и другой,—говоритъ онъ,—первобытны, лежатъ въ самой природѣ человѣка, и оба составляютъ естественное проявленіе общаго чувства стремленія къ самосохраненію. Оба могутъ имѣть форму самаго грубаго эгоизма, и оба могутъ идеализироваться до высшихъ альтруистическихъ стремленій».

Поэтому г. Летурнò поставилъ эпиграфомъ своей книги великое изреченіе графа Клода Сенъ-Симона, одного изъ самыхъ крупныхъ мыслителей начала. «Собственность есть соціальный фактъ, и какъ таковой— подлежитъ закону прогресса».

«Въ общемъ ходѣ своего умственнаго развитія, — продолжаетъ г. Летурнò,—человѣческія понятія развивались и шли отъ сложныхъ, метафизическихъ, къ простымъ и яснымъ, но высшимъ по отношенію къ нравственности. Въ вопросѣ же о правахъ собственности человѣчество шло какъ будто обратнымъ ходомъ, т. е. переходило отъ коллективной собственности, высшей по типу, — къ частной; притомъ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе человѣчество шло къ неравномѣрному распредѣленію собственности между равноправными по природѣ людьми».

Г. Летурнò объясняетъ это тѣмъ, что какъ ни безоруженъ и слабъ умомъ былъ первобытный человѣкъ, но онъ, сравнительно, скоро понялъ, что ему во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе сближаться съ себѣ подобными: соединяясь между собою, первобытные люди дѣлали и владѣнія, и добычи свои общею, равноправною собственностью. Но впослѣдствіи, когда они почувствовали себя болѣе или менѣе обезпеченными, нѣкоторыя единичныя лица стали находить такую общую собственность для себя стѣснительною. Тогда началась борьба старыхъ началъ съ новыми, болѣе эгоистическими, и кончилась она въ пользу личной собственности, продолжающей и понынѣ свое развитіе до мельчайшихъ подробностей права. Но г. Летурнò не считаетъ эту фазу борьбы законченной, онъ видитъ несомнѣнную возможность иной, болѣе справедливой и высшей, въ смыслѣ альтруизма, формы собственности въ будущемъ. «Право собственности, — говоритъ онъ,—изображаетъ собою гиганта, лежащаго подъ вулканомъ, и каждое движеніе его производитъ землетрясеніе». Справедливость этого была доказана уже не одинъ разъ.

Право собственности вообще настолько присуще животному организму, что встрѣчается даже между низшими, противъ человѣка, животными. Грызуны дѣлаютъ запасы, къ которымъ никто не смѣетъ прикоснуться, такъ какъ каждый грызунъ-хозяинъ ревностно защищаетъ свою собственность. Мы часто видимъ, какъ злобно отстаиваетъ собака ту кость, которую она сама зарыла, потому что она считаетъ эту кость своею собственностью. У многихъ звѣрей есть свои собственныя логовища, куда они не допустятъ поселиться другого. У многихъ птицъ имѣются собственныя гнѣзда, которыя онѣ каждый годъ подновляютъ, не уступая ихъ другимъ безъ борьбы. Между умнѣйшими изъ звѣрей замѣчается также сознательное воровство: слѣдовательно, они до извѣстной степени понимаютъ, что посягаютъ на чужую собственность.

Г. Летурнò полагаетъ, что у человѣка чувство ревности есть также не что иное, какъ видоизмѣненіе развитаго инстинкта личной собственности. (По всей вѣроятности, на этой же основѣ создалась и подчиненность женщины: мужчина счелъ ее своею собственностью).

Г. Летурнò признаетъ 4 главныхъ фазиса нравственнаго развитія человѣка:

Въ первомъ — исторія застаётъ его стоящимъ не выше, но еще нѣсколько ниже шимпанзе и гориллы, которые все-таки не пожирали другъ друга, тогда какъ людоѣдство существовало долго.

Во второмъ фазисѣ — люди замѣнили пожираніе побѣжденныхъ невольничествомъ, т. е. побѣдитель дѣлалъ изъ побѣжденнаго раба, родъ домашней скотины. Вообще этотъ фазисъ характеризуется стремленіемъ къ неограниченной власти одного человѣка надъ другимъ и полнѣйшимъ отсутствіемъ пониманія равноправности каждой человѣческой единицы на свободу. Вслѣдствіе умственной незрѣлости любая воинственная единица, которой удача, хитрость, или дерзкая смѣлость помогли одолѣть сосѣдей, даже единоплеменниковъ, начинала считать себя привиллегированною свыше, а такъ какъ пострадавшіе часто не смѣли этому не вѣрить,—единица закрѣпляла себя владыкою всего окружающаго.

Въ *третьемъ* фазисѣ показались границы для необузданныхъ хотѣній, а черезъ это смягчились, до извѣстной степени, и общіе нравы. Понятія о преступленіяхъ, о наказаніяхъ за то, что прежде считалось естественнымъ порядкомъ вещей, — нѣсколько культивировали личность человѣка.

Наконецъ, *четвертый* фазисъ,—нашъ, quasi—цивилизованный.

Но самое примѣненіе такого названія высшей культуры человѣка къ нашему обществу доказываетъ, что большинство людей еще плохо усвоиваетъ многостороннее значеніе настоящей цивилизаціи, если принимаютъ, такъ сказать, частный научный прогрессъ, притомъ весьма мало распространяемый, — за общую цивилизацію. Въ наше время, правда, нѣтъ и слѣдовъ людоѣдства, и ни одинъ трезвый умомъ человѣкъ не поѣдаетъ плоти ближняго, даже не знаетъ вкуса человѣческаго мяса; но не подбирающихся другъ подъ друга для поѣданій иного рода изъ-за всего, что кажется лестнымъ, или завиднымъ,—весьма мало. Это у насъ называется естественною борьбою за существованіе: какъ будто человѣку необходимо скучиться до невозможности для того, чтобъ быть сытымъ, здоровымъ и полезнымъ! Въ наше время всякаго, посягающаго на жизнь ближняго безъ особаго разрѣшенія, — строго осуждаетъ и законъ, и общество: его преслѣдуютъ, наказываютъ, ссылаютъ; зато у насъ еще существуютъ войны, гдѣ не только считается позволительнымъ избивать и калѣчить ближнихъ, несогласныхъ съ нашимъ мнѣніемъ, но еще чѣмъ больше ты

ихъ наколотишь, не щадя своего живота, тѣмъ больше тебѣ похвалы отъ цивилизованнаго отечества. О такихъ подвигахъ весь вѣкъ вспоминается съ восторгомъ, и разсказываютъ о нихъ съ гордостью. Даже дѣти мужского пола любятъ у насъ играть въ солдатики разныхъ національностей, предвкушая будущія наслажденія. Равнымъ образомъ, въ нашъ просвѣщенный вѣкъ всѣ понимаютъ, что нарушеніе седьмой заповѣди составляетъ грѣхъ, и въ немъ исповѣдуются передъ священникомъ повсюду; но чѣмъ ближе къ крупнымъ центрамъ всѣхъ странъ христіанскаго вѣроисповѣданія, тѣмъ роскошнѣе обстановка извѣстныхъ домовъ, гдѣ каждому, имѣющему въ карманѣ деньги, открыто пированіе до пѣтуховъ. Посѣтителямъ всякаго сословія и въ головушку не приходитъ, насколько они оскверняютъ Божій даръ и человѣческое достоинство въ себѣ и другихъ. Наконецъ, нынче всѣмъ сталъ извѣстнымъ утѣшительный фактъ, что торговля невольниками прекращена повсемѣстно, и что теперь, слава Богу, не дозволено покупать рабовъ ни за какія деньги; а между тѣмъ нѣтъ такой цивилизованной страны, въ которой нельзя было бы купить людей, даже вмѣстѣ съ ихъ совѣстью, для достиженія личныхъ цѣлей, какъ бы непозволительны онѣ ни были. Въ вопросѣ прекращенія торговли людьми участвовали только единицы, много что десятки, слѣдовательно, имъ принадлежитъ и честь; общества же, въ сущности, перемѣнили только имена покупателей и продавателей, переводя право торговли на своихъ членовъ: каждый торгуетъ собою самъ, не предоставляя этого другимъ. Вопросъ поставленъ, разумѣется, правильнѣе, но личность человѣка не становится отъ этого цивилизованнѣе.

Степень цивилизаціи страны можно довольно вѣрно опредѣлять при помощи получающагося отвѣта на вопросъ: кого въ ней признаютъ за великаго человѣка, за генія?.. И если вамъ отвѣтятъ, напримѣръ, что выше всѣхъ почитаютъ Аннибала, то вы, конечно, не ошибетесь, предполагая, что въ этой странѣ еще мало знакомы съ цивилизаціей. Дѣйствительно: чего желалъ для себя и своего отечества прославленный исторіей великій полководецъ Аннибалъ?—Вѣчной драки и побѣды.—О чемъ позднѣе мечталъ испорченный до мозга костей геній Наполеона? — Стать скорѣе полководцемъ, быть строгимъ до жестокости и, натворивъ больше бѣдствій, чѣмъ у него волосъ на головѣ, гордиться выправкой своихъ солдатъ, оглядывать орлинымъ взоромъ подвластную ему массу людей съ тщеславнымъ сознаніемъ, что единымъ звукомъ онъ можетъ загубить каждаго безвозвратно. Графъ Левъ Толстой поражаетъ каждаго читателя вѣрностью и глубиною взглядовъ на вещи, когда говоритъ: «Не только геніальности, но и какихъ-либо высокихъ качествъ не требуется для хорошаго полководца. Напротивъ, ему необходимо отсутствіе самыхъ луч-

шихъ, самыхъ драгоцѣнныхъ качествъ человѣка: любви, состраданія, пытливаго философскаго сомнѣнія и т. п. Онъ долженъ быть ограниченъ, узокъ умомъ, но твердо (хотя и ошибочно) увѣренъ, что дѣлаемое имъ важно, и только тогда онъ будетъ храбръ. Избави Богъ, если онъ, какъ человѣкъ, пожалѣетъ проливать кровь собратьевъ, или задумается о томъ, что̀ справедливо, и что̀ нѣтъ!

Слѣдовательно, доблестныя для полководца качества представляютъ собою какъ разъ діаметральную противуположность тѣмъ желательнымъ въ человѣкѣ миролюбивымъ качествамъ, безъ которыхъ цивилизація его всегда будетъ стоять на ложныхъ началахъ.

Для меня было важно напомнить объ этомъ читательницамъ потому, что положеніе женщины въ обществѣ тѣсно связано съ этого рода вопросами.

Свобода одного лица кончается тамъ, гдѣ начинается свобода другого.

Правовѣдъ.

Когда первобытные люди, представлявшіе собою орду, т. е. массу анархистовъ, не знающихъ предѣловъ личнаго хотѣнья, дошли до сознанія, что имъ легче устроить безопасность своей жизни при помощи себѣподобныхъ, они перестали ихъ чуждаться. Такимъ образомъ, начали организоваться первыя общества. Однако, каждый членъ этихъ новыхъ обществъ, заботясь прежде всего о соблюденіи своихъ личныхъ интересовъ, этимъ самымъ нарушалъ интересы остальныхъ членовъ. Явились безпрестанныя расправы: сильнѣйшій доказывалъ правду палкой, кулакомъ, слабѣйшій искалъ случаевъ отомстить, и оба забывали цѣли, во имя которыхъ соединились въ общества. По мѣрѣ увеличенія населенія, ссоры становились грандіознѣе, сложнѣе, такъ что самымъ разумнымъ не удавалось добираться до истинныхъ причинъ раздоровъ и мирить враждующихъ. Тогда поняли, что невозможно допускать, чтобъ каждый творилъ все, что ему взбредетъ въ голову; сознали необходимость устроить преграду для задора однихъ и мести другихъ, для прекращенія общаго зла. Пришли къ рѣшенію ограничить личныя права, т. е. считать виноватымъ каждаго, совершающаго что-либо вредное другому лицу, или всему обществу; а вслѣдъ за этимъ начали вмѣнять каждому въ обязанность содѣйствовать общимъ интересамъ племени. Этотъ первый образецъ гражданскаго закона утвердился прочно еще въ самомъ началѣ того времени, когда люди стали жить обществами. По всей вѣроятности, въ тѣ времена поголовной умственной неразвитости—охотниковъ нарушать установленныя правила встрѣчалось гораздо болѣе нынѣшняго, и это заставило искать средства закрѣпить обязательность исполненія установлявшагося порядка путемъ насилія, въ то время неизбѣжнаго. Для этого сообща вручили власть сперва старшему въ родѣ, предоставивъ ему право суда, рѣшенія дѣлъ и наказанія ослушниковъ.

Но когда общество сдѣлалось слишкомъ многочисленнымъ, и сами ро-

доначальники, размножившись, стали заводить вражду изъ-за несоглашеній другъ съ другомъ, — пришлось выбрать для управленія общими дѣлами, отдѣльнаго вождя. Первоначально такихъ представителей власти выбирали за особыя заслуги; но съ теченіемъ времени они забирали подъ свое начало всѣхъ и все, являя себя законодателями, полными властелинами, деспотами, требовавшими себѣ почти божескихъ почестей. Впослѣдствіи, когда потомки избирателей поняли ошибки предковъ и весь ужасъ своего положенія, они дѣлали многократныя попытки къ освобожденію себя отъ деспотизма,—но исходъ возстаній всегда доказывалъ непоправимость дѣла: государственный строй упрочился и всталъ крѣпко при ихъ собственномъ содѣйствіи. Оберегая свой народъ отъ однѣхъ бѣдъ, властелинъ навлекалъ на нихъ другія, горчайшія, отъ которыхъ ужъ никто не могъ ихъ защитить. Принципъ государственнаго строя сдѣлался неприкосновеннымъ; отдѣльныя же жизни не ставились ни во что; онѣ безъ стѣсненія приносились въ жертву якобы государственнымъ интересамъ, въ сущности же нерѣдко и личнымъ интересамъ деспота. На Востокѣ такой порядокъ вещей тянулся долгіе вѣка, и впродолженіе всего этого тяжелаго въ жизни человѣчества періода, женщина состояла и еще продолжаетъ кое-гдѣ состоять полною рабою раба.

Въ другихъ мѣстностяхъ половое сожительство имѣло, повидимому, различныя и довольно разнообразныя формы, лежавшія въ связи иногда съ экономическими условіями, иногда съ религіозными вѣрованіями, образовавшимися съ самыхъ отдаленныхъ временъ*); но, за исключеніемъ временнаго материнскаго главенства, вездѣ замѣтно значительное преобладаніе мужскихъ правъ.

Однако, путешественники старыхъ и новыхъ временъ указываютъ намъ, что положеніе женщины въ эти отдаленныя времена не вездѣ было одинаково. До сихъ поръ еще существуютъ (хотя и замѣтно вырождаются) племена, или группы, могущія служить наглядньмъ образцемъ первобытныхъ, такъ какъ ихъ представители болѣе похожи на человѣкообразную обезьяну, чѣмъ на нынѣшняго человѣка. Такъ, *Леббокъ* указываетъ на племя *Веддо,* которое, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, еще не имѣло понятій ни о постройкахъ для жилищъ, ни объ одеждѣ, ни о гончарномъ производствѣ. Живутъ эти люди въ природныхъ пещерахъ, въ логовищахъ, ходятъ совсѣмъ нагими, ѣдятъ все въ сыромъ видѣ, и не имѣютъ даже собственныхъ именъ. Но нрава они кроткаго, очень привязаны къ своимъ женамъ и никогда ихъ не мѣняютъ; дѣтей также любятъ и обходятся съ ними мягко.

*) По этому поводу господа изслѣдователи еще не перестаютъ опровергать другъ друга.

Портманъ отзывается такъ же объ *Андаманцахъ*, которые, между прочимъ, не совокупляются безъ разбора, но знакомы съ нѣжнымъ чувствомъ любви, хотя и выражаютъ его довольно забавно. Когда молодые люди, видимо, понравятся другъ другу, то начинаютъ подолгу любоваться одинъ другимъ на глазахъ у всѣхъ. Замѣтивъ это, соплеменники нарочно стараются разлучить парочку, уводя дѣвушку въ жилище. Тогда мужчина начинаетъ безпокоиться и, наконецъ, выражаетъ такой гнѣвъ, что убѣгаетъ въ лѣсъ, пребываетъ тамъ упорно, такъ что близкимъ съ большими хлопотами удается выманить его оттуда, чтобъ привести къ предмету любви. Тутъ ихъ оставляютъ въ покоѣ однихъ, и съ первыхъ же дней сближенія молодая беретъ на себя веденіе домашнихъ дѣлъ, а молодой—внѣшнихъ.

Ягоръ, проведя нѣсколько времени среди одного племени Ильгрійскихъ горъ, разсказываетъ, что тамъ молодые люди обоего пола соединяются по взаимной склонности; и хотя легко могли бы расходиться, такъ какъ для этого достаточно обоюднаго соглашенія, однако, подолгу живутъ безъ перемѣны женъ и мужей, въ дружбѣ и согласіи.

Бушмены и *Калифорнійцы*, не лишенные права расходиться, также живутъ попарно въ дружбѣ, и жены пользуются извѣстнымъ уваженіемъ мужей. Интересно, что на языкѣ бушменовъ нѣтъ отдѣльнаго выраженія для отличія дѣвушки отъ женщины: по ихъ понятіямъ это безразлично. О бушменахъ и Пешель пишетъ въ томъ же духѣ: «Бушмены прекрасно относятся къ своимъ женамъ, и хотя ходятъ голыми, но ведутъ себя гораздо цѣломудреннѣе большинства Европейцевъ, считающихъ халатъ одеждой неприличной».

Фажъ пишетъ о жителяхъ южной Калифорніи, что у нихъ дѣвушки всегда имѣли право выбирать себѣ занятія по вкусу.

У первобытныхъ обитателей *Новой Мексики, у Индѣйцевъ пайпосовъ*, дѣвушки не ждутъ, какъ у насъ, чтобы кто-нибудь ихъ выбралъ въ жены; но сами, выбравъ себѣ жениха по вкусу, идутъ сообщить объ этомъ своему отцу, который передаетъ о желаніи дочери родителямъ жениха. Отецъ жениха обязанъ вознаградить отца невѣсты за воспитаніе дочери, и когда онъ исполнитъ, посильно, свой долгъ, — сообща устраиваютъ свадьбу съ пиромъ. Въ случаѣ окажется, что молодые люди ошиблись другъ въ другѣ, — обоимъ предоставлено право выбирать себѣ другую пару, а дѣти получаютъ воспитаніе у дѣда, или бабки. Однако, разводятся довольно рѣдко, такъ что отношенія мужа къ женѣ, и обратно, могли бы служить примѣромъ многому множеству людей, считающихъ себя цивилизованными. Эти полу-дикари также ходятъ голыми, и имъ также отсутствіе одежды не мѣшаетъ держать себя цѣломудренно и честно, стараясь и дѣтей своихъ воспитывать въ томъ же духѣ.

Зибальдъ сообщаетъ объ *Айносахъ,* сохраняющихъ первобытную форму жизни, такимъ образомъ: «Въ семейной жизни они живутъ счастливо. Имѣя только одну жену, они цѣнятъ ея труды. Жена вездѣ помощница своему мужу; а дѣвушекъ не только не вынуждаютъ къ замужеству, но родители ихъ только тогда узнаютъ о рѣшеніи дочери, когда женихъ съ невѣстой ужъ условятся между собою. Оба пола могутъ расходиться во всякое время, но этимъ правомъ пользуются, относительно, рѣдко».

Въ центральной Африкѣ жена изображаетъ вола, работая и за себя, и за своего лѣниваго мужа-негра. Жизнь ея весьма тяжела.

Страбонъ говоритъ, что у многихъ племенъ, сосѣднихъ съ индійскимъ, одна и та же женщина состояла женою цѣлой семьи со всѣмъ ея родствомъ (XIV, 25; кромѣ того—Гриммъ «Die Rechtsalterthümer»).

У Капурисовъ трудъ между мужемъ и женою раздѣленъ по-ровну: оба обрабатываютъ поля, оба ткутъ, прядутъ, торгуютъ, и даже оба шьютъ и вышиваютъ.

Геродотъ разсказываетъ объ африканскихъ *Гинданахъ:* «Женщины носятъ на ногахъ родъ браслетовъ изъ кожи, или ткани, и браслеты эти имѣютъ особое значеніе. Послѣ каждой своей связи съ мужчиною, женщина украшаетъ свою ногу новымъ браслетомъ; и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ уважаемѣе женщина, такъ какъ это доказываетъ, что она, дѣйствительно, хороша, если такъ многимъ нравится».

Въ Гвіанѣ и Виринасѣ, послѣ родовъ жены, мужъ ложится въ постель, а жена обязана за нимъ ухаживать. Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что именно этотъ странный обычай и побуждалъ туземокъ убивать своихъ дочерей тотчасъ послѣ рожденія, чтобъ избавить ихъ отъ несчастной судьбы женскаго пола.

Австралійцы прошлыхъ вѣковъ, Эскимосы, Вотяки, Чукчи, бразильскіе Индѣйцы, жители Канарскихъ острововъ, какъ и въ Европѣ нѣкоторыя Кавказскія племена — считаютъ правиломъ гостепріимства угощать гостей своими женами, причемъ отказъ принимается за большое оскорбленіе.

Есть и такія страны, гдѣ женщиною торговало, такъ сказать, само правительство. Каждый желающій жениться, обязанъ явиться за дозволеніемъ къ правителю, которому предоставлено право продать ему жену.

У нѣкоторыхъ племенъ до сихъ поръ поддерживается обычай: передъ бракосочетаніемъ отдавать свою невѣсту на обладаніе всѣмъ членамъ племени. У другихъ этотъ обычай практикуется нѣсколько иначе: въ день свадьбы невѣстою пользуется сначала старшій изъ друзей жениха, потомъ остальные друзья и родственники; самому же жениху она достается послѣднему.

Имѣются и такіе обычаи, что первое обладаніе женою совершалось по

найму: своего рода эксперты занимались такими дѣлами за вознагражденіе, такъ какъ первое обладаніе женщиною считалось тяжелымъ дѣломъ, отнюдь не наслажденіемъ. Древнихъ египетскихъ царей долгое время освобождалъ отъ этой обязанности верховный жрецъ. (Геродотъ).

У однихъ изъ первобытныхъ племенъ, или группъ, практиковалась эндогамія, т. е. нельзя было вступать въ половое общеніе иначе, какъ съ единоплеменниками; у другихъ—экзогамія, т. е. половыя общенія допускались только съ женщинами другого племени. Объ этомъ между изслѣдователями существуетъ разногласіе, особенно по поводу мѣстностей; но на нихъ я останавливаться не буду, такъ какъ для моей цѣли не столько важна мѣстность, и даже хронологія, сколько важенъ самый фактъ. Къ нему прибавлю, что при экзогаміи женщинамъ иногда приходилось страдать до невѣроятія. Недостатокъ въ посторонихъ женщинахъ у племени, не имѣвшаго права общенія со своими, заставлялъ его добывать ихъ у другихъ племенъ съ боя. Вообразите же несчастное положеніе жертвъ насилія, которымъ приходилось перебывать за короткій срокъ у всѣхъ членовъ одного племени, вслѣдъ за тѣмъ попадать къ другому, а потомъ опять къ первому, или третьему. Вѣдь случалось, что нападающимъ не удавалось отбить болѣе одной, двухъ женщинъ...

Бахофенъ говоритъ по этому поводу, что женщины, не имѣя возможности защищаться отъ послѣдовательныхъ насилій, часто бывали замучиваемы до смерти. Вслѣдствіе этого Бахофенъ склоненъ думать, что женщины, сознавая свою униженность и безвыходность при подобныхъ условіяхъ, были первыми двигательницами идеи о водвореніи единобрачія. Но на это ему многіе возражали. И дѣйствительно, трудно предположить, чтобы женщина, стоявшая тогда по умственному развитію гораздо ниже мужчины, могла въ тѣ времена болѣзненно чувствовать свое униженіе, а въ особенности проводить какія бы то ни было идеи. Взамѣнъ глубины чувства, или недостающей силы, обоимъ поламъ съ незапамятныхъ временъ уже было извѣстно, что «гдѣ силой взять нельзя,—тутъ надобна ухватка»—и женщины, по всей вѣроятности, первыя обратились, въ своей безвыходности, къ этимъ спасительнымъ «ухваткамъ».

Въ человѣкѣ живетъ, не смотря ни на что, и безъ различія пола, безсмертное стремленіе къ свободѣ, и слабѣйшему силами, или правами, всегда приходится пускать въ ходъ какія нибудь нецензурныя «ухватки» различныхъ видовъ.

Кокетство.

Разъ коснувшись этого предмета, я посвящу нѣсколько страницъ правдоподобной исторіи кокетства, такъ какъ и оно непремѣнно должно имѣть свою исторію. Это пустое слово, произносимое всякій разъ какъ замѣчаютъ именно въ женщинѣ желаніе нравиться,—имѣетъ глубокія причины довольно печальнаго свойства, и смыслъ его гораздо крупнѣе того, какой ему обыкновенно придаютъ.—Для людей, живущихъ предвзятыми, готовыми мыслями другихъ,—кокетство есть природное качество женщины; но оно въ ней такъ же мало природно, какъ и въ мужчинѣ. Однако кокетство едва ли не составляетъ перваго шага въ исторіи женской цивилизаціи, такъ какъ оно было первымъ доказательствомъ ея мышленія.

Въ жизни дикарей не замѣчается кокетства, хотя оба пола живутъ исключительно животною жизнью. Они совершаютъ свои природныя отправленія безъ малѣйшаго опоэтизированія, безъ всякой сентиментальности. Воображеніе въ этомъ направленіи не развито, мозгъ еще не пріученъ правильно работать, если исключить тѣ инстинкты самосохраненія и способы добыванія пищи, которыми одарены и низшіе организмы. Мужчина пользуется своею мускульною силою и злоупотребляетъ ею, какъ своимъ неотъемлемымъ преимуществомъ. Онъ заставляетъ женщину работать для него, служить ему, и бьетъ, когда она непослушна.—Сначала она, естественно, либо старается быть исполнительной, либо прячется отъ его побоевъ; но во всякомъ случаѣ сердится, и неизбѣжная жизнь съ полновластнымъ надъ собою хозяиномъ становится подчасъ невыносимою. Точно такія же побужденія, какія заставляли мужчину искать и находить средства для обезпеченія себя, по возможности, отъ страшныхъ, опасныхъ звѣрей,—заставляютъ женщину работать мозгами, искать, соображать, и, приноравливаясь ко вкусамъ и привычкамъ хозяина, противопоставлять его силѣ разныя уловки, хитрости. Чтобъ смягчить его требовательность, она, вѣроятно, плясала, пѣла, стараясь привести его въ добродушное, болѣе милостивое настроеніе; но мало-по-малу подобные пріемы становились недостаточными, и ей волей—неволей приходилось искать другихъ средствъ, болѣе дѣйствительныхъ. И вотъ, въ то время какъ мужчина начинаетъ изучать природу, въ то время какъ мозгъ его обогащается понемногу разнаго рода знаніемъ,—всѣ способности женщины устремлены исключительно на изученіе личности своего грознаго хозяина: она съ посильнымъ вниманіемъ присматривается ко всему, что въ немъ происходитъ, ко всему, что готовитъ ей бѣду, трудъ или боль. За неимѣніемъ другой умственной дѣятельности, а главное—изъ инстинкта самосохраненія, изъ

желанія улучшить свою жизнь, она старается не оставить безъ вниманія на одно изъ движеній его души и тѣла.—Между нею и ея повелителемъ не имѣется иной связи, кромѣ половыхъ отправленій. Здоровый, сильный организмъ мужчины, укрѣпляющійся еще болѣе отъ постояннаго общенія съ природой, исполняетъ эти отправленія какъ простую потребность плоти, но чувство сладострастія въ немъ еще не развито: для этого еще не имѣется ни направленнаго въ эту сторону воображенія, ни таинственности обстановки дѣла, ни сладости вкушенія запретнаго плода, ни даже гордости побѣды. Однако, по теоріи вѣроятій, отъ женщины не ускользаетъ фактъ, что плотское удовлетвореніе дѣйствуетъ на ея повелителя благотворно, и она начинаетъ пробовать испытывать его съ этой стороны заигрываніемъ: то попробуетъ притвориться, что не желаетъ сближенія, то наоборотъ, что сама его желаетъ. Нельзя не предполагать, что удивленный мужчина обращаетъ на это хоть нѣкоторое вниманіе, а рядъ послѣдовательныхъ опытовъ открываетъ женщинѣ его слабыя стороны, его расположеніе къ чувственности, которою она пользуется для временнаго обезпеченія себя отъ страданій, и которую усиливаетъ, возбуждая искусственнымъ образомъ. Она выказываетъ болѣе удовольствія, чѣмъ его чувствуетъ, тамъ, гдѣ замѣчаетъ, что это нравится; она притягиваетъ мужчину лгуньей—улыбкой, особенными взглядами, хотя и неискренними, за то улучшающими ея собственное безотрадное положеніе вьючнаго животнаго. Отсутствіе понятій о честности помогаетъ ей изощряться въ лукавствѣ, успѣхъ придаетъ ей смѣлости. Мужчина знакомится съ чувствомъ сладострастія болѣе изысканнаго, пріобрѣтаетъ не только понятія о красотѣ, но еще и объ извѣстныхъ отъ нея требованіяхъ, и впослѣдствіи доводитъ все это до ужасающихъ размѣровъ. Съ этого историческаго момента начинаетъ себѣ прокладывать дорогу женское вліяніе, первые опыты котораго, будучи вызваны насиліемъ, произошли на чисто-плотской почвѣ.—Разумѣется, вначалѣ подобные опыты производились только наиболѣе смышленными женщинами; но съ теченіемъ времени, передаваясь изъ рода въ родъ, потребность, рожденная нуждою, безвыходностью положенія, входила въ плоть и кровь женщины, сдѣлалась наслѣдственной привычкой. Женщина научилась разнобразить кокетство до безконечности, прикладывая его рѣшительно ко всему, начиная съ облеченія себя въ кротость, при помощи которой захватываетъ въ свои руки и возжи, и кнутъ домашняго быта, и кончая художническимъ направленіемъ нѣсколькихъ волосковъ такимъ образомъ, чтобъ они зацѣпляли мужское сердце. Это своего рода развратъ, но онъ доказываетъ смышленность и тонкую наблюдательность женщины, не нашедшей имъ лучшаго приложенія, благодаря мужскому властолюбію.—Такимъ образомъ объясняются и изреченія

мудрецовъ, во всѣ времена говорившихъ, что «зло, которое мы причиняемъ другимъ, возвращается на насъ самихъ». Сама природа мститъ за нарушеніе ея закона; безъ грубости сильнаго не было бы надобности въ хитрости, возвращающей себѣ отнятое съ плюсомъ обоюднаго униженія.

(Въ настоящую эпоху умственнаго роста, средняго сословія, и преимущественно въ кружкахъ молодой интеллигенціи*) кокетство замѣтно ослабѣваетъ, и именно потому, что здѣсь смотрятъ на женщину, какъ на равную: здѣсь она невынуждена прибѣгать къ кокетству, такъ какъ мужчина ей товарищъ, а не господинъ. Но тамъ, гдѣ на женщину смотрятъ иными глазами,—рабьи инстинкты продолжаютъ ублажать владыку хитростью, и оба пола стоятъ другъ друга!)

Лучшимъ доказательствомъ справедливости сказаннаго можетъ служить тотъ неоспоримый фактъ, что и понынѣ умная женщина несравненно легче, быстрѣе и вѣрнѣе познаётъ личность какого угодно мужчины, чѣмъ умный мужчина — личность самой средней женщины. И это вполнѣ естественно: исторія умственнаго развитія дала мужчинѣ возможность пріобрѣтать постепенно знанія, при помощи которыхъ онъ не утрачивалъ прямодушія, открытости характера; слѣдовательно, онъ весь былъ бы на-лицо, вмѣстѣ со своими пороками, и познавать его не представляло бы никакихъ трудностей, еслибъ соціальныя условія не наложили и на него нѣкоторой дозы неискренности; но съ этой стороны для женщины все понятно: здѣсь она находится въ знакомой сферѣ, и разбирается въ ней какъ рыба въ водѣ, поэтому быстро видитъ насквозь все существо мужчины. Исторія же женскаго развитія полна насилій всякаго рода: они исказили ея природу, вынудили её, такъ сказать, прибѣгать къ хитрости, которая въ ней разрослась, обратившись въ привычку. Ея лукавства такъ разнообразны, что не поддаются мужскому анализу, и часто женщина составляетъ для него загадку. Но это только потому, что онъ еще не хочетъ признать въ женщинѣ равнаго себѣ человѣка; а когда онъ перемѣнитъ свои ошибочные на нее взгляды и убавитъ въ себѣ властолюбія,—хитрость женщины начнетъ постепенно улетучиваться. Ложь, хитрость — это рабьи склонности, рабьи силы: свободный человѣкъ обоего пола въ нихъ не нуждается, поэтому и инстинктъ самосохраненія ихъ не вырабатываетъ. Мы знаемъ, что и мужчина къ нимъ прибѣгалъ, когда того требовали условія его жизни, т. е. когда надъ нимъ тяготѣло насиліе,—вообще, когда онъ находился, или находится въ безвыходномъ положеніи, не будучи въ силахъ избавиться отъ того, что̀ гнететъ его природу.

---

*) Среднимъ сословіемъ я называю ту учащуюся молодежь, которая дѣйствительно старается обогатить свою головушку знаніями.

Вотъ гдѣ, по нашему убѣжденію, корень того заманчиваго кокетства, отъ котораго, позднѣе, мужчины стрѣлялись, разорялись, сходили съ ума и т. п.

Не въ этой ли области надо искать зародыша и той обаятельной женственности, которая такъ привлекаетъ плоть мужчины, не поддаваясь никакому точному опредѣленію?

Кокетство и лукавство — это женская сила, противопоставляемая всякой наклонности къ грубому властвованію, и не въ порядкѣ вещей было бы требовать, чтобъ женщина сложила оружіе при вооруженномъ врагѣ. Мужчина долженъ быть либо ея явнымъ другомъ, либо тайнымъ врагомъ: середину тутъ трудно вставить.

Осѣдлость и земледѣліе первыхъ обществъ выдвинули новыя потребности. Въ періодъ кочеванія, могилы умершихъ, оставаясь въ покидаемыхъ мѣстностяхъ, не способствовали частымъ воспоминаніямъ о покойникахъ; но постоянное сосѣдство съ ними естественно наводило человѣка на мысль, что и ему предстоитъ умереть. Вслѣдствіе этого въ немъ незамѣтно рождалось желаніе, чтобъ память объ немъ сохранялась и послѣ смерти. Такое желаніе, вмѣстѣ съ необходимостью заводить хозяйство и прочное жилище, заставило мужчину создать болѣе солидарныя отношенія къ женщинѣ и ея дѣтямъ. Надо было прикрѣпить къ себѣ жену настолько, чтобъ она не могла ни сама убѣжать, ни быть похищенной; надо было также сохранить въ дѣтяхъ обязательныхъ помощниковъ при земледѣліи и исполнителей своей воли даже послѣ смерти: онъ начиналъ относиться къ предкамъ такъ, какъ желалъ, чтобъ относились къ нему самому послѣ смерти, и это было первымъ шагомъ поклоненія душамъ умершихъ, такъ сильно развившееся впослѣдствіи. Семью онъ пріобрѣлъ посредствомъ покупки жены, такъ какъ понятія о собственности и права на нее уже достаточно обрисовались. Коль скоро жена куплена, т. е. вымѣнена, или заработана трудомъ,—права надъ нею являлись естественными.

Въ такой формѣ представляетъ намъ бракъ и Библія (пятикнижіе). То же практикуется и понынѣ въ странахъ, стоящихъ на низшей ступени умственнаго развитія. У Киргизовъ выкупъ за невѣсту (калымъ), получаемый ея отцемъ отъ жениха, производится какъ наличными деньгами, такъ и разнымъ скотомъ, или трудомъ жениха, притомъ съ малолѣтства, во время котораго платитъ, или работаетъ за него отецъ. Въ Китаѣ продажа женщинъ долгое время составляла одну изъ выгодныхъ отраслей торговли. Цѣнность этого живого товара часто зависѣла отъ побочныхъ обстоятельствъ: иногда она не превышала стоимости невольницы,

или пары воловъ; а въ мѣстахъ, снабжавшихъ восточные гаремы, цѣны на красивыхъ женщинъ были очень высоки.

Обычай этотъ сохранялся повсемѣстно очень долго, и выводится съ большою постепенностью: въ Италіи — Ромулъ, въ Индіи — Ману, въ Палестинѣ — Моисей старались нѣсколько замаскировать покупку жены, — тѣмъ не менѣе торгъ оставался торгомъ, хотя въ болѣе деликатной формѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и Гриммъ, ученѣйшій изъ изслѣдователей древней Германіи; объ этомъ свидѣтельствуютъ и старые англійскіе законы. Здѣсь еще въ прошломъ столѣтіи существовало право мужа выводить жену на рынокъ съ веревкой на шеѣ, чтобъ продать за невѣрность; даже не болѣе какъ лѣтъ 20 тому назадъ въ одной изъ русскихъ газетъ былъ опубликованъ подобный случай продажи жены на рынкѣ; но онъ былъ единиченъ и осужденъ всѣми, хотя, собственно, противозаконнымъ не былъ.

Результатомъ права покупать жену явилась полигамія, такъ какъ если можно купить одну жену, то почему же нельзя купить нѣсколькихъ?

Такимъ образомъ жена, которую можно купить, продать, или прогнать, не могла уже быть мужу товарищемъ и другомъ.

Обаятельность подобныхъ правъ надъ женою способствовала быстрому распространенію и укрѣпленію многоженства во всѣхъ частяхъ свѣта. (Объ Азіи, Африкѣ и Америкѣ писалъ Клеммъ, о Кельтахъ — Цезарь, о Германцахъ — Тацитъ, о Скандинавіи — Адамъ Брэмъ, о Славянахъ — Эверсъ). Европейская цивилизація постепенно искореняла многоженство, но въ замѣну его всегда ставила что-нибудь близко подходящее, дѣйствуя съ крайнею осторожностью, потому что рѣзкій переворотъ, какъ бы благодѣтеленъ онъ ни былъ, можетъ послужить поводомъ къ бѣдствіямъ страны, сопряженнымъ съ волненіемъ умовъ.

Принимая физическую силу за право, мужчина счелъ себя главою рождающейся семьи; вслѣдствіе чего и между дѣтьми сталъ отдавать преимущество сыновьямъ передъ дочерьми, которыхъ призналъ недостойными совершать установленный имъ обрядъ жертвоприношенія на могилѣ предковъ.

Съ этого историческаго момента начинаютъ развиваться понятія о семьѣ, родствѣ и наслѣдствѣ. Считая дѣтей отъ купленной жены своею собственностью, отецъ сдѣлался ихъ покровителемъ и полнымъ хозяиномъ. Такой первообразъ брака съ безграничною властью надъ семьею послужилъ образцемъ и для управленія страною, когда впослѣдствіе избраннаго вождя уподобили отцу всего народа.

Все это было первыми ступенями къ нѣкоторой цивилизаціи, въ самую основу которой уже закрались невѣрныя положенія, унизившія жену, а

вмѣстѣ съ нею и женщину вообще: лишенная всякой самобытности, она стала съ тѣхъ поръ жить, такъ сказать, за спиною мужа и отца, за ихъ отвѣтственностью и волею. Какъ собственность мужа, она стала переходить, послѣ его смерти, въ числѣ наслѣдства, къ его братьямъ, къ его, т. е. своимъ собственнымъ, дѣтямъ, и съ этого же момента родство и наслѣдство пошли по мужской линіи.

Однако, въ первые вѣка водворенія семейныхъ правъ, общее положеніе женщины, за исключеніемъ этой передаточности, не представляло еще собою и половины той нравственной тяжести, которая легла на все ея существо впослѣдствіи, когда вслѣдъ за мужчиною расширился и ея кругозоръ. Тогдашняя жена, или дочь, жили въ зависимости отъ такой личности мужа, или отца, для которой весь жизненный интересъ сосредоточивался въ семьѣ и хозяйственныхъ дѣлахъ, въ которыхъ жена являлась такою же дѣятельницею, какъ и онъ самъ. Въ тѣ времена хозяинъ несъ всѣ тяготы хозяйства наравнѣ съ своимъ рабомъ, и между хозяиномъ и рабомъ, разсуждающимъ сообща о различныхъ улучшеніяхъ по хозяйству, обѣдающимъ вмѣстѣ и пирующимъ за однимъ столомъ, не было той пропасти, которая раздѣлила ихъ впослѣдствіи. Кромѣ того, и сама женщина, при тогдашнемъ состояніи своего ума, еще не походила на чуткую женщину послѣдующихъ временъ. Вся ея умственная работа ограничивалась, какъ и у ея повелителей, заботами, рѣдко заходящими за предѣлы насущныхъ потребностей домашняго обихода, и это обстоятельство, уравнивая дѣятельность членовъ семьи, значительно смягчало отношенія главы къ подвластнымъ, дѣлая положеніе послѣднихъ сноснымъ. Къ тому же тогдашній хозяинъ, при безпрестанныхъ ссорахъ сосѣдей, не могъ не держать въ памяти, что завтра же можетъ перемѣниться ролями съ своимъ рабомъ, и это должно было смягчать его нравъ, научая извѣстной сдержанности.

Самый фактъ прикрѣпленія жены къ мужу явился не какъ естественный законъ, а какъ обдуманное мужчиною средство для полученія опредѣленнаго мѣста въ семьѣ, этой колыбели общежитія, артельнаго труда и цивилизаціи. Такъ какъ безъ мужчины и женщины *совокупно* семьи быть не можетъ, то нѣтъ сомнѣнія, что закрѣпить ихъ союзъ представлялось необходимостью; но нельзя не пожалѣть, что скрѣпленіе половъ совершилось въ ту пору умственнаго развитія сильнѣйшаго мускулами, когда отъ него еще нельзя было требовать поступковъ во имя идеи справедливости, во имя роковыхъ послѣдствій, понятія о которыхъ не могли еще въ немъ сложиться. Полное умственное развитіе ожидало его въ будущемъ, и мы постараемся прослѣдить въ общихъ чертахъ, какъ человѣкъ имъ воспользовался, и какое направленіе принялъ этотъ драгоцѣннѣйшій изъ его даровъ.

Разъ признанная удобною къ установленію, такая форма брака съ покупкою жены и полновластіемъ мужа вошла въ обычай, продолжавшій практиковаться и распространяться до времени учрежденія государственныхъ законовъ; тогда мужу было закономъ отведено мѣсто уже вполнѣ оформенное. Прогрессъ цивилизаціи съ теченіемъ времени внесъ въ этотъ законъ нѣкоторыя, впрочемъ довольно слабыя измѣненія: покупка нѣсколько облагораживалась, смягчалась по внѣшней формѣ; стоимость невѣсты передавалась ей лично, составляя какъ бы ея приданое; право продавать жену выводилось изъ обычаевъ; но все это совершалось чрезвычайно медленно. Надо думать, что только одинаковыя съ мужскимъ поломъ права на трудовой заработокъ и наслѣдства, въ совокупности съ широкимъ образованіемъ—выведутъ женщину на свободный выборъ жизни; иначе она всегда будетъ, такъ или иначе, предметомъ покупки и собственности, болѣе или менѣе замаскированной. Законы человѣческіе не могутъ оставаться безъ измѣненій, сообразныхъ съ развитіемъ человѣческаго ума, и исторія намъ показываетъ, что не только законодатели, но и самые обычаи народовъ до извѣстной степени съ этимъ считались во всѣ времена; однако, отреченіе отъ вѣковыхъ правъ на собственность въ лицѣ женщины представляетъ и въ наше время такую трудность, на которую еще не набралось умственныхъ силъ; и только когда оба пола въ равной степени сознаютъ обоюдный вредъ отъ существующихъ между ними отношеній — законамъ придетъ пора измѣниться. Преобладаніе мужскихъ правъ, система агнатическая (еще здравствующая въ деревнѣ), тогда уничтожатся сами собою, какъ уничтожилось материнское главенство, и оба уступятъ мѣсто новымъ гражданскимъ и нравственнымъ законамъ, въ основу которыхъ войдутъ безпристрастныя сужденія.

Вступивъ изъ доисторическихъ, патріархальныхъ временъ въ исторію, мы видѣли, что за неимѣніемъ иныхъ понятій, отецъ семьи послужилъ прототипомъ для отца страны. Обширная семья подданныхъ изображала дѣтей, которыми отецъ-властелинъ управлялъ деспотически, хотя эти ужъ не происходили отъ купленной жены. Само собою разумѣется, что деспотизмъ частной семьи, значительно умѣряемый общностью интересовъ супруговъ, оказался непригоднымъ въ примѣненіи къ огромной государственной семьѣ, гдѣ интересы отца и его многочисленныхъ дѣтей часто совсѣмъ расходились, гдѣ полновластіе не смягчалось ничѣмъ. Поэтому этотъ родъ правленія принесъ одно несчастіе, безпредѣльное бѣдствіе народа. Въ Европѣ деспотическій образъ правленія былъ непродолжителенъ, такъ какъ самыя очертанія ея суши способствовали раздробленію ея на мелкія государства, въ которыхъ народныя силы цѣнились. Населенія глубоко вдающихся въ море береговъ нынѣшней Италіи и Греціи дол-

жны были находиться подъ непрестанными опасеніями нападеній, такъ что владѣльцы ихъ не имѣли возможности прочно укрѣплять свои деспотическія тенденціи. Здѣсь чуть не каждая гора, каждый островъ принадлежали отдѣльнымъ лицамъ, часто воевавшимъ, то нападая, то защищаясь при помощи народа, въ пользу котораго приходилось поневолѣ дѣлать нѣкоторыя уступки. Но въ равнинахъ Азіи, въ громадныхъ ея степяхъ — размножившееся населеніе, представлявшее собою обширное владѣніе одного лица, подпало подъ такой продолжительный деспотизмъ своихъ владыкъ, что уже не могло подняться. Въ этихъ странахъ слѣды деспотизма гнѣздятся и понынѣ, не смотря на перемѣну въ обычаяхъ, въ религіи и въ законахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ могучій властелинъ еще считаетъ себя, какъ домохозяинъ временъ патріархальныхъ, единственнымъ законодателемъ, главой, судьей и полнымъ господиномъ не только имуществъ, но и самой жизни каждаго изъ своихъ многочисленныхъ дѣтей. Европейцу нашего времени кажется страннымъ, чтобы люди, одаренные болѣе или менѣе разумомъ, могли подчиняться произволу тирана; но не надо забывать, что какъ на помощь тирану, такъ и на помощь его подданнымъ была дана религія, которая вноситъ утѣшеніе и надежду въ сердца всѣхъ обездоленныхъ. Не отъ того ли религіозныхъ женщинъ несравненно больше, чѣмъ искренно-религіозныхъ мужчинъ?

Посмотримъ же теперь, когда женскія способности признаны почти всемірно, когда онѣ доказаны множествомъ фактовъ большого значенія,— насколько были справедливы взгляды нашихъ праотцевъ, вылившіеся въ законы, слѣды которыхъ и по сіе время тяготѣютъ надъ человѣкомъ женскаго пола.

Еслибъ прошлое человѣчества было для насъ закрыто, то одинъ тотъ фактъ, что вся его исторія полна кровопролитій, ужъ доказывалъ бы его неправоспособность, такъ погубно отразившуюся на послѣдующей цивилизаціи.

Мыслитель.

Религія Индусовъ.

Санскритскія письмена Индусовъ, съ тѣхъ поръ какъ ихъ начали понимать, дали много интереснаго матеріала для изученія исторіи жизни и нравовъ Остъ-Индіи; въ нихъ же нашелся ключъ къ научному разрѣшенію нѣкоторыхъ вопросовъ важнаго свойства.

Все сказочное въ исторіяхъ различныхъ странъ о сотвореніи человѣка произошло, вѣроятно, оттого, что долгая допотопная жизнь человѣчества стала извѣстной только по весьма смутнымъ и разногласнымъ преданіямъ. Темный людъ всегда склоненъ вѣрить въ чудесное, сверхъ естественное, таинственное, а при случаѣ склоненъ и отъ себя кое-что прибавить къ слышанному. (Послѣднее относится и не къ однимъ темнымъ людямъ: вѣроятно каждому изъ насъ извѣстны случаи, гдѣ, даже въ наше время, такъ сказать, на глазахъ, истина совершенно искажается, переходя отъ одного лица къ другому). Слѣдовательно если и въ нашъ вѣкъ невѣжественный народъ продолжаетъ населять лѣса, рѣки и всѣ темные углы жилищъ лѣшими, домовыми, сусѣдками и прочими небылицами въ лицахъ, то надо полагать, что въ давнишнія времена это практиковалось еще съ бо̀льшимъ успѣхомъ. Каждый невѣжда непремѣнно суевѣренъ, потому что невѣжество всегда идетъ рука объ руку съ суевѣріемъ.

Воображеніе, не обуздываемое никакимъ положительнымъ значеніемъ, работало у всѣхъ первобытныхъ народовъ съ поразительнымъ сходствомъ направленія. По мѣрѣ углубленія въ древность, исторія каждаго народа обязательно доходитъ до миѳовъ, представляющихъ повсюду варіацію на одну и ту же тему. Точно также во всѣхъ странахъ люди, пріобрѣтавшіе кое-какія знанія прежде остальныхъ, непремѣнно группировались въ особыя касты, называя себя служителями мѣстныхъ боговъ, ихъ избранни-

ками, и эксплуатировали въ этомъ направленіи невѣжественный народъ. У однихъ ихъ называли жрецами, у другихъ браманами, вообще посредниками между людьми и высшими силами. Подобные избранники обыкновенно окружали себя таинственностью, не допуская никого до познанія истины и занимали, благодаря этому, видное положеніе въ странѣ.

Свѣдѣнія объ исторіи Индусовъ черпаютъ изъ книгъ «Веды» «Магабаратта» изъ прекрасной эпической поэмы «Рамаяна» и изъ 18-ти пуранъ съ исторіею боговъ и фантастическою гипотезою происхожденія всего земного шара.

По религіи Индусовъ творцемъ вселенной состоитъ Брама (т. е. самобытный, невидимый, несотворенный). Въ Ведахъ его называютъ «Парабрама». Вмѣстѣ съ Вишну и Шивой, Брама составляетъ священную троицу: Брама—первое лице, Вишну—второе, Шива—третье. Вишну, т. е. второе лице, считается спасителемъ міра, его охранителемъ. Онъ воплощался уже до десяти разъ (но не спасъ почему то и не охраняетъ несчастныхъ паріевъ, которые, вопреки всѣмъ законамъ здраваго смысла, лишены общечеловѣческихъ правъ въ Индіи).

Индусы вѣруютъ, что Брама сотворилъ прежде всего воду и опустилъ въ нее сѣмя свѣта. Когда свѣтъ разросся, Брама раздѣлилъ его на-двое, и это составило небо и землю. Изъ силъ природы Индусы обоготворяли Солнце, Луну и Индру, т. е. весь небесный сводъ. У нихъ много религіозныхъ сектъ: одни изображаютъ Шиву въ видѣ Арданари, т. е. мужеженщины; другіе поклоняются женѣ Шивы, Бавани. Имѣется также много полу-боговъ, демоновъ, обожаемыхъ героевъ, служеніе которымъ выражается жертвоприношеніями, молитвами, покаяніемъ и посѣщеніями священныхъ мѣстъ.

Основаній для разрѣшенія вопроса о томъ, который именно изъ миѳовъ различныхъ религій человѣчества правдоподобнѣе остальныхъ,—не имѣлось и не имѣется нигдѣ.

Въ Индіи первые служители бога Брамы, исполнители его воли, избранные, будто бы, имъ самимъ для роли наставниковъ народа—назывались браманами. Они были какъ бы духовными отцами народа, его мнимыми охранителями, въ рукахъ которыхъ находилась крупная доля власти, такъ какъ они считали себя въ нѣкоторомъ родѣ отвѣтственными передъ богомъ за поступки людей. Состоя такимъ образомъ посредниками между жалкимъ, смертнымъ человѣкомъ и его безсмертнымъ творцемъ, они совершали жертвоприношенія, молитвы отъ имени народа и за него; они передавали людямъ волю бога; черезъ нихъ же богъ наказывалъ виновныхъ.

Однимъ словомъ это была могущественная каста, которая заправляла общественными интересами, безъ воли которой не совершалось въ странѣ

никакого дѣла, такъ какъ она руководила главнѣйшими вопросами народной жизни. Понятно, что коль скоро въ дѣла рукъ человѣческихъ замѣшивалось божество,—такія дѣла становились неприкосновенными, внѣ всякой критики; и браманы, подававшіе народу примѣръ строгой религіозности, со всѣмъ усердіемъ и всѣми мѣрами старались, чтобъ народъ былъ покоренъ Высшей Волѣ, чтобы всякое поползновеніе къ сопротивленію и ослушанію было строго наказываемо. Понятно также, что законы, въ древности особенно тѣсно связанные съ религіей тамъ, гдѣ отдѣльныхъ гражданскихъ законовъ еще не существовало,—считались съ народнымъ невѣжествомъ, и что законодатели, люди передовые, не водворяли ихъ иначе, какъ при мнимомъ участіи и содѣйствіи божества.

Но въ наше время сравнительнаго процвѣтанія наукъ уже начинаетъ открываться уголъ завѣсы, за которою лежатъ грудами корни безсчетныхъ человѣческихъ бѣдствій; и каждая изъ наукъ, поднося свою лепту свѣта къ этой темной завѣсѣ, представитъ наконецъ человѣчеству ярко освѣщенныя причины его несчастій. Этимъ самымъ наука укажетъ ему и возможный путь къ счастію, потому что ключъ къ его спасенію лежитъ въ познаніи истины.

Вотъ что говоритъ Отфридъ Мюллеръ, авторъ Сравнительной Миѳологіи:—«Миѳическій способъ представленій, превращающій всякую матерію въ живую личность, и всѣ отношенія въ живыя дѣйствія,—заключаетъ въ себѣ такъ много обособленнаго, совсѣмъ отличнаго отъ остального, что мы не можемъ не отнести его къ отдѣльному періоду въ исторіи цивилизаціи человѣчества».

(Боги въ Индіи были именно олицетвореніемъ матеріи, или невидимыхъ силъ: Брама—это могущественная матерія, изъ которой создалось все матеріальное. Въ Брамѣ кроется все прошлое, и эмблема ему—солнце.—Вишну изображаетъ настоящее, и эмблема ему—вода; въ немъ соединяется и пространство, и поддерживающая сила, и мудрость высшаго разряда.—Сива, или Шива,—это разрушительный огонь; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ изображаетъ время, будущее; его же считаютъ богомъ правосудія. Изображаютъ его сидящимъ верхомъ либо на тигрѣ, либо на свирѣпомъ быкѣ; онъ весь обвитъ змѣями, а на шеѣ его ожерелье изъ человѣческихъ череповъ.—Разумѣется, невѣжда приходилъ въ ужасъ отъ подобнаго изображенія, готовый на всякія жертвы, лишь бы избавиться отъ грозящей ему кары небесной; а такъ какъ спасеніе могло придти только черезъ руки посредниковъ,—эти послѣдніе широко пользовались своими правами, вели народъ по своему усмотрѣнію и служили цѣлямъ своего личнаго благосостоянія).

Далѣе О. Мюллеръ говоритъ: «Какъ языки французскій, испанскій, итальянскій и нѣкоторые другіе составляли нѣкогда одинъ и тотъ же

языкъ, такъ и миѳы различныхъ народовъ когда то вышли варіантами изъ одного и того же источника».

Развѣ подобное предположеніе человѣка науки не пріоткрываетъ, до извѣстной степени, того, что считалось до него непроницаемою тайною?.. На основаніи такого предположенія спеціалисты прилежащихъ наукъ придутъ къ нему на помощь, и совокупными трудами примутся за дальнѣйшія открытія, представляющія высшій интересъ для человѣчества. Такъ сравнительная филологія уже пришла на помощь къ сравнительной миѳологіи и дала въ руки ученымъ такой телескопъ, съ помощью котораго прежнія туманныя пятна представляютъ уже опредѣленныя очертанія и образы. Изученіе санскритскаго языка сдѣлало, напримѣръ, слѣдующее важное открытіе: у Индусовъ тысячелѣтіями велся обычай, входящій въ составъ религіозныхъ понятій и теряющійся въ миѳахъ: тотчасъ послѣ смерти мужа жену сжигали живою.—Когда англичане, завладѣвши Индіею, хотѣли принять мѣры для уничтоженія этого варварскаго обычая, брамины первые возстали, предсказывая опасное возбужденіе религіознаго фанатизма. Они напоминали объ обѣщаніи, данномъ англичанами, не вмѣшиваться въ вопросы религіи; они крѣпко стояли за неприкосновенность обычая, освященнаго временемъ, и приводили главу и стихъ изъ Ригъ—Веды: »Пускай эти жены, добрыя жены, убранныя коллиріумомъ, съ очищеннымъ масломъ въ рукахъ, предаются огню, дабы не овдовѣть! Безсмертныя, не бездѣтныя, не безмужнія, пускай, украшенныя драгоцѣнностями идутъ онѣ въ огонь, первоначальная стихія котораго есть вода».

Сравнительная филологія пролила нѣкоторой свѣтъ на устройство древней арійской семьи (изъ которой произошли Индусы) указавъ, что въ древнѣйшемъ періодѣ индусской исторіи такого свирѣпаго обычая вовсе не существовало. Это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что ослибъ женъ сжигали тотчасъ послѣ смерти мужей, то вдовъ совсѣмъ бы не могло быть, а между тѣмъ слово «вдова» встрѣчается въ древнѣйшемъ языкѣ Индусовъ довольно часто; о вдовахъ говорится, слѣдовательно онѣ переживали своихъ мужей: это просто и ясно.

Кромѣ того, Кольбрукъ, считающійся самымъ ученымъ и добросовѣстнымъ санскритологомъ, указалъ, переводя Веды съ санскритскаго языка на англійскій, что въ нихъ не только не требовалось сжиганія вдовъ, но напротивъ, имѣется обращеніе къ вдовѣ, проводившей умершаго мужа до погребальнаго костра, въ слѣдующихъ словахъ: «*Оставь теперь мужа, встань, женщина, и возвратись въ міръ жизни! Ты лежишь* (а перевели, вѣроятно—ляжешь) *возлѣ того, чья жизнь отлетѣла. Ты уже исполнила долгъ жены къ мужу, въ руки котораго никогда отдала себя, и который сдѣлалъ тебя матерью*». Брамины, вообще мало знающіе

санскритскій языкъ, исказивши стихъ, сдѣлали свое ученіе кровожаднымъ. Вотъ до какихъ ужасающихъ послѣдствій можетъ доходить невѣжественная недобросовѣстность и религіозный фанатизмъ!.. Гибло, часто въ цвѣтѣ лѣтъ, безчисленное множество жизней, цѣлой странѣ угрожало безполезное возстаніе,—и все это изъ-за одного невѣрно переведеннаго текста!.. [1])

Поэтому воинственная цивилизація дѣлаетъ величайшее преступленіе, когда въ своей ярости уничтожаетъ драгоцѣнные памятники древности, этотъ ключъ къ познаніямъ всякаго рода.

[1]) Сжиганіе вдовъ практиковалось не во всей Индіи, и это уже указываетъ на болѣе или менѣе спорный вопросъ религіи.

Требовать добродѣтелей и честныхъ правилъ возможно только при условіи свободной воли.

Философъ.

Законы Индусовъ.

Жизнь людей, современныхъ Ведамъ, пока мало извѣстна; но послѣдующія заселенія нынѣшней Остъ-Индіи приняли такіе большіе размѣры по численности и пространству занятыхъ ими мѣстностей, что представилась необходимость имѣть, кромѣ администраціи, и отдѣльные законы для осложнившихся потребностей человѣка. Въ каждой занятой мѣстности начинало образовываться особое государство, новый строй жизни, и патріархальный образъ правленія уходитъ въ вѣчность.

Первымъ законодателемъ Остъ-Индіи является Ману, котораго принято считать авторомъ уложенія законовъ подъ названіемъ Манавадгармакастрамъ, писанныхъ, будто, около 2450 л. до Р. Х. (Нѣкоторые ученые предполагаютъ, вѣроятно, не безъ основаній, что Ману составляетъ одно и то же лице съ Мэнэ, первымъ египетскимъ царемъ, много путешествовавшимъ).

Ману опредѣляетъ особу женщины подробнѣйшимъ образомъ.

«Женщина,—говоритъ онъ,—есть существо алчное до удовольствій, увеселеній, лишенное способности къ искреннимъ привязанностямъ, капризное по нраву и вкусамъ, безсильное уразумѣть святость молитвы и законовъ, изображающее собою воплощенную хитрость» [1]).

Но такъ какъ сами Индусы думаютъ, что Ману былъ ихъ родоначальникомъ, то почерпнуть такую характеристику изъ жизненнаго опыта онъ не могъ, и въ такомъ случаѣ долженъ былъ получить откровеніе свыше. Если же Ману не болѣе, какъ эпическій миѳъ, теряющійся въ древности,—здѣсь явное недоразумѣніе на счетъ давности его законовъ [2]).

Какъ бы то ни было, но на этомъ солидарномъ основаніи Индусы считаютъ женщину недостойною участвовать въ общихъ молитвахъ и жертвопри-

[1]) Les lois de Manou, traduites par Loiseleur-Delongschamps. 1833.

[2]) Нѣкоторые ученые изслѣдователи думаютъ, судя по содержанію Св. книгъ Индіи, что однѣ изъ нихъ сочинены жрецами, другія же — вождями. (Дреперъ).

ношеніяхъ, недостойною соблюдать установленные посты, и законы Ману предписываютъ ей одно служеніе мужу, будто замѣняющему ей и Бога, и рай, и все на свѣтѣ. (Manou, II, 67; V, 155, 165, 166; IX, 15, 16, 18, 22).

Поэтому для женщины нѣтъ иного Бога, кромѣ мужа; ея усердіе въ служеніи ему замѣняетъ ей пребываніе у Небеснаго Отца, а работы по хозяйству замѣняютъ ей заботы о священномъ огнѣ; она исключается изъ религіозныхъ церемоній, для нея нѣтъ ни постовъ, ни благочестиваго исполненія обрядовъ. (Тамъ же).

«Контрактъ, заключаемый женщиною—не имѣетъ значенія». (Principles of Hindu law. *Macnaghten*, 1861, стр. 105).

«Какъ неспособная ни къ чему доброму,—говоритъ законъ Ману—она не должна имѣть своей воли. Во время дѣтства и юности—полнымъ ея властелиномъ долженъ быть отецъ; потомъ—мужъ. Овдовѣвши, она должна быть во власти своихъ сыновей, а за неимѣніемъ ихъ—во власти братьевъ и родственниковъ по мужу; [1]) но никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ она не должна имѣть права распоряжаться ни собою, ни какимъ бы то ни было предметомъ собственности, которой ей и не полагается, какъ не полагается въ ней собственнаго разума: она—предметъ, получающійся отъ другихъ, и переходящій по наслѣдству вмѣстѣ съ прочею движимостью [2]).

Вслѣдствіе такого положительнаго рѣшенія, женщина была лишена всякаго права на что бы то ни было: даже подарки отца, мужа, брата, или жениха не составляли ея собственности, и еслибъ она вздумала унести въ числѣ приданаго малѣйшую тряпичку, подаренную ей когда нибудь отцемъ,—это сочлось бы за воровство [3]).

Ману и послѣ смерти мужа предписываетъ женѣ строжайшую вѣрность. «И тогда она обязана дѣлать только то, что ему было пріятно при жизни, и даже въ самыхъ сокровенныхъ мысляхъ своихъ не произносить имени другого мужчины». (Manou, V, 156, 157).

Желая освятить причину подобныхъ обязанностей, Ману возвѣщаетъ, что «только при безукоризненной вѣрности вдовы душа мужа найдетъ покой, потому что она (душа) и послѣ смерти тѣла приходитъ, невидимая, вкушать къ домашнему очагу своему».

Я не буду подробно описывать тѣ вѣрованія и религіозные обряды Индусовъ, въ которыхъ женщина не принимала участія, и упомяну лишь о тѣхъ, гдѣ слишкомъ замѣтно намѣреніе Ману вполнѣ обезпечить мужчину со стороны его излюбленныхъ слабостей: для этого онъ совершенно

[1]) Manou, V, 148
[2]) Manou, V, 148.
[3]) Yajnavalkya, II, 25; I, 85, 86.

уничтожилъ въ женщинѣ личность, вмѣстѣ съ возможностью проявленія въ ней потребностей организма; законодатель ихъ похерилъ безповоротно, оставляя въ пользу своего пола одно то, чего онъ желалъ. Этотъ простой и легчайшій способъ узаконять ложную истину вполнѣ соотвѣтствовалъ незрѣлости ума человѣка тѣхъ временъ.

Въ священныхъ книгахъ Индусовъ говорится:

«Ману раздѣлилъ между женщинами любовь къ постели, къ сидѣнью на мѣстѣ, къ нарядамъ и удовольствіямъ; кромѣ того—онъ раздѣлилъ между ними гнѣвъ, лѣнь, дурныя склонности, нечистые помыслы, развращенность понятій. Зная, чѣмъ этотъ полъ одаренъ отъ Творца, мужья должны неусыпно слѣдить за тѣмъ, чтобы женщины день и ночь находились въ зависимости; молодыхъ и старыхъ, безразлично, нельзя допускать дѣлать что бы то ни было, даже въ своемъ домѣ, по собственной волѣ» [1]).

Всѣ человѣческія достоинства и добродѣтели, по понятіямъ Ману, жена получаетъ только отъ мужа, потому что они присущи исключительно мужскому полу. Значитъ, ему одному должны принадлежать всѣ права на власть, на собственность и наслѣдство, на пріобрѣтенія, выраженія своей воли, общественное служеніе, на молитвы и исполненіе религіозныхъ обрядовъ, право надъ женами, дѣтьми и рабами, права всякой опеки, свидѣтельствъ передъ законами, купли, продажи и пр. и пр.

Но, какъ ни странно это покажется на первый взглядъ,—подобная характеристика не мѣшаетъ пантеисту Ману признавать и женщину за божество: онъ строго запрещаетъ обижать и ее, какъ запрещаетъ мучить другихъ животныхъ. По его законамъ, убивающій, хотя бы нечаянно, женщину,—повиненъ въ тяжкомъ грѣхѣ; но въ точно такомъ же грѣхѣ обвиняется и тотъ, кто нечаянно же лишитъ жизни свинью, барана, или другое животное.

У всѣхъ восточныхъ народовъ, въ томъ числѣ и у Индусовъ, главною и единственною цѣлью брака было наивозможно большее нарожденіе дѣтей; поэтому бракъ былъ обязателенъ для обоихъ половъ, составляя священный долгъ относительно родины. По мѣрѣ введенія государственныхъ учрежденій, для надзора за выполненіемъ этого долга назначалась особая инспекція. «Отецъ, или опекунъ, не выдающій замужъ дочь, какъ только она входила въ соотвѣтствующій возрастъ,—считались государственными преступниками: ихъ за это устраняли отъ родительской власти, и не выданной, т. е. не проданной своевременно дочери дозволялось въ такомъ

[1]) Manou, V, 147; IX—2—19.

случаѣ выдти за кого ей заблагоразсудится». [1]) Это считалось такимъ позоромъ, что всякій старался не допускать себя до него.

Ману не только разрѣшалъ, но еще и одобрялъ отцевъ, братьевъ и родныхъ, щедро дарящихъ невѣсту; но отнюдь не съ тою цѣлью, чтобъ женщина пользовалась подарками, а только чтобъ привлечь жениховъ, которые получали все это въ свою неотъемлемую собственность. Какъ уже было сказано,—еслибъ дочь вздумала завладѣть хоть самымъ незначительнымъ изъ подарковъ отца, ея поступокъ счелся бы за воровство.

Пріобрѣтеніе жены путемъ покупки Ману все-таки не одобрялъ, и обычай этотъ съ теченіемъ времени началъ видоизмѣняться у Индусовъ; тогда и цѣнности, приносимыя женихомъ отцу невѣсты, стали превращаться въ номинальную ея собственность, хоть и законную, но для нея совершенно непроизводительную, такъ какъ мужъ продолжалъ владѣть всѣмъ женинымъ добромъ безапелляціонно.

Братьямъ незамужней сестры, Ману, какъ будто преисполненный благонамѣренности къ особѣ женщины,—совѣтовалъ уступать сестрѣ изъ унаслѣдованнаго имущества до четвертой части каждаго; но и это не въ пользу сестры, а чтобъ она скорѣе привлекла къ себѣ мужа (Вѣроятно сребролюбіе мужчины Ману не считалъ за покоръ). Въ свое же владѣніе ни сестра, ни дочь ничего не получали: все передавалось мужу изъ рукъ въ руки въ полное пожизненное и посмертное распоряженіе, вмѣстѣ съ особою жены, для которой собственной воли, или желанія, не полагалось ни въ тѣхъ случаяхъ, когда ей давали мужа, ни въ тѣхъ, когда мужъ ее отвергалъ, намѣреваясь купить нѣсколько другихъ женщинъ, ни даже въ тѣхъ, когда трудолюбивая женщина имѣла возможность заработать что нибудь для себя, или дѣтей. «*Все, что можетъ пріобрѣсти жена, или дочь,—принадлежитъ ея мужу, или отцу*»—говоритъ изслѣдователь [2]).

И не смотря на всю глубину униженія, созданнаго Ману для женщины,—онъ запрещалъ ударить ее... даже цвѣткомъ.... Его кажущаяся благонамѣренность дѣлаетъ для женщины еще больше: онъ, какъ магъ, повелѣваетъ почитать женщину, грозя гнѣвомъ небесныхъ силъ тому, кто ее не почтетъ. «*За непочтеніе къ женщинѣ—всѣ добрыя дѣла мужчины не поставятся ни во что!*»—говоритъ онъ: «*Всѣ, кромѣ брамановъ, должны пропускать женщину* впереди себя» [3]).

Вотъ какъ давно существовали типы Макіавелли, послужившіе образцами для благовоспитанности вплоть до нашихъ дней. Необтесанному че-

---

[1]) Martin, Histoire de la femme dans e'antiquité, 1862.

[2]) Schönberg. Lebens und Charakterbilder aus Indien und Persien, 1852, I, 114.

[3]) Manou, II, 138, 139.

ловѣку такія тонкости и теперь показались-бы подозрительными, а Индусу Ману еще задолго до Р. Х. уже были извѣстны способы связывать несвязуемое.

Ману предписывалъ супругамъ взаимную вѣрность, какъ будто желая уравновѣсить ихъ права. Но для жены *быть вѣрной* значило не только при жизни мужа, какъ мы видѣли, но и послѣ смерти его не думать о другомъ мужчинѣ; тогда какъ при полигаміи, вѣрность въ примѣненіи къ мужчинѣ, имѣетъ тотъ смыслъ, чтобъ мужъ, сочетаясь хоть съ десяткомъ другихъ женщинъ, не забывалъ посѣщать ни которую, согласно съ цѣлями брака.

На бракъ, какъ на основаніе и сокровищницу силъ страны, Ману обращалъ особенное вниманіе въ своихъ законахъ, и съ большою тщательностью позаботился объ интересахъ мужского пола и о мѣстѣ для женщины при всевозможныхъ случайностяхъ. Онъ забирается, съ кодексомъ своихъ законовъ въ рукахъ, даже за стыдливый занавѣсъ брачнаго ложа, гдѣ снабжаетъ мужа совѣтами.

Прекращеніе рода считалось не только несчастіемъ, но и грѣхомъ: душа умершаго не находила покоя, пока родственники своими заботами не возстановятъ ея рода [1]). Но такъ какъ однимъ мужчинамъ предоставлялись честь и право продолжать родъ, и каждый огорчался, видя его угасающимъ за недостаткомъ сына,—законодателю необходимо было устроить такъ, чтобъ мужчина никогда не рисковалъ очутиться въ безвыходномъ положеніи. И Ману помогъ ему въ этомъ случаѣ особеннымъ закономъ, по которому ни одинъ кавалеръ не терялъ надежды такъ или иначе пріобрѣсти сына и упрочить при жизни свой родъ: онъ снабдилъ мужа правомъ одолжать на короткій срокъ свою жену благонадежному лицу, и лазейку эту прикрылъ такою религіозною торжественностью, которая устраняла соблазнъ. Послѣ этого оба благодѣтеля, выручившіе несчастнаго мужа, должны были, по предписанію Ману, смотрѣть другъ на друга какъ отецъ на дочь, и обратно [2]). Кромѣ того, если подростающимъ потомствомъ были однѣ дочери,—Ману опять являлся на помощь къ отцу. На этотъ разъ онъ разрѣшалъ ему поручить дочери снабдить его сыномъ, при чемъ обрядъ съ чѣмъ-то въ родѣ заклинанія давалъ ему право усыновить этого внука при самомъ рожденіи, и такимъ способомъ и родъ возстановлялся, и души предковъ успокоивались. Но тутъ достопочтенный законодатель начинаетъ играть въ кошки—мышки самъ съ собою. Издавъ этотъ законъ, онъ самъ-же принимается совѣтовать каждому раз-

---

[1]) Manou IX, 137, 138.

[2]) Manou, IX, стр., 58—63.

судительному человѣку остерегаться жениться на дѣвушкѣ, у которой нѣтъ братьевъ: «Такъ какъ,—предостерегаетъ онъ,—отецъ могъ согласиться на бракъ съ заднею мыслью получить отъ дочери сына для себя». (Uajnavalkya, I, стр. 53),

И дѣйствительно, сынъ этотъ могъ оказываться единственнымъ: кому-же желательно лишиться подобнаго сокровища, да еще по собственной неосмотрительности?

Предупредительный и вездѣсущій Ману не оставилъ безъ попеченія и тѣхъ отцевъ, которые умирали въ цвѣтѣ лѣтъ, съ надеждою имѣть еще сына впереди. Въ такихъ случаяхъ Ману приказывалъ, чтобы наслѣдство послѣ нихъ не доставалось ни дочерямъ, ни родственникамъ, но вмѣнялъ послѣднимъ въ обязанность подыскать дочери мужа, который и получалъ наслѣдство на храненіе до рожденья ребенка мужского пола, а впослѣдствіи внукъ совершалъ обрядъ жертвоприношенія дѣду.

Удаленная географическимъ положеніемъ отъ европейскаго вліянія, Индія такъ укрѣпилась въ своихъ вѣрованіяхъ и воззрѣніяхъ на женщину, что они искореняются тамъ еще съ большею, противъ другихъ странъ, медлительностью.

Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько тысячъ лѣтъ, [1]) и въ Индіи жилъ послѣ того великій реформаторъ, который и словомъ, и примѣромъ побуждалъ людей къ человѣколюбію, справедливости и милосердію. Прекрасное ученіе Будды должно-бы было отрезвить мысли отрицателей общечеловѣческихъ правъ для раба, женщины и парія,—но этого не совершилось, хотя Будда имѣлъ до трехсотъ милліоновъ послѣдователей. Надо думать, что высокія мысли и по истинѣ милосердныя дѣла не принесли надлежащихъ плодовъ по той причинѣ, что въ самомъ принципѣ ученія Будды игнорируется вообще личное право человѣка на свободу, въ смыслѣ либерализма, а безъ него и деспотизмъ можетъ считаться явленіемъ естественнымъ.

Индія оспариваетъ у Египта первенство древности, поэтому немудрено, если воззрѣнія Ману отразились и на законахъ другихъ странъ еще въ тѣ времена, когда наша просвѣщенная Европа стояла на низкой ступени умственнаго развитія.

Чѣмъ глубже древняя исторія каждой страны, тѣмъ туманнѣе въ ней подробности, тѣмъ труднѣе составить что нибудь цѣльное изъ фактовъ, нерѣдко отрывочныхъ, дошедшихъ до насъ доказательнымъ образомъ. Но повидимому женщина и въ Индіи не всегда находилась въ одинаковомъ угнетеніи, и исторія ея положенія имѣла свои фазисы.

---

[1]) по Lenormant 5570.

Такъ въ однихъ мѣстностяхъ жену сжигали живою тотчасъ послѣ смерти мужа, въ другихъ практиковались законы Ману; а въ мемуарахъ знаменитаго географа и историка Страбона, почти современника Христа, говорится, что въ сосѣднихъ съ Индіею мѣстностяхъ, задолго до Ману, одна и та-же женщина состояла женою цѣлой семьи со всѣмъ ея родствомъ. (Такъ какъ большая часть мемуаровъ Страбона затерялась, то нельзя ни отрицать, ни утверждать, чтобы въ затерявшихся его записяхъ не было ничего сказано о чемъ нибудь подобномъ и въ самой Индіи, хотя Страбонъ могъ и не побывать тамъ лично).

Во всякомъ случаѣ очевидно, что ничего похожаго въ исторіи мужчины не существовало; и еслибъ онъ былъ сотворенъ не звѣроподобнымъ, исторія не была-бы рядомъ печальныхъ послѣдствій крайней грубости и полнаго невѣжества царя замли.

Востокъ нуждался въ утѣшеніяхъ религіи еще болѣе другихъ странъ: мужчина получалъ въ ней прежде всего спасительную укротительницу деспотовъ—правителей, женщина могла имѣть въ ней хоть нѣкоторую острастку для своихъ мучителей; но такъ какъ религія Ману была продуктомъ измышленія, добра отъ нея не воспослѣдовало.

Ману составилъ кодексъ и для учащейся молодежи. Здѣсь точно также каждое изъ его соображеній пропитано духомъ ревности, грубаго эгоизма и властолюбія: «Духовный наставникъ долженъ быть для ученика лицемъ священнымъ: это тотъ-жъ отецъ, дающій ему второе рожденіе вмѣстѣ съ познаніемъ Ведамъ и Савитри. Ученику подобаетъ жить подаяніями, это для него такъ-же почетно, какъ поститься. Онъ не долженъ осмѣливаться подражать наставнику даже въ походкѣ и манерахъ; за подобную дерзость его ждетъ наказаніе въ будущей жизни. Если онъ позволитъ себѣ отозваться непочтительно о наставникѣ, то послѣ смерти превратится въ осла; если оклевещетъ его—въ собаку; если возьметъ у него что-либо безъ позволенія—въ червяка. «(Manou, II, 201)». Больше-же всего ученикъ долженъ опасаться какой-нибудь фамильярности съ женою учителя: онъ не имѣетъ права оказывать ей ни малѣйшей услуги, такъ какъ въ природѣ женщины совращать мужчинъ; она способна совратить съ правильнаго пути самаго мудраго, опытнаго человѣка и поработить его игу любви и страсти. Слѣдуетъ также всячески избѣгать оставаться глазъ на глазъ съ сестрою, дочерью, даже матерью наставника, потому что мужскія чувства, соединившись, могутъ сбить съ толку мудрѣйшаго. (Manou, II, 213, 214, 215).

«На лобъ ученика, позволившаго себѣ дерзкое поползновеніе осквернить ложе своего наставника, будетъ наложено клеймо съ изображеніемъ женскихъ половыхъ органовъ» (Manou, IX, 237).

Такимъ образомъ женщина, совершенно изолированная отъ всякой живой и здоровой мысли, была поставлена въ полную, всестороннюю зависимость отъ воли мужского пола. Кто пожелаетъ вдуматься въ ея нравственное состояніе при законахъ Ману, тотъ самъ пойметъ, какъ все это должно было отразиться на всей ея личности, на общемъ складѣ ея внутренняго міра; здѣсь не доставало только, чтобъ и сынъ, наравнѣ съ мужемъ и отцемъ, имѣлъ право торговать своею матерью.

Нѣсколько сходную искусственную задержку въ умственномъ развитіи исторія намъ указываетъ и въ отношеніи мужскаго пола съ распространеніемъ исламизма и другихъ неосмысленныхъ религій.

Въ природѣ не бездѣйствуетъ ни одна изъ ея разнообразнѣйшихъ силъ; это должно служить указаніемъ для человѣка. Но такъ какъ въ его сложномъ организмѣ соединено много разнохарактерныхъ силъ, требующихъ выработки,—то умертвленіе которой нибудь изъ нихъ, неминуемо, нарушая общую гармонію,—составляетъ уже преступленіе противъ Того, Который вложилъ ее не для смерти, но для жизни.

Естествовпдъ.

Китай.

Источникомъ свѣдѣній о древнемъ Китаѣ служитъ Шу-Кингъ (книга лѣтописей) и Ши-кингъ (книга пѣсней). Но въ этихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ древнѣйшей китайской исторіи не имѣется послѣдовательныхъ историческихъ лѣтописей: изъ ста томовъ описаній, съ промежутками по нѣскольку столѣтій, при томъ относящихся главнымъ образомъ къ придворной жизни,—нельзя сдѣлать точныхъ выводовъ ни о времени, ни о причинахъ развитія установившагося тамъ строя семейной жизни. Но такъ какъ буддизмъ перешелъ въ Китай изъ сосѣдней съ нимъ Ост-Индіи, то можно допустить вѣроятіе, что и многое другое было заимствовано оттуда же. Такое предположеніе тѣмъ основательнѣе, что въ Китаѣ, какъ и въ Индіи, ветхозавѣтный законодатель совсѣмъ не далъ свободы собственному соображенію Китайца, но, подобно Ману, самъ, и разъ на всегда, озаботился подумать обо всѣхъ мельчайшихъ положеніяхъ каждаго члена семьи, обо всѣхъ мѣрахъ для каждаго, и при всевозможныхъ случайностяхъ. Оба законодателя [1]) разрѣшили себѣ явиться въ семью полноправными хозяевами и судьями безапелляціонными. Поэтому и въ Китаѣ, какъ въ Индіи, не имѣется семьи въ настоящемъ ея смыслѣ, т. е. не имѣется той нормальной связи членовъ, той души, которая соединяетъ ихъ воедино во имя заботъ о всесторонихъ интересахъ каждаго изъ нихъ. И тамъ, и здѣсь личность мужа затушевываетъ остальныхъ членовъ, напоминая собою скорѣе негровладѣльца, чѣмъ отца и мужа; всѣ должны смотрѣть на вещи его глазами, всѣ обязаны покоряться даже его причудамъ, онъ одинъ пользуется правомъ голоса.

[1]) Если только ихъ было два, а не одинъ и тотъ-же Ману.

Впрочемъ собственно китайцы, къ счастью своихъ домашнихъ, не склонны къ причудамъ; отъ колыбели до могилы они, въ общемъ складѣ своей жизни, руководятся не личнымъ разумомъ, или чувствомъ, но твердо заученными правилами древняго закона, впослѣдствіи нѣсколько облагороженнаго Конфуціемъ (около 500 л. до Р. Х.). Въ примѣненіи къ женщинѣ, нравственные законы Конфуція имѣютъ то преимущество передъ Ману, что этотъ послѣдній считалъ женщину недостойною носить въ душѣ религію, предписывая ей одно служеніе мужу; тогда какъ Конфуцій не совсѣмъ исключилъ ее изъ числа людей, допуская поклоняться и всеобщей душѣ міра, и предкамъ. Но и Конфуцій, какъ Ману, находитъ, что женщина всѣмъ обязана мужу и только черезъ него можетъ быть украшена нѣкоторыми добродѣтелями. Подчиняя семью всецѣло главѣ, законы его не допускаютъ возможности какой бы то ни было обиды съ его стороны по отношенію къ подвластнымъ членамъ, вслѣдствіе чего не дозволяютъ никакихъ на него жалобъ, что бы онъ ни творилъ. Жалующійся на главу ужъ за самую жалобу обвиняется въ непочтительности къ старшему, что составляетъ въ Китаѣ такое важное преступленіе, за которое жалующійся самъ рискуетъ подвергнуться смертной казни. Понятно, что при подобномъ принципѣ, слабый нигдѣ не имѣетъ защиты отъ произвола сильнаго, для деспотизма котораго открыты широкіе ворота.

Конфуцій возлагаетъ на новобрачныхъ двѣ главнѣйшія обязанности: 1) служить въ семейномъ храмѣ предковъ, души которыхъ, какъ и по Ману, продолжаютъ, незримые, участвовать въ семейной жизни; 2) обзаводиться потомствомъ мужского пола.

Китайскій женихъ не занятъ вопросами ни выбора невѣсты по сердцу, ни любви къ ней, потому что она была ему указана и назначена съ малаго возраста. Равнымъ образомъ и у невѣсты никто не справляется, согласна ли она посвятить всю жизнь выбранному другими мужу, вслѣдствіе чего и она не вкладываетъ души въ исполненіе своихъ обязанностей, такъ что семейныя отношенія въ Китаѣ вообще холодны.

Въ правилахъ, касающихся полигаміи—не воспрещаемой въ книгѣ «Церемоній», которою руководится каждый китаецъ—имѣется также сходство съ законами Ману: мужъ можетъ имѣть одновременно много женъ, но подъ условіемъ «не отдавать предпочтенія ни которой, а аккуратно и неуклонно посѣщать каждую».

Въ Китаѣ даже наукѣ предписаны опредѣленныя формы и назначены предѣлы, далѣе которыхъ она не имѣетъ права идти. И здѣсь выглядываетъ нравственная физіономія властолюбиваго законодателя: тормозя прогрессъ мысли, онъ этимъ самымъ увѣковѣчиваетъ свои законы. Разсчетъ простъ и ясенъ, потому что для властолюбца всегда выгоднѣе быть окру-

женнымъ глупыми, чѣмъ размышляющими людьми: невѣжество упрочиваетъ его власть, тогда какъ знаніе ее подрываетъ.

Не меньшее сходство замѣчается и по отношенію правъ старшаго въ родѣ; и тутъ, и тамъ эти старшіе въ родѣ имѣютъ полную возможность злоупотреблять своею властью и заводить развратъ между опекаемыми ими женщинами. Примѣровъ этому въ Китаѣ такая масса, что фактъ свободно можетъ считаться заурядnымъ, вошедшимъ въ плоть и кровь каждаго китайца. При участіи чувства въ семейной жизни, подобное снохачество не могло бы имѣть мѣста; оно преслѣдовалось бы даже какъ единичная случайность, и никакъ не было бы доведено до степени поголовнаго преступленія. Равнымъ образомъ не могъ бы имѣть мѣста варварскій обычай выбрасывать безъ жалости трупы собственныхъ дѣтей, умершихъ ранѣе восьмилѣтняго возраста, или убивать новорожденныхъ дѣвочекъ. Обычай этотъ водится, впрочемъ, не въ одномъ Китаѣ; онъ еще въ большемъ ходу въ Новой Зеландіи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Индіи, на Сандвичевыхъ островахъ, въ Австраліи, въ Парагваѣ, у Готтентотовъ,—Тѣ изъ матерей, съ которыми изслѣдователямъ и путешественникамъ удавалось говорить объ этомъ предметѣ,—откровенно признавались, что имъ не жаль убивать младенца—дочь, потому что онѣ хорошо знаютъ, что сынъ еще можетъ прожить счастливо, тогда какъ дѣвочку всегда ожидаетъ печальная участь: такъ пусть лучше умретъ!

Въ искренности подобныхъ отвѣтовъ нельзя сомнѣваться при господствующихъ тамъ взглядахъ на женщину. Ужъ если въ крупныхъ городахъ Европы, и въ XIX столѣтіи, молодыя особы женскаго пола еще не обезпечены отъ преслѣдованій кавалеровъ на улицахъ, когда не принимаютъ предосторожностей при позднихъ выходахъ изъ дому,—чего только не могла ожидать женщина отъ дикарей?

Странно только то, что господа ученые трактуютъ о придаточной роли половыхъ органовъ въ общемъ организмѣ мужчины—послѣ фактическихъ, міровыхъ доказательствъ едва-ли не обратнаго.

Насколько опредѣленія господъ ученыхъ вѣрны, или невѣрны,—судить не намъ; но если они правы, то обычное поведеніе мужского пола служитъ безспорною уликою его возмутительной необузданности, которая развивалась и крѣпла тысячелѣтіями, весьма мало стѣсняемая законами всѣхъ странъ *).

*) Мнѣ неизвѣстно, произошло ли какое измѣненіе въ французскихъ законахъ по поводу соблазненной дѣвушки, но еще въ весьма недавнемъ прошломъ законъ отказывалъ ей въ правѣ даже искать отца рожденнаго при такихъ условіяхъ ребенка, хотя бы она не имѣла никакихъ средствъ воспитать его: что же ей оставалось дѣлать?

Китайцы считаютъ первымъ человѣкомъ Пан-ку. За нимъ идетъ длинный рядъ миѳологическихъ лицъ, полу-боговъ, полу-царей, которые научили людей всякому дѣлу. Однимъ изъ ихъ прославленныхъ потомковъ является Вао, съ котораго и начинается настоящая, писанная исторія страны. Китайскія преданія насчитываются отъ 80—100 тысячъ лѣтъ существованія своей родины. Изученіе различныхъ искусствъ и ремеслъ стояло на первомъ планѣ съ самаго начала исторіи. Нѣкоторыя изобрѣтенія появились въ Китаѣ ранѣе, чѣмъ у Европейцевъ; но философія имъ не далась, и наука жизни не развивалась, такъ что понятія ихъ о добрѣ и злѣ, о красотѣ, простотѣ и естественности доходятъ подчасъ до смѣшного. Разумомъ, въ смыслѣ благоразумія, китайцы не обижены; они смирны, выносливы и чрезвычайно трудолюбивы; но умъ и сердце этого народа и теперь еще стоитъ на низкой ступени развитія. Рутинность ихъ, вслѣдствіе непривычки къ мышленію на естественной почвѣ, является чѣмъ то нелѣпымъ, уродливымъ. Въ нихъ до того забита умственная свобода, что самый вкусъ къ ней какъ будто утерянъ, и для китайца, повидимому, легче понести лишенія, или потери разнаго рода, чѣмъ уклониться отъ разъ внушеннаго ему шаблона. По той же причинѣ китайцы всячески стараются предохранить себя отъ постороннихъ вліяній, и до нынѣшняго вѣка держались изолированности.

Женщины, разумѣется, имѣютъ еще менѣе охоты и возможности отступать отъ установленныхъ изстари обычаевъ, а такъ какъ для нихъ ужъ окончательно закрыты всѣ пути къ просвѣщенію,—богатыя проводятъ сидячую жизнь за измышленіемъ нарядовъ и украшеній своей внѣшности, а бѣдныя завалены трудомъ, часто непосильнымъ. Несмотря на общую незлобивость китайской націи, прерогатива мускульной силы господствуетъ и здѣсь. Непрекращающееся понынѣ обыкновеніе съ дѣтства не давать развитія женской ногѣ, придумано, конечно, не самой женщиною, и можетъ здѣсь служить графическимъ изображеніемъ того всесторонняго давленія, которое тяготѣло надъ ея особою у всѣхъ народовъ. Какъ ревнивое обереганіе *своей собственности* приковало женщину къ дому посредствомъ невозможности естественнаго владѣнія ногами, такъ точно властолюбіе закрѣпило ее въ умственной бездѣятельности посредствомъ отрицанія въ ней способностей.

Развитіе всякаго рода способностей находится въ прямой зависимости отъ ихъ практическаго примѣненія. Законы природы вездѣ одинаковы, и если мы знаемъ, что рыбы теряютъ зрѣніе, а утки—перья, когда имъ этого не требуется при продолжительной жизни въ подземныхъ озерахъ, и что то и другое къ нимъ постепенно возвращается при переходѣ въ иныя условія,—нельзя не думать, что нѣчто однородное происходило и

съ мозговыми способностями женщины всѣхъ временъ и національностей: ея способности пріостановились въ ростѣ, нѣсколько заглохли; но зародыши ихъ живучи, и вездѣ, гдѣ начали отодвигать искусственныя преграды для ихъ развитія,—женщины зашагали быстро впередъ, какъ будто желая наверстать потерянное время. Такъ точно все, парализованное мракомъ, можетъ воскреснуть при солнечномъ лучѣ!

Развитіе мыслительныхъ способностей китайцевъ было также задержано древнимъ законодателемъ, не давшимъ имъ нормальнаго хода и простора. Поэтому, разсудительные съ одной стороны, они часто являютъ себя совсѣмъ наивными съ другой. Такъ, напр. имъ не кажутся смѣшными тѣ изъ ихъ взаимныхъ отношеній въ обществѣ, которыя у насъ называются «китайскими церемоніями»; равнымъ образомъ имъ не кажется странною плата мужчины за право отращивать косу, или готовность платить за нее тѣмъ дороже, чѣмъ длиннѣе выростетъ эта мужская краса. Очевидно, что когда то сооруженныя преграды къ широкому мышленію отразились на складѣ ума китайца сходно съ тѣмъ, какъ онѣ всегда отражались на складѣ ума женщины всѣхъ національностей.

Китайскій императоръ называетъ себя сыномъ неба, и вся его внутренняя жизнь окружены таинственною недоступностью. Онъ рѣдко показывается народу, и выходы его поражаютъ внушительною пышностью, богоподобностью общей обстановки, хотя въ этой странѣ, быть можетъ, уже не требуется столько эффектности для поддержанія величія. Китайцы такъ крѣпко зацѣпились за свои традиціи, что врядъ ли нуждаются въ продолженіи гипноза.

Человѣчество еще не доросло до понятій объ истинномъ величіи. Предвѣстники ихъ еще едва мелькаютъ, на подобіе одинокихъ метеоровъ среди тьмы закоренѣлаго невѣжества; началъ главной культуры мозга царя земли еще почти не видно, а мы уже оповѣстили міръ о своей цивилизаціи, продолжая распинать предвозвѣстниковъ нормы. Жалости и глубокаго участія заслуживаютъ несчастные обитатели нашей маленькой планеты, такъ медленно выполняющіе свое предназначеніе, а мы ужъ не знаемъ мѣры величанія ихъ черепашьихъ шаговъ къ свѣту!

Еслибъ не страшная густота населенія, заставляющая бѣдняковъ селиться даже на водныхъ пространствахъ, китайцы, закупорившись въ своихъ традиціяхъ, какъ улитка въ раковинѣ, были бы очень довольны собою и возможностью оградить себя отъ вторженія иностранцевъ; но закоренѣлый въ предразсудкахъ, хотя и смирный народъ этотъ недостаточно вооруженный противъ набѣговъ промышленной цивилизаціи, уже нѣсколько разъ находился вынужденнымъ дѣлать уступки во имя чужихъ интересовъ и спасенія своей родины отъ ужасовъ войны.

Пока благонамѣренныя европейскія державы, не пренебрегая своими интересами, умѣли въ то же время относиться болѣе или менѣе человѣколюбиво къ китайцамъ, пока они поступали съ должною осторожностью и разумомъ съ этими старыми дѣтьми,—постепенное просвѣщеніе ихъ, накладываемое едва замѣтными слоями, было бы болѣе чѣмъ вѣроятнымъ. Но здѣсь мы опять наталкиваемся на образецъ странной цивилизаніи, врывающейся безъ дальнихъ церемоній въ чужія владѣнія, водворяющей просвѣщеніе огнестрѣльнымъ орудіемъ, и заражающей мирную почву міазмами своего культивированнаго нравственнаго разврата.—Вопросъ этотъ нельзя обойти молчаніемъ ужъ по одному тому, что непрекращающаяся воинственность характера мужского пола лежитъ въ тѣсной связи съ болѣе справедливою оцѣнкою женскаго дѣла; она сильно тормозитъ общій прогресъ мысли и мѣшаетъ приближенію того относительнаго счастья человѣка, какимъ онъ можетъ пользоваться на землѣ только при условіи мирныхъ жизненныхъ началъ.

Мужчина такъ много разбирается въ женскихъ недостаткахъ потому, что рѣдко заглядываетъ въ одно изъ своихъ полезныхъ изобрѣтеній—зеркало; иначе онъ давно замѣтилъ бы, что самъ полонъ крупныхъ пороковъ, пагубно вліяющихъ на окружающую среду. Я здѣсь беру въ примѣръ англичанина, какъ дѣятеля въ Китаѣ, о которомъ идетъ рѣчь; но какъ каждый отдѣльный человѣкъ, такъ и каждая нація имѣютъ свою характеристику, свои особыя, глубоко врѣзавшіяся черты, свой нравственный типъ (хотя, разумѣется, не поголовный),—и полный сухого эгоизма, хотя и просвѣщенный, англичанъ представляетъ тому довольно яркую иллюстрацію, такъ какъ едва ли гдѣ крайности въ хорошихъ, и особенно въ дурныхъ началахъ обрисованы съ такою рѣзкостью.

Съ одной стороны Англія даетъ воспитаніе передовымъ мыслителямъ, съ другой—выкармливаетъ аристократизмъ и маіоратство.—Здѣсь въ рѣдкой семьѣ глава не держится правила читать по воскреснымъ днямъ Евангеліе вслухъ, для назиданія домочадцевъ; но очевидно, что такой религіозный обычай вытекаетъ не изъ внутренней потребности общенія съ божественнымъ ученіемъ Христа, но служитъ только цѣлямъ иного характера, потому что духъ націи, въ общемъ, таковъ, что при первой встрѣтившейся возможности наживы, изъ этихъ же религіозныхъ отцевъ и сыновей образуется стая хищниковъ, которымъ, какъ коршунамъ, чуждъ смыслъ христіанскаго ученія.

Капиталистическое направленіе умовъ въ Англіи поразительно, и идея равенства развита здѣсь на практикѣ менѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ,

тогда какъ безъисходной, развращающей нужды, нищенства и всякаго рода пролетаріата здѣсь едва-ли не болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Всюду замѣчаются два противоположныя движенія, изъ которыхъ худшее поглощаетъ лучшее рельефнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Такъ съ одной стороны въ лондонскихъ первоклассныхъ магазинахъ вся мужская публика, при входѣ дамы, поголовно снимаетъ шляпы, а новѣйшіе проповѣдники, съ другой стороны, стараются внушать, что въ бракѣ необходимо полное повиновеніе и безпрекословная покорность жены мужу (Редстокъ).—Съ одной стороны успѣшно вотируется вопросъ о дарованіи женщинѣ права голоса, а съ другой — образуются крупныя корпораціи торговцевъ и ремесленниковъ, входящихъ въ стачки, чтобъ лишить женщину заработковъ. Съ одной стороны, на глазахъ всей Европы, Англія идетъ впереди всѣхъ державъ, разрѣшая женщинамъ занимать мѣста въ государственныхъ учрежденіяхъ, а съ другой—находятъ почему-то необходимымъ подвергать кандидатокъ на службу медицинскому осмотру, при чемъ однажды оказалось неизбѣжнымъ, за неимѣніемъ иныхъ погрѣшностей, выдернуть у кандидатки четырнадцать попорченныхъ зубовъ для полученія мѣста при почтамтѣ (Объ этомъ забавномъ случаѣ было сообщено, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, корреспондентомъ крупной русской газеты).

Черты крайней необщительности, надменности и узкаго эгоизма въ преобладающемъ типѣ Англичанина настолько характерны, что во всякомъ собраніи людей различныхъ національностей, какъ, напримѣръ, на гуляньяхъ, въ вагонахъ, въ фойе театровъ, на пароходахъ, на обѣдахъ, курортахъ, или балахъ,— всегда можно безъ ошибки указать пальцемъ на англичанъ, рѣжущихъ глаза своими непривлекательными особенностями.

Находясь внѣ своего отечества, рѣдкій изъ англичанъ, своимъ высокомѣрнымъ отношеніемъ къ окружающимъ, не даетъ понять каждому, что не видитъ себѣ равныхъ. Какъ чиновникъ, входящій въ простую крестьянскую избу, не измѣняетъ своихъ привычекъ, справедливо разсуждая, что здѣсь онъ можетъ скорѣе послужить образцемъ, чѣмъ подражателемъ, — такъ англичанинъ держитъ себя во всѣхъ столицахъ свѣта: онъ вездѣ самъ ставитъ себя на пьедесталъ, вездѣ безцеремоненъ, не считая нужнымъ уважать чужіе обычаи. Въ сущности ему въ рѣдкой странѣ нельзя перенять чего нибудь добраго; но еслибъ онъ и въ самомъ дѣлѣ представлялъ собою совершенство, то и тогда это постоянно подчеркиваемое сознаніе своего превосходства указывало-бы на грубость души, незнакомой съ деликатностью. Переходя отъ частнаго къ общему, мы тотчасъ-же встрѣчаемся съ рядомъ дѣяній цѣлой націи. Поведеніе Англичанъ въ Египтѣ извѣстно всей Европѣ. Недостойные никакой цивилизаціи поступки ихъ въ Индіи стоятъ ниже всякой критики: здѣсь формен-

нымъ порядкомъ организовался грязный развратъ во имя удобствъ англійскихъ войскъ, о чемъ довольно подробно переводилъ и печаталъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ докторъ Окороковъ въ одной изъ своихъ правдивыхъ статей о международной торговлѣ дѣвушками. Это-же подтверждалъ французскій медицинскій журналъ, разсказывая о такихъ ужасающихъ распоряженіяхъ англійскаго правительства во время пребыванія усиленныхъ войскъ въ Индіи, что имъ съ трудомъ вѣрится. Правительство, входя во всѣ подробности солдатскаго разврата, само приказываетъ слугамъ своего отечества отыскивать здоровыхъ и привлекательныхъ туземныхъ женщинъ, заботиться объ окруженіи ихъ комфортомъ, и обѣщаетъ повышенія и награды тѣмъ изъ офицеровъ, которые выкажутъ особое рвеніе въ этомъ дѣлѣ. Формальный приказъ по корпусу войскъ гласитъ прямо о внушеніи офицерамъ, что заботы этаго рода входятъ въ обязанности ихъ службы!..

Въ «Revue de morale progressive 1892» напечатано, приблизительно, слѣдующее: Оффиціальнымъ циркуляромъ предписывается англійскимъ полковымъ командирамъ въ Индіи неуклонно наблюдать за тѣмъ, чтобы при полкахъ имѣлись узаконенныя проститутки—въ однихъ мѣстахъ по одной на 2—3 солдата, въ другихъ—по одной на 5—6 солдатъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—по одной на 18—20 солдатъ. Предписывается тщательно заботиться, чтобъ эти женщины были достаточно обаятельны, чтобъ помѣщенія имъ были отведены удобныя, съ привлекательной обстановкой, чтобъ имъ производили ежедневный осмотръ.

Офицерамъ предписывается считать заботы этого рода входящими въ ихъ служебныя обязанности; солдатамъ приказывается внушать, чтобъ держали себя галантно съ этими несчастными (несчастіе которыхъ старались усугубить) и чтобъ помнили, что этого рода дѣла составляютъ одинъ изъ пунктовъ ихъ личной чести. Также предписывается (послѣ галантнаго исканія ихъ любви)—выдавать властямъ каждую изъ нихъ, если солдату покажется, что она могла заразить его сифилисомъ.

«Указанныхъ женщинъ,—слѣдуетъ далѣе,—тотчасъ-же свидѣтельствовали; но не смотря на такія мѣры, госпитальные рапорты неизмѣнно доносили англійскому правительству, что почти всѣ освидѣтельствованныя такимъ образомъ женщины оказывались совершенно здоровыми, что весьма рѣдкія изъ нихъ хвораютъ, да и тѣ доказываютъ, что могли заразиться только отъ тѣхъ-же солдатъ».

Остается только пожалѣть, что не существуетъ нравственно-санитарныхъ учрежденій, которыя могли-бы придать этому безобразію международное значеніе! Англія изображаетъ собою какъ-бы всемірную обсерваторію, которая день и ночь наблюдаетъ за всѣмъ, что творится на земномъ шарѣ, съ тою видимою цѣлью, чтобъ ни одинъ раздоръ, недоразу-

мѣніе, споръ, или дѣлежъ не обошелся безъ ея вмѣшательства. О, какъ морская щука, слѣдитъ за карасями, и задремавшему грозитъ опасность попасть къ ней въ ротъ. Тамъ Англичане похитили драгоцѣнныя каріотиды, тутъ они сдѣлали набѣгъ на спорную добычу, въ другомъ мѣстѣ они рядомъ злодѣйствъ водворяютъ непрошенную цивилизацію, а кстати и свою власть; такъ что если на одну чашу вѣсовъ положить все причиняемое ими людямъ зло, а на другую, исключивши ихъ единичныхъ мыслителей,—пользу, то послѣдняя быстро поднимется къ облакамъ. О бурахъ и говорить нечего: здѣсь они заявили себя совсѣмъ варварами.

Такими-же поступками ознаменовали себя Англичане и въ Китаѣ, гдѣ горькій опытъ заставляетъ туземцевъ остерегаться сближенія съ Европейцами, заявившими себя хищниками, и гдѣ, благодаря, отчасти, Англіи, прогрессъ значительно замедляется.

Хорошо понимая всю мѣру вреда, причиняемаго употребленіемъ опіума, Англичане, во имя наживы, начали ввозить его въ огромномъ количествѣ въ Китай. За подобную деморализацію цѣлой націи, производимую съ цѣлью обогащенія себя на счетъ гибели другихъ, каждое благонамѣренное правительство приговорило-бы частнаго человѣка къ строгой карѣ, потому что подобное преступленіе дѣйствительно крупнѣе частнаго поджигательства, даже убійства. Весьма понятно, слѣдовательно, что китайское правительство, оберегая свой народъ, запретило ввозъ опіума въ свои владѣнія. Англичане не устыдились и продолжали ввозить опіумъ контробандою, отъ чего цѣна на него страшно повысилась. Знало объ этомъ англійское правительство, или не знало, — достовѣрно неизвѣстно, но поводомъ къ предположенію, что ему все было извѣстно, служитъ тотъ фактъ, что какъ только въ Китаѣ начали принимать рѣшительныя мѣры противъ контробанды,—англичане нашли обиду по своему адресу, и тотчасъ-же была объявлена война.

Почти безоружные, сравнительно съ англичанами, несчастные Китайцы такъ сильно пострадали отъ натисковъ англійскихъ воиновъ, что во избѣжаніе еще худшаго, вынуждены были сдѣлать уступки и подписать договоръ. Ввозъ опіума былъ возобновленъ. Однако дѣйствіе яда стало слишкомъ пагубно для народа. Индифферентное отношеніе къ вопросу такой крупной важности грозило народнымъ бѣдствіемъ, вслѣдствіе чего извѣстные пункты договора начали понемногу нарушаться. Тогда англичане, за нарушеніе договора, снова объявили войну, пригласивъ къ себѣ на помощь такихъ же цивилизованныхъ союзниковъ, чтобы доблестнѣе проучить свою жертву.—На этотъ разъ союзныя войска произвели такія жестокія опустошенія у незлобиваго народа, что ему пришлось

помириться даже съ отравленіемъ: ввозъ яда сдѣлали безпрепятственнымъ, и англійская цивилизація удовлетворилась, подведя свон безчеловѣчныя дѣянія подъ законныя основанія.

И такія варварскія дѣла, достойныя самыхъ грубыхъ язычниковъ, совершались на глазахъ всей Европы, всѣхъ христіанскихъ державъ!.. (А въ Египтѣ еще за тысячу лѣтъ до Р. Х. уже существовалъ законъ, по которому всякаго свидѣтеля злодѣйства ожидала смертная казнь, если онъ не спѣшилъ на защиту жертвы).—Въ чемъ же тутъ проявила себя цивилизація?..

Въ этомъ отношеніи Англія, считающаяся едва ли не передовою страною, уступаетъ даже кочевымъ бедуинамъ, которые, занимаясь грабежомъ, все-таки держатся извѣстныхъ принциповъ чести, если ввели у себя пословицу: «Потерянныя деньги всегда можно возвратить, но потерянную честь—никогда!» И дѣйствительно трудно искупить тѣ бѣдствія, которыя производила эта нація, безпрерывно наводняя земли потоками человѣческой крови: гдѣ только она ее не проливала? Жителямъ Аравіи и центральной Африки слѣдуетъ весь вѣкъ благодарить своихъ боговъ, ниспославшихъ имъ спасительныя преграды, безъ которыхъ надо думать, и они бы прельстили чѣмъ нибудь цивилизованныхъ людей.

Извѣстный писатель Текерей, самъ англичанинъ, возмущается открыто страннымъ самомнѣніемъ своихъ соотечественниковъ, особенно въ ихъ богатыхъ сословіяхъ, и въ своей книгѣ Снобовъ прямо осмѣиваетъ ихъ «*глупую надменность, ничѣмъ не оправдывающуюся гордость, невыработанность въ нихъ чувства правды, дѣлающую ихъ грубыми и высокомѣрными. Нѣтъ на всемъ свѣтѣ никого,* — говоритъ онъ,—*кто бы такъ надменно кичился собою, такъ смѣялся бы надъ всѣмъ остальнымъ міромъ и относился бы съ такимъ глупымъ презрѣніемъ къ чужимъ національностямъ, какъ англичанинъ!*»

У каждой націи есть, разумѣется, свои слабыя стороны, за каждой водятся и дѣла, достойныя порицанія; но Англичане ими такъ богаты, и нація эта такъ громко ознаменовала свою исторію многимъ изъ того, что позоритъ человѣка, что она скорѣе развращаетъ міръ, чѣмъ подаетъ ему примѣръ цивилизаціи; потому что смертный обитатель земли вообще слабъ, потому что самоусовершенствованіе его подвигается очень туго, и соблазнъ дурного примѣра и торжество корыстныхъ цѣлей настолько же пагубны въ общественной жизнедѣятельности всего человѣчества, насколько это пагубно въ частной жизни отдѣльнаго человѣка. Умственныя способности, когда онѣ совмѣщаются съ низкопробными стремленіями, дѣлаются вдвое опаснѣе, чѣмъ патентованное слабоуміе, которое никогда не въ состояніи доходить до тонкостей комбинированныхъ, до возмущающихъ душу злодѣйствъ.

Страна, подарившая людямъ идеи объ аристократизмѣ, маіоратствѣ, о рабскомъ преклоненіи передъ модами, кровью и деньгами приноситъ цивилизаціи болѣе вреда, чѣмъ пользы, а холодный, увѣренный тонъ въ дѣлахъ неправды заражаетъ и глубже, и безнадежнѣе.—«*По моему мнѣнію,—говоритъ Теккерей,—англійское общество пропитано снобизмомъ, потому что оно на всѣхъ своихъ ступеняхъ преклоняется передъ высшимъ и задираетъ носъ передъ низшимъ*».

Какъ же послѣ этого не соглашаться съ міровыми свѣточами мысли, думающими, что тамъ, гдѣ не считаются съ законами «неписанными»—существуетъ только одна промышленная цивилизація, т. е. ничтожный уголокъ всесторонней?

За четыре тысячи лѣтъ до нашего времени одинъ изъ мудрыхъ китайскихъ богдыхановъ, принимая самыя строгія мѣры противъ тѣхъ изъ служащихъ, которые своимъ личнымъ поведеніемъ подавали дурной примѣръ народу,—говорилъ: «На народъ нашъ примѣръ, наша нравственность, вліяютъ гораздо сильнѣе всѣхъ законовъ, и всякій изъ служащихъ, когда не хочетъ этого знать, ужъ вреденъ на своемъ мѣстѣ. Если мы будемъ дѣлать сами то, что запрещаемъ народу,—ничто его не удержитъ отъ желанія намъ подражать; если же мы будемъ жить добродѣтельно, то и онъ послѣдуетъ нашему примѣру». Изъ этого видно, что и въ Китаѣ съ давнихъ временъ идеи справедливости находили себѣ мѣсто;—но, странное дѣло: стоило бы только этому самому богдыхану обобщить эту самую идею, и вглядѣвшись въ окружающую жизнь, примѣнить ее же къ нѣсколькимъ другимъ вопросамъ,—онъ не замедлилъ бы стать просвѣтителемъ своей страны. Но онъ этого не сдѣлалъ; свѣтлое сужденіе осталось въ своей односторонней рамкѣ, и Китайцы, несмотря на свою смышленность и примѣрное трудолюбіе въ сферѣ механическихъ работъ,—стоятъ, какъ заколдованные своимъ ветхозавѣтнымъ законодателемъ. Тѣмъ не менѣе они полны національной гордости: имъ кажется, что законы ихъ справедливѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, ученость основательнѣе, потому что труднѣе достается, правленіе устойчивѣе, нравы лучше, жизнь удобнѣе и т. п. Они готовы признать, что телеграфъ, пароходъ, или желѣзная дорога лучше джонокъ (лодокъ), но дальше этого они не даютъ предпочтенія Европейцамъ.

Великій мудрецъ Китая, Конфуцій, законоучитель и проповѣдникъ, также имѣлъ сильное желаніе способствовать укрѣпленію добродѣтелей на своей родинѣ. Для этого онъ отказался даже отъ почетнаго званія мандарина, посвятивъ вторую половину жизни проповѣдямъ. Матеріалистъ по

понятіямъ, Конфуцій считалъ душу, духъ человѣческій, простою функціею организма тѣлеснаго, поэтому приспособлялъ ее, главнымъ образомъ, къ практической пользѣ, представляя себѣ загробную жизнь продолженіемъ настоящей, съ незначительными измѣненіями. Какъ Сократъ и Эвріпидъ, Конфуцій былъ неудачникомъ въ супружеской жизни, и этимъ, вѣроятно, объясняется его субъективный взглядъ на особу женщины, вслѣдствіе котораго онъ произнесъ надъ нею такой суровый приговоръ. Онъ называетъ ее «неизбѣжнымъ зломъ, которое, возможно только терпѣть».—Если ее приблизить къ себѣ,—говоритъ Конфуцій,—она сейчасъ же зазнается, (?) становится требовательной, назойливой; если же держать дальше,—она начинаетъ плакаться, причинять неудовольствія».—(Нельзя не видѣть, что подобныя слова освѣщаютъ какъ нельзя лучше естественныя стремленія женскаго пола и давящій эгоизмъ мужскаго). По его теоріи женщинѣ не слѣдуетъ давать никакихъ правъ, но налагать побольше обязанностей и требовать безсловеснаго повиновенія. Онъ допускалъ многоженство, и послѣдователи его ученія требуютъ отъ своихъ женъ безусловной покорности. Китаецъ расхохотался бы, еслибъ ему сказали, что жена—его подруга: способность къ рожденію преимущественно мальчиковъ,—вотъ единственное качество, которое каждому китайцу желательно найти въ своей женѣ. Онъ не признаетъ въ ней души, [1]) и этимъ отличается, между прочимъ, отъ китайскаго магометанина, который душу то въ женщинѣ признаетъ, но крѣпко сомнѣвается, чтобъ эта душа могла когда нибудь попасть въ рай [2]).—Причиною уродованія женскихъ ногъ въ Китаѣ выставляютъ будто бы прирожденную женскую склонность къ бродяжничанію, которую желаютъ обуздать.—Общая кличка дѣвочекъ у нихъ—«Яту» т. е. рабыня, или невольница. Китайскаго мальчика съ семи лѣтъ отдѣляютъ отъ сестеръ, воспрещая ему не только ѣсть вмѣстѣ съ ними, но даже садиться въ ихъ присутствіи [3]). Съ этого времени его начинаютъ кое-чему учить; но объ умственномъ развитіи дѣвочекъ заботятся совсѣмъ мало: ихъ болѣе всего стараются пріучать къ пассивному послушанію, къ скромности и къ безмолвію. Сами китайцы говорятъ, что женскій полъ долженъ изображать собою «*тѣнь* и *эхо*».

Здѣсь очень распространена совмѣстная жизнь нѣсколькихъ поколѣній однимъ хозяйствомъ.

Дѣвочекъ обручаютъ очень рано съ намѣченнымъ родителями женихомъ тоже еще мальчикомъ. Обрядъ обрученія состоитъ въ обмѣнѣ красныхъ

---

[1]) Huc. „L'empire chinois“.
[2]) Chardin. Voyage en Perse.
[3]) Grossier.

карточекъ, на которыхъ написаны условія брачнаго договора. Послѣ обрученія невѣста теряетъ и ту ничтожную свободу, какою пользовалась до него. Такъ какъ она послѣ обрученія не имѣетъ права встрѣчаться не только съ самимъ женихомъ, но и съ кѣмъ бы то ни было изъ членовъ его семьи,—то ей предстоялъ бы полный затворъ, еслибъ родители не старались выбирать жениховъ изъ наивозможно болѣе отдаленныхъ отъ нихъ мѣстностей. Преждевременное знакомство съ будущимъ мужемъ и его семьею считается въ Китаѣ совсѣмъ неприличнымъ, хотя обрученная дѣвушка считается уже членомъ новой семьи, и даже носитъ трауръ по умирающимъ за это время роднымъ жениха.

Свадьбу въ Китаѣ называютъ «краснымъ торжествомъ» вѣроятно потому, что при совершеніи бракосочетанія преобладаетъ красный цвѣтъ на всѣхъ и на всемъ. Обыкновенно день свадьбы назначается астрологами, опредѣляющими счастливыя и несчастныя примѣты. Здѣсь бракосочетаніе не обставлено религіозными обрядами, но заключается въ традиціонныхъ церемоніяхъ передъ домашнимъ алтаремъ предковъ (мяо). Сюда собираются всѣ родственники для жертвоприношенія предкамъ и для колѣнопреклоненія передъ старшимъ въ родѣ, играющимъ роль жреца. Молодая также совершаетъ жертвоприношенія посредствомъ сжиганія бумажекъ и курительныхъ палочекъ.—Большею частью въ этотъ же день родители невѣсты уплачиваютъ извѣстную сумму денегъ, смотря по условію, родителямъ жениха; но довольно часто случается, что они ограничиваютъ свои расходы однимъ приданнымъ невѣсты. Передъ тѣмъ какъ собраться у алтаря предковъ, обѣ семьи пересылаютъ другъ другу свадебные подарки, послѣ чего невѣсту несутъ на красныхъ носилкахъ въ домъ жениха. Шествіе это сопровождается наемными людьми, несущими золотые щиты, разныя блестящія фигуры, фонари, вѣера и т. п. украшенія. На носильщикахъ костюмы очень ярки, шляпы съ большими плюмажами; но все это эффектно только издали, такъ какъ вблизи замѣтно, что наряды, въ томъ числѣ и платье невѣсты, взяты на прокатъ и большею частью порядочно помяты и грязны.

Какъ только молодая встанетъ съ носилокъ у дома жениха,—бракосочетаніе считается совершившимся. Она должна перешагнуть черезъ приготовленный небольшой костеръ, имѣющій символическое значеніе, и приблизиться къ ожидающему ее мужу. Онъ сидитъ на возвышеніи. Она дѣлаетъ ему земной поклонъ, онъ снимаетъ съ ея головы покрывало и сажаетъ рядомъ съ собою.

Тогда начинается свадебное пиршество, продолжающееся нѣсколько дней, смотря по средствамъ. Но молодая не принимаетъ въ немъ участія: онъ сидитъ, хотя и тутъ же, но въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ пирующихъ.

На другой день она сидитъ въ сосѣдней комнатѣ, куда имѣютъ доступъ только пирующіе друзья мужа, которые вышучиваютъ ее весь этотъ день. На третій день въ эту комнату допускаются однѣ женщины, которыя, въ свою очередь, открыто критикуютъ ее съ ногъ до головы, какъ завидную, или незавидную новую родственницу и соперницу остальнымъ женамъ. Молодая здѣсь не играетъ роли, сколько нибудь подобной нашей молодухѣ: въ Китаѣ она только свѣжая вѣтка къ старому дереву.—Съ первыхъ же дней она поступаетъ въ полное подчиненіе, кромѣ мужа,—къ свекрови, также требующей безусловнаго повиновенія, и только тогда начинаетъ дышать нѣсколько свободнѣе, когда родитъ сына, какъ мать продолжителя рода; а до тѣхъ поръ она—ничтожество, новая домашняя утварь, и больше ничего. Если же у нея рождается дочь,—бѣдняжкѣ часто приходится плохо отъ всеобщихъ семейныхъ упрековъ.

Китаецъ вообще находитъ, что лучше имѣть совсѣмъ дурного сына, чѣмъ самую геніальную дочь, и насколько празднуетъ рожденіе сына, настолько озлобляется рожденіемъ дочери.—Близь города Фу-чау-чу, въ южной части Китая, есть озеро, или прудъ, на берегу котораго стоитъ родъ каменнаго памятника съ іероглифическою надписью: «Въ этомъ озерѣ запрещается топить дѣвочекъ».—Эта надпись ясно указываетъ на укоренившійся обычай, и никакія правительственныя мѣры не могутъ отучить китайцевъ топить дѣвочекъ въ раннемъ возрастѣ.

Вотъ до какого униженія была доведена женщина, вотъ до какихъ абсурдовъ былъ доведенъ и мужчина, благодаря ложной основѣ въ понятіяхъ, противорѣчившихъ закону природы!

Разводъ, или расторженіе брака въ Китаѣ практикуется весьма рѣдко; однако для развода, т. е. права выгнать жену, существуютъ семь законныхъ причинъ: безплодіе, непочтительность къ роднымъ мужа, измѣна (жены), болтливость (жены), склонность жены къ воровству, ея завистливость и заразительная болѣзнь.—Право развода принадлежитъ одному мужу. Жену, переставшую нравиться, можно и выгнать, и продать. Семья мужа можетъ также выбросить на улицу вдову своего сына, или внука, если у нея нѣтъ сына. Своя же семья ее большею частью не принимаетъ, особенно въ семьяхъ, занимающихся земледѣліемъ, потому что у нихъ обыкновенно весь участокъ земли принадлежитъ членамъ мужскаго пола, не желающимъ кормить пришлую, уже одинъ разъ пристроенную.

Дѣвушки нерѣдко даютъ обѣтъ безбрачія, и образуя иногда родъ общины, живутъ кто чѣмъ можетъ.

Самоубійство которой нибудь изъ женъ вслѣдствіе невыносимой власти свекрови, снохачества и дурного обращенія мужа—можно назвать заурядnымъ.—Тогда начинаются претензіи со стороны женинои родни, выра-

жающіяся смертельною враждою, поджогами, разбоемъ, убійствами. Но никакой судья не рѣшится защитить *непочтительную невѣстку,* пока она жива, и стоитъ только виноватому мужу сказать на судѣ, что онъ билъ жену за непочтительное отношеніе къ его родителямъ, чтобъ быть всегда оправданнымъ.

Жены нерѣдко убиваютъ и отравляютъ своихъ мужей за жестокое обращеніе, а мужья—женъ, за невѣрность, или непочтеніе. Законъ караетъ за это женъ высшими наказаніями: четвертованіемъ, удушеніемъ и т. п., тогда какъ мужья большею частью отдѣлываются временною ссылкою, или тюрьмою.

Бездѣтный вдовецъ обязанъ жениться вторично; но на выходъ замужъ бездѣтной вдовы въ Китаѣ смотрятъ какъ на распутство [1]). Тамъ требуется оставаться вѣрною памяти мужа. За такую вѣрность правительство вывѣшиваетъ надъ жилищемъ вѣрной вдовы почетную таблицу.

Еще бо́льшую награду получаетъ вдова, не желающая пережить смерть мужа: надъ ея могилой ставятъ тріумфальную арку [2]). Впрочемъ обычай самоубійства вдовы послѣ смерти мужа практикуется почти исключительно въ Фуцзянской провинціи, гдѣ совершается слѣдующимъ образомъ:

Когда вполнѣ отравленная жизнь жены, а потомъ вдовы, дѣлаетъ отношеніе ея къ бытію безразличнымъ,—окружающіе уговариваютъ ее совершить великій подвигъ; и когда она соглашается, ее торжественно несутъ, въ сопровожденіи всѣхъ родственниковъ и толпы народа, за селеніе, или за городъ, на заранѣе приготовленное возвышеніе. Здѣсь на ея шею надѣвается петля, и пока она прощается, который нибудь изъ старшихъ родственниковъ ловкимъ движеніемъ моментально затягиваетъ петлю. Тогда ее хоронятъ рядомъ съ мужемъ и воздвигаютъ арку.

Конфуцій былъ того мнѣнія, что жена всѣмъ обязана мужу, что все доброе она получаетъ только отъ него, и, подобно Ману, ставилъ ее въ полную зависимость отъ его произвола, надѣлялъ его всѣми правами, и вездѣ ограничивалъ ея личную свободу. Быть можетъ и онъ, какъ Мои-

---

[1]) Слѣдовательно и Китаецъ желаетъ, чтобъ женщина служила ему лично, а не законамъ своей природы.

[2]) Этимъ особенно характеризуется предвзятость мужскихъ намѣреній въ древности: въ Китаѣ выходитъ такъ, что на дѣлѣ женщина является, какъ производительница, нужнѣе мужчины, а искусственныя мѣры направлены къ тому, чтобъ его значеніе возвеличить, а ея—уничижить. При однихъ обстоятельствахъ, т. е. когда надо стѣснить ея свободу,—материнство составляетъ главную цѣль жизни женщины; при другихъ же, т. е. когда этимъ подрывается значеніе мужчины,—вопросъ материнства совсѣмъ вычеркивается.

сей, считался съ народными слабостями! Не уважая ихъ, онъ и самъ не былъ бы уважаемъ! Подобныя сужденія были до извѣстной степени позволительны въ древности, и особенно въ Китаѣ; но поистинѣ поразительно то, что и въ наше время, когда мудрецы, въ родѣ Конфуція, встрѣчаются по крайней мѣрѣ въ каждой тысячѣ интеллигентныхъ людей,— очень многіе еще думаютъ, что мужъ со всѣхъ сторонъ благодѣтельствуетъ женѣ. Разсуждать такимъ образомъ можетъ только тотъ, кто намѣренно не хочетъ быть справедливымъ, потому что отъ сотворенія міра едва-ли существовалъ такой мужъ, который женился для того, чтобъ облагодѣтельствовать жену. Нельзя игнорировать факта, что каждый женится прежде всего изъ-за потребностей своей природы съ цѣлями совершенно сходными съ тѣми, ради которыхъ выходитъ замужъ женщина; и нѣтъ ровно никакого основанія предполагать, чтобъ женщина, при естественномъ порядкѣ вещей, была обязана мужу болѣе, чѣмъ онъ ей. Такое разсужденіе прямо обличаетъ даже умнаго Конфуція въ неискренности, потому что и въ его время каждому было понятно простое, естественное raison d'être женитьбы, и если мужъ кормилъ жену, зато она на него работала; если онъ кормилъ дѣтей, за то она съ своей стороны давала тяжелое ихъ ношеніе, кормленіе и уходъ. Еслибъ жена отказывалась трудиться, носить, кормить и ходить за дѣтьми, тогда она дѣйствительно была бы задаромъ облагодѣтельствована мужемъ; но ничего подобнаго древняя исторія не представляла, слѣдовательно и Конфуцію, на ряду съ другими, все это было извѣстно. Онъ зналъ и видѣлъ, что жена работала не менѣе мужа, что всякимъ заработкомъ ея пользовался мужъ, что накопленнымъ обоюднымъ трудомъ достаткомъ распоряжался по своему усмотрѣнію онъ же,—и этого ужъ было достаточно для рѣшенія вопроса по справедливости. Здѣсь не требовалось ни особенныхъ знаній, ни выдающейся даровитости: надо было только владѣть простымъ, здравымъ смысломъ, и хотя инстинктивнымъ чутьемъ правды. Но мудрый Конфуцій не проявилъ этого дорогого, необходимаго для законоучителя, одаренія, и отнюдь не потому, чтобъ онъ его въ дѣйствительности не имѣлъ, но очевидно потому, что служилъ въ глубинѣ души инымъ, скрытымъ цѣлямъ. Въ бракѣ трудъ раздѣленъ, и раздѣленъ равномѣрно, слѣдовательно не только о благодѣяніи, но и о предпочтительности не можетъ быть рѣчи. Нравственные законы Конфуція, сдѣлавшись государственными, закрѣпили рабство женщины.

Ученіе Конфуція стояло въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ почти діаметрально—противоположно ученію Христа. Изъ его послѣдователей могли выходить надежные граждане, почтительные, по внѣшности, дѣти, бережливые хозяева, заботливые родители, трудолюбивые работники и т. п. Но

такіе добродѣтельные люди могли оставаться въ то же время узкими и грубыми эгоистами, мало способными къ человѣколюбію, чуждыми теплыхъ чувствъ состраданія и милосердія. Такіе люди способны совершенствовать свой трудъ, свою промышленность, свои внѣшнія отношенія къ людямъ, но они не расширятъ кругозора, не возвысятъ ни души, ни мышленія, не приведутъ къ желанію знать правду, къ сомнѣнію въ себѣ, къ любознательному изученію окружающихъ ихъ законовъ природы, къ самоотреченію во имя добра.

Конфуцій говоритъ такъ: «Ты умно сдѣлаешь, если отдашь одну пятнадцатую часть своихъ доходовъ неимущимъ; такъ поступаютъ добродѣтельные люди». И послѣдователь, швыряя назначенную часть бѣднымъ, вполнѣ доволенъ своею добродѣтелью, быть можетъ и величается ею, какъ фарисей.—Или: «Трудись, и ты будешь богатѣть, будешь ото всѣхъ пользоваться знаками уваженія». И послѣдователь стремился какъ разъ къ обратному того, чему училъ Христосъ: не заботиться такъ много о богатствѣ и не искать въ немъ счастія, потому что истинное счастье не внѣ, а внутри насъ, когда мы стремимся прежде всего къ правдѣ Божьей».

Однако Конфуцій нѣсколько повысилъ нравственность своихъ послѣдователей тѣмъ, что внушалъ имъ необходимость труда и добросовѣстнаго къ нему отношенія. Въ общемъ же ученіе его только практично, а потому кривобоко. Поклонникъ старины, онъ одобрялъ въ ней все, безъ разбора, и даже не дотронулся до тѣхъ вопросовъ, которые развивалъ и ставилъ такъ высоко Христосъ.

Весь ходъ исторіи человѣчества указываетъ, что оно одарено способностью совершенствоваться, а по мѣрѣ совершенствованія все яснѣе и отчетливѣе выдѣляется идея, что совершенствованіе это состоитъ въ возможномъ уменьшеніи животныхъ инстинктовъ, въ возвышеніи своего духа надъ плотью. Пока человѣчество находилось въ младенческомъ состояніи ума, оно жило беззаботно и, кромѣ своихъ физическихъ нуждъ, ни о чемъ не думало. Но съ возрастомъ въ немъ начинали роиться мысли, зарождалась любознательность, формировались вопросы.—Въ опредѣленный срокъ земной жизни отдѣльнаго человѣка всѣ эти фазисы его совершенствованія совершаются, сравнительно, быстро: ихъ раздѣляютъ только десятилѣтія. Въ неопредѣленный срокъ жизни на землѣ человѣчества—ихъ раздѣляетъ длинный рядъ вѣковъ, такъ что недолгому гостю на землѣ, человѣку, трудно, даже невозможно, не смотря на богатство записанныхъ фактовъ, прослѣдить за мелкими изгибами растущей мысли человѣчества, за тѣми, съ виду незначительными и неизвѣстно откуда начавшимися, причинами, результатомъ которыхъ являлись иногда весьма крупные перевороты. Но несомнѣнно, что въ этомъ направленіи человѣчество всегда шло, идетъ и

будетъ, по всей вѣроятности, идти, пока не достигнетъ своего высшаго идеала—побѣды духа надъ плотью. Вотъ этотъ то духъ, возвышающій личность человѣка во имя правды и добра,—совершенно отсутствуетъ въ ученіи Конфуція, немногимъ опередившаго Ману. Онъ воспрещаетъ злыя дѣла не потому, что они причиняютъ страданія ближнимъ, а только потому, что вредящій другому, можетъ въ то же время повредить и себѣ. Хоть въ этомъ и имѣется правда, но побуждающимъ мотивомъ къ добру должно служить чувство справедливости, а не себялюбивое начало; иначе злой поступокъ можетъ быть всегда оправданъ, если совершенъ осторожно и хитро: тутъ самая основа поставлена невѣрно. Общая задача Конфуція состояла не въ усовершенствованіи самой личности человѣка, а только въ средствахъ дать ему достатокъ матеріальный и довольство собою. Это, положимъ, шагъ впередъ, но не по вѣрной дорогѣ. Какъ послѣдователь и строгій хранитель старины, Конфуцій и къ законамъ Ману относился безъ критики и разсужденій. Огорченный въ собственной жизни, онъ перенесъ субъективный гнѣвъ на весь женскій полъ, не желая знать, не любопытствуя провѣрить: дѣйствительно ли женщина назойлива, или въ ней говорятъ такія же природныя потребности, какъ въ немъ самомъ? Онъ довольствовался готовымъ рѣшеніемъ предка-законодателя, что женщинѣ жизнь дана для того, чтобъ не имѣть на нее никакихъ претензій, а прямо передать ее въ руки другого лица. До всего этого обширнаго вопроса, касающагося половины человѣческаго рода, онъ не доходилъ, интересуясь имъ не болѣе остальныхъ мужчинъ своего времени. Но чего нельзя требовать отъ ученика,—того всякій имѣетъ право ожидать отъ учителя.

Вслѣдствіе односторонности своего ученія, Конфуцій далеко не возбуждаетъ того интереса, того невольнаго уваженія, какіе вызываетъ въ болѣе или менѣе просвѣщенномъ читателѣ другой построитель нравственности въ Китаѣ,—Лао-тце, который, хотя былъ современникомъ Конфуція, однако нашелъ идеалъ жизни несравненно высшій противъ Конфуціева. Лао-тце, какъ и Будда (получившій въ Китаѣ названіе Фо) имѣетъ много послѣдователей; но такъ какъ ученіе Конфуція болѣе приспособлено къ мужскимъ вкусамъ, и служить ему легче, удобнѣе, оно преобладаетъ въ Китаѣ. Религія Лао-тце называется Тао, а послѣдователи ея—Ямма-бузи. За то сами китайцы признаютъ Конфуція обыкновеннымъ, хотя и мудрымъ смертнымъ, тогда какъ Лао-тце почитается ими какъ богочеловѣкъ.

Въ Китаѣ до настоящаго времени имѣлись особые чиновники, обязанность которыхъ состояла въ томъ, чтобы наблюдать въ своемъ участкѣ за своевременными бракосочетаніями. Въ условное время года чиновники эти оповѣщали всѣхъ холостыхъ мужчинъ и дѣвушекъ, чтобы явились въ

назначенный день къ такому то мѣсту, и если 30-ти лѣтній мужчина, или 20-ти лѣтняя дѣвушка отказывались вступить въ бракъ,—чиновникъ имѣлъ право присудить ихъ къ опредѣленному за такой проступокъ наказанію. Вліяніе законовъ Ману замѣтно и въ этомъ отношеніи: въ Персіи, въ Китаѣ и у евреевъ отцу вмѣнялось въ обязанность своевременно выдавать дочерей замужъ, и за упущеніе лишали его родительской власти, предоставляя самой дочери право выбрать себѣ мужа.

Продажа дѣтей въ рабство составляетъ, въ голодные годы, довольно обычное явленіе въ Китаѣ. Въ рабство же поступаютъ и жены, проданныя мужьями, и преступники, приговоренные къ этому закономъ, а чаще всего дѣвочки, продаваемыя въ рабство самими родителями, т. е. волею отца.

Извѣстно, что нѣкоторыя животныя поѣдаютъ свой приплодъ; китайцы же дѣлаютъ еще хуже, такъ какъ надъ рабомъ власть хозяевъ ничѣмъ не ограничена: за него не несутъ никакой отвѣтственности даже въ тѣхъ случаяхъ, когда его забиваютъ до смерти.

Здѣсь занимаются также похищеніемъ дѣтей и взрослыхъ обоего пола, для продажи.

Китаецъ вообще выносливъ, но когда разсердится, то доходитъ до бѣшенства. Однако на улицахъ драки происходятъ весьма рѣдко, благодаря создавшемуся въ Китаѣ обязательству каждаго обывателя играть роль примирителя, или посредника (Это довольно сложная система взаимной отвѣтственности, или круговой поруки).

Какъ только двое ссорятся на улицѣ,—они могутъ кричать и браниться сколько угодно, могутъ кататься по землѣ отъ злости, или биться въ конвульсіяхъ съ пѣной у рта,—но изъ проходящихъ тотчасъ же образуются двѣ партіи примирителей, которые до драки ихъ не допустятъ. Эти же примирители занимаются улаживаніемъ дѣла, если мужъ убьетъ жену, или она сама лишитъ себя жизни, не будучи въ силахъ выносить долѣе дурного обращенія мужа, или свекрови. Въ этихъ случаяхъ семья покойной считаетъ долгомъ имъ мстить всяческими средствами за погибшую, и на сцену выступаютъ примирители, помогающіе отомстить безъ кровопролитій и поджоговъ. Обыкновенно месть осуществляется путемъ вовлеченія мужа, кромѣ обязательнаго возвращенія приданаго, въ непосильные расходы: его заставляютъ сдѣлать пышные похороны, которыми всѣ китайцы очень дорожатъ; а такъ какъ это стоитъ здѣсь очень дорого, то затраты и долги долго отражаются на благосостояніи всей семьи виноватыхъ.

Въ суды китайцы обращаются только въ крайности, потому что взяточничество здѣсь въ большомъ ходу, и зачастую доводитъ судящихся до полнаго раззоренія. Миссіонеры и путешественники говорятъ, будто оно

не преслѣдуется правительствомъ съ умысломъ, съ цѣлью отучать китайцевъ отъ страсти къ тяжбамъ, которымъ иначе не было бы конца. Сами китайцы находятъ подобное мѣропріятіе мудрымъ.

Неимѣніе сына, считаясь несчастіемъ, заставляетъ китайцевъ, для пріобрѣтенія этой благодати, или замѣны умершаго,—прибѣгать иногда къ оригинальному способу усыновленія чужого мальчика: покупаютъ согласіе бѣднаго семейства, схоронившаго дочь, на фиктивный бракъ покойницы съ своимъ умершимъ сыномъ, и затѣмъ берутъ въ домъ постороннаго мальчика для усыновленія: но ужъ въ качествѣ не своего собственнаго сына, а сына умершихъ, т. е. внука. Ему и поручается вся обрядная сторона поклоненія предкамъ. Самый обрядъ усыновленія ограничивается тѣмъ, что, отрывши прахъ дѣвушки, несутъ его, въ сопровожденіи ближайшихъ родственниковъ съ обѣихъ сторонъ, къ могилѣ фиктивнаго мужа, и зарываютъ рядомъ съ нимъ.

Интересно узнать: кого именно думаютъ обмануть этимъ китайцы?

Въ Китаѣ вообще много оригинальностей всякаго рода, не встрѣчающихся въ другихъ странахъ. Одинъ изъ путешественниковъ разсказываетъ, что высокіе титулы даются иногда въ награду не для распространенія на потомковъ заслужившаго ихъ, но на его предковъ; и это мотивируется тѣмъ, что достойно награды отнюдь не потомство, которое можетъ и не ознаменовать себя чѣмъ нибудь добрымъ,—но болѣе всего предки, т. е. тотъ родъ, изъ котораго могъ произойти такой полезный дѣятель. Это также входитъ въ составъ причинъ, заставляющихъ китайца желать сына: онъ не теряетъ надежды быть возвеличеннымъ черезъ сына и получить завидныя почести, хотя бы посмертныя.

Такимъ образомъ изъ одного недомыслія совершенно естественно вытекаетъ другое.

Когда умираетъ простой смертный, китаецъ такъ и говоритъ, что онъ умеръ. Но о чиновникѣ онъ выражается, что «они пришли къ концу». Если же умираетъ сановникъ, китаецъ считаетъ крайне неприличнымъ сказать просто, что онъ умеръ, или скончался, но говоритъ: «Они оставили высокія должности».

За недостаткомъ лѣсовъ, купить солидный, тяжелый китайскій гробъ изъ нетолстыхъ бревенъ, хорошо скрѣпленныхъ и красиво отдѣланныхъ снаружи,—составляетъ крупный расходъ для каждаго хозяйства. Обыкновенно къ покупкѣ его приготовляются заблаговременно, а внимательныя дѣти нерѣдко подносятъ этотъ цѣнный подарокъ родителямъ въ день рожденія.

Какъ только человѣкъ умираетъ, трупъ его ставятъ въ домашній алтарь предковъ и зажигаютъ передъ нимъ огонь, чтобъ свѣтилъ духу

умершаго; а также ставятъ возлѣ него пищу и питье. Домашніе тотчасъ же одѣваются въ трауръ изъ грубой бѣлой ткани на 100 дней, по прошествіи которыхъ бѣлый цвѣтъ замѣняется голубымъ.—Всѣ предметы домашняго обихода обвертываются тѣми же цвѣтами, такъ что вскорѣ все это становится грязнымъ до отвращенія; но китайцы думаютъ, что чѣмъ неряшливѣе ихъ трауръ, тѣмъ глубже ихъ печаль.

Выборъ дня похоронъ предоставляется астрологу, такъ что похороны иногда откладываются на 5—6 недѣль, и за все это время гробъ стоитъ въ домѣ, замѣняя, вмѣстѣ съ лежащимъ въ немъ покойникомъ, обыкновенный столъ, или диванъ. Замедленіе похоронъ изъ за дурныхъ предзнаменованій находится въ рукахъ астролога.

Передъ похоронами зажиточнаго лица по улицамъ ходятъ монахи съ музыкою, чтобъ разгонять злыхъ духовъ, которые, получивъ душу покойника, могутъ заставить ее вернуться въ домъ. (Китайцы, повидимому, не соображаютъ и того, что они сами заготовили въ домѣ пищу и питье для души умершаго).

Катафалкъ носилокъ выкрашенъ въ ярко-красный цвѣтъ и обвѣшанъ вышивками; онъ чрезвычайно громоздокъ и тяжелъ, такъ что его несутъ нѣсколько десятковъ людей. Похоронная процессія всегда торжественна, пестра и многолюдна. Впереди всего несутъ бумажные фонари съ изображеніями, или надписями заслугъ покойнаго; за ними тествуютъ музыканты—бубны, трубы, гонги, литавры; потомъ слѣдуютъ щиты, доски, знамена, зонтики; затѣмъ—сдѣланныя очень искусно изъ кипарисовой, или другой хвойной зелени, тигры, драконы, или львы. Наконецъ показывается самый катафалкъ, а за нимъ кресло покойнаго съ его табличкою. Обыкновенно нанимаютъ за деньги, или угощеніе, много плакальщиковъ и плакальщицъ, и послѣднія, не будучи въ состояніи идти такъ далеко на своихъ уродливыхъ ногахъ, уморительно возсѣдаютъ на спинахъ наемныхъ служителей. Необходимую принадлежность похоронъ составляетъ также бѣлый пѣтухъ, въ котораго временно переселяется одна изъ трехъ душъ покойника.

Во время похоронъ разбрасываютъ бѣлые кружки бумаги, вмѣсто денегъ, идущихъ въ пользу голодныхъ духовъ, т. е. умершихъ безъ погребенія. Также сжигаютъ на похоронахъ много различныхъ предметовъ, могущихъ пригодиться покойнику въ загробной жизни: телѣги, мулы, дома, даже слуги,—но все это сдѣлано изъ бумаги. Въ могилу бросаютъ сухой рисъ, и выливаютъ чай.

Китайцы, переставшіе чуждаться европейцевъ, говорятъ, что прекращеніе обычая калѣчить женскія ноги найдетъ болѣе всего противницъ среди самихъ женщинъ: у несчастныхъ привычка къ этому уродству

вошла уже въ плоть и кровь! Притомъ и изъ китайцевъ рѣдкій отважится жениться на дѣвушкѣ съ естественными ногами.

Намъ не трудно этому повѣрить, потому что и у насъ въ женское воспитаніе вошло нѣчто подобное: попробуйте убѣдить дѣвушку, что корсетъ не придаетъ красоты, но приноситъ очевидный вредъ и со стороны стѣсненія дыханія, и со стороны желудка, и со стороны правильныхъ тѣлодвиженій. Ни одна вамъ не повѣритъ, а будетъ увѣрять, что она не стягивается, что корсетъ, напротивъ и согрѣваетъ ее, и помогаетъ держаться правильнѣе, и сохраняетъ фасонъ ея одеждъ. Какъ ни ратовалъ докторъ Крамеръ и другіе о неправильной формѣ обуви, портящей ноги женщинъ, о вредѣ высокаго каблука, измѣняющаго общее положеніе тѣла при ходьбѣ,—вопросы эти продолжаютъ разрѣшаться модою, а не здравымъ смысломъ. Поройтесь поглубже, и вы увидите, что корень такой странности лежитъ на землѣ, а не въ небесахъ, на которыя вѣчно ссылаются люди.

Давно, еще въ эпоху полнаго мужскаго неразумія, изданный семейнымъ деспотомъ указъ, чтобы китайская женщина не владѣла ногами, «дабы надежнѣе прикрѣпить ее къ дому»—сдѣлался понемногу народнымъ обычаемъ, сроднился съ общими понятіями, вошелъ въ составъ требованій (Каждому извѣстно, какъ трудно отдѣлываются всѣ народы даже отъ самыхъ глупыхъ изъ своихъ обычаевъ). Приблизительно въ ту же эпоху послѣдовалъ указъ отъ мужа—властолюбца, не дозволяющій женщинѣ разсуждать далѣе мелочей,—и пріостановленное въ самомъ началѣ правильное умственное развитіе женщины пошло кривою дорогою, потому что ничье повелѣнье не могло совсѣмъ остановить того, чему законъ природы далъ жизнь и движеніе: оно могло только его задерживать, давать невѣрное направленіе.—Впослѣдствіи хозяева женской участи закрыли отъ нея доступъ къ знаніямъ, отвели ей извѣстный районъ дѣятельности, въ которомъ она и продолжала двигаться, совершенствуясь на пагубу себѣ и другимъ: не научившись размышлять серьезно, она усовершенствовалась въ легкомыслiи, заражая имъ и дѣтей.—Во всемъ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что здѣсь получились естественные плоды отъ посѣянныхъ сѣмянъ.

Скорѣе можно удивляться тому обстоятельству, что никоторому изъ авторовъ многочисленныхъ по этому вопросу книгъ не хочется признать дѣлъ рукъ своихъ прапраотцевъ, и обыкновенно всѣ бѣды сваливаются на неповинную женскую природу. Эту природу подвергаютъ всевозможнаго рода анализамъ, спеціалисты добираются до тончайшихъ ея изгибовъ и функцій,—но противорѣчій еще много, и самое существованіе такихъ рѣзкихъ противорѣчій между людьми науки уже указываетъ на возможность допустить, что у Природы, простой и мудрой во всемъ,—ларчикъ

женской особи открывается такъ же просто, какъ у нашего великаго наблюдателя человѣческихъ слабостей,—Крылова.

Зачѣмъ кивать на Петра, когда виноватъ самъ Иванъ?

Вѣдь безъ сомнѣнія не въ одной китайской аудиторіи сочли бы сумасшедшимъ того правдиваго оратора, или профессора, который рѣшился бы обратиться къ слушателямъ съ такого рода рѣчью:

«Господа! Исторія намъ доказала, что никакіе законы, никакія мѣропріятія и жестокости не помѣшаютъ женщинѣ хитрить, лицемѣрить и обманывать, пока мы сами будемъ дѣлать то, что запрещаемъ ей, пока мы будемъ отъ нея требовать того, чего не имѣемъ и не желаемъ для себя. Хотите видѣть въ женахъ, матеряхъ и дочеряхъ вѣрныхъ друзей и сотрудницъ?... Бросьте свое вѣчное желаніе властвовать, и помните твердо, что всякая живая душа стремится къ свободѣ не менѣе вашего; и что если каждому изъ вашихъ желаній начнутъ сооружать препятствія, грозя мускульною силою,—вы не замедлите постепенно принимать нравственную физіономію женщины: Это законъ природы, съ которымъ нельзя спорить безнаказанно, котораго нельзя вычеркнуть никакими доктринами».

Но возвратимся къ Китаю.

Кромѣ опасеній сближенія съ иностранцами, внушенныхъ поведеніемъ европейцевъ въ Китаѣ, здѣсь существуетъ еще и другого рода преграда въ лицѣ мѣстныхъ властей и мандариновъ, которые сознаютъ, что потеряютъ свое вліяніе на китайцевъ, если они заразятся европейскими взглядами на вещи.

Вліятельные ученые держатся того же мнѣнія, и все это было особенно замѣтно, когда шелъ вопросъ объ открытіи европейцами торговой пристани на р. Янцекіангѣ: послѣ ряда воздвигнутыхъ властями препятствій и высказанной возможности ихъ преодолѣть,—представили ужъ совсѣмъ смѣшное опасеніе, что берега рѣки кишатъ обезьянами, которыя, съ непривычки видѣть сильное движеніе по рѣкѣ,—могутъ перекусать европейцевъ и быть причиной международныхъ неудовольствій.

Мандарины также употребляютъ хитрости для того, чтобъ ихъ народъ боялся иностранцевъ.

У китайцевъ очень распространена вѣра въ «Фынь-шуй» изображающее что то среднее между добрымъ духомъ и примѣтой благополучія мѣстнаго населенія. Въ переводѣ Фынь-шуй означаетъ—вѣтеръ—вода. Тѣмъ не менѣе оно требуетъ соблюденія извѣстныхъ правилъ, нарушеніемъ которыхъ накликается бѣда. Мандарины пользуются народнымъ суевѣріемъ и увѣряютъ, что Фынь-шуй исчезаетъ при появленіи иностранца.—Собственно для народа поселеніе иностранца представляетъ одну выгоду: оно увеличиваетъ мѣстный заработокъ, отъ него можно получать

безвозмездно полезные совѣты, часто даже матеріальную помощь. Но бороться съ Фынь-шуй слишкомъ опасно, и этотъ духъ, руками мандариновъ, выживаетъ наконецъ съ мѣста самого иностранца.

На китайскихъ зданіяхъ безпрестанно виднѣются объявленія, по которымъ берутся вытравлять плодъ безслѣдно за мелкую серебр. монету, равняющуюся нашему двугривенному, или пятіалтынному. Изъ этого можно заключить, что китайцамъ извѣстны нѣсколько способовъ приступать къ довольно трудной для европейскихъ акушерокъ задачѣ, и что вытравленіе составляетъ обычное явленіе между китайцами.

Хотя отмѣна продажи и покупки жены распространяется все болѣе и болѣе, хотя женихъ уже приноситъ свои дары не отцу невѣсты, а ей самой—подобная собственность восточной женщины далеко еще не можетъ считаться обезпеченной, пока сама жена поступаетъ подъ неограниченную власть мужа. Конечно религія нѣкоторыхъ странъ защищаетъ ее, до нѣкоторой степени, отъ полнаго произвола мужа, и Коранъ, напримѣръ, говоритъ: «Хотя мужу и предоставлена власть надъ женою, но Богъ всемогущъ и все видитъ»... но въ этихъ словахъ только кажущаяся защита, такъ какъ все зависитъ отъ личныхъ взглядовъ мужа, который всегда найдетъ болѣе или менѣе уважительный предлогъ для оправданія своего деспотизма. Лишенная законнаго права отказывать мужу въ чемъ бы то ни было, жена такимъ поступкомъ естественно навлекаетъ на себя его гнѣвъ и кору, притомъ не за самый отказъ, который законъ могъ и оправдать,—но за общую непокорность, не имѣющую никакого оправданія.—Ужъ если наша христіанская религія, такъ богатая милосердіемъ и состраданіемъ, не останавливаетъ дрячливой руки богобоязненнаго крестьянина, учащаго свою жену ременнымъ кнутомъ,—надо думать, что и повсемѣстно на этотъ вопросъ не смотрѣли иначе. Власть и рабство одинаково портятъ людей, и неизвѣстно на которой сторонѣ перевѣсъ. Во всякомъ случаѣ оказывается, что и въ Китаѣ физическое и нравственное безсиліе женщины было культивировано самимъ мужчиною. Наши потомки будутъ удивляться, что мы не поняли такой простой и ясной истины, что мы сами не желали съ нею считаться.

Въ Китаѣ, болѣе чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, можно видѣть поголовное лицемѣріе обоихъ половъ, созданное ненормальными условіями жизни: этикетность китайца, вообще мало уважающаго ближняго,—выражаетъ поголовную ложь мужчины; женщина же, ненавидящая въ душѣ и мужа, и свекровь,—хитритъ передъ ними ежечасно, благодаря условіямъ своего тяжелаго положенія.—При чемъ же тутъ особенности именно женской натуры, на которыя вѣчно ссылаются авторы многочисленныхъ статей по женскому вопросу?

Въ эпоху доисторическую большинство жизненныхъ вопросовъ находилось въ рукахъ человѣка, онъ могъ многое устроить по своей волѣ. Но тогда въ немъ самомъ не доставало главнаго: опыта и разума.— Впослѣдствіи онъ пріобрѣлъ то и другое,— зато самые вопросы уже ускользнули изъ его рукъ, и воля его потеряла значеніе. Поправленіе обстоятельствъ, заключаясь въ его самоусовершенствованіи, должно составлять задачу его жизни.

Историкъ.

Египетъ.

Геродотъ называетъ Египетъ подаркомъ Нила, такъ какъ безъ этой рѣки онъ представлялъ бы собою часть безплодной африканской степи. (Геродотъ жилъ около 450 г. до Р. Х.).

Вотъ, вкратцѣ, что говоритъ Діодоръ Сицилійскій (60 — 70 лѣтъ до Р. Х.) о египетской религіи и миѳахъ.

Египтяне признавали творцами всего живущаго Солнце и Луну. Солнце они называли Озирисомъ, т. е. многоглазымъ, а Луну — Изидой, т. е. старинною, древнею. Египтяне изображаютъ Изиду съ рогами, и это по двумъ причинамъ: 1) какъ прибыль и убыль, 2) какъ особую покровительницу коровъ, посвященныхъ въ Египтѣ этой богинѣ.

Озирисъ владѣлъ водою и духомъ (вѣтромъ), Изида — влажностью и сухостью, и оба вмѣстѣ—воздухомъ. Изъ этого Египтяне дѣлали выводъ, что общность всего существующаго, образуя одно тѣло, состоитъ изъ пяти элементовъ: духъ, огонь, сушь, влага и воздухъ. Духъ воплощался ими въ видѣ Юпитера, считавшагося отцомъ всего живущаго. Огонь — въ видѣ Вулкана. Сушь — это была мать, Земля. Богомъ воды и влаги Египтяне считали свой Нилъ, своего кормильца, близъ котораго, по ихъ вѣрованіямъ, родились и жили боги. Богиня воздуха была названа Минервою, ее считали дочерью Юпитера. И всѣ эти боги плодились и множились, воплощались и царствовали, научая людей всему доброму. Но одни изъ нихъ были вѣчно безсмертными, тогда какъ другіе имѣли только возможность рядомъ благодѣяній человѣчеству заслужить себѣ безсмертіе.

Въ длинномъ рядѣ египетскихъ сказаній, какъ и у всѣхъ древнихъ народовъ, трудно разграничить дѣйствительно существовавшихъ лицъ отъ вымышленныхъ. Такъ, напримѣръ, у нихъ одинъ Озирисъ былъ богомъ небеснымъ, безсмертнымъ, а другой Озирисъ заслужилъ безсмертіе разными добрыми дѣлами, оказанными человѣчеству, и назывался богомъ земнымъ. При помощи Изиды Озирисъ земной научилъ людей сперва земледѣлію, потомъ винодѣлію. Онъ строилъ города и храмы, назначилъ празднества, чествованія боговъ, обозначивъ чѣмъ именно и кѣмъ должно выражаться поклоненіе. Онъ много путешествовалъ съ цѣлью улучшить общее положеніе человѣчества, и, отправляясь въ путь, поручалъ управленіе Египтомъ женѣ своей, Изидѣ, давъ ей въ совѣтники друга своего, Гермеса, а для команды войсками — Геркулеса, своего родственника, прославившагося тѣлесною силою и храбростію. Озирисъ взялъ съ собою брата, Аполлона, и двухъ сыновей, изъ которыхъ у одного на шапкѣ красовалась собачья голова, а другой былъ прикрытъ волчьею шкурою; поэтому оба эти животныя въ Египтѣ почитаются.

Отправляясь въ путь, Озирисъ далъ обѣтъ: не стричь себѣ волосъ до возвращенія въ Египетъ. Отсюда произошли различные обычаи со стрижкой и отращиваніетъ волосъ въ нѣкоторыхъ веселыхъ и печальныхъ событіяхъ жизни Египтянъ.

Первою страною, посѣщенною Озирисомъ, была Эѳіопія; онъ ее облагодѣтельствовалъ, но обложилъ данью. (Этотъ Озирисъ имѣетъ много общаго съ Мэпэ, первымъ царемъ египетскимъ, и съ Ману, первымъ законодателемъ Остъ-Индіи, которую Озирисъ также посѣщалъ. Многіе ученые работали надъ разрѣшеніемъ этого вопроса, но, за неимѣніемъ точныхъ доказательствъ, слишкомъ трудно выдѣлить быль изъ небылицъ древнихъ сказаній.

Во всякомъ случаѣ — Египетъ ли былъ древнѣйшимъ разсадникомъ и прототипомъ религій, законовъ и обычаевъ, или то была Индія,—вліяніе обѣихъ этихъ странъ видимо отражается, по мнѣніямъ ученыхъ изслѣдователей, на остальныхъ. Такъ, напримѣръ, то, что продѣлывалъ, по сказаніямъ, въ Египтѣ Озирисъ,—повторилъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, въ Греціи — Аполлонъ, который также строилъ города и храмы, путешествовалъ, хотя не такъ далеко, училъ людей земледѣлію, скотоводству и многимъ искусствамъ.

Вотъ еще сходная легенда: «Въ отсутствіе Озириса, Нилъ, кормилецъ Египта, такъ страшно разлился, что грозилъ потопить всю страну. Прометей, оставленный Озирисомъ, такъ сказать, губернаторствовать, за свое усердіе въ принятіи мѣръ, былъ съ этихъ поръ прозванъ Орломъ; наконецъ, Геркулесу удалось своею силою усмирить взбунтовавшуюся рѣку».

Греческая видоизмѣненная легенда: «Геркулесъ своею силою убилъ орла, пожиравшаго печень Прометея»:

Египтяне называли Нилъ Океаніей,—отсюда Греки называли океаномъ всякое многоводное пространство; они думали, что всю землю окружаетъ огромная рѣка, океанія, впослѣдствіи — океанъ).

Возвратясь изъ путешествія въ Эѳіопію, Озирисъ (какъ и Мэпа) началъ проводить каналы и плотины, чтобъ дать опредѣленное теченіе водамъ Нила, а затѣмъ отправился въ Аравію и Индію «до самыхъ предѣловъ земли», какъ онъ думалъ. Тамъ онъ построилъ цѣлые города съ храмами, водворилъ порядокъ, учредилъ права и вообще оставилъ по себѣ много благодѣтельныхъ слѣдовъ; но послѣдующія поколѣнія Индусовъ, — говорятъ сказанія — стали приписывать всѣ благодѣянія Озириса своимъ предкамъ, т. е. Индусамъ (Ману). Но духъ законовъ Египта и Индіи совершенно различенъ.

На возвратномъ пути изъ Индіи Озирисъ прошелъ черезъ Геллеспонтъ, и во Ѳракіи убилъ нѣкоего царя варваровъ — Ликурга, который хотѣлъ было противиться введенію благодѣяній въ его странѣ*). Здѣсь Озирисъ оставилъ своего сына Македонія царствовать надъ землею, которая съ тѣхъ поръ стала называться его именемъ (А между тѣмъ Македонія въ древности называлась Емаѳіею).

Обошедши всѣ земли и вернувшись домой, Озирисъ былъ объявленъ заслужившимъ безсмертія и божескихъ почестей; а когда онъ перешелъ отъ земли въ вѣчность, сама Изида съ Гермесомъ учредили порядокъ жертвоприношеній въ его честь, приписавши ему достоинства, равныя съ остальными богами. Онѣ же установили священную драму его жизни и не пренебрегли ничѣмъ изъ того, что могло способствовать утвержденію въ людяхъ понятій о могуществѣ божества.

Діодоръ говоритъ, что жрецы разсказывали ему подробно о кончинѣ Озириса. По ихъ словамъ его убилъ нечестивый братъ его, Тифонъ (Другіе историки называютъ этого брата другимъ именемъ). Онъ оставался управлять страною за время отсутствія Озириса, привыкъ быть первымъ лицемъ, и по возвращеніи брата задумалъ его погубить. Устроивши пиръ въ честь возвращенія своего царственнаго брата, Тифонъ, въ компаніи злоумышленниковъ, хитростью задержалъ Озириса, когда остальные гости уже ушли. Тутъ онъ, заранѣе припася роскошный гробъ, пригласилъ друзей-заговорщиковъ примѣряться въ немъ съ тѣмъ, что кому гробъ будетъ пригоднѣе по росту, тому онъ и достанется. Пожелалъ

*) А между тѣмъ извѣстный спартанскій законодатель, Ликургъ, жилъ въ IX вѣкѣ до Р. Х,

примѣриться и Озирисъ; но какъ только онъ залѣзъ въ гробъ, его тамъ заколотили живымъ и бросили въ рѣку, надѣясь, что теченіемъ его унесетъ въ море. Однако, гробъ завязъ въ тростникѣ; черезъ нѣкоторое время его нашли люди, посланные Изидою на розыски, и перевезли сперва въ лѣсъ. Братоубійца, отправившійся на охоту съ своими соумышленниками, наткнулся случайно на гробъ, и на этотъ разъ рѣшили разрубить тѣло на 26 частей, по числу присутствовавшихъ злодѣевъ: каждый обязался сохранять свою часть. Но тотъ, которому достались половыя части, отказался ихъ хранить и тутъ же бросилъ въ рѣку. Когда Изида не нашла въ гробѣ тѣла супруга, она розыскала сперва 25 частей, и убѣдила жрецовъ воздать имъ божескія почести, и за это, будто, отдала имъ одну треть земель Египта для доходовъ. Потомъ, нашедши и недостававшую часть, она сочла эти части тѣла супруга не менѣе достойными почитанія противъ остальныхъ и повелѣла обдѣлать изъ нихъ кумиры, которые помѣстила въ храмѣ, установила имъ поклоненіе, такъ что онѣ особенно чествуются при посвященіяхъ и жертвоприношеніяхъ.

Перенесенное изъ Египта въ Грецію, это празднество вылилось здѣсь въ Бахусовыхъ оргіяхъ, гдѣ названныя части человѣческаго тѣла чествуются подъ названіемъ фалусовъ (Phallus).

Но еще задолго до Озириса и Изиды, изображающимися въ образѣ людей, — существовали боги безтѣлесные, входящіе въ составъ египетскихъ боговъ. Матерія, вещество,—богиня Нетъ: духъ, живущій въ матеріи—богъ Нефъ. Они неразрывны между собою, потому что не можетъ быть матеріи безъ дѣйствующихъ въ ней силъ, а силы не существуютъ безъ матеріи, въ которой она могла бы держаться. Пространство—богиня Сехетъ; время — богъ Себакъ. Всѣ эти четыре бога составляли одного, потому что ихъ нельзя раздѣлить. Нилъ называли и Яро, и Гапи, и Нунъ, смотря по роду приносимой имъ пользы. Въ Египтѣ было и еще много боговъ, и Озирисъ съ Изидою считались только доступнѣе другихъ. По словамъ историка и доктора Ктезія (Ctesius), жившаго около 400 лѣтъ до Р. Х., Египтяне были убѣждены, что изъ ихъ земли отдѣлилась первая колонія, а за нею вторая и третья, которыя начали заселять прочія страны. Бэлъ (Bélus), считавшійся сыномъ Нептуна и Ливіи (Libia), давшей свое имя странѣ, предводительствовалъ одною изъ первыхъ колоній. Онъ отправился въ Вавилонію, поселился на берегахъ Евфрата и тамъ учредилъ первое духовенство. Этой кастѣ онъ позволилъ не участвовать ни въ какихъ грубыхъ и тяжелыхъ работахъ, обязательныхъ для остального народа, не платить никакихъ налоговъ и пользоваться еще нѣкоторыми привиллегіями. Вавилоняне назвали эту касту Халдеями.

Бэлъ поручилъ имъ наблюдать за теченіемъ небесныхъ свѣтилъ, какъ это дѣлали египетскіе жрецы и астрологи.

Послѣ Бэла большая партія колонистовъ, съ Данаемъ во главѣ, дошла до того мѣста, гдѣ стоялъ городъ Аргосъ (одинъ изъ древнѣйшихъ въ Греціи).

Первыми заселителями плодородной Колхиды были, по ихъ увѣреніямъ, также Египтяне, ушедшіе изъ своей болотистой родины и расположившіеся у береговъ Понтъ-Евксинскаго (Чернаго) моря, приблизительно на мѣстѣ нынѣшней Кутаисской губерніи. Съ теченіемъ времени они расширяли свои владѣнія.

Прародителями Евреевъ были также Египтяне, остановившіеся сперва между Аравіей и Сиріей. Отъ нихъ-то произошелъ обычай и обрядъ обрѣзанія, водившійся въ самомъ древнемъ Египтѣ и перешедшій не только къ послѣдующимъ Евреямъ, но также и къ Магометанамъ, къ Арабамъ, къ Коптамъ, даже къ Абессинскимъ христіанамъ. При перемѣщеніяхъ народовъ переносились, конечно, и религіозные законы, и обычаи.

Египтяне старались доказать свое первенство рядомъ историческихъ фактовъ, давая, между прочимъ, и полу-миѳологическому аѳинскому царю Кекропсу египетское происхожденіе. Такъ продолжалось до царя Псамметиха (26-й династіи), который, узнавъ, что и Фригійцы также считаютъ себя древнѣе остальныхъ народовъ земного шара и отдаютъ Египтянамъ первенство только послѣ себя, пожелалъ это провѣрить съ точностью.

И вотъ какимъ образомъ, — говоритъ Геродотъ, — царь Псамметихъ узналъ истину: онъ отдалъ двухъ новорожденныхъ младенцевъ низкаго происхожденія на руки испытанному въ честности пастуху, и приказалъ воспитывать ихъ среди стадъ, въ совершенно отдѣленныхъ шалашахъ: велѣлъ подпускать къ нимъ, для сосанія, козъ, но такъ, чтобы младенцы никогда не слышали ни единаго человѣческаго слова. Прошло около двухъ лѣтъ, когда оба младенца стали выкрикивать слово «бэкосъ», протягивая руки къ пастуху. Когда пастухъ доложилъ объ этомъ царю, Псамметихъ приказалъ изслѣдовать, какой народъ употребляетъ такое слово, и получивъ донесеніе, что у Фригійцевъ такъ называется хлѣбъ, призналъ ихъ древнѣйшими Египтянъ.

Ни одна страна не имѣетъ, для составленія своей исторіи, столько богатаго матеріала, какъ Египетъ. Здѣсь есть и папирусы, и памятники, пирамиды, обелиски, испещренные надписями, и великое множество картинъ изъ древняго быта, такъ какъ древніе Египтяне питали большое пристрастіе къ рисованію; и хотя искусство это у нихъ долгое время

не превышало рисованія нашихъ 6—8-ми лѣтнихъ дѣтей, но въ самомъ началѣ исторіи они уже умѣли приготовлять прочныя, яркія краски, сохранявшіяся тысячелѣтіями. Каждое выдающееся событіе жизни и едва ли не каждое ремесло, орудіе, растеніе, производство работъ всякаго рода—изображались у нихъ картинно, прекрасными красками. Тѣмъ не менѣе самая первобытная ихъ жизнь мало извѣстна: она вливалась въ миѳологію съ такою постепенностью, что не представляетъ пока возможности разобраться порядливо, хотя новѣйшія изслѣдователи глубокой старины до кое-чего уже добираются.

При первыхъ попыткахъ обработки земли — главною заботою явился этотъ боготворимый Нилъ, разливы котораго могли быть настолько же губительными для жителей, насколько благодѣтельными. Необходимо было направить его теченіе, прорыть каналы и поддерживать ихъ, чтобъ дать возможность наибольшему количеству земли удобряться его плодотворнымъ иломъ.

Нужда и здѣсь, какъ вездѣ, была первымъ двигателемъ изобрѣтеній, а опытъ велъ къ ихъ усовершенствованіямъ. Эта-то нужда, происходившая прямо отъ физическихъ условій страны, т. е. отъ системы орошенія, имѣла огромное вліяніе на исторію Египта, на управленіе имъ и на раннее развитіе въ немъ цивилизаціи, той цивилизаціи, съ которой начинали всѣ народы.

Для приведенія въ порядокъ теченія Нила требовались громадныя общественныя работы. Еслибъ одно которое-нибудь селеніе отнеслось небрежно къ уходу за каналомъ, — это сейчасъ же отозвалось бы на пищѣ и здоровьѣ большой части страны. Надлежало непрестанно наблюдать за работами, разъѣзжать, поддерживать общій порядокъ на большомъ пространствѣ земли. Но такъ какъ нѣсколько начальниковъ могли бы расходиться во взглядахъ на детали, и этимъ нарушить дружный ходъ дѣла,— надо было довѣрить весь планъ и работу одному надежному лицу, которое могло бы руководить этимъ важнѣйшимъ для Египта дѣломъ только при извѣстныхъ правахъ. Поэтому въ Египтѣ ранѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, возникло политическое единство, — монархизмъ. Управляющій теченіемъ Нила является отвѣтчикомъ за общій урожай, и для энергичныхъ мѣропріятій ему нужна была неограниченная власть единицы, которой подчинялись бы всѣ, безъ исключеній. И это представляло такое важное условіе для благоденствія страны, что всякій разъ, какъ по ходу исторіи, монархическое правленіе прекращалось, или выходили крупные споры по поводу престолонаслѣдія, — вся страна такъ страдала отъ временнаго нарушенія порядка работъ, что не смотря на великія жертвы, принуждены были торопиться водворить опять единство власти, при томъ

не только неограниченной, но прямо деспотической. Однако, повидимому, деспотизмъ относился только къ Нильскимъ работамъ.

Образъ жизни Египетскихъ царей, — писалъ Діодоръ Сицилійскій, — не походилъ на времяпрепровожденіе прочихъ правителей странъ, которые могутъ заниматься чѣмъ пожелаютъ и жить въ свое удовольствіе, безъ большой отвѣтственности за свои поступки. Здѣсь же всѣ дѣйствія царя были подчинены точнымъ законамъ, касавшимся не одной оффиціальной жизни, но и внутренней. Ему служили не рабы, не люди неизвѣстнаго происхожденія, но 20-ти-лѣтніе сыновья высшаго духовенства, т. е. жрецовъ, дававшихъ своимъ дѣтямъ лучшее, противъ всѣхъ остальныхъ сословій, образованіе. Окруженный день и часть ночи свидѣтелями такого рода, царь не имѣлъ возможности совершить никакого поступка, достойнаго порицанія; законъ не дозволялъ ему приближать къ себѣ людей съ рабскими склонностями, готовыхъ служить царскимъ страстямъ всякаго рода. Часы дня и ночи, когда ему надлежало исполнять свои обязанности монарха, не были предоставлены его волѣ, но точно обозначались закономъ.

Вставая на зарѣ, онъ долженъ былъ первымъ дѣломъ прочитать всѣ адресованныя на его имя письма и донесенія, чтобы при свѣжей, еще не утомленной памяти, обдумать внутреннее состояніе своей страны и сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія втеченіе предстоящаго дня. Послѣ того, искупавшись, онъ облачался въ свои великолѣпныя одежды со всѣми знаками монаршаго могущества и отправлялся принести жертву богамъ.

Когда предназначенныя животныя были подведены къ жертвеннику, верховный жрецъ произносилъ, передъ собравшимся въ храмѣ народомъ, молитвы о здравіи и счастіи монарха *до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ соблюдать законы и поступать справедливо съ своими подданными.* Въ то же время верховному жрецу вмѣнялось въ обязанность сообщать народу о царскихъ добродѣтеляхъ, о его стремленіи къ правдѣ и отвращеніи ко лжи, о его снисходительности, великодушіи и твердомъ намѣреніи жить господиномъ своихъ страстей. Къ этому жрецъ обыкновенно прибавлялъ, что царь наказалъ виновныхъ менѣе, чѣмъ они того заслуживали, и наградилъ честныя дѣла съ истинно царскою щедростью. Молитвы кончались проклятіемъ тѣхъ ошибокъ, которыя царю доводится дѣлать по невѣдѣнію, или ложному наущенію. Жрецъ совѣтовалъ народу сложить царскія ошибки на головы тѣхъ, кто давалъ царю невѣрныя сообщенія, — и такимъ образомъ ограждалъ монарха отъ обвиненій. Все это совершалось для того, чтобъ вложить въ царя богобоязненность и пріучать его къ примѣрной жизни.

По окончаніи молитвы, царь осматривалъ внутренности животнаго, принесеннаго въ жертву, и объявлялъ народу о благопріятныхъ (или наоборотъ) предзнаменованіяхъ. Общую церемонію жрецъ оканчивалъ чтеніемъ какихъ-нибудь высоконравственныхъ поступковъ прославившихся ими лицъ, для назиданія царю, котораго онъ такимъ образомъ поощрялъ итти неуклонно по предназначенному ему пути.

Законъ опредѣлялъ царю часы пріемовъ, аудіэнцій, часы прогулокъ, нахожденія съ супругою, купанья и пр. Сыну солнца обыкновенно внушали, что смертный часъ недалекъ и отъ него, какъ отъ всякаго другого человѣка; что когда смерть закроетъ ему глаза, и онъ потеряетъ силу награждать, или наказывать,—все вокругъ него перемѣнится: лесть выйдетъ наружу вмѣстѣ съ правдой, и каждое изъ его дѣяній подвергнется открытому суду.

Обыкновенно цари питались простою пищею, пользуясь изъ мясъ только телячьимъ и гусинымъ. Точно также и относительно вина: имъ опредѣлялось извѣстное его количество, производящее общее ободреніе силъ, но не доводящее до охмеленія. Вообще въ вопросѣ всесторонняго царскаго режима были замѣтны не предписанія строгаго закона, но разумные совѣты знающаго и преданнаго врача, имѣющаго въ виду только здравіе, долгоденствіе, а слѣдовательно и счастіе дорогого друга. (Діодоръ).

Какъ ни страннымъ покажется все это читателямъ, — продолжаетъ Діодоръ,—но еще удивительнѣе то, что египетскій царь не имѣлъ права ни судить дѣла, ни рѣшать его, ни наказывать, ни награждать кого бы то ни было по личному расположенію, или ненависти: ему было вмѣнено въ обязанность руководиться во всѣхъ случаяхъ однимъ закономъ.

Подобное стѣсненіе не казалось египетскимъ царямъ несноснымъ; напротивъ, они находили условія своей жизни счастливыми, и жалѣли тѣхъ правителей, которыхъ законъ предоставлялъ личнымъ страстямъ, всевозможнымъ дурнымъ вліяніямъ и соблазнамъ. Свою зависимость они считали благодѣтельною какъ для себя, т. е. для своего личнаго достоинства, такъ и для народа. Они понимали, что только благодаря своему примѣрно-справедливому поведенію они пользовались тѣмъ великимъ и искреннимъ къ себѣ почитаніемъ, какимъ прославился египетскій народъ по отношенію къ своимъ царямъ. Можно безошибочно сказать, что каждому изъ ихъ подданныхъ благополучіе и благоденствіе царя были почти настолько же близки, какъ свои собственныя. То, что происходило въ Египтѣ, когда онъ лишался царя, служитъ не малымъ доказательствомъ искренней преданности народа къ своему главѣ, потому что выраженія горя и почести, воздаваемыя изъ чувства благодарности умершему, уже безсильному существу, не могутъ быть лживыми.

Египетское кладбище представляетъ собою родъ горы съ почти отвѣсными стѣнами футовъ въ 300—500 высоты. Она вся прорыта штольнями, галлереями и разными ходами съ нишами и склепами. Внизу, у подошвы, и вокругъ горы хоронятъ самыхъ богатыхъ, а чѣмъ выше, тѣмъ могилы становятся бѣднѣе; подъ самымъ верхнимъ—множество мумій, привязанныхъ къ простымъ доскамъ, лежатъ слоями другъ на другѣ.

Но сыновъ солнца хоронятъ не здѣсь.

Когда умираетъ царь,—вся страна поголовно носитъ по немъ трауръ 7 недѣль (десятидневныхъ), по истеченіи которыхъ надъ его непохороненнымъ еще трупомъ совершается народный судъ.

Погребеніе египетскаго царя составляетъ картину поистинѣ величественную и трогательную.

Царскую мумію, богато изукрашенную драгоцѣнными камнями, жемчугомъ и золотомъ, несутъ въ трехъ гробахъ, вложенныхъ одинъ въ другой, къ тому мѣсту, гдѣ покойника ожидаетъ милліонная масса народа съ 42-мя представителями, избранными для произнесенія надъ нимъ суда*).

Супруга, дѣти, родственники и друзья покойнаго, сопровождающіе царскую мумію, здѣсь останавливаются и размѣщаются по правую сторону гроба. Лѣвая занята народомъ, гробъ посреди всѣхъ. За гробомъ становятся слуги возлѣ приведенныхъ ими любимыхъ и ратныхъ коней царя, его колесницы, его ордена и оружіе. Множество золотыхъ сосудовъ, статуй его родителей, знамена, царскій посохъ, миніатюрные храмы съ идолами, фигуры, флаги, — все это установлено за гробомъ. За эти тяжелые часы семейство покойнаго переживаетъ мучительное волненіе: мало знакомое съ разнообразною дѣятельностью своего главы, оно напряженно слѣдитъ за каждымъ движеніемъ въ народной массѣ, за каждымъ словомъ представителей, хотя въ истекшіе 70 дней и супруга, и дѣти, и друзья старательно разузнавали, и по мѣрѣ силъ вознаграждали каждаго, кто могъ что-нибудь претерпѣть отъ рѣшеній покойнаго. (Во всѣ 70 дней народъ выходилъ по два раза въ сутки на улицы, пѣлъ гимны, прославлялъ дѣла умершаго. Люди обоего пола рвали на себѣ волосы, посыпали головы грязью и завязывали свои одежды въ видѣ кушака, пониже груди. Всѣ храмы закрывались, жертвоприношенія прекращались, ни одинъ праздникъ не праздновался. Никто за это время не купался, не ѣлъ ничего лакомаго, не употреблялъ вина, не спалъ на удобномъ ложѣ; благоуханія, такъ любимыя Египтянами, не производились, и даже отъ супружескихъ сближеній всѣ отказывались).

*) По Діодору мѣсто это было близъ входа въ гробницу.

Въ начавшейся похоронной церемоніи жрецы поютъ заупывную пѣснь, весь народъ имъ вторитъ.

Первымъ выступаетъ родной братъ покойнаго царя; онъ говоритъ не отъ себя, но за брата:

«Я любилъ свой народъ, я всегда заботился о немъ! Никакой трудъ свой, ни днемъ, ни ночью, я не считалъ тяжелымъ, если онъ велъ къ твоему благу, народъ мой!... Я жилъ умѣренно, ты это знаешь, и никого не обижалъ, ничьимъ добромъ не пользовался, ни у кого ничего не отнялъ, почиталъ отца и мать, не нарушалъ брака. Никогда я не закрывалъ ушей отъ твоихъ печалей, о, мой народъ, и каждый могъ ко мнѣ обращаться въ своихъ нуждахъ».

Братъ старался очистить покойнаго, напомнить народу всѣ его труды, добрыя дѣла,—и семья внимательно слѣдитъ за впечатлѣніемъ, какое производитъ рѣчь заступника на народъ. Народъ долго молчитъ, какъ бы обдумывая свое рѣшеніе, отъ котораго зависитъ почетное, или простое погребеніе царя.

Тогда выступаетъ предсѣдатель суда, приближается ко гробу, и торжественно протягивая руку къ мертвецу, говоритъ народу:

«Царь судилъ тебя, народъ, пока былъ живъ; теперь насталъ твой чередъ судить его. Лежащій здѣсь, передъ тобою, царь,—проситъ тебя о почетномъ погребеніи!» Онъ опускаетъ голову и, помолчавъ съ минуту, продолжаетъ:

«Кто имѣетъ въ чемъ завинить умершаго, — говори свободно, безъ страха,—но безъ обмана. Всякая жалоба примется здѣсь во вниманіе; не будетъ отъ нея ни неудовольствія, ни мести. Пусть каждый говоритъ отъ чистаго сердца, безъ всякой ненависти. Кто имѣетъ причину жаловаться на несправедливость, на обиду, кто былъ обманутъ, претерпѣлъ слишкомъ строгое наказаніе — говори!.. Кто пострадалъ имущественно, или тѣлесно, чьего дѣла лежащій здѣсь не выслушалъ, или не вырѣшилъ, — выходи смѣло, не бойся!»

Онъ отходитъ, немного ждетъ, но потомъ опять уговариваетъ народъ высказаться, и это до трехъ разъ. Если жалобъ не оказалось, предсѣдатель, ставъ опять у гроба, обращается уже къ покойнику:

«Мы держали судъ надъ тобою, государь Египта, и не нашли за тобою никакой вины. Я, какъ начальникъ судей, объявляю тебя чистымъ отъ всякаго злаго дѣла! Спи-же тихо и безмятежно, твое погребеніе совершится со всѣмъ заслуженнымъ тобою почетомъ, потому что ты чистъ! Иди къ престолу великаго Судьи Озири*), и если его Мудрость найдетъ

*) Озири (Озирисъ) считался судьею надъ мертвыми. Изъ Озири ани (Озири судья, сокращенное въ Озирапи) Греки сдѣлали Сараписа, а Римляне — Сераписа, бога подземнаго міра. Черный быкъ, содержавшійся въ Мемфисѣ какъ символъ Озирапи, назывался Гапи, или Апи; Греки его передѣлали въ Аписа.

тебя такимъ же невиннымъ, какъ твои земные судьи, — блаженъ ты будешь, чистый! Ты оправданъ на землѣ, вниди же въ покой!»

Весь народъ плачетъ слезами радости, на всѣхъ лицахъ замѣтно умиленіе; но больше всего оно выражается на лицахъ осиротѣвшей семьи. Сейчасъ же приносятъ жертву. Вслѣдъ за нею нѣсколько ораторовъ говорятъ похвальныя рѣчи умершему; раздаются торжественные гимны, и гробъ съ трупомъ царя, со всѣми любимыми имъ предметами, несутъ церемоніальнымъ шествіемъ въ царскую гробницу.

Но случалось и такъ, что защитительная рѣчь царскаго брата совсѣмъ терялась за криками и шумомъ недовольнаго народа. Діодоръ говоритъ, что бывали даже примѣры, когда народъ отказывался участвовать въ томъ торжественномъ погребеніи, какое заготовлялось по обычаю, и тогда царя хоронили какъ простого смертнаго.

Такое мудрое учрежденіе было благодѣтельно для Египта, потому что имѣло огромное вліяніе на поведеніе престолонаслѣдника.

Діодоръ, писавшій объ образѣ жизни египетскихъ царей со словъ жрецовъ, самъ нѣсколько сомнѣвался въ точной вѣрности разсказаннаго; онъ подозрѣвалъ, что жрецы украшали свои разсказы намѣренно, чтобъ возвысить мудрость прежнихъ законовъ и достоинства царей. И въ самомъ дѣлѣ, еслибъ цари дѣйствительно получали такое примѣрное воспитаніе, то вѣроятно исторія не представляла-бы намъ тщеславныхъ и жестокихъ, въ родѣ Сезостриса, который запрягалъ побѣжденныхъ царей въ свою колесницу.

Египтяне вѣрили въ возможность жизни боговъ на землѣ и легко обоготворяли своихъ царей; зато ни одна нація—говоритъ и Lenormant,— не была такъ покорна царской власти даже въ эпоху той ступени цивилизаціи, когда въ другихъ мѣстахъ употребляли всѣ силы къ низверженію деспотизма. И это вполнѣ естественно, потому что ни въ одной странѣ матеріальное благоденствіе не было въ такой прямой зависимости отъ управленія, какъ въ Египтѣ.

Діодоръ говоритъ также, что Эѳіопы считали Египетъ одною изъ своихъ древнихъ колоній; и дѣйствительно замѣтно поразительное сходство въ законахъ, правахъ духовенства, обычаяхъ, и даже въ царскихъ одѣяніяхъ этихъ странъ. Но сами Египтяне считали себя произведенными, много тысячъ лѣтъ назадъ, богомъ Ра, въ долинѣ Нила. По ихъ вѣрованіямъ, въ то время эту долину заселили боги, съ цѣлью показать примѣръ добраго, разумнаго правленія, и научить избранный египетскій народъ справедливости, благочестію и всякимъ искусствамъ, необходимымъ для его блага.

(Одни историки думаютъ, что Египтяне были переселенцами изъ Азіи, перешедшими по Суэзскому каналу въ нѣсколько пріемовъ и кровосмѣ-

шавшимися потомъ съ черными туземцами. Другіе допускаютъ, что этотъ народъ, принадлежа къ африканской расѣ, заселилъ сперва мѣстность Средняго Нила, и съ теченіемъ времени спускался все ближе къ морю по теченію Нила. Библія даетъ имъ нѣсколько иное происхожденіе. Все это застилаетъ ихъ древность туманомъ [1]).

Время разлива Нила служило рядомъ естественныхъ праздниковъ для Египтянъ: они наслаждались отдыхомъ отъ долгихъ, тяжелыхъ работъ по поддержкѣ теченія своего кормильца и предавались разнаго рода развлеченіямъ. Появлялись лиры, флейты, тамбурины, кемкемъ, арфы, трещетки. Выходили пѣть подъ аккомпанементъ инструмента, сходнаго съ нашей гитарой. Пляски не были въ большомъ употребленіи у народа, зато всѣ любили смотрѣть, когда въ богатыхъ домахъ рабыни исполняли что-то въ родѣ балетнаго танца. На богатыхъ пиршествахъ держались обыкновенія подавать, послѣ всѣхъ кушаньевъ (въ видѣ дессерта) изваяніе мертвеца съ надписью: «Пей и веселись; послѣ смерти вотъ какимъ будешь!»

По египетскому обычаю младшіе, встрѣчаясь со старшими, обязаны были уступать послѣднимъ дорогу отходя всторону; и если въ домъ входилъ старшій годами,— всѣ вставали съ своихъ мѣстъ.

При встрѣчахъ Египтяне кланялись одинъ другому, опуская руку ниже колѣна.

Оба пола повязывали голову желтымъ платкомъ совершенно просто.

Печаль по умершимъ, особенно если они были уважаемы, выражалась такъ: женщины, обмазавши себѣ голову и лица грязью, бѣгали съ обнаженною грудью по улицамъ и колотили себя по ней. Къ нимъ присоединялись родственницы покойнаго, продѣлывая то же самое и въ томъ же видѣ; а мужчины, повторивъ тотъ же обрядъ не подпоясанными, уносили покойника для бальзамированія. Если умершій не жилъ добродѣтельно, ему предназначалось, по египетскимъ вѣрованіямъ, перейти послѣ смерти въ животное, чтобъ въ его шкурѣ пережить другую жизнь; и такое переселеніе души продолжалось до тѣхъ поръ, пока она дѣлалась достаточно чистою для перехода въ лучшій міръ. Къ каждому гробу прикрѣплялись вазы, въ которыя складывали внутренности, вынутыя при бальзамированіи.

Врачебное искусство существовало въ Египтѣ съ глубокой древности; но для каждой болѣзни былъ особый врачъ, который ужъ не брался лечить никакой другой болѣзни.

---

[1]) Я напоминала объ этомъ читательницамъ для того, чтобъ онѣ сами видѣли ясную возможность, и даже болѣе, перенесенія взглядовъ, обычаевъ и законовъ изъ одной страны въ другую.

Египтяне, по наблюденію звѣздъ, раздѣлили годъ на 12 мѣсяцевъ и придумали кому изъ боговъ долженъ быть посвященъ каждый мѣсяцъ и день: отсюда это распространялось постепенно по всѣмъ странамъ. Они умѣли опредѣлять, по дню рожденья, всю судьбу человѣка: каковъ онъ будетъ, какъ поживетъ, чѣмъ будетъ отличаться и какъ умретъ. Къ Эллинамъ это перешло непосредственно изъ Египта; они же, въ свою очередь, расширили предзнаменованія всякаго рода, и слѣдили за каждымъ изъ нихъ, придавая имъ большое значеніе.

Египтяне вѣрили въ предсказанія, особенно когда они были внушены богами черезъ оракуловъ. Поэтому они завели прорицалища. Ираклово, Аѳины (богини), Аполлоново, Артемиды, Зевса, Арея, и болѣе всѣхъ почитаемое Латонино. (Цыгане разнесли во многія страны такого рода предсказанія).

Большой интересъ представляло также у Египтянъ судебная часть съ ея устройствомъ. Къ этому вопросу относились очень строго, считая, что большая доля благоденствія общества лежитъ въ справедливыхъ судебныхъ рѣшеніяхъ, иначе сказать—въ законахъ, произносящихъ судъ.

Чтобы уничтожить взятки, покровительство (по нашему протекцію) и всякое пристрастіе,—въ судьи выбирали, какъ на самую почетную должность,—только лицъ изъ высшихъ, извѣстныхъ фамилій. Поэтому египетское судилище ничѣмъ не уступало ни ѳинскому ареопагу, ни лакедемонскому сенату. 1) Избиралось 30 судей для всей страны, и потомъ уже сами избранные выбирали изъ своей среды наиболѣе достойнаго въ предсѣдатели. 2) Клятвопреступниковъ присуждали къ смертной казни, какъ нарушителей священныхъ законовъ боговъ, какъ живыхъ разсадниковъ безнравственности и губителей родины. (Филонъ, учитель Цицерона (150 лѣтъ до Р. Х.) опредѣлялъ клятву такъ, какъ опредѣляли ее Египтяне гораздо ранѣе его: «Если я дерзнулъ призвать въ свидѣтели бога и не сказалъ правды,—я совершилъ высшее беззаконіе»). 3) Кто видѣлъ человѣка въ опасности и не спѣшилъ къ нему на помощь, тотъ присуждался къ самому тяжкому изъ наказаній. 4) Каждый Египтянинъ обязывался письменно извѣщать правительство какого рода трудомъ онъ живетъ, и солгавшаго въ этомъ случаѣ присуждали къ смерти. 5) Убившій умышленно человѣка, хотя-бы этотъ послѣдній былъ простымъ рабомъ, также лишался жизни «потому что положеніе человѣка—дѣло случая, и кара полагается за самый фактъ убійства». 6) Родители, погубившіе одного изъ своихъ дѣтей, не подвергались общимъ карамъ, но ихъ заставляли лежать три дня и три ночи сряду въ обнимку съ трупомъ погибшаго дѣтища. Приставленная особая стража наблюдала за точностью исполненія приговора. Египтяне считали, что такое наказаніе подѣйствуетъ глубже вся-

каго другого и приведетъ вѣрнѣе къ раскаянью [1]). 7) Дѣтей посягнувшихъ на жизнь родителей, наказывали самымъ жестокимъ образомъ: вырѣзавъ у нихъ заостреннымъ тростникомъ нѣсколько кусковъ мяса, величиною въ палецъ, ихъ окружали колючимъ хворостомъ и сжигали живыми. 8) Надъ беременной женщиной ни въ какомъ случаѣ не производилось суда, пока она не оправится послѣ родовъ. 9) За производство фальшивыхъ денегъ, печати, документовъ, или контрактовъ,— отрубали обѣ руки. 10) За выдачу государственной тайны врагамъ — отрѣзали языкъ. 11) За насиліе надъ женщиной вырѣзали половые органы, считая, что въ подобномъ преступленіи совершаются три беззаконія сразу: жестокое оскорбленіе, порча нравовъ и смѣшеніе дѣтей. 12) За распутство съ обоюднаго согласія мужчинѣ отсчитывали тысячу ударовъ розгами, женщинѣ отрѣзали носъ, чтобъ она навсегда лишалась возможности нравиться. (Геродотъ). Египетскимъ жрецамъ законъ дозволялъ имѣть только по одной женѣ; остальныя-же лица могли ихъ имѣть сколько угодно. Въ видахъ увеличенія населенія, законъ предписывалъ родителямъ кормить и содержать всѣхъ своихъ дѣтей, безъ различія законныхъ отъ незаконныхъ, даже еслибъ они родились отъ купленной женщины. Слѣдуетъ замѣтить, что въ Египтѣ содержаніе дѣтей стоило чрезвычайно мало: пища ихъ состояла изъ кореньевъ и плодовъ, которыми почва была очень богата; обуви имъ не требовалось, да почти то-же можно сказать и относительно одежды. Геродотъ вычислилъ годовой расходъ на ребенка въ Египтѣ: онъ равнялся, приблизительно нашимъ пяти рублямъ. Дѣтямъ не дозволялось ни бороться, ни заниматься музыкою предпочтительнѣе передъ другими занятіями: въ первомъ признавали не развитіе силы и ловкости, но опасное по послѣдствіямъ занятіе; во второмъ Египтяне находили разслабляющее душу занятіе, которое раздражаетъ человѣка и дѣлаетъ мужчину женоподобнымъ. Эти понятія были, повидимому, принесены сюда изъ Персіи.

Древніе Египтяне были горды и недовѣрчивы съ иностранцами; они никогда съ ними не сближались и никогда не позволяли иностранцу сидѣть за однимъ столомъ съ собою. Жрецы входили въ сношенія съ избранными иностранцами, но также держали себя гордо. Къ кастѣ жрецовъ принадлежали философы, астрономы, врачи, исторіографы, математики, а также бальзамировщики и землемѣры. Изъ этой касты выходили вообще сановники, занимавшіе высшіе государственные посты; изъ нихъ же выбирались судьи и законодатели.

---

[1]) Какая пропасть лежитъ между древнимъ Египтомъ и Китаемъ послѣднихъ вѣковъ!

А вотъ совѣты, которые давалъ новобрачнымъ извѣстный въ Египтѣ мудрецъ за 3193 года до Р. Х.

«Если ты разуменъ,— обращался онъ мужу,— то, снабдивъ себя женою, будешь любить ее безъ ссоръ. Корми ее, наряжай ее, нарядъ прибавитъ красоты ея членамъ; не жалѣй для нея ароматовъ, и радуй ее своею жизнью, потому что это благо, которое должно быть достойно своего владѣльца. Но никогда не будь съ ней грубъ. «Lenormant [1]) называетъ этого мудреца Фта—готпу (Phta—hotpou). Другіе же историки называютъ этимъ именемъ (Пта-Готепъ) сына царя Асса, оставившаго послѣ себя такія мудрыя изреченія, которыя сдѣлали бы честь любому писателю нашего времени. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ».

«Любовь къ человѣчеству достойна большаго уваженія, чѣмъ жертвенный хлѣбъ».

«Сдержанность сама по себѣ составляетъ богатство».

«Почитай мудрость бѣдняка много болѣе драгоцѣнныхъ камней, надѣтыхъ на недостойныхъ рукахъ».

«Не вышучивай просящаго, потому что это гораздо злѣе, чѣмъ прибить его».

«Никого не подавляй своимъ превосходствомъ, и не унижай человѣка котораго намѣреваешься исправить: сдѣлай такъ, чтобъ онъ тебя не стыдился, и тогда ты принесешь ему добро».

Эти и много другихъ правилъ написаны на папирусѣ почти за пять тысячъ лѣтъ до насъ, и составляютъ древнѣйшую рукопись міра. Насколько же человѣкъ, не знавшій ни силы пара, ни электричества, могъ стоять выше насъ!

Геродотъ говоритъ, что живя подъ небомъ, отличнымъ отъ нашего, европейскаго, и при рѣкѣ, имѣющей совсѣмъ отличныя отъ другихъ рѣкъ свойства, — Египтяне и въ законахъ, и въ обычаяхъ, также отличаются отъ прочихъ народовъ. У нихъ жены ходятъ на рынокъ покупать и продавать, а мужья сидятъ дома и ткутъ холстъ. Мужчины носятъ тамъ тяжести на головахъ, а женщины — за плечами. Жидкое испражненіе женщина здѣсь совершаетъ стоя, а мужчина—присѣдая. Вообще оба пола испражняются дома, а ѣдятъ внѣ дома, на улицахъ, и причиною сему поставляютъ то, что «гнусное» хотя и необходимо, но надо дѣлать скрытно, т. е. дома; а негнусное можно совершать и явно. Женщины у нихъ не бываютъ жрицами ни боговъ, ни богинь: всѣ должности этого рода исправляются мужчинами. Исключеніемъ служитъ только городъ Ѳивы, въ храмѣ котораго никто не имѣетъ права ночевать, кромѣ одной

[1]) Профессоръ египетской орхеологіи, умеръ въ 1859 году.

женщины изъ тамошнихъ уроженокъ, выбираемой, по народнымъ сказаніямъ, самимъ богомъ Аммономъ.

Кормить престарѣлыхъ родителей здѣсь должны не сыновья, но дочери: это закономъ ставилось имъ въ обязанность, еслибъ онѣ и не хотѣли того.

Въ другихъ странахъ жрецы отращиваютъ волосы, а въ Египтѣ, наоборотъ,—стригутъ ихъ. Также по смерти родственниковъ у нѣкоторыхъ другихъ народовъ есть обычай стричь волосы, а здѣсь ихъ всегда стригутъ, и только въ знакъ траура отращиваютъ.

Въ другихъ мѣстахъ люди живутъ особо отъ животныхъ, а Египтяне—вмѣстѣ съ ними. Другіе народы питаются ячменемъ и пшеницею,—Египтяне же почему-то считаютъ это поношеніемъ, и ѣдятъ охотнѣе свою омиру (т. е. кукурузу). Вездѣ нарядовъ больше у женщины, — у нихъ же мужчина имѣетъ по два платья, а женщина — одно. Также буквы и цифры они пишутъ не слѣва направо, какъ всѣ, а наоборотъ.

Жрецы египетскіе каждые три дня брѣютъ себѣ все тѣло, чтобъ не завелась вошь, когда они приносятъ жертву богамъ. Моются они два раза днемъ, и два раза ночью. Не ѣдятъ ни рыбы, ни бобовъ: они считаютъ бобы такимъ нечистымъ плодомъ, что не позволяютъ себѣ и смотрѣть на нихъ.

Для жертвоприношенія выбираютъ быка, у котораго нѣтъ ни одного чернаго волоска на всѣмъ тѣлѣ; его для этого нѣсколько разъ осматриваютъ сообща, съ большимъ вниманіемъ, и только окончательно увѣрившись, что чернаго волоска нѣтъ,—помѣчаютъ печатью. За принесеніе въ жертву непомѣченнаго печатью быка назначалась смертная казнь. Заколовши быка передъ жертвенникомъ, политымъ виномъ, отрубаютъ ему голову, и если день этотъ рыночный, то стараются продать эту голову эллинамъ; если же ихъ на рынкѣ не случилось, то бросаютъ ее въ воду, но предварительно заклинаютъ ее такими словами: «Если должна насъ, жертвующихъ, или весь Египетъ постигнуть какая-нибудь напасть, — да обратится она на сію голову!» Такъ какъ заклинаніе головы продѣлывается надъ каждою жертвою, то Египтяне не ѣдятъ вообще головы никакого животнаго. Передъ каждымъ жертвоприношеніемъ установленъ постъ, а во время горѣнія убитой жертвы, изъ которой готовятъ пиръ, всѣ присутствующіе бьютъ себя въ грудь, и ужъ потомъ приступаютъ къ ѣдѣ.

Коровы въ Египтѣ посвящены богинѣ Изидѣ, поэтому приносить ихъ въ жертву нельзя, и онѣ пользуются уваженіемъ предпочительно передъ остальными животными; для жертвоприношеній годятся только чистые быки и тельцы.

Свою богиню Іо Греки изображаютъ совершенно такъ же, какъ Египтяне богиню Изиду; имѣются и другіе сходные боги; но въ Египтѣ ни мужчины, ни женщины не поцѣлуютъ Эллина въ уста, и никто не дотронется ни до его ножа, ни до его рожна, ни до его горшка.

Свиней здѣсь считаютъ нечистымъ животнымъ, и только одинъ разъ въ годъ, въ полнолуніе, ѣдятъ свиное мясо послѣ принесенія его въ жертву. Дотронувшійся нечаянно хоть кончикомъ платья до свиньи, обязанъ немедленно искупаться въ рѣкѣ для очищенія. Вѣроятно, поэтому свинопасы составляютъ въ Египтѣ почти то же, что въ Индіи паріи: имъ воспрещенъ входъ во всѣ храмы; они ведутъ свой родъ отдѣльно, такъ какъ ни одно сословіе не беретъ ихъ дѣтей ни въ мужья для своихъ, ни въ жены*). Большимъ пренебреженіемъ отличаются здѣсь также феллахи, т. е. земледѣльцы, и причины такой странности въ Египтѣ лежатъ, вѣроятно, въ раздуваніи, или осложненіи естественной первопричины.

Если у кого въ домѣ околѣетъ котъ, то всѣ домашніе брѣютъ себѣ брови; если же въ домѣ околѣетъ собака, — брѣютъ все тѣло и голову. Околѣвшихъ котовъ относятъ, при громкихъ вопляхъ, въ священное зданіе, гдѣ сперва бальзамируютъ, а потомъ везутъ хоронить въ городъ Вувастисъ. Убившаго кошку даже неумышленно, — ничто оправдать не можетъ: его казнитъ самъ народъ. Собаку же хоронятъ въ своемъ городѣ, въ священныхъ ложницахъ, также какъ и фараоновыхъ мышей. По собакамъ носятъ трауръ, и если въ комнатѣ, гдѣ собака испустила послѣдній вздохъ, стояло въ это время вино, или что другое изъ съѣдобнаго, то употребленіе сего воспрещалось и на будущее время.

Землероекъ и ястребовъ увозили хоронить въ г. Витунъ; ибисовъ — въ Эрмеополь, какъ посвященныхъ богу Эрмію. Остальныхъ животныхъ и птицъ зарываютъ тамъ, гдѣ они издохли. Убившій котораго-нибудь изъ священныхъ животныхъ подлежитъ смерти.

Разсказываютъ, что во время свирѣпствовавшаго здѣсь когда-то голода, Египтяне уже начинали пожирать другъ друга, но ни до котораго изъ священныхъ животныхъ народъ не дотронулся.

Въ однихъ мѣстахъ Египта почитаютъ крокодиловъ за священныхъ животныхъ, и тогда, поймавъ молодого представителя, воспитываютъ его, дѣлаютъ ручнымъ. Въ уши его продѣваютъ драгоцѣнныя серьги, переднія ноги украшаютъ ожерельями; онъ пользуется положенною долею

---

*) Это представляетъ прекрасную иллюстрацію утрировки и осложненій вопросовъ, возникшихъ первоначально на чисто-экономической, или же санитарной почвѣ.

жертвенныхъ мясъ и хлѣба, о немъ усердно заботятся, стараясь чтобъ жизнь его протекала въ полномъ, изысканномъ довольствѣ; а околѣвшаго бальзамируютъ и хоронятъ въ священныхъ ложницахъ. Въ другихъ же мѣстахъ Египта крокодиловъ преслѣдуютъ и убиваютъ, какъ враговъ. Есть даже мѣста, гдѣ ихъ ѣдятъ.

Крокодиловъ ловятъ при помощи уды съ свиною спиною, брошенной въ рѣку; самъ же ловчій, стоя на берегу, держитъ въ рукахъ живого поросенка, котораго бьетъ. Крокодилъ, торопясь на крикъ поросенка, по дорогѣ проглатываетъ уду, и вытаскивается на берегъ. Здѣсь ему сейчасъ же забрасываютъ глаза грязью, чтобъ легче справиться съ огромнымъ животнымъ.

Уходъ за священнымъ быкомъ, или крокодиломъ, предоставляется самымъ знатнымъ людямъ: они его кормятъ собственноручно самою отборною пищею, сами убираютъ его нечистоты, сами моютъ его, натираютъ дорогими благовоніями, и очень гордятся своимъ положеніемъ. Они носятъ знаки особаго достоинства, и, при встрѣчѣ съ ними, каждый Египтянинъ считаетъ долгомъ отдавать имъ, вмѣстѣ съ поклономъ, всѣ признаки высокаго почтенія (Геродотъ).

Однако, есть историки, которые говорятъ, что въ Египтѣ не поклонялись животнымъ, но содержали многихъ изъ нихъ въ почетѣ какъ эмблему, символъ, или какъ живое изображеніе начальной буквы имени бога. Простонародье, разумѣется, этого не понимало и воздавало животному божескія почести; простолюдинъ молилъ животное о помощи, и даже загадывалъ такимъ образомъ: бросая ему кормъ, онъ слѣдилъ за всякимъ движеніемъ животнаго, стараясь уловить его пріятное, или непріятное отношеніе къ брошенному куску, и объясняя по своему каждое изъ этихъ движеній. Если животное сразу съѣдало брошенное,—это считалось вѣрхомъ благополучія, если же оно только обнюхивало, или отворачивалось,—дѣло было плохо.

Невѣжество вездѣ портитъ религію, и нѣтъ ничего удивительнаго, что идолопоклонники путались въ своихъ туманныхъ вѣрованіяхъ, когда встрѣчается нѣчто подобное даже въ нашей чистой христіанской религіи: простолюдинъ обѣщаетъ поставить свѣчку Скорбящей Божьей Матери, если удастся такое-то дѣло, и если успѣха не было, — мужикъ, и особенно баба, объясняютъ это тѣмъ, что слѣдовало, значитъ, поставить свѣчку не Скорбящей, но Нечаянной радости, или Утоленію печали, — и это настолько путаетъ понятія православныхъ людей, что они какъ будто молятся въ дѣйствительности не одной и той же Божьей Матери, а тремъ.

Въ Египтѣ одна треть земель съ ея доходами принадлежала коронѣ; вторая треть — жрецамъ, а третья — воинству: царей выбирали изъ этого

сословія. Жрецы обязывались, въ счетъ своихъ доходовъ, заботиться о жертвоприношеніяхъ, и содержать себя прилично. Египтяне находили, что люди, имѣющіе дѣла съ богами, не должны терпѣть нужды ни въ чемъ (Геродотъ).

Духовное сословіе жреческой касты нерѣдко злоупотребляло своимъ положеніемъ посредниковъ между богомъ и человѣкомъ. Они такъ ревностно охраняли свои интересы, что не допускали ни малѣйшаго обновленія въ понятіяхъ о Высшей Силѣ, и послужили примѣрнымъ тормазомъ прогресса мысли не въ одномъ Египтѣ. Мы видѣли это въ Индіи, увидимъ то же и въ Греціи, имѣвшей неоспоримое вліяніе на многія страны. Вліяніе жрецовъ проникло даже въ священныя легенды римско-католической церкви, гдѣ продажа индульгенцій явилась однимъ изъ его отголосковъ. Исторія намъ также указываетъ, что всякому открытію науки, какъ и всякому благодѣтельному очищенію религіи отъ предразсудковъ, первыми противниками были всегда такіе посредники: своимъ вліяніемъ на невѣжественную народную массу они много способствовали укоренѣнію суевѣрія и поддержкѣ его.

Кромѣ поименованныхъ, въ Египтѣ было еще три сословія: ремесленники, пастухи и земледѣльцы, бравшіе въ аренду земли жрецовъ, воинскія и царскія. Всѣ сословія переходили изъ рода въ родъ, и никто не имѣлъ права заниматься не тѣмъ дѣломъ, въ условіяхъ котораго родился.

Въ этомъ очеркѣ мы захватили, по возможности, всѣ стороны гражданскаго устройства древняго Египта и перечислили его особенности съ тою цѣлью, чтобъ читающій могъ отмѣтить во многомъ дѣйствительность умственнаго развитія этой страны. Однако и здѣсь замѣтна косность какъ относительно религіи, такъ и относительно взглядовъ на женщину. «Отецъ почитался единственнымъ создателемъ потомства, такъ какъ отъ матери оно получало только временное жилище» (Діодоръ).

Слѣдовательно, и здѣсь у женщины отняли все, чѣмъ одарила ее природа, и оставили только то, чего ужъ никакъ нельзя было отнять — жилище... И это послѣ материнскаго права, преданія о которомъ были еще свѣжи въ ученыхъ сословіяхъ...

Очевидно, что такой переворотъ понятій не истекалъ изъ египетской миѳологіи, а былъ воспринятъ откуда-то готовымъ. Озирисъ съ Изидою раздѣлили дружелюбно міровое богатство и жили полюбовно, равноправно, представляя собою прекраснѣйшій образецъ моногаміи, хотя и считались братомъ и сестрою. Очевидно также, что сами Египтяне не вѣрили этому и принимали только, такъ сказать, букву, а не смыслъ, потому что тотъ же Діодоръ Сицилійскій говоритъ, что по египетскому закону братъ могъ жениться на своей сестрѣ по отцу, на подобіе Озириса и Изиды,—

(которую Египтяне считали за величайшую благодѣтельницу человѣческаго рода, за источникъ самыхъ крупныхъ человѣческихъ благъ) — но не могъ жениться на своей сестрѣ по матери. Слѣдовательно, они вѣрили, что мать даетъ своему потомству, кромѣ жилища, и кровь свою, и не желали кровосмѣшенія.

Хотя египетская женщина и находилась, какъ повсюду, въ полной зависимости отъ мужа, но онъ не имѣлъ права ни продать ее, ни выгнать. Кромѣ того, религіозное чувство мужчины приписывало ей, какъ и ея прародительницѣ Изидѣ, высокія качества трудолюбія, заботливости и любви. Это нѣсколько облегчало ея рабское положеніе, потому что, благодаря этому, ее цѣнили въ семьѣ.

Выходя замужъ, женщина имѣла право только на одинаковое съ собою обращеніе въ кругу прочихъ женъ, т. е. на такое же помѣщеніе и содержаніе, сообразныя со средствами и положеніемъ мужа, — хотя принесла бы въ приданое большое состояніе. Мусульманскій законъ, водворившійся въ Египтѣ, недалеко ушелъ отъ Ману, и почти съ такою же смѣлостью опредѣляетъ всѣ интимныя подробности брачной жизни. Жены жили каждая въ отдѣльной комнатѣ, по усмотрѣнію мужа, но каждая имѣла полное право не принимать у себя дѣтей отъ другого ложа.

Мужъ же имѣлъ право запретить своей женѣ выходить изъ дому, запретить ей поддерживать знакомство съ тѣми изъ ея родныхъ, которые ему не по вкусу; но по закону не пользовался правомъ увезти ее въ другое мѣсто безъ ея согласія, а также не могъ препятствовать ей видѣться одинъ разъ въ недѣлю съ отцемъ, или матерью, и одинъ разъ въ мѣсяцъ съ братомъ, или сестрою. Развода имѣлъ право требовать только мужъ, и если черезъ три мѣсяца послѣ союза жена еще не была беременна, — этого одного было достаточно для развода; но при этомъ мужъ обязывался либо возвратить ея приданое, либо обезпечить ея содержаніе, если приданаго не было. Расторженіе же брака зависѣло не отъ хотѣнія мужа: для него требовалось либо взаимное соглашеніе супруговъ, либо доказательство его неспособности, либо переходъ въ другую религію. Добровольное удаленіе мужу не воспрещалось.

Въ различныя времена и въ различныхъ мѣстностяхъ Египта и нравы были неодинаковы. Такъ, напримѣръ, г. Qiraud Teulon писалъ (Les origines du mariage et də la famille), что въ семейной жизни Египта долгое время сохранялись слѣды материнскаго главенства: «*Положеніе женщины въ семьѣ было почетно; она свободно распоряжалась своимъ имуществомъ, и это приводило въ сильное изумленіе Грековъ*». И дѣйствительно достоинъ удивленія тотъ фактъ, что пока отца въ семьѣ не было, и мать составляла единственную кормилицу и покровительницу дѣтей,— не суще-

ствовало надъ ними никакихъ особыхъ правъ (и именно потому, что мать, самою природою связанная съ дѣтскими интересами какъ съ физической, такъ и съ духовной стороны, представляетъ имъ естественную гарантію отъ всяческаго зла); но какъ только покровителемъ ихъ является отецъ, онъ тотчасъ же предъявляетъ себя ихъ полновластнымъ хозяиномъ, вольнымъ въ ихъ воспитаніи, вольнымъ даже въ ихъ жизни и смерти. Такая черта властолюбія, проявлявшагося въ мужчинѣ повсюду, заслуживаетъ быть отмѣченною во имя изученія порока, отъ котораго наиболѣе страдало человѣчество всѣхъ расъ: съ этой низкой ступени нравственной культуры человѣку, повидимому, особенно трудно подниматься, и въ данномъ смыслѣ онъ не даетъ ходу никакой логикѣ. Съ другой стороны это наводитъ на правдоподобное предположеніе, что счастье человѣчества можетъ быть воздвигнуто на пьэдесталѣ не мужскихъ, а женскихъ добродѣтелей, связанныхъ съ обязательностью и настойчивостью въ трудахъ.

Путешественники, проводившіе долгое время въ Египтѣ, неоднократно писали, что здѣсь рѣдкій мужъ не привязанъ сердечно къ своей семьѣ и не считаетъ большого количества дѣтей за счастье. Не зная разнообразныхъ развлеченій другихъ странъ, Египтяне и послѣ водворенія государственнаго строя еще долго жили патріархальною жизнью, такъ что добродушное ихъ отношеніе къ семейнымъ радостямъ дѣлало женское положеніе менѣе унизительнымъ. Никогда не видя возлѣ себя равной по умственному развитію женщины, Египтянинъ сроднился съ мыслью о томъ, что иначе это и быть не можетъ; согласно съ фактомъ, онъ и не могъ ставить жену выше того, что она заслуживаетъ по своему умственному развитію, поднятіе котораго не находилось въ его волѣ. Здѣсь даже въ самыхъ образованныхъ семьяхъ жена не занималась ничѣмъ, кромѣ своего туалета и мелкихъ домашнихъ дѣлъ (Этому много способствовало вліяніе жрецовъ, всегда стремившихся къ поддержанію консервативныхъ началъ въ народныхъ умахъ. Духовные пастыри не ограничивались охраненіемъ религіозныхъ вѣрованій и преданій; они приняли на себя еще руководить знаніемъ и опекать школы. Всѣ ученые изслѣдователи прогресса мысли и способовъ обученія у древнихъ народовъ говорятъ, что со времени выдѣленія духовенства (и въ особенности мусульманскаго) вся нравственная и умственная сторона человѣка нашлась въ зависимости отъ этой касты, гибельно вліявшей и на семью и на школу. Съ тѣхъ поръ воспитаніе дѣтей, бывшее семейнымъ, мирнымъ, и кроткимъ, сдѣлалось принудительнымъ и жестокимъ; потребность религіозныхъ началъ ввела тѣлесныя наказанія въ школахъ, гдѣ забивали всякую мысль, всякій личный прогрессъ во имя насильнаго внушенія покорности исламу. Въ этомъ же духѣ дѣйствовали и еврейскіе раввины: «На седьмомъ году

учи ребенка въ школѣ и обременяй его какъ вола» — говоритъ Талмудъ).

Теперь обратимся къ политической исторіи Египта, такъ какъ въ ней было мѣсто и для женщины.

Почти всѣ историки утверждаютъ, что продолжительное патріархальное правленіе было уничтожено въ Египтѣ сразу однимъ предпріимчивымъ и воинственнымъ вождемъ, который сперва соединилъ всѣ силы страны для борьбы съ Ниломъ, (т. е. съ его теченіемъ), а затѣмъ подчинилъ ихъ себѣ, и храбро пошелъ къ своей цѣли. Это былъ Мэна, или Мэнэ, и съ этого времени въ Египтѣ начинается единодержавіе, которое впослѣдствіи было неоднократно прерываемо спорами и междоусобицами изъ за престолонаслѣдія. Въ Египтѣ наслѣдникомъ престола являлся одно время не сынъ, но то избранное лицо, котораго считали наиболѣе достойнымъ управлять страною.

(Такъ какъ въ Египтѣ не сохранилось памятниковъ ни о самомъ Мэнэ, ни о его времени, то все, что изъ этого дошло до насъ, имѣетъ характеръ легенды. Вѣроятно поэтому нѣкоторые и отожествляютъ безслѣднаго египетскаго Мэнэ съ законодателемъ Индусовъ, время учрежденія законовъ котораго также неизвѣстно).

Въ царствованіе Мэнэ почти весь Египетъ былъ покрытъ частыми болотами; но вскорѣ послѣ того какъ царю удалось дать Нилу желанное теченіе и орошеніе,— цивилизація пошла быстро. Не имѣя надобности, благодаря Нилу, ни пахать, ни удобрять, Египтяне, тотчасъ послѣ посѣва, пускали на поля стада свиней, которыя утаптывали зерна. Послѣ этого имъ оставалось только ждать времени жатвы. Выминали у нихъ пшеницу тоже при помощи свиней (Геродотъ).

Политическая исторія относитъ царствованіе Мэнэ къ 3892 г. до Р. Х. По вычисленіямъ знаменитаго ученаго путешественника Маріеттъ Мэнэ царствовалъ за 5004 г. до Р. Х., а г Брюгъ (Brugch) останавливается на 4455 году до Р. Х. Самъ царь Мэнэ нашелъ свою смерть въ челюстяхъ бегемота.

Династія Мэнэ царствовала 253 года. До нея Египтяне, въ войнахъ съ другими народами, имѣли обычай рисовать на воротахъ побѣжденныхъ женскій половой органъ, а на воротахъ побѣдителей—мужской. Но уже третій царь второй династіи, Баи-нутріонъ (Bai-noutrion, или Beno thris)— издалъ законъ, по которому женщина признавалась способною занимать египетскій престолъ. Разумѣется, это могло осуществляться только тогда, когда прекращалась прямая мужская линія; но здѣсь вся важность вопроса заключается въ прогрессѣ взглядовъ на умственную одаренность женщины, и переломъ этотъ не могъ не повліять, хоть до нѣкоторой степени, на повышеніе общаго о ней мнѣнія.

Этотъ-же царь назвалъ себя сыномъ Солнца, и, по словамъ историка Масперо, съ этого времени цари египетскіе ужъ не считались простыми смертными, призванными управлять народомъ; они стали потомками боговъ, заселявшихъ нѣкогда долину Нила, въ жилахъ которыхъ текла божеская кровь. И такъ какъ эта-же божеская кровь не миновала и дочерей царственнаго рода, то всякій разъ какъ пресѣкалась мужская линія,— чистокровная принцесса вступала въ бракъ съ избраннымъ лицемъ и возстановляла гаснувшій родъ, передавая своимъ дѣтямъ божескую кровь.

Во время малолѣтства царя Тотмеса III, мужественная сестра его была регентшей. Ее называли Num Ammon Hashepsou, хотя настоящее имя было Макара.

Въ шестой династіи египетскихъ царей мы винимъ на престолѣ женщину Эоіопку, по имени Натакритъ (около 3500 г. до Р. Х.). По словамъ Геродота, подтверждаемымъ и Діодоромъ, и Манэтономъ, египетскимъ жрецомъ временъ Птоломеевъ,— она отличалась умомъ настолько же, насколько красотою. Эоіопы, умертвивъ ея брата, царя Менфезуфиса, передали престолъ въ ея руки. Но Геродотъ говоритъ только, что несмотря на оказанное предпочтеніе, она отомстила за брата, и тутъ-же убила себя. Другой-же историкъ разсказываетъ объ этой царицѣ подробнѣе. Онъ говоритъ, что въ это время задумывали раздѣлить страну, и все 12-ти лѣтнее царствованіе Нитакрить было полно возмущеній, ссоръ и непріятностей, съ которыми она боролась умѣло и удачно. Обстоятельства заставляли ее щадить, до поры до времени, убійцъ брата; но заканчивая постройку третьей пирамиды, предназначавшейся для ея собственнаго погребенія, она не переставала обдумывать и подготовлять планъ мести: въ строгой тайнѣ была устроена подземная галлерея съ заломъ, имѣвшимъ сообщеніе съ Ниломъ, и когда все было готово, она пригласила туда на пиршество многихъ, въ томъ числѣ и всѣхъ виновниковъ убійства брата. Въ самый разгаръ веселья, воды Нила были спущены въ залъ, и въ нихъ погибли всѣ убійцы. Однако въ скоромъ времени ей самой пришлось прибѣгнуть къ самоубійству, какъ къ единственному средству избѣжать мести друзей утопленныхъ (Lenormant).

Еще существуетъ историческій разсказъ о нѣкоей царицѣ Нитакертъ, супругѣ царя Менкаура, сдѣлавшей ея изъ дочери бѣднаго заѣзжаго виноторговца египетскою царицею, и также отличавшеюся, сперва, только красотою, а впослѣдствіи и добродѣтелями. Но судьба царицы Нитакертъ представляетъ сходство съ царицею Нитакритъ лишь по имени, въ общемъ-же очень напоминаетъ всѣмъ извѣстную сказку о Сандрильонѣ.

Историки ничѣмъ не могли объяснить страннаго обстоятельства, что съ года смерти Нитакритъ совершилось внезапное уменьшеніе свѣдѣній

относительно хода цивилизаціи въ Египтѣ. Это продолжалось около 440 лѣтъ, т. е. до начала XI династіи, когда все, прерванное неизвѣстной причиной, возобновилось и пошло своимъ порядкомъ.

Когда Сезострисъ (Сети), возвратясь въ Египетъ послѣ покоренія многихъ городовъ, остановился у своего брата, которому поручалъ управленіе на время своего отсутствія, — братъ хотѣлъ его сжечь вмѣстѣ съ женою и дѣтьми. Но отъ вниманія Сети не ускользнули тайныя приготовленія брата, и онъ обратился за совѣтомъ къ своей женѣ. А такъ какъ въ это самое время уже готовились зажигать горючій матеріалъ кругомъ всего дворца,—жена Сети нашла, что теперь осталось единственное средство спасенія въ томъ, чтобъ изъ шести сыновей пожертвовать двумя, и положивъ ихъ на горючій матеріалъ, пройти потомъ съ остальными по ихъ трупамъ, какъ по мосту. Сегострисъ послушалъ совѣта и спасся съ четырьмя сыновьями.

Объ одномъ изъ этихъ спасенныхъ сыновей, Феронѣ, въ Египтѣ существуетъ интересная легенда:

Лишившись зрѣнія въ молодыя еще лѣта, онъ ровно десять лѣтъ ничего не видѣлъ. Испытавъ много всякихъ средствъ, онъ рѣшился, на одиннадцатомъ году слѣпоты, отправиться въ прорицалище. Тамъ ему было сказано, что зрѣніе къ нему возвратится тогда, когда онъ промоетъ глаза жидкостью, взятою отъ женщины, которая не знала иного мужчины, кромѣ своего мужа. Первымъ дѣломъ Феронъ попробовалъ взять ее отъ своей жены, но не прозрѣлъ. Тогда онъ началъ усердно испытывать это средство, получая жидкость отъ множества женщинъ, но оставался попрежнему слѣпъ. Послѣ долгихъ поисковъ онъ напалъ, наконецъ, на вѣрную жену садовника и прозрѣлъ. За то онъ созвалъ всѣхъ испытанныхъ имъ женщинъ въ одинъ городъ, и сжегъ ихъ вмѣстѣ съ городомъ, а на своей цѣлительницѣ женился.

Объ одномъ изъ египетскихъ царей, Хеопсѣ, Геродотъ разсказываетъ такъ: Сильно нуждаясь въ деньгахъ, онъ поручилъ дочери своей заняться развратомъ, чтобъ накопить ему капиталъ. Дочь не только добыла этимъ путемъ огромныя деньги отцу, но еще оставила послѣ себя большихъ размѣровъ памятникъ изъ тѣхъ драгоцѣнныхъ камней, которыя каждый посѣтитель приносилъ ей въ даръ.

Сынъ этого Хеопса, Мицеринъ (Mycerinus) не походилъ на своего отца: онъ такъ горячо почиталъ свою единственную дочь, что когда она скончалась, онъ не похоронилъ ее въ гробницѣ, далеко отъ себя, но приказалъ соорудить огромную корову изъ дорогого дерева, позолотилъ ее и сдѣлалъ вмѣстилищемъ тѣла дочери. Оригинальная гробница эта была поставлена въ самомъ роскошномъ покоѣ изъ царскихъ чертоговъ.

Онъ избралъ для гробницы корову именно потому, что это животное находилось подъ особымъ покровительствомъ Изиды, что̀ подтверждаютъ и Геродотъ, и Діодоръ, и Шаба (Chabas).

Діодоръ думаетъ, что въ Египтѣ «царицы, какъ потомки величайшей благодѣтельницы человѣчества, Изиды, пользовались еще бо̀льшими почестями, еще бо̀льшимъ могуществомъ, чѣмъ цари. Даже въ свадебные контракты,—по его словамъ,—всегда включалось условіе, чтобъ мужъ слушалъ совѣтовъ той, которую избралъ себѣ въ подруги жизни».

Три пирамиды въ древнемъ Египтѣ выстроены царями въ честь ихъ женъ; сохранилось также много картинъ и барельефовъ, на которыхъ изображены семейныя отношенія полюбовнаго, трогательнаго характера.

Діодоръ говоритъ, со словъ жрецовъ, что древніе египетскіе цари обязывались научать свой народъ всякимъ добрымъ и полезнымъ вещамъ по примѣру царей-боговъ, и что многіе изъ царей-людей не отставали въ этомъ дѣлѣ отъ своихъ предковъ. Жрецы же говорили Діодору, что послѣднимъ изъ царей-боговъ, царствовавшихъ на землѣ всего 18 тысячъ лѣтъ, былъ Горусъ, а первымъ изъ царей-людей былъ Мэнэ, который ввелъ жертвоприношенія и научилъ народъ ѣсть въ опредѣленные, правильные сроки. Онъ же заботился, чтобъ народная пища была хорошо приготовлена и обставлена наивозможно бо̀льшимъ удобствомъ. Изъ Египта все это было перенесено въ другія страны. А впослѣдствіи древніе египетскіе переселенцы приносили въ Египетъ изобрѣтенія своей второй родины. Такъ, напримѣръ, Вавилонянами были принесены на родину предковъ свѣдѣнія о полюсахъ и объ указателѣ высоты солнца (вѣроятно, объ устройствѣ солнечныхъ часовъ).

Черезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ послѣ Ману, какъ въ Индіи, такъ и въ Китаѣ, ничто въ общемъ народномъ бытѣ не прогрессировало; мало расширялся тамъ и умственный кругозоръ: всѣ порядки, всѣ предразсудки сидѣли тамъ на своемъ обсиженномъ мѣстѣ, почти не измѣняясь къ лучшему. А въ Египтѣ, какъ говоритъ Гравіусъ, — слишкомъ за 2600 лѣтъ до нашего времени жилъ царь Сабаконъ (Эѳіопъ), доказавшій свою мудрость и стремленіе къ справедливости тѣмъ, что вычеркнулъ изъ законовъ смертную казнь. Разсуждая, вскорѣ послѣ завоеванія Египта, съ однимъ изъ жрецовъ, онъ выразилъ мнѣніе, что тотъ, кто не въ силахъ одарять жизнью, вѣроятно, не имѣетъ права и лишать ея, но обязанъ давать всѣмъ преступникамъ, осужденнымъ за самыя тяжкія вины, возможность раскаянія и искупленія. Поэтому Сабаконъ заставлялъ ихъ, вмѣсто безполезной смерти, всю остальную жизнь приносить пользу странѣ и соотечественникамъ своими трудами.

Этотъ же царь Сабаконъ видѣлъ нѣсколько разъ странные и схожіе сны: ему какой-то богъ не переставалъ предсказывать очень счастливое царствованіе только въ такомъ случаѣ, если онъ перерѣжетъ все египетское духовенство, и пройдетъ по ихъ трупамъ. Смущенный царь собралъ все духовенство и торжественно отказался отъ престола.

Изъ всего описаннаго видно, что египетское стремленіе къ справедливости и просвѣщенію миновало, такъ сказать, только одинъ отдѣлъ, а именно—женскій, который находился также внѣ критики, какъ и религіозный: оба эти вопроса, очевидно, принимались за предначертаніе свыше, не требующее разсужденій. Мы не можемъ освѣтить всего гнѣзда корней тѣхъ религій, которыя вытекали не изъ внутренняго, спокойнаго сознанія, что надъ нами есть Высшее Существо, законы Котораго управляютъ всѣмъ міромъ, — но были внушены суевѣрными страхами первобытнаго человѣка и поддерживались впослѣдствіи искусственнымъ путемъ тѣми, кто видѣлъ въ этомъ свою выгоду. Но такъ какъ религіозные законы и непризнаваніе въ женщинѣ равноправнаго человѣка шли повсемѣстно рука объ руку, и такъ какъ главнымъ основаніемъ этому почти всюду служило убѣжденіе въ томъ, что женщина обречена на страданія за грѣхъ своей прародительницы, то попробуемъ разобраться хоть въ этомъ послѣднемъ вопросѣ, и съ этою цѣлью сдѣлаемъ отступленіе въ видѣ діалога представителей половъ.

Начнемъ съ вопроса:— Что такое трудъ?

— Вотъ забавный вопросъ!

Каждый изъ насъ знаетъ, что̀ такое трудъ физическій, и каждый понимаетъ, что̀ такое трудъ умственный; но не каждый мыслилъ надъ этимъ, т. е. не разсматривалъ глубже причины, оцѣнки и всесторонняго значенія труда, а получилъ понятіе готовымъ, притомъ въ томъ возрастѣ, когда еще не размышляютъ надъ вопросами. Поэтому каждому извѣстно только то, что трудъ отличается отъ простого препровожденія времени пользою, которую приноситъ себѣ и другимъ, хотя и польза опредѣляется, преимущественно, матеріальною выгодою. Но это еще не полное объясненіе труда.

Процессъ труда состоитъ въ извѣстномъ напряженіи которой-нибудь изъ нашихъ разнородныхъ способностей. Такое напряженіе, будь оно физическое, или умственное, непремѣнно сопряжено съ усталостью, т. е. съ болѣе или менѣе мучительнымъ чувствомъ физическаго страданія, и тѣмъ дороже долженъ оцѣниваться трудъ, чѣмъ бо̀льшихъ усилій, т. е. физическихъ страданій онъ сто̀илъ для достиженія возможнаго совершен-

ства въ томъ или другомъ родѣ приложенія. (Здѣсь, разумѣется, нѣтъ рѣчи о томъ родѣ труда, который легко замѣняется лошадью, а нынѣ машиною, хотя первобытный человѣкъ именно на немъ и основалъ преимущества своего пола передъ женскимъ).

Нельзя пренебрегать безнаказанно чувствомъ слишкомъ сильной усталости, потому что это повело бы организмъ къ болѣзнямъ серьезнаго характера. Для правильныхъ отправленій всего человѣческаго организма необходимо извѣстное равновѣсіе, т. е. извѣстная порядливость въ пользованіи различными его способностями и силами. Такъ, напримѣръ, поработавшему умственно, требуется отдыхъ въ видѣ неутомительнаго физическаго труда, а поработавшему физически — требуется отдыхъ въ видѣ легкаго умственнаго занятія. Слѣдовательно, оба рода труда необходимы человѣку въ обоихъ его видахъ, и отнятіемъ ихъ у котораго-нибудь пола, или сословія, неизбѣжно создаются основы физическаго, или умственнаго нездоровья, или, по крайней мѣрѣ, недочета. Равнымъ образомъ и обществамъ трудно обойтись безъ трудовъ обоего рода. Объ оцѣнкѣ труда на деньги и о преимуществахъ умственнаго передъ физическимъ мы не будемъ говорить ужъ по одному тому, что это вопросъ относительный, зависящій отъ потребностей даннаго времени; это все равно, что спросить человѣка, что̀ ему дороже: желудокъ, или сердце? Голова, или руки?.. Съ одной стороны было бы плохо, еслибъ все населеніе страны обратилось исключительно къ умственному труду, а съ другой—было бы не менѣе плохо, еслибъ всѣ поголовно обратились къ одному физическому труду. Ученые люди нужны пахарю, пользующемуся ихъ трудами для облегченія своей тяжелой работы, для улучшенія своего быта; но и ученымъ людямъ пришлось бы плохо безъ трудовъ пахаря. Поэтому оба рода труда, составляя долгъ человѣка, заслуживаютъ едва ли не одинаковаго уваженія, потому что оба одинаково необходимы какъ для благоденствія странъ, такъ и для здоровья и внутренняго удовлетворенія каждой отдѣльной единицы. Праздный человѣкъ, какъ бы ни былъ онъ богатъ и знатенъ,— не слуга своей родинѣ, такъ какъ не только не приноситъ ей своей личной дани труда, но еще вредитъ тѣмъ, что распространяетъ пороки, дурныя склонности: золото его портитъ людей, приходящихъ въ соприкосновеніе съ его личными интересами.

Еслибъ два друга, сознавая невозможность работать по одиночкѣ, и и понявъ обоюдную пользу совокупнаго труда, взяли бы на себя подрядъ постройки небольшого домика съ тѣмъ, что пока одинъ выводитъ наружныя стѣны, другой будетъ ему подтаскивать матеріалъ, а когда у другого начнется внутренняя отдѣлка, первый будетъ мѣсить глину, —

позволительно ли было бы, еслибъ который-нибудь, умаляя трудъ товарища, обидѣлъ бы его при разсчетѣ?

— Но для чего этотъ разсказъ?

— А вотъ для чего. Мудрая природа назначила мужескому полу работать въ потѣ лица, т. е. страдать если не сильно, за то постоянно. Мужчина привыкъ придавать огромное значеніе своему труду и сопряженному съ нимъ физическому, или нравственному страданію, т. е. утомленію...

Та же природа, облегчивъ женщинѣ страданія мускульныя, назначила ей, взамѣнъ ихъ, усиленныя страданія съ дѣтьми; но мужчина придаетъ имъ слишкомъ малое значеніе, хотя они такъ велики, что врядъ ли кто изъ мужчинъ взялъ бы ихъ на себя за свой годовой окладъ. Природа ничѣмъ не обидѣла женщины; она равномѣрно распредѣлила земныя страданія и труды обоихъ половъ, и только мужчина почему-то считаетъ женскій трудъ низменнымъ.

Женскій трудъ на первый взглядъ можетъ казаться имѣющимъ плотскій характеръ, тогда какъ мужской, преимущественно мозговой, содѣйствуетъ развитію умственныхъ, высшихъ стремленій человѣчества. Но это только на первый взглядъ; а всмотрѣвшись поближе, мы убѣдимся, что и въ этомъ отношеніи природа уравновѣсила высокія цѣли трудовъ обоихъ половъ: въ артельномъ трудѣ, т. е. въ семьѣ, мужской трудъ, производимый обыкновенно внѣ дома, даетъ только плотское благосостояніе семьѣ, тогда какъ женскій, путемъ сохраненія и продолженія смертнаго рода, даетъ возможность безсмертнаго прогрессированія человѣчеству, слѣдовательно, трудъ ея служитъ и высшимъ его цѣлямъ.

— Ну, и прекрасно; пускай старается! — отшучивается обыкновенно мужчина.

— Да, но за что же ее обдѣлять правами и усугублять ея страданія?

— Ну, ужъ извините: мы не виноваты въ женскихъ страданіяхъ!

— Но вѣдь и она виновата въ нихъ не болѣе васъ. Или вы будете говорить о грѣхѣ Евы, который, въ сущности, гораздо слабѣе грѣховъ Каина, и особенно Іуды?

— Ни о чемъ этомъ я говорить не буду, да и врядъ ли кто-нибудь обвиняетъ женщину...

— Какъ не обвиняютъ? Что же послѣ этого значитъ слово «обвиненіе»? По моему разумѣнію, да вѣроятно и по вашему, — обвиненнымъ считается тотъ, кто, совершивъ извѣстное преступленіе, несетъ за него положенное закономъ наказаніе. Свободенъ же отъ обвиненія тотъ, кто такихъ послѣдствій не несетъ: такъ?

— Ахъ, оставимте, пожалуйста, этотъ разговоръ!

— Почему?

— Да потому, что возвеличивая женскій трудъ, вы забываете главное: что онъ непроизволенъ...

— Теперь моя очередь сказать: извините! Его сдѣлали непроизвольнымъ тѣми условіями, въ какія поставили женщину; но по законамъ природы онъ долженъ быть настолько же произвольнымъ и сознательнымъ, какъ и мужской, даже болѣе.

— Почему же болѣе?

— А потому, что сами-же вы, мужчины, взяли на себя рѣшеніе, что только въ этомъ заключается женское призваніе; а коль скоро и она будетъ съ этимъ согласна, то ей одной и слѣдуетъ быть хозяйкою своей особы: это ея районъ,— пусть же она сама и рѣшаетъ свои личныя дѣла. Вы отвели себѣ огромную, самую интерсную, благодарную область дѣйствій, въ которой для васъ нежелательно вмѣшательство женщины: зачѣмъ-же вы хотите писать законы и въ томъ маленькомъ уголкѣ, который вамъ пришлось поневолѣ уступить ей? Можете-ли вы, положа руку на сердце, назвать это справедливымъ?

— Позвольте: но развѣ моногамія не такое же благо для женщины, какъ для мужчины?

— Это было бы вѣрно, еслибъ...

— Что же еще?

— Видите ли: женщина находится въ слишкомъ большой зависимости отъ мужа даже въ матеріальномъ отношеніи...

— Значитъ вы хотите, чтобы мать бѣгала по заработкамъ въ то время, какъ она должна принадлежать дѣтямъ, которымъ нужна во всѣхъ отношеніяхъ? Это васъ безпокоитъ?

— Нѣтъ; я думаю, во первыхъ, что женщина должна быть поставлена въ такія условія, чтобъ имѣть возможность свободнаго выбора, и не быть вынужденной выходить замужъ, т. е. дѣлаться матерью, изъ-за экономическихъ разсчетовъ. Если ея природа чувствуетъ призваніе къ материнству,— она выбираетъ для себя производителя, а если не чувствуетъ, то будетъ приносить пользу трудомъ на другомъ поприщѣ: этотъ вопросъ одинаково касается и ея личности, какъ человѣка, и доброкачественности ея потомства. Въ вторыхъ—она должна имѣть хоть нѣкоторыя средства къ жизни помимо мужниного кармана, потому что круговая зависимость неизбѣжно оподляетъ ея природу.

— Кто же, по вашему, будетъ ей доставлять эти средства къ жизни?

— Какъ дочери—родители, наравнѣ съ сыновьями; какъ свободной дѣятельницѣ, или сотрудницѣ,— потому что она обязана трудиться смолоду, избравши спеціальность,— свое дѣло, или то лицо, интересамъ ко-

тораго она посвящаетъ свое время; а какъ матери—родина, которой она служитъ, готовя ей будущихъ дѣятелей; притомъ этотъ родъ пенсіи будетъ идти не за заслуги мужа, а за ея собственныя, равняющіяся мужнинымъ. По моему, все это и должно осуществиться въ будущемъ, потому что только этимъ путемъ и возможно исправить женщину и поставить на высоту своего положенія.

То, что было отнято у женщины незрѣлымъ умомъ мужчины прошлаго,— должно быть цѣликомъ возвращено ей созрѣвшимъ умомъ мужчины будущаго: въ этомъ лежитъ одновременно и его долгъ, и улучшеніе его собственнаго положенія какъ мужа, отца, гражданина, а главное— какъ человѣка.

Не въ природѣ вещей, чтобъ женщина безропотно, или безотвѣтно переносила все униженіе своего человѣческаго достоинства: оно ее портитъ, коверкаетъ всю ея нравственную физіономію, заставляетъ прибѣгать къ сквернымъ средствамъ, потому что никакія предписанія не въ силахъ вырвать съ корнемъ ея естественныхъ стремленій къ личной свободѣ: здѣсь дѣйствуетъ законъ природы, съ которымъ нельзя бороться безнаказанно! Если она видитъ въ мужчинѣ,— будь онъ отецъ. мужъ или братъ,— друга, доброжелателя, то и ея поступки будутъ честны; но какъ только она замѣтитъ властелина,— она непремѣнно сочтетъ его за тайнаго врага, и будетъ съ нимъ употреблять тѣ-же средства, какіе онъ самъ всегда употреблялъ съ тѣми, кого опасался. Можетъ ли здравомыслящій человѣкъ требовать, чтобъ женщина уподоблялась богочеловѣку, и въ то-же время зависѣла съ ногъ до головы отъ чужой воли? Наконецъ разумно ли такъ осложнять, во имя личныхъ слабостей, простые, вполнѣ доступные пониманію законы природы? Дѣйствительно существуютъ, между разнообразными типами, овечьи натуры въ образѣ человѣка; но вредъ-ли ихъ характеръ безразлмчности можетъ служить образцомъ потому что достоинство это крайне относительно, да и во всякомъ случаѣ это не налагается извнѣ.

Въ болѣе или менѣе цивилизованныхъ слояхъ общества женщина еще кое-какъ утѣшаетъ себя мелочами жизни; но посмотрите поближе до чего искалѣчены на этотъ счетъ понятія у простонародья! Сдѣлавшись случайнымъ свидѣтелемъ потасовки женѣ, попробуйте-ка убѣдить мастерового, или солдата, что его жена такой-же человѣкъ, какъ онъ самъ. Этотъ европейскій Индусъ вамъ отвѣтитъ довольно логично: «А кабы такой же, такъ въ церкви не сказывали-бы, что мужъ голова, а жена раба! Нѣтъ, баринъ, вы и сами знаете, что женщина сосудъ скудельный, да только такъ говорите, значитъ, жалѣючи. Недаромъ ее и въ алтарь не пущаютъ, и въ храмѣ велятъ ей стоять съ покрытою головою...

Ужъ чего тутъ говорить: какой баба человѣкъ? Ее еще махонькую, какъ крестятъ, не несутъ къ святому мѣсту: парня попъ волокетъ самъ къ престолу Царя Небеснаго, а дѣвкѣ издаля покажетъ, да и шабашъ; видно что нибудь да есть за нею!»

Урезонить его на почвѣ знанія невозможно, и вы пробуете налечь на его чувство справедливости:

— Да какже самъ-то ты вѣдь не любишь, когда тебя неволятъ, а ее неволишь: или ты думаешь, что она чувствуетъ не такъ-же, какъ ты?

— Мало что чувствуетъ! То я,— мужикъ, а то она — баба. Я надъ ней поставленъ, потому споконъ вѣка извѣстно, что у бабы волосъ длиненъ, а умъ коротокъ.

Онъ даже не даетъ себѣ труда сообразить, что и его волосъ имѣетъ то-же свойство рости, какъ бабій; онъ вѣритъ совершенно неосмысленно, что это такъ, и не убѣдить вамъ его ничѣмъ, что власть его не отъ Бога.

Такъ и вездѣ. Подобная увѣренность быстро облетѣла всю землю, потому что она пришлась по вкусу самому ея распространителю и укоренителю— неразумному, въ то время, мужчинѣ. Но съ теченіемъ времени онъ сталъ вдумываться въ этомъ вопросъ и сознавать, что это не совсѣмъ вѣрно.

Любовь, связывающая оба пола, составляющая изъ нихъ двѣ половины одного цѣльнаго и полнаго существованія, не можетъ быть глубокоискренней безъ равноправія; только въ этомъ нормальномъ состояніи она вноситъ благодѣтельныя послѣдствія въ частную и общественную жизнь. При первомъ проявленіи власти съ той или другой стороны,— добрыя, честныя отношенія начинаютъ понемногу отлетать, замѣняются хитростями, ложью, озлобленіемъ, и тогда вся естественная цѣль соединенія въ артельный трудъ нарушается, а расширяющееся зло неминуемо отражается на дѣтяхъ, на ихъ нравственномъ здоровьѣ. Тогда и самый бракъ приноситъ одинъ вредъ: какая польза человѣчеству и его цѣлямъ отъ нарожденія негодяевъ, всосавшихъ пороки съ раннихъ лѣтъ?

Точно также и относительно произвольности труда: онъ ни для кого не произволенъ, потому что при нормальномъ состояніи вещей — если человѣкъ перестанетъ трудиться, то перестанетъ и кормиться, и пользоваться здоровымъ равновѣсіемъ тѣла и души. Не говоря уже о необходимости борьбы въ болѣе суровыхъ климатахъ,— даже въ Египтѣ, гдѣ нильскій илъ освобождалъ земледѣльца отъ многихъ трудовъ, человѣку приходилось сильно работать въ другомъ направленіи, чтобъ сохранить условія плодородности своей почвы.

— А какже жили дикари, не налагавшіе на себя никакого труда, но тѣмъ не менѣе пользовавшіеся такимъ крѣпкимъ здоровьемъ, какого въ наше время почти не знаютъ?

— Оттого-то они и были здоровы и крѣпки тѣломъ, что много трудились, при томъ въ самой благопріятной средѣ лѣсовъ и полей. Развѣ они проливали мало поту въ трудахъ для того, чтобъ достигнуть умѣнья преслѣдовать, ловить животныхъ, рыбъ и птицъ для пропитанія? Развѣ они питались не двигаясь съ мѣста? Мы видимъ даже на звѣряхъ, рыбахъ и птицахъ, что ни одинъ кусокъ не достается имъ безъ труда, который поэтому никакъ не можетъ называться произвольнымъ: онъ входитъ въ условія благоденствія дашаго существа. Оттого здоровый организмъ всегди его ищетъ и скучаетъ безъ него. Чѣмъ развитѣе умомъ человѣкъ, тѣмъ разнообразнѣе можетъ у него быть выборъ труда, но самъ по себѣ трудъ для него неизбѣженъ. Его по настоящему нельзя даже ставить въ выдающуюся заслугу, такъ какъ всякій, стремящійся его обойти, не замедлитъ быть наказаннымъ потерею равновѣсія во всемъ своемъ организмѣ, вслѣдъ за которою начинаются разнородныя недомоганія, а затѣмъ и болѣзни, смотря по тому, который именно органъ былъ оставленъ безъ должнаго упражненія. Это относится настолько же къ мужчинѣ и самцу, насколько къ женщинѣ и самкѣ. Такъ какъ человѣкъ одаренъ разносторонне, то и трудъ его долженъ быть разносторонниМъ. Коль скоро мы сами признаемъ въ себѣ два элемента — плоть и душу, то и трудъ надъ удовлетвореніемъ той и другой составляетъ нашу прямую, первѣйшую обязанность. То же происходитъ и въ обратномъ смыслѣ: если человѣкъ начинаетъ злоупотреблять упражненіемъ дарованныхъ ему способностей, и не обращая вниманія на ощущеніе усталости, продолжаетъ дѣлать то, что ему нравится, или къ чему его неволятъ другія причины — онъ ужъ расшатываетъ свое здоровье. А мы приписываемъ женскую болѣзненность природѣ... Человѣкъ, лишенный свободнаго движенія на свѣжемъ воздухѣ, быстрѣе увядаетъ физически, къ какому бы полу ни принадлежалъ. Человѣкъ, которому закрыты пути для упражненія ума,—непремѣнно начинаетъ тупѣть. А если онъ лишенъ и физическихъ упражненій, и умственныхъ, или духовныхъ интересовъ,— онъ начинаетъ медленно перерождаться, постепенно превращаться въ двуногое болѣзненное существо, быть можетъ и смирное, но не только безполезное, а еще вредное, когда является воспроизводителемъ себѣ подобнаго потомства.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣку безразличнаго пола представляется только одна сторона необходимаго ему труда, другая же оставляется безъ вниманія, — онъ, хотя и можетъ существовать покоряясь силѣ вещей, но, инстинктивно ища дѣятельности, составляющей прямую потребность всякаго живого организма, — начинаетъ расширять, разнообразить и видоизмѣнять хоть ту мелкую сферу, которая ему предоставлена,

и которой онъ естественно стремится придать большое значеніе. А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ мало-по-малу теряетъ самую способность отчетливаго пониманія той сферы, которая для него закрыта.

Вотъ это самое происходило съ женщиною вѣченіе тысячелѣтій.

Сперва грубый, невѣжественный историческій мужчина, прогрессируя въ жестокости вмѣстѣ съ измѣненіемъ условій его первобытной жизни, все отнялъ у женщины, заставляя ее изъ-подъ кулака служить исключительно его интересамъ; а когда ея умственныя способности, лишенныя естественнаго развитія путемъ упражненій, дѣйствительно пострадали отъ его ошибки,— онъ же написалъ законы, по которымъ призналъ ее неправоспособной,— и будто отъ природы!

Несправедливое отношеніе къ женскому полу не помѣшало Египтянамъ быть трудолюбивѣйшею націею, и ни одна страна не прикладывала столько средствъ и упорныхъ трудовъ для поддержанія плодородія почвы. Государства, живущія преимущественно обработкою земли, черезъ тысячи лѣтъ не доходили до такого глубокаго пониманія собственной пользы, какъ Египетъ, который съ отдаленныхъ временъ уже сознавалъ, что весь вопросъ его матеріальнаго благосостоянія заключается въ неуклонномъ подчиненіи своего труда условіямъ окружающей природы. Для этой цѣли работали съ одинаковымъ рвеніемъ и всѣ силы правительства, и всѣ силы народа: не жалѣя ни затратъ, ни труда, все соединялось воедино для урегулированія теченія Нила.

(И здѣсь Англичане принесли почти непоправимый вредъ: въ 1799 г., въ борьбѣ съ французами изъ-за наживы, они имѣли жестокость разрушить знаменитый шлюзъ, запиравшій воды озера Маріутъ, недалеко отъ Александріи. Эта громада труда и затратъ, этотъ памятникъ, доказывавшій міру терпѣніе, геніальность и настойчивое преслѣдованіе полезной цѣли не оказалась достойною пощады, когда вопросъ коснулся своекорыстія. И здѣсь Англичане, не жалѣющее, съ одной стороны, громадныхъ суммъ для пріобрѣтенія рѣдкостей въ свои музеи, — съ другой стороны безжалостно уничтожаютъ ихъ у другихъ народовъ).

Насколько Египтянинъ властвовалъ надъ своими женами, настолько же властвовали надъ нимъ самимъ жрецы, строгіе блюстители своей ложной религіи; они заперли на священный замокъ ворота, ведущіе въ область философіи и критики, и ключъ отъ нихъ держали при себѣ подъ величайшею тайною. Бѣдный народъ, проводя десятки лѣтъ за сооруженіемъ великолѣпныхъ царскихъ памятниковъ, не смѣлъ и мечтать о возможности лучшаго устройства своего на землѣ: все это считалось за тяжкое преступленіе, заслуживающее жестокой кары.

Такимъ образомъ владыка въ семьѣ долженъ былъ довольствоваться надеждой, что за безотвѣтную покорность ложные боги наградятъ его въ загробной жизни. Египтянина сдерживалъ также страхъ передъ посмертнымъ судомъ, который произносился не надъ однимъ царемъ, но надъ всѣми, безъ исключенія.

Въ недавнемъ прошломъ, по иниціативѣ Хедива, вырабатывался вопросъ объ образованіи для дѣвочекъ, и вице-король взялся за это дѣло съ большимъ тактомъ. Не затрагивая общаго вопроса объ униженности женскаго положенія, онъ только изъявилъ желаніе, чтобы въ его странѣ женщина не была лишена благодѣяній знанія, — и вскорѣ послѣ того была открыта первая женская школа въ Сіуфьехѣ. За нею не замедлили открыться и другія; а въ семьѣ вице-короля всѣ принцессы получаютъ европейское образованіе съ изученіемъ нѣсколькихъ языковъ и искусствъ. Такой примѣръ, безъ сомнѣнія, выдвинетъ въ Египтѣ вопросъ о женской эмансипаціи быстрѣе, чѣмъ въ остальныхъ странахъ Востока. Въ общемъ же строѣ Египта рабство и цивилизація ухитряются идти рука объ руку, не мѣшая, повидимому, другъ другу. Но по этой дорожкѣ идетъ не одинъ Египетъ, и знаменитый труженикъ науки, О. Мюллеръ, вѣроятно не ошибся, когда сказалъ: «Есть еще и въ Европѣ много Индусовъ, которые, не смотря на основательное знакомство съ наукой и религіей, продолжаютъ усердно преклоняться передъ Вишну и Шивой» [1]).

Краткій очеркъ положенія женщинъ у другихъ народовъ.

(По Геродоту).

Между *Бедуинами*, заселяющими мѣстности, сосѣднія съ Египтомъ, до новѣйшаго времени сохранился патріархальный образъ правленія: эмиры, шейхи, дуарсы избираются изъ старѣйшаго рода. Они ведутъ кочевую жизнь, занимаются мѣновою торговлею, скотоводствомъ и разбоями, вслѣдствіе чего отличаются отвагою. Исламизмъ и нераздѣльная съ нимъ полигамія ставятъ ихъ женъ въ общее всѣмъ магометанкамъ положеніе; униженіе ихъ не смягчается ничѣмъ, такъ какъ закаленные въ разбояхъ

---

[1]) Здѣсь не помѣщена послѣдняя изъ царственныхъ женщинъ Египта — Клеопатра, дочь царя Птоломея, которой, благодаря помощи Юлія Цезаря, удалось управлять страною сообща съ своимъ малолѣтнимъ братомъ. Она прославила себя только въ области любви, гдѣ и до, и послѣ нея подвизались многіе изъ царей различныхъ странъ.

мужья и отцы не склонны къ мягкому обращенію. Всѣ ихъ добродѣтели ограничиваются гостепріимствомъ, если не считать отвагу за добродѣтель, а всѣ занятія совершенно невѣжественныхъ женщинъ — уходомъ за несложнымъ хозяйствомъ и стремленіемъ избѣгать гнѣвныхъ порывовъ своихъ грозныхъ владыкъ.

Впрочемъ, у нѣкоторыхъ племенъ Бедуиновъ женщины состязались въ храбрости съ мужчинами; онѣ отлично владѣли оружіемъ, т. е. лукомъ, пращей и дротикомъ. Кромѣ того, вся медицина находилась, да и теперь, повидимому, находится въ рукахъ женщинъ: онѣ хорошо знакомы съ цѣлебными свойствами нѣкоторыхъ растеній, собираютъ ихъ, приготовляютъ лѣкарства и пользуютъ больныхъ.

Посѣтивъ *Лидію,* Геродотъ видѣлъ собственными глазами очень большой памятникъ, воздвигнутый царю Лидійскому — Аліату (отцу Креза) тремя сословіями: торговыми людьми, ремесленниками и дѣвушками легкаго поведенія. На верхней части его есть надписи съ обозначеніемъ, что̀ именно изъ работъ было сооружено каждымъ изъ сословій. «По измѣренію, часть работы дѣвокъ оказалась всѣхъ больше», — прибавляетъ Геродотъ.

Лидійскіе законы сходны съ Эллинскими; но относительно женщины,— строгое отношеніе Эллиновъ къ ея поведенію замѣняется въ Лидіи дозволеніемъ дѣвушкамъ «блудодѣйствовать», какъ выражается Геродотъ. Онѣ этимъ способомъ накопляютъ себѣ приданое и «сіе продолжаютъ, пока не выйдутъ замужъ. Жениховъ онѣ пріискиваютъ себѣ сами». (Вѣроятно, ни одинъ изъ древнихъ мужчинъ не сознавался, что дозволяетъ себѣ совершенно то же самое).

Геродотъ разсказываетъ также объ интересномъ посѣщеніи Солономъ, аѳинскимъ законодателемъ, Креза, послѣдняго царя Лидійскаго, прославившагося, кромѣ обычной воинственности, несмѣтнымъ богатствомъ.

«Крезъ, показавши именитому гостю всѣ свои богатства, спросилъ у Солона, случалось ли ему видѣть когда-нибудь самаго счастливаго человѣка. (Видѣлъ ли онъ кого всѣхъ блаженнѣйшимъ?) Онъ ожидалъ, что Солонъ назоветъ его, но Солонъ назвалъ Телла аѳинскаго. Крезъ, надѣясь быть хоть на второмъ мѣстѣ между счастливцами всего свѣта, попросилъ его назвать еще кого. Тогда Солонъ назвалъ Клеовиса и Витона, разсказавъ ихъ исторію. Родомъ Аргивяне, они жили въ достаткѣ, и владѣли такимъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, что всегда получали награды на общественныхъ играхъ. Однажды въ Аргосѣ происходило празднество Иры, и мать ихъ должна была туда ѣхать непремѣнно на парѣ воловъ; но посланные очень долго искали ихъ въ полѣ, а время уходило. Тогда оба сына, Клеовисъ и Витонъ, рѣшили запречься въ ярмо сами, и по-

везли колесницу съ матерью за 45 стадій (по древнегреческому измѣренію—около $7^3/_4$ нашихъ верстъ). По пріѣздѣ на мѣсто поступокъ ихъ обратилъ на себя общее вниманіе: мужчины одобряли ихъ, женщины называли мать счастливою, что имѣетъ такихъ дѣтей, почтившихъ ее *лучшимъ изъ того, что человѣкъ можетъ стяжать на землѣ*. Послѣ этого оба юноши принесли жертву, отвели пиршество, и уснувши въ томъ же храмѣ, болѣе не пробуждались. Аргавитяне сняли съ нихъ изображеніе и причислили ихъ къ добродѣтельнымъ людямъ».

Удивленный Крезъ не понялъ тогда мысли Солона, что счастье не въ богатствѣ. Но онъ вспомнилъ объ этомъ разсказѣ Солона впослѣдствіи, когда попалъ въ плѣнъ къ Киру и былъ приговоренъ къ сожженію. Тутъ только онъ повѣрилъ своему бывшему гостю, и въ тоскѣ сердца воскликнулъ: «О, Солонъ, Солонъ, теперь вижу, что ты былъ правъ!» Узнавши о причинѣ восклицанія плѣнника, Киръ помиловалъ Креза, возвратилъ ему свободу и вскорѣ сдѣлалъ своимъ совѣтникомъ».

Лидійцы первые изъ народовъ начали выбивать золотую и серебряную монету; они приписываютъ себѣ же введеніе торговли. Они сами увѣряли Геродота, что всѣ игры Эллиновъ, за исключеніемъ шашекъ, переняты у нихъ.

Мидяне отличились тѣмъ, что первые отложились отъ власти Ассирьянъ; благодаря храбрости, они уничтожили свое рабство и сдѣлались свободными. По ихъ примѣру и другіе народы начали свергать съ себя тираннію. До Дейока, избраннаго царя и законодателя Мидіи,—цари повсюду были доступны для своихъ народовъ; но Дейокъ положилъ порядокъ, чтобъ никто не имѣлъ входа къ царю, чтобъ видѣли его лично только приближенные, а всѣ дѣла производились бы черезъ докладчиковъ. Онъ также запретилъ, чтобъ кто-нибудь въ его присутствіи позволялъ себѣ смѣяться, или плевать, и съ тѣхъ поръ это стало всюду считаться непристойнымъ. Вообще Дейокъ старался окружить себя большою важностью, чтобъ прежняя ровня могла только завидовать, но не злоумышлять; чтобъ видя его рѣдко, всѣ постепенно пріучались почитать его за существо высшей природы. Женщины ничѣмъ не выдавались.

Скиѳы, кромѣ воинственности, замѣчательны тѣмъ, что воинство ихъ, зайдя попутно въ Сирійскій городъ Аскалонъ, ограбили капище богини Афродиты, которая въ отмщеніе поразила ихъ потомковъ женскою болѣзнью. Сами скиѳы признавали именно это причиною своей странной болѣзни. Зараженныхъ ею называли энареями; ихъ по виду можно всегда отличить отъ незараженныхъ.

Персы въ своей исторіи то покоряли другіе народы, то сами были покоряемы ими. Въ древней Персіи воспрещалось строить храмы, или

дѣлать жертвенники и кумиры: все это находили безумiемъ. Они, однако, приносили жертвы Зевесу, — называя этимъ именемъ весь сводъ небесный, — Солнцу, Лунѣ, Землѣ, Огню, Вѣтрамъ и Водѣ. Жертву закалывали на чистомъ, просторномъ мѣстѣ, взывая къ Богу. Жертвующiй долженъ былъ молиться за царя и всѣхъ Персовъ, въ томъ числѣ и за себя. Изъ всѣхъ годовыхъ дней чествовался болѣе всего тотъ, въ который родился. Каждый старался въ этотъ день предлагать болѣе или менѣе обильный пиръ: богатые угощали мясомъ крупнаго скота, бѣдные — мелкаго. Персы очень любили вино, и о важнѣйшихъ вопросахъ обыкновенно разсуждали, напившись. Хозяинъ того дома, гдѣ пили и разсуждали, на другой день опять сзывалъ гостей и предлагалъ имъ тѣ же вопросы въ трезвомъ видѣ; и если они и въ трезвомъ видѣ подтверждали то, что говорили въ пьяномъ, — тогда всѣ старались привести «оное» въ исполненiе. Точно также и въ отношенiи соображенiй, высказываемыхъ въ трезвомъ видѣ: ихъ пересматривали въ пьяномъ, и только тогда рѣшали какъ поступать.

При встрѣчѣ Персовъ всегда можно было узнать о степени ихъ матерiальнаго благосостоянiя: если у встрѣтившихся оно равно,—оба взаимно привѣтствовали другъ друга, цѣлуясь въ уста; если у одного оно стояло нѣсколько ниже,— низшiй получалъ и отдавалъ поцѣлуй только въ щеку; если же разница была велика,— низшiй повергался передъ высшимъ на землю.

Персы охотнѣе другихъ народовъ перенимали иностранные обычаи. Они носили преимущественно индiйскую одежду, считая ее красивѣе своей; на войнѣ носили египетскiя латы, особенно любили перенимать иностранную роскошь.

Каждый персiанинъ могъ имѣть нѣсколькихъ женъ, а наложницъ сколько хотѣлъ. Первое достоинство мужчины они видѣли въ храбрости на войнѣ, а второе—въ производствѣ наибольшаго количества сыновей: такому царь ежегодно посылалъ подарки, потому что это считалось признакомъ крѣпости силъ. До пятилѣтняго возраста сына старались не показывать отцу; онъ жилъ между женщинами, и это дѣлалось съ цѣлью не приносить лишняго огорченiя отцу, въ случаѣ сынъ умретъ въ раннемъ возрастѣ. Съ пяти-же лѣтъ дѣтей обучали только тремъ предметамъ: стрѣлять, ѣздить верхомъ и говорить всегда правду, не смотря ни на что.

Между персами было установлено правило не наносить никакому преступнику непоправимаго наказанiя: это допускалось только за цѣлый рядъ преступленiй, но никакъ не за одно.

Геродоту передавали, что въ Персiи не бывало примѣра, чтобъ сынъ убивалъ отца, или мать; но если это случалось, то всегда оказывалось,

что либо сынъ былъ подкидышемъ, либо незаконнорожденнымъ «потому что невѣроятно,— говорили ему Персы,— чтобы родители могли быть лишенными жизни своими собственными сыновьями». У нихъ, если чего нибудь не позволено было дѣлать, то и говорить объ этомъ воспрещалось.

Ложь они почитали гнуснѣйшимъ изъ пороковъ. Вторымъ, послѣ лжи, порокомъ они считали склонность дѣлать долги, и это только потому, что должникъ почти всегда вынужденъ говорить ложь. Еще особенность: въ этой странѣ въ рѣку не бросали ничего нечистаго, никогда въ нее не плевали, даже рукъ въ ней не мыли, почитая всѣ рѣки священными.

Тѣла умершихъ здѣсь сперва обмазываютъ воскомъ, и потомъ ужъ спускаютъ въ землю.

Ликіяне считались выходцами изъ Крита. Когда Миносъ, сынъ Юпитера и Европы, одержалъ верхъ надъ своимъ братомъ Сарпедономъ, отнимавшимъ у него престолъ Крита, онъ выслалъ Сарпедона съ его соумышленниками въ Ликію, называвшеюся тогда Миліею. Около этаго же времени Ликосъ, изгнанный также своимъ братомъ, Эгеемъ изъ Аѳинъ, присоединился къ Сарпедону, и впослѣдствіи Милійцы стали называться, въ честь Ликоса, Ликіянами. Законы они заимствовали частью критскіе, частью карійскіе; но одинъ законъ имѣли собственный, ни у кого не перенятый: они называли себя не по отцу, а по матери. Если кто спроситъ у Ликіянина кто онъ такой,— онъ отвѣтитъ, что онъ сынъ такой-то матери, причемъ назоветъ имена и прежнихъ матерей своей матери, объ отцахъ же не упоминаетъ. Также если благородная дѣвушка вступаетъ въ бракъ съ рабомъ, то дѣти ея признаются благородными; если же хоть первый гражданинъ страны женится на рабынѣ, или иностранкѣ,— дѣти его почитаются неблагороднаго происхожденія. У нихъ, слѣдовательно, признавалось, что мать даетъ своимъ дѣтямъ болѣе, чѣмъ отецъ.

Въ Вавилонскомъ храмѣ Зевса, возвышавшимся надъ всѣмъ городомъ, никто не имѣлъ права ночевать, кромѣ одной женщины изъ тамошнихъ уроженокъ. По словамъ халдеевъ Зевса, онъ приходилъ ночевать въ храмъ, и самъ выбиралъ такую женщину. Подобное же происходило и въ Ликіи: коль скоро при храмѣ состояла жрица, а не жрецъ,— ее запирали на ночь въ храмѣ. Мы видѣли то же и въ египетскихъ Оивахъ.

Ассиріею, кромѣ многихъ царей, правили и двѣ царицы. Одна изъ нихъ, Семирамида, супруга царя Нина, царствовала какъ опекунша своего малолѣтняго сына. Она прославила себя многими побѣдами, расширившими страну. Ей же приписываютъ основаніе города Вавилона съ его замѣчательными постройками; она же соорудила прославленные висячіе сады, называвшіеся восьмымъ чудомъ. Но важнѣйшимъ дѣломъ ея цар-

ствованія было удержаніе рѣки Евфрата въ своемъ руслѣ посредствомъ прекрасныхъ плотинъ на равнинѣ, тогда какъ до нея рѣка эта разливалась по сосѣднимъ полямъ.

Нитокриса (или Нитокрида), управлявшая государствомъ по причинѣ умопомѣшательства своего супруга, Новуходоносора, заявила свой умъ въ тѣхъ мѣрахъ и поступкахъ, какія предпринимала для защиты Вавилона отъ Мидянъ, когда ихъ военныя силы стали быстро возрастать. Этой же царицѣ приписываютъ остроумный обманъ съ деньгами въ гробницѣ. Она завѣщала сдѣлать на своей гробницѣ надпись, что тотъ, кто ее откроетъ, можетъ овладѣть огромнымъ богатствомъ. По сказаніямъ, гробницу Нитокриды открылъ Дарій, сынъ персидскаго намѣстника Гистаспа, впослѣдствіи царь Персіи; но внутри онъ нашелъ только другую надпись: «Еслибъ ты не былъ алченъ, то не рѣшился-бы открыть гробницу».

Геродотъ, разсказывая съ какою осмысленностью Евфратъ былъ отведенъ и вновь возвращенъ къ Вавилону, сообщаетъ, между прочимъ, что на сына Нитокрисы царь Киръ ходилъ войною; но дойдя до Гинда, впадающаго въ Тигръ, до такой степеои разгнѣвался на глубину рѣки, не дозволявшей ему переправиться съ войскомъ, что поклялся ей за это отомстить: сдѣлать ее настолько безводной, чтобъ всякій мелкій звѣрь могъ переходить ее вбродъ. И вотъ до чего довела умнаго мужчину страсть къ властвованію: чтобы наказать рѣку, онъ тутъ же приказалъ своему войску копать 180 рвовъ для ея изсушенія; затѣмъ онъ раздѣлилъ ее на 360 каналовъ. Однако, не смотря на громадное количество рабочихъ рукъ, это предпріятіе заняло годъ времени. (Цѣлаго года не было достаточно, чтобъ образумить властолюбиваго царя!)

Такимъ образомъ нападеніе на Вавилонъ приходилось отложить, а тѣмъ временемъ подготовлялась надежная защита отъ Кира.

У Ассиріянъ былъ обычай одинъ разъ въ годъ, въ каждомъ селеніи, продавать невѣстъ по достоинствамъ красоты. Богатые женихи наперерывъ платили огромныя деньги за красивыхъ, а некрасивыя дѣдушки доставались, вмѣстѣ съ деньгами, вырученными съ богатыхъ,— бѣдному простонародью. Ни одинъ отецъ не имѣлъ права выдавать дочь по своему выбору, а всѣ продавались въ этотъ назначаемый, одинъ разъ въ годъ, торгъ. И ни одинъ женихъ не могъ увести къ себѣ купленную невѣсту безъ поручательства нѣсколькихъ человѣкъ въ томъ, что онъ на ней женится. Если же женихъ съ невѣстой не сойдутся, законъ предписывалъ золото возвратить (Геродотъ не объяснилъ почему не сойдутся, и съ кого получалось назадъ золото).

Впослѣдствіи обычай этотъ сталъ выводиться: покоренные Ассиріяне впали въ нужду, которая привела ихъ къ болѣе постыднымъ торгамъ дочерьми.

Ихъ погребальные обряды были сходны съ аравійскими и египетскими.

Еще водился у нихъ обычай, которому трудно дать какое-нибудь объясненіе.

Каждая вавилонская уроженка должна была одинъ разъ въ жизни сходиться съ иностранцемъ. Въ извѣстное время богатыя и бѣдныя женщины отправлялись въ повозкахъ, или пѣшкомъ, въ храмъ Афродиты (Милитты) съ вѣнкомъ на головѣ, и были выбираемы иностранцами условнымъ знакомъ: мужчина бросалъ на колѣна женщины деньги, говоря: «Призываю къ тебѣ на помощь богиню Милитту!» Отъ денегъ женщина имѣла право отказаться. Тогда они выходили изъ храма для исполненія дальнѣйшаго, и женщина возвращалась въ свой домъ, какъ исполнившая свой долгъ относительно богини. При этомъ красивыя возвращались скоро, тогда какъ безобразныя ждали у храма иногда года по три, и болѣе.

Такой же обычай водился и на островѣ Критѣ (Геродотъ).

У *Массагетовъ* (время Кира) царствовала женщина, вдова царя, по имени Томирисъ (Тамара), за которую сватался Киръ, съ цѣлью увеличить свои владѣнія. Но Томирисъ это поняла и не согласилась. Тогда раздосадованный Киръ объявилъ войну и пошелъ на Массагетовъ, устремясь прямо къ Араксу. Онъ ужъ началъ наводить мостъ для переправки войска, когда Томирисъ послала ему сказать: «Царь Мидійскій! Перестань поспѣшать съ такимъ нетерпѣніемъ: ты вѣдь не вѣдаешь, на пользу, или на вредъ себѣ спѣшишь. Оставь лучше свои работы! Будь доволенъ своими владѣніями, попусти и насъ владѣть тѣмъ, что имѣемъ. Ты не хочешь жить въ покоѣ и непремѣнно желаешь познакомиться съ Массагетами, чтобъ испробовать надъ ними свои силы? Пусть будетъ по твоему; но не наводи моста. Войди въ нашу землю, мы же въ это время отойдемъ отъ рѣки на три дня пути. Если и ты согласенъ принять насъ въ свою землю, поступи точно такъ же».

Услышавъ это, Киръ собралъ у себя совѣтъ, на которомъ порѣшили, что лучше будетъ принять Томирисъ съ ея войсками въ своихъ владѣніяхъ. Но Крезъ, находившійся всегда при Кирѣ, отсовѣтовалъ это дѣлать, уговаривая Кира не уступать женщинѣ; онъ находилъ, что лучше, перейдя черезъ рѣку, испытать силу роскоши надъ незнакомыми съ нею Массагетами. «Угостимъ ихъ обильною пищею, — говорилъ Крезъ, — угостимъ и виномъ въ своихъ лагеряхъ: сдѣлаемъ видъ, что уходимъ назадъ, а потомъ нападемъ на нихъ».

Киръ согласился на это и перешелъ черезъ рѣку. Но въ первую же ночь онъ увидѣлъ сонъ, предвѣщавшій недоброе. Однако, онъ пригото-

вилъ пиръ, а самъ вернулся съ лучшею частью войска къ Араксу, оставивъ на мѣстѣ слабѣйшую. Пришедшіе Массачеты, напившись, всѣхъ ихъ перебили и вскорѣ сами уснули. Разсвирѣпѣвшій Киръ, узнавши объ этомъ, прибылъ къ пировавшимъ, перебилъ множество враговъ и захватилъ въ плѣнъ сына Томирисы. Когда объ этомъ сообщили Томирисѣ, она послала къ Киру своего повѣреннаго, которому поручила передать такъ: «Киръ, ненасытный кровью, не превозносись своею побѣдою! Не храбростью, не битвою ты побѣдилъ насъ, но ядомъ вина и обманомъ. И такъ прими совѣтъ мой: отдай мнѣ сына моего ивыйди изъ земли моей безъ наказанія за посрамленіе третьей части моихъ войскъ. Если же того не сдѣлаешь,—клянусь тебѣ Солнцемъ, Владыкою Массачетовъ, что какъ ты ни ненасытенъ кровью, я тебя ею насыщу!» Но Киръ не обратилъ вниманія на такое предостереженіе и угрозу. Сынъ же Томирисы, проснувшись послѣ опьяненія, и увидя себя въ оковахъ, просилъ позволенія ихъ снять; а какъ только его получилъ, такъ тутъ же лишилъ себяжизни.

Тогда Томирисъ сама напала на Кира, и на этотъ разъ Массачеты побѣдили Персовъ, и самъ Киръ былъ убитъ послѣ 29-ти лѣтняго царствованія. Томирисъ приказалъ отыскать его трупъ, отсѣчь голову, и наполнивъ кожаный мѣшокъ кровью, спустила ее въ него, чтобъ хоть голова Кира насытилась, наконецъ, человѣческою кровью.

Массачеты носили одежду и вели жизнь подобную Скиѳамъ. Свои головы, ожерелья и поясы они украшали золотомъ, котораго въ ихъ странѣ много, также какъ и мѣди; но ни серебра, ни желѣза, у нихъ совсѣмъ нѣтъ. Изъ обычаевъ у нихъ были слѣдующіе:

Каждый обязанъ жениться, но жёны у нихъ были общія между собою.

Предѣлъ жизни человѣку у нихъ не былъ назначенъ; но когда кто ужъ чрезмѣрно одряхлѣетъ,—родственники его собирались, прикалывали его вмѣстѣ съ другими животными, и сваривъ все вмѣстѣ, пировали. Подобную участь они считали за наисчастливѣйшую. Умирающихъ же отъ болѣзни они не ѣли, но зарывали въ землю, принимая за несчастіе, что они не дожили до времени принесенія себя въ жертву.

Земледѣліемъ Массачеты не занимались и ничего не сѣяли, питаясь скотомъ и рыбою; пили они одно молоко.

Поклонялись у нихъ одному Солнцу, коему въ жертву приносили лошадей на томъ основаніи, что быстрѣйшему изъ боговъ самою приличною данью были лошади, какъ быстрѣйшее изъ всѣхъ животныхъ.

Финикіяне считались первыми виновниками воинъ между Эллинами и варварами. (Греки подразумѣвали подъ этимъ названіемъ не только Скиѳовъ со всѣми азіатскими народами, но и всякихъ отдаленныхъ иностранцевъ).

Поводомъ къ войнамъ являлись женщины, которыхъ эти народы похищали другъ у друга. Первою изъ нихъ была Іо, Эллинская царевна. Она пришла, въ сопровожденіи другихъ женщинъ, въ Аргосъ для покупки привезенныхъ Финикіянами товаровъ. Они похитили ее и увезли въ Египетъ. Послѣ этого Эллины (Критяне), въ отмщеніе, похитили изъ Тира царевну Европу. Съ этого начались дальнѣйшія враждебныя отношенія, потому что Эллины, отомстивши за первую обиду, — сами сдѣлались зачинщиками второй, похитивъ царевну Медею. Сынъ Пріама[1]), Александръ, уже во второмъ поколѣніи вздумалъ пріобрѣсти себѣ жену изъ Эллады, Елену. Изъ-за этого оружіе было внесено въ Азію, и начали воевать.

Персы же, глядя на воюющихъ, смѣялись, и говорили, что «хоть похищать женъ, конечно, гадко и несправедливо, но мстить за это ужъ совсѣмъ глупо; а ни мало не заботиться о похищенныхъ, — разумно, потому что еслибъ сами жёны того не хотѣли, то ихъ бы и не похитили».

Къ Финикіи присталъ корабль Дидоны, дочери тирскаго царя Агенора. Она бѣжала изъ своей родины, когда родной братъ ея, Пигмаліонъ, умертвилъ ея мужа, Сихея, опасаясь его видовъ на тирскій престолъ. Увезя съ собою большое богатство, Дидона купила здѣсь земли и соорудила крупныя постройки, вблизи которыхъ основался потомъ городъ Карѳагенъ. Впослѣдствіи Дидона умертвила себя, чтобъ избавиться ненавистнаго брака съ ливійскимъ царемъ.

---

[1]) Послѣдняго троянскаго царя.

Тѣ, кому дана жизнь, должны жить, т. е. никто не имѣетъ права отрекаться, или отрѣшать другого отъ той самопроизвольной дѣятельности, которая присуща разумѣнію его особи, и нѣтъ такой исключительной дѣятельности, которая была бы предназначена существу, одаренному способностью мышленія. Ему дано все, что можетъ послужить къ его благу, но вмѣстѣ съ тѣмъ дано и то, что можетъ вредить; а для указанія и выбора, чтобъ онъ не злоупотреблялъ своимъ богатствомъ,— ему дарованъ разумъ, и этотъ высшій даръ долженъ стоять во главѣ его дѣйствій.

Мудрецъ.

Грецiя.

«Въ книгѣ исторіи,—говоритъ одинъ знаменитый ученый, — мы стараемся уловить отраженіе вѣчныхъ законовъ; въ ней же мы имѣемъ единственную надежду познать самихъ себя; а познаніе это такъ важно, что только при его помощи для насъ открывается возможность совершенствовать самихъ себя, т. е. приближаться къ своей высшей цѣли. Читая прошедшее человѣчества, въ смыслѣ его постепеннаго духовнаго развитія, мы нерѣдко узнаемъ въ немъ нѣкоторую часть самихъ себя, своихъ прежнихъ заблужденій, и изъ-за нихъ почти страдаемъ вмѣстѣ съ древнимъ человѣкомъ: безъ этого чувства исторія все-равно что мертвецъ. А этого быть не можетъ, потому что черезъ всю исторію человѣческихъ бѣдствій видимо проходитъ одна и та же великая идея чего-то высшаго, мудраго, одинаково близко касающагося и насъ, какъ нашихъ прадѣдовъ. Это одна и та же громадная драма, въ одномъ изъ явленій которой участвуемъ и мы, и для добросовѣстнаго исполненія своей роли, мы должны обязательно ознакомиться съ общимъ духомъ драмы, съ тою цѣлью, во имя которой она создана. Что именно манитъ насъ къ изученію древняго міра, какъ не горячее желаніе разобраться въ одареніи и склонностяхъ человѣка, побуждавшихъ его поступать такъ, а не иначе? Но для того, чтобъ узнать человѣка настоящаго времени, необходимо знать, чѣмъ онъ былъ прежде».

«Кѣмъ изобрѣтены,—продолжаетъ онъ же,— всѣ эти миѳическія сказанія, имѣющія такъ много общаго во всѣхъ странахъ — на почвахъ индусской, персидской, греческой, римской, славянской, германской?»

Принятая за руководство исторія говоритъ намъ только о существованіи факта и упускаетъ самое интересное—побудительныя причины.

Знаменитый археологъ Мюллеръ (Отфридъ) полагаетъ, на основаніи научныхъ данныхъ, что миѳы созданы человѣкомъ въ извѣстный періодъ его исторіи: это была именно та эпоха, которая составляла переходъ между началомъ образованія народностей и вступленіемъ этихъ народностей въ опредѣлившіяся различія по языку, религіи и нравамъ. «Иначе,— говоритъ онъ, — придется допустить совсѣмъ невѣроятную вещь, что въ исторіи человѣческаго духа произошли такіе же перевороты, какъ при образованіи земной коры, и въ этомъ случаѣ совершенно отвергнуть постепенность въ развитіи человѣческаго ума».

Сократъ, на мудрость котораго ссылаются такъ часто, говорилъ, что много надо досуга тому, кто захотѣлъ бы, путемъ не очень тонкихъ умствованій, отдать свое время на пріисканіе для каждаго изъ нелѣпобасословныхъ миѳическихъ существъ какое-нибудь правдоподобное объясненіе.

Но не надо забывать, что для древнихъ умовъ, хоть бы они и значительно возвышались надъ своими современниками, — все было еще загадкой, начиная съ нашей земли, ничего подобнаго которой они не подозрѣвали въ обширномъ мірозданіи. Поэтому они и смотрѣли на нее съ ложной точки зрѣнія, какъ и на человѣка вообще, разсматриваемаго ими не въ совокупности съ ему подобными, а какъ на единичную, обособленную матерію. «Сократъ,— а тѣмъ болѣе ученики его — былъ далекъ отъ всѣхъ началъ индуктивной философіи, и хоть стремился познать человѣка и самого себя, но брался совершенно невѣрно за такое интересное и полезное изученіе; а потому его послѣдній выводъ былъ крайне естественъ и правдивъ: онъ пришелъ, какъ извѣстно, къ тому заключенію, что знаетъ только то, что ничего не знаетъ. И такой выводъ, безъ сомнѣнія, отнюдь не умаляетъ и не безчеститъ его ума, а наоборотъ, доказываетъ его глубину, такъ какъ онъ хотѣлъ, главнымъ образомъ, познать истину, и отбрасывалъ свое личное самолюбіе на задній планъ [1]).

Вся исторія духовнаго развитія человѣчества полна доказательствами, что человѣкъ, по мѣрѣ того, какъ подвигался по ступенямъ мышленія,— получалъ склонность измѣнять качества божества къ лучшему, но непремѣнно сообразуясь съ своими субъективными понятіями о достоинствахъ высшаго существа. Такъ же разсуждалъ и Платонъ по отношенію къ варіантамъ бога Эрота; то же дѣлалъ и Пиндаръ въ своихъ лирическихъ произведеніяхъ; наконецъ, то же повторяется у всѣхъ древнихъ законо-

[1]) О. Мюллеръ.

дателей, стремившихся передать народамъ тѣ именно воззрѣнія на благо, какія они имѣли сами. Это вполнѣ понятно.

Частная жизнь Греціи, называвшейся въ самой интеллигентной своей мѣстности Элладою, становится болѣе или менѣе извѣстной, приблизительно, съ IX столѣтія до Р. Х., такъ какъ этому вѣку предшествовали времена героическія, представляющія слишкомъ мало интереса и матеріала для настоящей статьи. Кореннымъ жителямъ Эллады, Эллинамъ, ученые изслѣдователи приписываютъ пришлое происхожденіе: предки ихъ, колонизируясь изъ другихъ странъ, заселили и Элладу. Здѣсь было столько государствъ, сколько крупныхъ городовъ, и страна эта много страдала отъ непрестанныхъ междоусобицъ.

Главныхъ боговъ въ Эллады насчитывалось 12, съ Діемъ (Зевсомъ) во главѣ. Мѣстопребываніемъ боговъ былъ Олимпъ, самая высокая гора; но они показывали добрый примѣръ людямъ и усердно плодились, такъ что когда у каждаго образовалось довольно многочисленная семейная свита, изъ нея постепенно перебирались на престолы земного царства. И здѣсь трудно отдѣлить сказочное отъ дѣйствительнаго.

Творцемъ человѣка считался Прометей, геній добра, положившій начало скульптурному искусству. Онъ соорудилъ перваго человѣка изъ глины съ водою, а потомъ оживотворилъ его небеснымъ огнемъ. Но ему, какъ несостоявшему въ близкихъ отношеніяхъ съ Зевсомъ, никогда бы не удалось добыть огня съ неба, еслибъ не помогла ему въ этомъ дѣлѣ Минерва, богиня мудрости, дочь Зевеса, рожденная изъ его головы.

Когда первый человѣкъ вышелъ изъ рукъ Прометея, ему предназначалось наслаждаться счастливою жизнью; но разгнѣванный за похищеніе небеснаго огня Юпитеръ разсудилъ иначе. Онъ наказалъ Прометея, приковавъ его къ скалѣ, гдѣ воронъ клевалъ его внутренности до тѣхъ поръ, пока не явился Геркулесъ его освободить. Не довольствуясь этимъ, Юпитеръ поручилъ своему сыну отъ Юноны, Вулкану, создать женщину, которую всѣ боги сообща надѣлили разными дарами, и назвали Пандорою. Ей былъ данъ ящикъ, съ порученіемъ передать его Прометею. Но Прометей, не ожидая для себя ничего добраго отъ Зевса, уклонился отъ подарка, и отправилъ его черезъ Пандору же къ своему глупому брату, Эпиметею. Когда этотъ послѣдній, принявъ даръ, открылъ ящикъ,— изъ него посыпались всѣ бѣдствія людей, и только на днѣ оказалась одна надежда. Такимъ образомъ Пандора, т. е. женщина, созданная въ отмщеніе, внесла въ жизнь мужчины однѣ бѣдствія. (Ну, какъ тутъ не вспомнить Крыловскаго Ивана, кивающаго на Петра?)

Уже было говорено о томъ, что въ первобытныхъ легендахъ народовъ имѣется много общихъ чертъ; но этаго мало: каждая изъ нихъ, какъ

измышленная гораздо позднѣе того времени, когда ей надлежало происходить,— служить еще не только отраженіемъ умственнаго состоянія эпохи ея изложенія, но и нѣкоторою характеристикою самой личности ея первоначальнаго автора. Въ его легенду выливается его субъективное міровоззрѣніе. а такъ и въ легендахъ другихъ народовъ имѣется сходное, — то нельзя не предполагать, что подобное міровоззрѣніе было, болѣе или менѣе, обще всѣмъ первобытнымъ людямъ мужского пола, помимо всякихъ откровеній свыше. Желая быть нераздѣльнымъ хозяиномъ на землѣ, многогрѣшный мужчина поддался искушенію, и вездѣ прибѣгалъ къ какой нибудь фаталистической причинѣ, по которой женщина являлась на свѣтъ Божій съ готовымъ преступленіемъ, сразу и безповоротно лишающимъ ее права пользоваться жизнью наравнѣ съ мужскимъ поломъ. Каждый находилъ это средство простымъ, а примѣненіе къ жизни тѣмъ болѣе удобнымъ, что подготовка къ нему, благодаря мускульной силѣ, успѣла уже прозондировать почву. Но чтобы закрѣпить все это прочнѣе, прибѣгли еще къ вмѣшательству высшихъ силъ. «Такъ Mnevis, египетскій законодатель, утвердилъ свои законы при помощи Меркурія; греческому законодателю, Minos, продиктовалъ ихъ самъ Юпитеръ, а Ликургъ получилъ ихъ отъ Аполлона». (Діодоръ).

Символическая исторія Вавилонскаго столпотворенія также подтверждаетъ предположеніе, что время ея измышенія относится къ тому періоду умственнаго развитія, когда вожаки обществъ уже вполнѣ понимали окружающія явленія и не только обосновали свои жизненныя требованія, но даже были уже способны излагать ихъ въ аллегорическомъ смыслѣ, или въ видѣ сатиры.

До древнихъ эллиновъ исторія Вавилонскаго столпотворенія дошла нѣсколько измѣненною. Здѣсь Титаны, сыновья Урана и Весты (неба и земли)— отличались необычайнымъ ростомъ и силою. Они задумали такую постройку изъ горъ, съ помощью которой могли бы добраться до неба и свергнуть съ Олимпа Юпитера. Однако имъ это не удалось, и Юпитеръ, поразивъ ихъ молніей, сбросилъ въ тартаръ, гдѣ всѣ ослушники его воли получали возмездіе. Общія понятія древнихъ о Богѣ, какъ о мстителѣ и карателѣ даже въ послѣдующихъ неповинныхъ поколѣніяхъ, совершенно соотвѣтствовали ихъ тогдашнимъ земнымъ идеаламъ. Они и въ Юпитерѣ видѣли идеальнаго бога, не обращая вниманія на то, что онъ былъ развратникомъ и отцеубійцею.

Первоначальный образъ правленія въ Элладѣ былъ также патріархальный, воспѣтый Гомеромъ.

Впослѣдствіи въ различныхъ ея частяхъ была и монархія, и республика съ архонтами во главѣ, и тиранніи, и олигархія, и даже анархія.

Но мы объ этомъ умолчимъ, и займемся только самой блестящей эпохой греческой цивилизаціи и положеніемъ въ ней женщины.

Около 850 л. до Р. Х. въ Греціи былъ законодатель Ликургъ, написавшій законы для Спартанцевъ. Въ его время страною управляли короли съ сенатомъ изъ 28 опытныхъ мужей, называвшихся геронтами. Ликургъ стремился уравнять имущества гражданъ своей родины, ввести строгую простоту въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ каждаго и совершенно уничтожить роскошь; онъ обращалъ большое вниманіе на выработку крѣпости здоровья и физической силы въ юношахъ. Мужской полъ при немъ обѣдалъ за общественнымъ столомъ. Ликургъ совершенно игнорировалъ въ своихъ законахъ существованіе женщинъ: всѣ его заботы ограничивались мужскимъ поломъ. Женщина же, живя среди этаго суроваго, воинственнаго направленія, невольно заражалась понятіями своихъ современниковъ. Поэтому здѣсь въ древности было болѣе героинь, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и даже материнскія чувства утрачивали нѣжность, принимая характеръ геройскаго духа.

Около 625 г. до Р. Х. одинъ изъ архонтовъ, Драконъ, написалъ законы для Аѳинянъ; но кромѣ того, что эти законы имѣли временныя, спеціальныя цѣли при страшной борьбѣ партій изъ-за власти,—они сами по себѣ были такъ жестоки, что возбудили въ народѣ негодованіе, отъ котораго самому Дракону пришлось спасаться бѣгствомъ. До женщинъ эти законы также не касались.

Около 580 л. до Р. Х. прославился новый аѳинскій законодатель, Солонъ. Для прекращенія господствовавшей въ то время анархіи, его избрали первымъ изъ девяти архонтовъ и поручили ему написать законы.— Солонъ смотрѣлъ на страну какъ на огромную семью, съ матерью въ видѣ общества, съ отцемъ въ видѣ правительства.

Каждый членъ этой семьи имѣлъ право на полное участіе своихъ родителей, и права эти долженствовали быть не химерою, не пустымъ, хотя и отраднымъ звукомъ,—но дѣйствительными въ своемъ примѣненіи. Осиротѣлъ-ли кто, или раззорился, потерпѣлъ-ли неудачу, болѣзнь, бѣду, или былъ обиженъ,—и отецъ съ матерью несутъ обязательство немедленно идти къ нему на помощь, поддержать его, устроить, снабдить и направить такъ, чтобы онъ снова могъ вступить въ нормальную колею жизни. Если кровные родители, злоупотребляя своею властью, относились несправедливо къ сыну, или дочери, къ падчерицѣ, или пріемышу,—если они расточали, или захватывали имущество, предназначенное несовершеннолѣтнимъ, или притѣсняли ихъ,—каждый гражданинъ, хотя-бы онъ былъ лицемъ совсѣмъ постороннимъ, имѣлъ неотъемлемое право довести объ этомъ до свѣдѣнія общественныхъ учрежденій, и обиженные тотчасъ-

же принимаются подъ защиту законовъ. Поддержка каждой частной семьи, безъ всякихъ исключеній, считается прямою обязанностью общественныхъ отца и матери, и каждый изъ нихъ долженъ смотрѣть на водвореніе благоденствія въ каждой частной семьѣ какъ на водвореніе благоденствія во всемъ государствѣ, состоящемъ не изъ чего другого, какъ изъ частныхъ семействъ.

— Трудно, кажется, и придумать что-нибудь умнѣе!..

Законъ Солона говорилъ прямо: «Каждый гражданинъ составляетъ членъ одного и того-же общаго тѣла; поэтому, если одинъ членъ страдаетъ, то это должно отражаться на всемъ тѣлѣ».

Вслѣдствіе такой основной идеи законовъ—не только каждое имущество и наслѣдство, но и каждое семейство было подчинено дѣятельному надзору всѣхъ надъ каждымъ. Не признавалось такого частнаго лица, для котораго не было-бы обязательнымъ отдавать полный отчетъ государству не только въ управленіи собственнымъ имуществомъ, но и въ общемъ веденіи своего дома.

«Отцы и матери! Сыновья и дочери вашихъ предковъ принадлежали прежде всего родинѣ!»—говорилъ впослѣдствіи аѳинянамъ знаменитый ораторъ Демосѳенъ, ссылаясь на законы Солона.—И дѣйствительно, государство захватывало всѣ интересы частныхъ лицъ. Какъ законы Индусовъ и Китайцевъ уничтожали свободу воли человѣка во имя деспотизма, одного лица такъ законы Солона уничтожали интересы личности во имя интересовъ государства: это также своего рода деспотизмъ, но въ основу его вложены нѣсколько иныя начала. Конечно государственное право надъ личностью пользовалось всемогуществомъ, какъ и право деспотовъ въ Азіи; но въ аѳинской республикѣ сама власть принадлежала не волѣ единицы, но самому народу, изображавшему государство. Равнымъ образомъ здѣсь правосудіе не предоставляло монополіи извѣстной касты жрецовъ, но принадлежало собирательному имени каждой отдѣльной личности, взятой изъ всѣхъ сословій того-же народа.—Защитникъ чьихъ-бы то ни было интересовъ, выступая передъ такимъ многочисленнымъ судилищемъ, могъ не руководиться ни одною изъ статей, или параграфовъ закона, относящихся къ взятому имъ на себя дѣлу. Онъ обращался прямо къ чувству справедливости народа, вводилъ его въ положеніе своего кліента, знакомилъ его съ характеромъ, или особенностями защищаемаго имъ дѣла, старался заинтересовать присутствующихъ, и нерѣдко добивался желаемаго рѣшенія, благодаря своему умѣнью изложить дѣло. Поэтому даръ краснорѣчія цѣнился въ Греціи очень высоко, и ораторы пользовались здѣсь большимъ почетомъ. Зато въ древней Греціи не бывало примѣра, чтобы человѣкъ былъ опозоренъ, или поставленъ въ непоправимыя обстоятель-

ства за такія проступки, какъ напримѣръ, денежная несостоятельность. При всякой возможности направить дѣла обвиняемаго, сами судьи, т. е. народъ, выручали его.—Историки замѣчаютъ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ древней Греціи двѣ крупныя черты, которымъ могли-бы позавидовать многія изъ нынѣшнихъ благоустроенныхъ государствъ: отсутствіе всякаго рода формализма, и служеніе идеѣ закона, а не буквѣ его.

Положеніе женщины всегда находится въ прямой связи съ государственнымъ строемъ данной страны; иначе сказать, — съ тѣми условными взглядами на долгъ родинѣ, какіе установились въ ея обществѣ. Взгляды эти сами по себѣ могутъ быть вѣрными, или ошибочными въ самой основѣ понятій. Если они требуютъ, напримѣръ, чтобъ каждый истинный сынъ родины прежде всего способствовалъ усиленію ея матеріальнаго богатства,— всѣ силы направятся на пути къ пріобрѣтеніямъ: на промышленность, торговлю, различныя предпріятія и т. п. — и во всемъ этомъ найдется дѣятельность и для женщины. Если общество находитъ, что первый долгъ гражданина заключается въ созиданіи славы родины посредствомъ внушенія страха сосѣдямъ,—понятно, что вся страна пропитается воинственнымъ духомъ, и семья отодвинется на задній планъ: тутъ военные подвиги, выправка войскъ, дисциплина и пр. поглощаютъ, почти уничтожаютъ личную жизнь единицъ вмѣстѣ съ ея счастіемъ, или бѣдствіемъ, съ ея удовлетворенностью, или неудовлетворенностью, съ ея чувствами, надеждами и духовными стремленіями. Тутъ весь вопросъ въ массѣ, въ корпораціи, изображающей громадную машину, гдѣ значеніе жизни каждаго отдѣльнаго лица такъ же ничтожно, какъ ничтожно значеніе мелкаго винтика, или зубчика въ большой и сложной машинѣ: погнулся, сломался,—его выбросили, замѣнили другимъ, — и дѣло съ концемъ! Такимъ міровоззрѣніемъ уничтожается всякій смыслъ отдѣльной жизни съ возможностью самоусовершенствованія. Въ подобномъ взглядѣ на долгъ не принимается во вниманіе весьма важной вещи: если въ общемъ мірозданіи отдѣльная жизнь человѣка и ничтожна, то это именно только по отношенію ея къ громадѣ вселенной, не охватываемой умомъ смертнаго, но никакъ не по отношенію къ тѣмъ водворившимся группировкамъ людей, устроившихъ себѣ гнѣзда въ той или другой мѣстности земного шара, и обособившихъ свои интересы отъ интересовъ остальныхъ людей. Здѣсь видимая ошибка въ самой основѣ вопроса: гдѣ человѣческая родина?.. И почему Ивану полагается вредить родинѣ Петра, а Степанъ долженъ недоброжелательствовать родинѣ Егора?..

Такая крупная ошибка сейчасъ же отражается цѣлымъ рядомъ ненормальностей въ отношеніяхъ людей между собою, а эти послѣднія, осложняясь до безконечности, дѣлаютъ въ концѣ-концовъ всѣ родины несчастными.

Какъ бы ни любилъ человѣкъ свою родину, онъ не можетъ любить ее болѣе собственной жизни, и вѣрнѣе будетъ сказать, что онъ любитъ родину изъ-за себя, изъ-за своихъ въ ней интересовъ, или воспоминаній, чѣмъ сказать, что онъ любитъ себя изъ-за родины. Вѣдь еслибъ сыны всѣхъ родинъ вздумали возносить мольбы къ своему общему Творцу о погибели сосѣдей,—что-бы они этимъ доказали?..

Вѣчные законы природы неизмѣнимы ни для самаго могущественнаго изъ государствъ, ни для самой глупой, или умной изъ его единицъ, и стоитъ только человѣческому законодателю пренебречь ими хоть въ одномъ изъ своихъ пунктовъ,—и вся масса теряетъ здоровое равновѣсіе: она начинаетъ колебаться, метаться, создавать себѣ ложные интересы, осложнять ихъ, и наконецъ теряетъ почву подъ ногами, не зная въ какую сторону кинуться за спасеніемъ.

Общество не можетъ совершенствоваться коллективно, потому что невозможно вдунуть во всѣхъ одинаковыя мысли. Для этого необходимо, чтобъ каждая единица, пользуясь всѣми правами въ извѣстныхъ предѣлахъ личной воли, самобытно додумывалась до собственной пользы и ея естественной связи съ общественною; слѣдовательно, только сбереженіемъ человѣка въ его единицахъ можно привести общество къ нормальному движенію впередъ.

Законы Солона охраняли каждую единицу отъ обидъ и убытковъ; но они не считались съ тѣмъ, что придетъ-ли деспотизмъ со стороны одного человѣка, или цѣлаго государства, со стороны-ли власти одного сословія, или пола надъ другимъ,—законъ природы ужъ нарушенъ, а вмѣстѣ съ этимъ являются причины, затрудняющія правильный прогресъ страны.

Теперь посмотримъ, какъ отразился переходъ деспотизма единицы въ руки деспотизма государственнаго на общее положеніе женщины.

Въ обществѣ, гдѣ государственныя требованія поглотили семейныя, гдѣ каждый гражданинъ проводилъ бо́льшую часть жизни на улицахъ и площадяхъ, гдѣ всѣ его дѣла и интересы должны были находиться внѣ дома,—дѣятельность женщины, оставленной въ невѣжественномъ состояніи, имѣла малое значеніе; женское вліяніе уничтожалось само собою. Не имѣя никакой связи съ общественною жизнью и дѣятельностью, чѣмъ могла она служить государству? Производствомъ дѣтей, и больше ничѣмъ. Не видя надобности въ ея выходахъ изъ дому, законъ вредписалъ ей не покидать его.

Въ то время какъ мужчина, исправляя поочередно должности то судьи, то адвоката, то обвинителя, или солдата, не зналъ дома, и, возлагая на рабовъ всѣ заботы по обработкѣ земли, возвращался къ себѣ только для ночного отдыха,—женщина, наоборотъ, была прикована къ дому. Для

нея не было никакихъ удовольствій, никакихъ дѣлъ, или развлеченій внѣ дома; для нея не существовало ни чтенія, ни образованія, ни времяпрепровожденія въ кругу друзей, ни спектаклей, ни входа на общественные обѣды, заведенные во многихъ мѣстахъ Греціи. Она даже не имѣла права обѣдать съ мужемъ, или отцемъ, если къ нимъ приходилъ кто изъ знакомыхъ.—Ксенофонтъ говоритъ о своей женѣ: «*При ея воспитаніи старались, чтобъ она какъ можно меньше видѣла, слышала и разспрашивала*». (Ксенофонтъ, «Экономика» VII, X).

Шеманъ, изслѣдователь древней греческой жизни, говоритъ: «*Вообще въ Греціи смотрѣли на женщину какъ на существо низшее и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ, неспособное понимать вопросовъ, интересующихъ людей развитаго ума*». (Schoemann «Lesantiquités grecques» 302, 303).

Греческіе дома не отличались помѣстительностью даже у архонтовъ, такъ какъ для мужчины этого не требовалось. Для женщинъ-же отводилось особое помѣщеніе, называемое гинекеемъ. Обреченная на грустное, одинокое существованіе, въ лучшемъ случаѣ среди рабынь и малолѣтнихъ дѣтей,—молодая Гречанка переступала порогъ своего гинекея въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, поименованныхъ въ законахъ. Къ ней-же имѣли доступъ только ближайшія родственницы.

Такимъ образомъ само государство отчуждало супруговъ отъ чистыхъ, полныхъ семейныхъ радостей, отъ духовнаго общенія между членами семьи, разорвавъ всякую связь мужа съ женою, кромѣ плотской. И это являлось однимъ изъ прямыхъ и естественныхъ осложненій первопричины, заключавшейся въ желаніи миѳическаго Зевеса отомстить миѳу-же Прометею созданіемъ Пандоры!

Тѣмъ не менѣе законы Солона строго преслѣдовали безбрачіе: 30-тилѣтній холостякъ подвергался отвѣтственности какъ нарушитель закона.

Вслѣдствіе ненормальнаго положенія женщины, греки неохотно вступали въ бракъ, считая его тяжелою государственною обязанностью. Платонъ говоритъ о своей націи: «Насъ ничто не привлекаетъ къ женитьбѣ, и женимся мы только потому, что законъ отъ насъ этого требуетъ». (Здѣсь осложненіе выразилось извращеніемъ вкуса, т. е. понятнымъ предпочтеніемъ веселыхъ женщинъ легкаго поведенія—по отношенію къ мужчинѣ, умственнымъ застоемъ—по отношенію къ женщинѣ, и наконецъ ухудшеніемъ условій наслѣдственности для обоихъ половъ).

Женщинѣ, всесторонне зависимой и въ патріархальныя времена, пришлось еще тошнѣе отъ греческой цивилизаціи, и еслибъ жизнь ея длилась вѣками, она могла-бы съ глубокимъ вздохомъ вспомнить ту, сравнительно, блаженную для нея эпоху простоты нравовъ, когда отецъ,

мужъ и дѣти раздѣляли съ нею свои удачи и невзгоды, воспѣтыя въ поэзіи Гомера: «Если у человѣка есть разумъ и сердце,—говорилъ Ахиллъ устами Гомера,—онъ не можетъ не почитать своей жены».—«На землѣ нѣтъ ничего дороже счастливаго брака!»—говорилъ Одиссей, супругъ Пенелопы.—Положеніе супруги Алкиноя Гомеръ описалъ въ такихъ словахъ: «Она вполнѣ раздѣляетъ почести, воздаваемыя ея супругу. Когда она выходитъ, весь народъ ее привѣтствуетъ какъ богиню!»

Такъ воспѣвались народною поэзіею нравы патріархальныхъ временъ, хотя женское положеніе и тогда не было завидно. Но когда мужчина промѣнялъ семейную жизнь на уличную,—семья съ невѣждой матерью очутилась заброшенной, а роль жены совсѣмъ униженной тѣмъ самымъ мужчиной, который когда-то такъ стремился ввести себя въ семью, гдѣ, при материнскомъ главенствѣ, онъ игралъ ничтожную роль гостя.—Теперь, взявши на свою долю всѣ преимущества естественнаго умственнаго развитія среди кипучей дѣятельности, Эллинъ предоставилъ женщинѣ невѣжество, безправіе, прозябательную жизнь. Съ самаго дѣтства мальчикъ получалъ свободное развитіе способностей; самыя игры на свѣжемъ воздухѣ уже укрѣпляли его силы и энергію. Дѣлаясь юношей, онъ имѣлъ открытые входы для знакомства съ торговыми операціями, могъ прислушиваться къ народнымъ преніямъ, подготовляя себя къ будущей дѣятельности; онъ посѣщалъ чтенія, театральныя представленія, общественные обѣды, философскія бесѣды; онъ самъ учился и имѣлъ полную возможность постояннаго общенія съ произведеніями и дѣятельностью выдающихся умовъ. Любой храмъ знанія былъ широко открытъ для него и наглухо закрытъ для его родной сестры. Въ ея-же воспитаніи,—по словамъ Ксенофонта,—«всѣ заботы сосредоточивались на томъ, чтобъ она какъ можно менѣе говорила, слышала и видѣла».—«Единственное ея знаніе должно заключаться въ умѣньи стряпать и шить, единственное правило ея жизни—въ послушаніи сперва отцу, потомъ мужу»—говоритъ Платонъ. Въ видѣ роскоши къ этому прибавляли пѣніе и танцы для того дня, когда взрослая дѣвушка, выходя въ первый разъ въ жизни изъ гинекея, участвовала въ религіозномъ празднествѣ.—Въ Греціи ежегодно устраивалась торжественная религіозная процессія къ храму Паллады: дѣвушки со всей Аттики несли богинѣ новую верхнюю одежду своей работы.

Жрецы заботились, чтобъ всѣ религіозныя празднества носили характеръ необыкновенной торжественности. Для того, чтобъ попасть на такое празднество, напримѣръ, въ честь боговъ-покровителей земледѣлія,—требовались особыя посвященія съ предварительнымъ постомъ и продолжительными очистительными обрядами. На первый годъ посвящали только

въ мисты, т. е. давали право присутствовать на празднествѣ, безъ участія въ немъ, и ужъ на второй годъ, послѣ посвященія въ эпопты, передъ которымъ вновь совершались разные обряды,—дозволялось созерцать подземныя дѣла, т. е. таинственное служеніе внутри храма. Совершивши еще разъ омовеніе, жертвы и очистительные обряды во дворѣ храма, посвященные опускались, съ факелами въ рукахъ, въ подземельѣ, гдѣ продѣлывали, соотвѣтственно легендѣ, исканіе похищенной въ миѳическія времена богини земледѣлія.

Равнымъ образомъ поддерживались жрецами религіозныя вліянія и въ элевзинскихъ таинствахъ (мистеріи).

Прославленная греческая цивилизація не коснулась вопросовъ безотрадной женской доли. Можетъ быть это произошло вслѣдствіе того, что съ одной стороны понятія о назначеніи женщины могли быть занесены сюда готовыми съ сосѣдняго востока,—а съ другой стороны—сама Греція была богата преимущественно единичными силами ума, которыя хотя и стремились къ разрѣшенію многихъ вопросовъ, представлявшихся въ эту эпоху загадками, но не дошли еще до умѣнія за нихъ взяться изъ-за недостаточности положительныхъ знаній. Поэтому большинство ихъ теорій не укладывалось ни въ какую рамку. Все въ древней Греціи носило слѣды восточныхъ вліяній, перемѣшанныхъ съ единичными полетами мысли къ высшимъ благамъ.

Здѣсь съ женскою судьбою происходило какъ разъ обратное тому, что обыкновенно вносится цивилизаціею: чѣмъ ярче блестѣли огоньки цивилизаціи для мужчины, тѣмъ глубже становилась пропасть между нимъ и женщиною, обреченною на невѣжество. Это-ли требуется для блага человѣчества? Не напоминаетъ-ли подобный образъ дѣйствій мальчика, который, нарисовавши на стѣнѣ буку, отвертывается отъ нея? Потому что пропасть создавалась не закономъ природы, но собственнымъ недомыслiемъ.

Однако въ Греціи этой самой эпохи существовалъ разрядъ женщинъ, которыя вели совсѣмъ иной образъ жизни. Не стѣсненныя никакими семейными заботами и хозяйственными дрязгами, не чувствуя надъ собою ничьей суровой власти, онѣ сходились съ мужчинами, раздѣляли ихъ удовольствія, учились чему хотѣли, и могли иногда похвалиться довольно крупнымъ вліяніемъ въ серьезныхъ вопросахъ государственной жизни.— Это были—гетеры, по нашему,—женщины легкаго поведенія. Онѣ охотно и часто успѣшно изучали разныя науки (напр. Аспазія) и, находясь на одномъ уровнѣ съ мужчинами по живости ума и ширинѣ образованія, принимали дѣятельное участіе въ преніяхъ ученыхъ (Лаиса); ихъ мнѣнія принимались во вниманіе, такъ какъ онѣ проявляли знанія и умѣнье разсуждать дѣльно.

Между греческими поэтами прославилась и поэтесса, Сапфò, стихотворенія которой доказываютъ высокое и благородное направленіе ума. Сами греки признавали въ ней большое умственное развитіе и блестящія дарованія; всѣ удивлялись ей,—но этотъ примѣръ не наводилъ Эллиновъ на мысль о возможности того-же и во многихъ другихъ женщинахъ. Этого ужъ ничѣмъ нельзя объяснить, кромѣ злонамѣреннаго желанія оставаться въ прежнихъ, предвзятыхъ убѣжденіяхъ, которыя казались удобнѣе.

Незнакомые съ семейнымъ счастіемъ, Греки тѣмъ охотнѣе предавались всякаго рода удовольствіямъ съ гетерами, что законъ этого не преслѣдовалъ, философы это понимали и оправдывали, а общество, сстоявшее изъ однихъ мужчинъ,—одобряло. Естественно, что при подобныхъ взглядахъ на нравственность и семейныя отношенія, женщина стояла на одномъ уровнѣ съ ребенкомъ и рабомъ.

Что могла она сдѣлать, чтобы выдти изъ своего униженія?.. Что могъ сдѣлать цѣлый народъ мужчинъ съ восточнымъ деспотомъ, заботливо оградившимъ свою власть закономъ, войскомъ и сосредоточеніемъ въ свои руки матеріальныхъ средствъ? При подобныхъ условіяхъ и мужчина проводилъ вѣка въ рабствѣ.

Не ясно-ли, что цивилизація, упускающая изъ виду половину человѣческихъ существованій, справедливо можетъ называться одноглазой, такъ какъ, захватывая зрѣніемъ только пространство лѣвой стороны, которую видитъ,—не догадывается повернуть голову въ другую сторону, чтобъ разглядѣть и то, что происходитъ на правой сторонѣ. Недогадливость это, или нежеланіе?

Этимъ самымъ страдали и аѳинскіе законы въ самый золотой вѣкъ греческой цивилизаціи. Сдѣлавши изъ женщины то, чѣмъ она стала, они-же, не узнавая дѣлъ рукъ своихъ, признали въ ней неправоспособность и приговорили ее на вѣчный затворъ. И даже, имѣя передъ глазами не единичные образцы женскихъ способностей, продолжали закрывать глаза на безотрадность женскаго существованія.

— «Существуетъ три рода людей неспособныхъ управлять собою,— говоритъ Аристотель: это—дѣти, женщины и рабы. У рабовъ нѣтъ своей воли; у дѣтей она еще невѣрно направлена; а женщина по слабости своей природы лишена способности самоуправленія». И это говорилъ прославившійся мыслитель!.. Чѣмъ объяснить его убѣжденность въ томъ, что у раба нѣтъ своей воли?.. Очевидно, что это былъ его субъективный взглядъ, всосанный съ малыхъ лѣтъ и для него давно рѣшенный безъ разсужденій. Еслибъ онъ хотѣлъ въ него вдуматься, то конечно съумѣлъбы сообразить, что въ рабѣ, пока онъ остается рабомъ, могутъ глохнуть самыя блестящія способности; но дайте ему свободу, предоставьте ему

самому выборъ занятій,—и въ сравнительно короткое время вы его не узнаете. Стоикъ Эпиктетъ былъ долгое время рабомъ. Бывшій рабъ, Ливій Андроникъ, явился творцомъ латинской комедіи. Теренцій Публій, Плавтъ и Федръ, ничѣмъ не заявивъ себя въ рабствѣ, доказали свою даровитость только на свободѣ: Федръ, отпущенникъ Августа, прославился впослѣдствіи какъ баснописецъ (Fabulae Aesopiae), а Плавтъ послужилъ образцемъ Мольеру, т. е. французской комедіи. Верріо Флаккъ, вольноотпущенникъ, былъ избранъ самимъ императоромъ Августомъ въ наставники къ своему внуку. Все это нельзя приписать исключеніямъ, какъ привыкли отзываться о даровитыхъ женщинахъ. Многіе изъ лучшихъ дѣятелей двухъ послѣднихъ вѣковъ служатъ также живымъ и утѣшительнымъ опроверженіемъ взглядовъ Аристотеля на этотъ предметъ, да и не на одинъ этотъ.

Въ древней Греціи женщина была подчинена волѣ опекуна, который заправлялъ ея имущественными дѣлами, замѣняя ее во всѣхъ гражданскихъ учрежденіяхъ. Даже въ выборѣ себѣ мужа она не принимала никакого участія: опекунъ располагалъ ея рукою безъ ея вѣдома. Да и какой выборъ могла-бы она сдѣлать, не зная и никогда не видя мужчинъ?

Если кто умиралъ, оставляя послѣ себя однихъ дочерей,—ихъ, по закону, раздавали, вмѣстѣ съ оставленнымъ имуществомъ, ближайшимъ родственникамъ по отцу, и обязывали послѣднихъ либо на нихъ жениться, либо найти имъ мужей для продолженія потомства умершаго. Въ этомъ отношеніи законы Эллиновъ недалеко ушли отъ законовъ Ману, а взгляды передовыхъ умовъ Греціи на особу женщины—отъ взглядовъ Индусовъ. По мнѣнію Платона, заключавшаго, какъ говорятъ, въ себѣ одномъ всю мудрость Грековъ,—люди низкіе и несправедливые будутъ въ загробной жизни наказаны тѣмъ, что возродятся въ ней женщинами, и только величайшіе преступники—звѣрями.

Однако,—говорятъ нѣкоторые снисходительные изслѣдователи,—греческаго гинекея все-таки нельзя ставить въ уровень съ турецкимъ гаремомъ, какъ нельзя сравнивать обращенія Грека съ своею женою съ обращеніемъ Еврея или Индуса. Если женщины и содержались здѣсь подъ строгимъ надзоромъ, то это имѣло видъ не мрачнаго деспотизма, но скорѣе снисходительнаго участія къ безпомощному созданію. Отецъ не считался полновластнымъ хозяиномъ своей дочери, но ея руководителемъ, съ отвѣтственностью за ея особу и ея имущество. По выходѣ ея замужъ,—мужъ принималъ на себя отцовскія обязанности, отвѣчая точно также за ея особу и ея приданое. Наконецъ, овдовѣвши, она не поступала подъ власть мужниного родства, какъ въ Индіи, но возвращалась въ собственную семью, гдѣ находила все то-же, чѣмъ пользовалась до замужества.

Необходимо прибавить, что все сказанное относится преимущественно къ Аѳинамъ, хотя этотъ городъ былъ въ древней Греціи настолько-же вліятеленъ, на сколько вліятельна столица на провинцію въ любой изъ европейскихъ странъ. Но въ Греціи-же Эолійцы, напримѣръ, или Дорійцы, придерживались старыхъ традицій, и у нихъ женщина оставалась на положеніи патріархальныхъ временъ.

Въ Аѳинахъ полицейскіе законы содержали женщинъ въ строгой сдержанности. Спеціальнымъ комиссарамъ поручалось постоянное наблюденіе за ихъ одеждой и украшеніями во время рѣдкихъ выходовъ затворницъ изъ гинекея для нуждъ, опредѣленныхъ закономъ. (Lallier, 2875. De la condition de la femme dans la famille athénienne).

Законы гражданскіе содержали женщину въ пожизненномъ несовершеннолѣтіи: на греческомъ языкѣ слова: *отецъ, мужъ, наслѣдникъ* и *опекунъ* переводились однимъ значеніемъ: *господинъ*. И всѣ эти четыре господина пользовались большею или меньшею властью надъ женщиной, какъ и надъ малолѣтними [1]).

При заключеніи браковъ, активное участіе принадлежало только опекуну, передававшему общее состояніе имущественныхъ дѣлъ и наличное приданое,—и мужу, принимающему ихъ. Это было законнымъ правомъ обоихъ, которымъ они пользовались по своему усмотрѣнію. Женщина-же, т. е. невѣста, изображала тутъ только предметъ дѣла, а не его участницу. Опекунъ могъ передавать свою опеку любому изъ своихъ друзей какъ при жизни, такъ и по завѣщанію. Отецъ также могъ передавать свои права надъ дочерью, кромѣ мужа, и другому лицу: равнымъ образомъ и наслѣдникъ его пользовался одинаковыми правами послѣ его смерти. Наконецъ и мужу, и отцу дозволялось завѣщать дочь, или жену лицу своего выбора, которое, вступая въ права опекуна, могло въ свою очередь передавать ихъ кому хотѣло [2]). Такимъ образомъ женщина, какъ предметъ неодушевленный, не имѣющій своей воли, переходила изъ рукъ въ руки по волѣ своего владѣльца, и всѣ законы клонились, болѣе или менѣе ясно къ тому, чтобъ дѣятельность женщины ограничивалась произведеніемъ потомства.

Тотъ фактъ, что весь этотъ порядокъ вещей былъ перенесенъ сюда изъ Азіи, въ ученомъ мірѣ не подлежитъ сомнѣнію; но но истинѣ достойно удивленія, что онъ могъ такъ укрѣпиться между Греками, считав-

---

[1]) Platon, éd. Didot, t. II. page 472.

[2]) Мужъ даже при жизни имѣлъ право отдать ее въ жены другому лицу. (Démosthène, Plutarque).

шими себя самымъ либеральнымъ изъ народовъ (Надо сознаться, что такая либеральность весьма характерна!)

Г. Жидъ, профессоръ Исторіи права въ парижскомъ университетѣ, объясняетъ это тѣмъ, что въ Греціи, какъ и въ Индіи, произведеніе потомства имѣло огромное значеніе какъ для всего государства, такъ и для каждаго отца въ частности: государство нуждалось въ защитникахъ, а всякій отецъ, не оставляющій потомства своему роду, считалъ себя вдвойнѣ несчастнымъ по тѣмъ причинамъ, которыя естественно вытекали изъ его вѣрованій. На плохую наслѣдственность одаренія отъ отупѣвшей матери не обращали вниманія, но сынъ былъ нуженъ потому, во первыхъ, что въ Греціи также вѣрили, что душа покойника продолжаетъ невидимое существованіе среди близкихъ, что она присутствуетъ за ихъ столомъ, наблюдаетъ за ихъ поведеніемъ и т. п. Для этой души оставлялось мѣсто за обѣдомъ, ей ставили кушанья, приносили обязательныя жертвы, и душа находила покой, когда все это исполнялъ именно сынъ. Если же усопшій не оставлялъ послѣ себя сына,—душа его не могла найти себѣ покоя, потому что некому было воздавать ему должное поклоненіе, некому было приносить жертвы богамъ—покровителямъ дома, чтобъ ихъ умилостивить. Законодательство, никогда не идущее въ разрѣзъ съ религіей, требовало исполненія обрядовъ и карало нечестіе наравнѣ съ преступленіемъ. Мѣстному архонту вмѣнялось въ обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобъ ни одинъ домъ не пустовалъ, т. е. чтобъ вездѣ было кому исполнять всѣ эти религіозные обряды. По этой причинѣ и здѣсь, какъ въ Индіи, законы дѣлали разнородныя послабленія, съ цѣлью дать возможность каждому гражданину безпрепятственно обезпечить себя потомкомъ мужского пола.

(Вотъ какимъ образомъ два ложныхъ понятія, вытекая одно изъ другого, рождаютъ третье и осложняютъ бѣдствія человѣка).

Во-вторыхъ, потому, что въ Греціи передача наслѣдства составляла сама по себѣ вопросъ крупной важности. Недостаточно было, какъ въ наше время, получить наслѣдство, или отказаться отъ него, если оно обременено долгами. Здѣсь требовалось, вмѣстѣ съ наслѣдствомъ, принять на себя и всѣ обязанности покойнаго: носить его честное, или опороченное имя, его званіе, заслуженныя имъ почести, или повинности. Кромѣ того—наслѣдникъ долженъ былъ переселиться въ жилище покойнаго, принять подъ свою опеку оставшихся женщинъ и дѣтей, продолжать религіозные обряды у семейнаго жертвенника и каждый годъ совершать жертвоприношенія на могилахъ предковъ. Выгоды, или невыгоды имущественнаго наслѣдства здѣсь часто отступали на второй планъ.

Вслѣдствіе всего этого установленіе брака имѣло исключительною цѣлью—воспроизведеніе потомства. Какъ уже было сказано—въ древней Греціи, какъ и въ Индіи, бракъ былъ обязателенъ для обоихъ половъ, и опекунъ, не позаботившійся о своевременномъ вступленіи въ бракъ опекаемой дѣвушки, подвергался отвѣтственности. Здѣсь точно также законъ предписывалъ неослабное брачное сожитіе и каралъ мужа, не знавшаго жены впродолженіи цѣлаго мѣсяца. Здѣсь также къ услугамъ мужчины являлись всѣ средства для обезпеченія себя наслѣдникомъ: мужу было предоставлено право развестись съ женою во всякое время и безъ всякихъ формальностей: онъ отправлялъ ее въ родительскій домъ, или сдавалъ опекуну вмѣстѣ съ приданымъ и остальнымъ имуществомъ, полученнымъ при заключеніи брака, но дѣтей оставлялъ при себѣ *).

Онъ пользовался также правомъ, даже при сожительствѣ съ женою, взять другую женщину и узаконить прижитыхъ съ нею дѣтей, для чего требовалось только одно условіе: чтобъ взятая женщина была Аѳинянкой. (Это послѣднее, впрочемъ, оспаривается нѣкоторыми учеными изслѣдователями древняго греческаго права, хотя объ этомъ говоритъ Демосѳенъ).

При вступленіи въ бракъ женщина, повидимому, не мѣняла фамиліи и не раздѣляла ни одной изъ родовыхъ мужниныхъ привиллегій: онѣ составляли его личную собственность и умирали безъ наслѣдника мужского пола вмѣстѣ съ нимъ.

На случай, если отъ брака не происходило дѣтей, или родились однѣ дочери, — законъ дозволялъ мужу усыновить пріемыша, который тогда дѣлался прямымъ наслѣдникомъ пріемнаго отца, получалъ его имя, имущество и пр.

Если же, по какимъ нибудь обстоятельствамъ, никто не былъ усыновленъ, и оставались сиротами одни дочери,—законъ Солона поступалъ согласно закону Ману, т. е. дочь выдавали замужъ, наслѣдство переходило въ временное владѣніе ея мужа до рожденія перваго сына, который вмѣстѣ съ именемъ принималъ наслѣдство и обязательства, и такимъ образомъ сохранялъ родъ покойника (Isée).

Надо прибавить, что на руку дѣвушки, оставшейся поминальною наслѣдницею отца,—первыми законными кандидатами являлись ближайшіе родственники покойнаго, такъ что если наслѣдство было заманчиво, между ними завязывались цѣлыя тяжбы, предоставлявшіяся форменнымъ порядкомъ рѣшенію Суда. (Поллуксъ, Юлій, 1792. Т. III, стр. 33).

Въ случаѣ на оставленное наслѣдство, обремененное долгами, не на-

*) Lysias, Alcibiad.

ходилось охотника, — отъ него можно было отказаться, но ближайшій родственникъ не имѣлъ права отказываться отъ соединенной съ наслѣдствомъ руки дочери, и обязывался закономъ либо самъ на ней жениться, либо найти ей мужа и дать приданое, сообразное съ его личными средствами, (Вотъ гдѣ обрисовалась относительность греческаго либерализма!).

Но случалось, что у отца, оставившаго только дочерей, оказывалось на лицо завѣщаніе съ обозначеніемъ избираемаго имъ наслѣдника. Въ такомъ случаѣ первымъ долгомъ избраннаго было жениться на дочери завѣщателя, или же пріискать ей жениха, при чемъ онъ обязывался не только снабдить ее приданымъ изъ получаемаго имъ наслѣдства, но еще отдать опредѣленную закономъ часть ея будущему сыну, по вступленіи его въ совершеннолѣтіе. (Ch. Giraud, 1842. Du droit de succession à Athenès).

Наконецъ если не оказывалось ни завѣщанія, ни наслѣдника, ни близкаго родственника мужского пола, — государство принимало сироту подъ свое покровительство: казначейство снабжало ее приданымъ, а первый архонтъ самъ заботился о пріисканіи ей мужа, или опекуна. (Caillemer. Le droit de succession à Athenès).

Однимъ словомъ въ знаменитыхъ Аѳинахъ, какъ въ Остъ-Индіи, все было предусмотрѣно законами, и въ какомъ бы положеніи ни была женщина, — нигдѣ и никогда ее не ждала независимость: жена, или дѣвушка, сирота, или вдова, находили всегда законнаго господина, располагавшаго не только ея матеріальными средствами, но и ея особою, всею ея жизнью.

Ученые мужи пишутъ, что никоторый изъ четырехъ женскихъ господиновъ не былъ ея тираномъ и не злоупотреблялъ своею властью ужъ въ силу «*либеральнаго аѳинскаго міровоззрѣнія*». Но еслибъ либерализмъ и могъ быть совмѣстимъ съ только что описаннымъ, — трудно повѣрить, чтобъ аѳинскіе мужья, отцы, опекуны и наслѣдники были людьми особенными, не подходящими къ обыкновенному типу людей мужского пола. Вѣроятно и между ними, какъ повсюду, попадались и хорошіе, и дурные отцы, мужья и опекуны. Это особенно подтверждается тѣмъ, что и Солонъ, и Плутархъ, и даже Платонъ сознаются въ безнравственности жителей аѳинской республики; а Римляне (Корнелій Непотъ, Цицеронъ), сами осуждаемые за національный разврать, поражаются высокою степенью разврата въ Греціи. Да наконецъ во имя чьихъ интересовъ одна жизнь можетъ ставиться въ зависимость отъ великодушія владѣтеля другой, когда всѣмъ извѣстно, что самое великодушіе свойственно далеко не каждому человѣку?

«Въ Аѳинахъ»—говорятъ нѣкоторые историки—«бракъ представлялъ собою переходъ отъ полигаміи къ моногаміи. Принципъ моногаміи ведетъ къ принципу равенства, и на такое стремленіе къ равенству намекаютъ нѣкоторыя изъ аѳинскихъ постановленій» (?!).

Въ видѣ примѣра ставятъ слѣдующій аргументъ: «*Если мужъ пользуется правомъ развода съ женою какъ только этого пожелаетъ, жена въ свою очередь также не лишена права просить у архонта развода, хотя отъ нея требуется при этомъ письменно изложенныя и уважительныя причины*».

Какія же *уважительныя* причины могла бы она, даже при условіи грамотности, изложить письменно, не зная ни формы, ни законовъ, не имѣя никакой возможности спросить чьего либо совѣта? И въ чемъ могла бы она завинить мужа, которому все было дозволено? И чтобы ее ожидало въ случаѣ отказа архонта?

Плутархъ разсказываетъ, что жена Алкивіада была съ нимъ несчастна; она долго терпѣла, но наконецъ рѣшилась, изложивъ письменно свои жалобы на мужа, просить развода, и съ прошеніемъ въ рукахъ отправилась къ архонту. По дорогѣ ей встрѣтился Алкивіадъ, который на глазахъ у всѣхъ увелъ ее домой силою, и никто изъ свидѣтелей этого поступка не возмутился его публичнымъ насиліемъ.

Трудно предположить, чтобъ жизнь бѣдной женщины послѣ этого улучшилась!

«*Такимъ образомъ,—говоритъ однако ученый,—даже будучи во власти своего мужа, женщина сохраняла свою индивидуальность*» (?). Слова почтеннаго изслѣдователя относятся, разумѣется, не къ только что приведенному примѣру этой индивидуальности, а къ приданому, ставившему жену въ менѣе зависимое матеріальное положеніе; но разсказъ Плутарха настолько характеризуетъ и эту индивидуальность, и черты великодушія, даже въ высшемъ слоѣ общества, что болѣе нагляднаго примѣра и не требуется.

Кантъ, величайшій мыслитель конца XVIII столѣтія, говоритъ: «Нравственность, добродѣтель и сознаніе долга могутъ существовать только при условіи свободы воли». А между тѣмъ все это требовалось отъ женщины и въ Индіи, и въ Китаѣ, и въ Греціи, и за отступленіе отъ нихъ мужу давалось право продавать свою жену, какъ животное, а въ нѣкоторыхъ передовыхъ странахъ, въ родѣ Рима, даже убивать. Біографія Канта намъ неизвѣстна; но надо думать, что этотъ великій мыслитель либо по характеру своего воспитанія былъ чистъ отъ предразсудковъ, либо съумѣлъ отъ нихъ освободиться личными силами, потому что Монтескье, почти современникъ его, и также считающійся мыслителемъ, раз-

суждалъ совершенно иначе: «*Сама природа запечатлѣла слабость женщины особыми примѣтами. Мужчина ей долженъ нравиться ужъ по одному тому, что онъ силенъ!*» Вотъ какое огромное значеніе имѣетъ субъективность взглядовъ, неизвѣстно откуда всасываемыхъ, но отражающихся впослѣдствіи тѣмъ губительнѣе, чѣмъ большимъ умомъ отличается человѣкъ въ остальныхъ своихъ мысляхъ, или поступкахъ. Отъ такой субъективности во взглядахъ часто не освобождаетъ ни сила ума, ни чувство справедливости; оно иногда и не заглядываетъ въ тотъ районъ мыслей, которыя были получены готовыми и закрѣплены въ періодъ неполной умственной зрѣлости.

Всѣ историки находятъ, что греческая республика стремилась къ свободѣ и равенству, что законы Аттики отличались самыми благородными побужденіями къ справедливости относительно всѣхъ гражданъ; — но изъ числа этихъ гражданъ была исключена, если не считать рабовъ, половина населенія, непризнаннаго за людей, потому что къ нему не относились всѣ эти возвышенныя стремленія къ свободѣ, равенству и справедливости. Законы заботились, чтобъ каждой дѣвушкѣ было выдѣлено приданое, (поступавшее въ полное распоряженіе мужа); ее охраняли и кормили до самой смерти (изъ ея же средствъ); чего же ей еще надо?

Это очень напоминаетъ исторію о счастливыхъ кошкахъ, не такъ давно описанную въ одной фр. газетѣ. «Кошки эти родились въ домѣ одной богатой старухи, любительницы животныхъ. Заботясь объ ихъ участи, она завѣщала капиталъ въ 60 тысячъ франковъ тому изъ родственниковъ, который, жалѣя животныхъ, возьметъ на себя заботы о пяти кошкахъ, привыкшихъ къ сытости и ласкѣ, и будетъ ихъ содержать до самой смерти. За охотникомъ, разумѣется, дѣло не стало. Получивъ капиталъ, онъ обзавелся собственнымъ домикомъ съ чучалономъ, куда и помѣстилъ богатыхъ наслѣдницъ. Черезъ двѣ недѣли домовладѣлецъ ужъ жаловался на непріятное сосѣдство, а черезъ четыре—всѣ кошки околѣли одна за другою, были зарыты близъ помойной ямы, и домовладѣлецъ могъ гордиться тѣмъ, что выполнилъ завѣтъ старухи: онъ всетаки содержалъ ихъ до послѣдняго вздоха».

Читая какъ разъ въ это самое время исторію Греціи 7-го или 8-го автора, въ моей головѣ пробѣжала мысль о странномъ сходствѣ въ правахъ этихъ кошекъ съ правами аѳинскихъ женщинъ.

Увы, гдѣ же искать справедливости, если она такъ относительна даже въ тѣхъ, кто преподаетъ исторію юношеству и этимъ самымъ вліяетъ на направленіе его умственнаго развитія?

Недаромъ Карлейль говоритъ, что исторіи совсѣмъ нѣтъ между преподаваемыми предметами; что это названіе дано какому-то спеціальному

набору фактовъ и лицъ, играющихъ въ дѣйствительной исторіи весьма незначительную и неинтересную роль. Настоящая же исторія, по его мнѣнію, заключается единственно въ изслѣдованіи и вѣрномъ описаніи состоянія сердца человѣчества, проходившаго всѣ фазы своей жизни. На совершавшіеся же факты надо смотрѣть только какъ на выраженія его состоянія, какъ на послѣдствія его. Гонимое то силою власти, то надеждой, то страхомъ, то негодованіемъ, то любовью и состраданіемъ,—оно, поочередно, то замирало, то воскресало, то трепетало, остервенялось, рвалось, притуплялось, — и снова усиленно билось за свои попираемыя, но живучія стремленія. Стремленія эти выражались различно, смотря по степени умственнаго развитія: стремленія эти то дѣлали прыжки, то терпѣливо прокладывали себѣ дороги съ противоположныхъ концовъ, то шли на проломъ, то обходили преграды хитростью, подъ видомъ равнодушія, или лицемѣрія,—но стремленія эти вѣчны, потому что присущи человѣческой природѣ. Съ природою бороться трудно, она всегда восторжествуетъ. Глупость человѣческая зароетъ къ нимъ проходъ, а умъ человѣческій его отроетъ и возстановитъ. Вопросъ этотъ для многихъ теменъ, для многихъ еще совсѣмъ закрытъ, но на немъ зиждется все будущее человѣчества, потому что въ немъ заключается весь смыслъ, вся цѣль бытія. «И вотъ все значеніе исторіи, по мнѣнію Карлейля».

Въ ней мѣсто всякаго крупнаго дѣятеля, всякаго выдающагося одаренія только оттого и важно, что они видятъ истину, выдѣляютъ ее изъ современныхъ заблужденій, и, представляя людямъ въ чистомъ видѣ, этимъ самымъ напоминаютъ человѣку, что онъ готовъ уклониться, готовъ содѣйствовать вреду и слѣдовательно отречься отъ своего призванія на землѣ. Геній открываетъ людямъ глаза на ихъ дѣйствія; тѣ, въ которыхъ еще свѣтится искра Божія, начинаютъ ясно видѣть то, чего они прежде не замѣчали. Геній указываетъ имъ причины ошибокъ, указываетъ послѣдствія, и прозрѣвшіе люди начинаютъ измѣнять образъ дѣйствій. Нѣкоторые кидаются при этомъ въ другую крайность, иные озлобляются, мечутся, рушатъ добро вмѣстѣ со зломъ, и вотъ изъ чего состоитъ главнымъ образомъ, исторія».

Точно также страдало сердце и въ женской половинѣ человѣчества; тѣ же самыя причины заставляли и его трепетать и негодовать, ища выхода. Но капитальная разница была въ томъ, что мужскую половину озарялъ свѣтъ, вливавшій въ него подкрѣпляющія и освѣжающія надежды, тогда какъ въ женской половинѣ были завѣшаны окна отъ благодатнаго солнечнаго луча. Отъ этой половины умѣли только требовать, но не дѣлились съ ней ничѣмъ. Правда, что отъ нея и требовали-то немногаго: всего одной маленькой добродѣтели, называющейся непорочностью;

а такъ какъ она не могла дать и этой бездѣлицы, — ее лишили всего. Съ закрытыми глазами смотрѣлъ мужской полъ на ежедневно совершавшійся передъ нимъ законъ наслѣдственности, передававшій всѣ качества души и тѣла родителей безразлично въ оба пола, и ни которому изъ искателей «причины всѣхъ причинъ» не приходилъ въ голову простой вопросъ: куда же женщина должна упрятывать прирожденныя стремленія, получаемыя ею отъ родителей вмѣстѣ съ жизнью, и какая сила, какіе факторы могутъ уничтожить, стереть съ лица земли законъ наслѣдственности? Наконецъ какъ это должно отразиться на нравственномъ строѣ самой женщины?

Самые выдающіеся умы прежнихъ временъ, отличаясь, преимущественно, полетами въ высокія, недоступныя ихъ знанію, области мірозданія,—горячо желали приблизиться хоть съ которой нибудь стороны къ истинѣ, но это было для нихъ непосильной задачей; приходилось каждый разъ застрять въ области фантазіи. Кто изъ нихъ не горѣлъ потребностью путемъ настойчивыхъ личныхъ трудовъ преподнести людямъ букетъ счастія?.. Но только людямъ... мужского пола; въ вопросахъ же женскаго счастія они никогда не разбирались, вполнѣ довольствуясь предвзятыми на этотъ счетъ понятіями о личности женщины и ея назначеніи. Они и не желали вдумываться въ ея положеніе, потому что намѣренно считали его нормальнымъ. Это доказывается въ Греціи тѣмъ, что еслибы они дѣйствительно считали единственнымъ призваніемъ женщины — материнство, то не отнимали бы у нея такъ безжалостно дѣтей при разводахъ.

Слѣдовательно прославленная греческая цивилизація не можетъ служить образцемъ стремленія къ всестороннему умственному просвѣщенію; она скорѣе даетъ фактическое доказательство, что безъ знанія главнѣйшихъ законовъ природы невозможно приступать къ рѣшенію вопросовъ мірового значенія, потому что, при этомъ условіи, рѣшенія будутъ всегда клониться къ грубому эгоизму. Точно также воспѣтый на всѣхъ языкахъ либерализмъ аѳинской республики отнюдь не обнималъ вопроса въ широкомъ его смыслѣ. Либерализмъ примѣнялся, сколько извѣстно, почти исключительно къ личности мужчины свободнаго сословія, желавшаго присвоить себѣ всевозможныя жизненныя льготы. Здѣсь не представляется надобности входить въ подробности всегда сложнаго подраздѣленія людей, но въ общемъ можно сказать, что свободные Эллины, раздѣливши между собою извѣстныя права, коллективно совершали насилія надъ остальнымъ населеніемъ, не терпя и тѣни ихъ надъ собою. Они смотрѣли съ снисходительнымъ легкомысліемъ какъ на свой эгоизмъ, такъ и на свою нравственную распущенность. Относительно же женщинъ, дѣтей, учителей и рабовъ, составлявшихъ около трехъ четвертей всего населенія, никакого

либерализма не существовало, и безконечныя насилія надъ ними казались вещью совершенно естественною, не стоющею вниманія. Женщина ничего иного не видѣла отъ колыбели до смерти. Дѣти рождались рабами своихъ отцовъ; въ школахъ въ нихъ вколачивали хлыстомъ, руками и розгами грамматику, тактику и нравственность [1]). Рабы содержались у либераловъ не лучше, чѣмъ у варваровъ, и крестьянство находилось въ крѣпостномъ положеніи.

Учителей въ Аѳинахъ настолько презирали, и такъ скудно оплачивали ихъ труды, что на эти должности поступали преимущественно люди безъ всякаго другого средства къ существованію. Самыя понятія Аѳинямъ о нравственности имѣли крайне относительный характеръ, коль скоро между ними открыто поощрялся чудовищный мужской развратъ, называемый эрастіей [2]).

Человѣкъ бѣдно одаренный, когда онъ со всѣхъ сторонъ обезпеченъ и пресыщенъ достаткомъ,—всегда склоненъ прожигать жизнь на пошлостяхъ. При тѣхъ-же условіяхъ человѣкъ, одаренный богато, часто пріобрѣтаетъ склонность къ философіи, направленіе которой будетъ зависѣть на столько же отъ обстоятельствъ его жизни и субъективныхъ вкусовъ, на сколько отъ мѣры его знаній. Греція была богата даровитыми людьми, но такъ какъ въ самую блестящую эпоху республики положительныя знанія были еще мало пріобрѣтены человѣчествомъ,—умнѣйшіе люди, отдаваясь философіи, нерѣдко витали въ области фантазіи. Необузданные ни опытомъ, ни знаніемъ законовъ природы, они безпрепятственно орудовали міромъ по своему усмотрѣнію, принимая себя и свою планету за главнѣйшій центръ Вселенной. Поэтому они впадали въ такія ошибки и крайности, на какія не рискнетъ ни одинъ юный студентъ нашего времени.

Аристотель находилъ, что 4 предмета должны составлять суть образованія: гимнастика, какъ развивающая мужество, грамматика, литература и рисованіе.—Онъ же выражалъ мнѣніе, что дѣтей съ прирожденными недостатками не слѣдуетъ воспитать, но лучше бросать на произволъ судьбы, напр. отвозить въ трясину... Ему также казалось, что законодателю должно принадлежать право ограничивать число рожденій и ставить въ обязательство выкидышъ, когда ожидаемый ребенокъ еще проявляетъ мало признаковъ жизни [1]).

Въ воинственной Спартѣ впадали въ другія крайности: здѣсь знаменитый Ликургъ наводилъ на оба пола гипнозъ излишней мужественности.

---

[1]) P. Girard, 249,
[2]) Платонъ, Законы, 1.
[1]) Аристотель, Политика, VII, XIV.

Мальчиковъ ежегодно сѣкли, безъ всякой вины, передъ жертвенникомъ Артемиды Ортіи, во имя пріученія къ выносливости, и Плутархъ, разсказывая объ этомъ, (Ликургъ, XXX) прибавляетъ: «*Случалось, что бѣдняки умирали подъ ударами, не желая себя безчестить жалобами или просьбами о пощадѣ*».

Ликургъ предполагалъ, что сынъ наслѣдуетъ физическую и моральную конструкцію отъ матери болѣе, чѣмъ отъ отца, и вслѣдствіе этаго спартанскія женщины получали воспитаніе противоположное аѳинскому.

Значитъ, нельзя сказать, чтобы мыслитель Руссо, обсуждавшій исторію просвѣщенія человѣчества въ половинѣ прошлаго вѣка, относился съ особенною суровостью къ историческому мужчинѣ, когда говорилъ: Человѣкъ—(и это относится исключительно къ мужчинѣ, какъ къ единому дѣятелю и законодателю)—въ недомысліи, въ безуміи своемъ, передѣлываетъ и коверкаетъ все, что такъ прекрасно устроено Творцемъ природы! Онъ отворачивается отъ Его законовъ, отъ всего естественнаго, идетъ наперекоръ ему: уродуетъ домашнихъ животныхъ, даже себѣ подобнаго человѣка, наименовавъ его, вопреки здравому смыслу,—рабомъ, создавъ это ужасное слово для ублаготворенія своей глупости. Люди выдрессировали себѣ подобныхъ какъ манежныхъ лошадей, и разными путями пріурочиваютъ однихъ служить разнообразнымъ цѣлямъ другихъ, захватившихъ какія-то особыя права».

Однако и въ самыя цвѣтущія времена эллинской республики не все то было золотомъ, что блестѣло и гремѣло.

Гезіодъ, греческій поэтъ, писалъ не мало о народной эллинской жизни своего времени, такъ какъ самъ жилъ среди этаго народа. Онъ былъ современникомъ Ликурга.

Ликургъ своими законами стремился подчинить частные интересы государственнымъ, также какъ и Солонъ. У обоихъ этихъ законодателей на первомъ планѣ стоялъ идолъ родины,—но на различныхъ пьэдесталахъ. Ликургъ, стараясь уравнять Спартанцевъ какъ въ имущественномъ отношеніи, такъ и въ правахъ на участіе, съ извѣстнаго возраста, въ государственномъ управленіи,—тѣмъ не менѣе предоставлялъ высшіе служебные посты только лицамъ кровно аристократическаго происхожденія, и этимъ самымъ подчинялъ ихъ власти и вліянію все народонаселеніе. (Въ его жилахъ текла царская кровь).

Солонъ, также потомокъ царскаго рода, при всѣхъ заботахъ о родинѣ, впадалъ въ однородную ошибку, подчиняя Аѳинянъ вліяніямъ финансовой аристократіи, такъ какъ по его законамъ финансисты пользовались преимущественными правами на общественныя должности.

Проведенная такимъ образомъ параллель указываетъ, что собственно для населенія обѣихъ этихъ странъ и эпохъ было безразлично, которая именно аристократія сосетъ ихъ сокъ, тутъ важенъ былъ, главнымъ образомъ, самый фактъ сосанія, и хотя Гезіодъ жилъ, приблизительно, за 270—280 лѣтъ до Солона,— то, что происходило въ Спартѣ при законахъ Ликурга, должно было происходить и въ Аѳинахъ при законахъ Солона,— въ смыслѣ духовнаго самочувствія народа. Чудотворныхъ переворотовъ нельзя ожидать отъ смертнаго, какъ-бы умны и безкорыстны ни были его цѣли. Солонъ могъ прекратить анархію, упорядочить дѣлопроизводства, наградить нѣкоторыми правами тѣхъ, кто до него ихъ не имѣлъ, наконецъ могъ умѣрить до извѣстной степени, и только до извѣстной степени, власть сильныхъ надъ слабыми,— но никакіе законы не въ силахъ перероднть въ короткій срокъ народные взгляды и предразсудки, которые вѣками вошли въ его плоть и кровь. Вслѣдствіе такой невозможности законы Солона оставили въ неприкосновенности, и полноту правъ мужа надъ женою, и безправность этой послѣдней, и укоренившіеся взгляды аристократіи на народъ. Этихъ трехъ золъ, кажется, достаточно для оплодотворенія тысячей людскихъ бѣдъ.

Гезіодъ жалуется въ своихъ произведеніяхъ на аристократію, отнимающую силою власти послѣднее достояніе у бѣдняковъ; онъ прямо называетъ арастократовъ хищниками, основавшими свою силу на богатствѣ. «Непрестанно интригуя изъ за власти, у нихъ торжествуетъ то одна партія, то другая, а позади ихъ стоитъ несчастный народъ съ ремесленниками, и даже купцами, безъ правъ и защиты. Страною заправляютъ эвпатриды, тритоны, архонты,— говоритъ Гезіодъ,— а народъ бѣдствуетъ подъ ихъ «безпощаднымъ» давленіемъ. Никогда не выходя изъ неоплатныхъ долговъ аристократамъ, народъ вынужденъ нерѣдко продавать своихъ дѣтей въ рабство для ихъ удовлетворенія. Подкупность судей и ораторовъ, злоупотребленія всѣхъ родовъ и крайняя нужда заставили наконецъ народъ выселяться на чужбину, заводя поселки по берегамъ морей».

Однимъ словомъ изъ описаній Гезіода можно вывести заключеніе, что это было похоже на крѣпостничество, незаконнымъ образомъ сочетавшееся съ либеральною республикою.

«Даже дельфійскіе жрецы были подкупны, и за хорошія деньги можно было устроить, чтобъ самъ Аполлонъ, обращаясь къ властямъ съ условленными требованіями, или предреканіями, возвѣщалъ имъ волю Дія на руку подкупателю». Это представляетъ обратную сторону медали прославленной греческой цивилизаціи.

Солонъ также упрекалъ Аѳинянъ въ легкомысліи и хитрости, когда никакіе доводы и предупрежденія не могли помочь ему избавить свой

народъ отъ замысла Писистрата стать тираномъ; и самъ онъ, 80-ти лѣтній старецъ, долженъ былъ проститься навсегда съ неблагодарными согражданами, чтобы ѣхать умирать на свой любимый островъ Саламинъ.

Г. Жидъ, изучавшій исторію женскихъ правъ у многихъ народовъ, говоритъ, что нигдѣ не относились съ такою заботливостью о приданомъ для дѣвушекъ, какъ въ законахъ древней Греціи. Къ этому г. Жидъ прибавляетъ откровенно, что это было необходимо, съ одной стороны для того, чтобъ привлекать жениховъ къ браку, а съ другой для того, чтобъ удерживать мужей отъ развода. (Слѣдовательно и тутъ дѣйствовали исключительно во имя интересовъ распущеннаго мужчины, котораго и запертая женщина чѣмъ-то стѣсняла). Приданое было обязательно по закону; отвѣтственность за недостатокъ его падала, кромѣ отца, на опекуновъ женщины, на братьевъ, на родственниковъ, а за неимѣніемъ ихъ, само государство выдавало его. Въ день свадьбы приданое передавалось мужу при инвентарѣ и оцѣнкѣ всего. Закрѣпляя полученіе своимъ подписомъ, мужъ обязывался, во первыхъ, содержать жену и дѣтей на доходъ съ приданаго, и во вторыхъ,—возвратить его, въ случаѣ развода. Но все, что почему либо, не вошло въ составъ инвентаря, или впослѣдствіи превысило сдѣланную оцѣнку,—поступало въ безконтрольную собственность мужа.

Съ идеею о необходимости приданаго аѳинское общество такъ свыклось, что на безприданницу смотрѣло не какъ на жену, но какъ на любовницу.

Бракосочетаніе въ Греціи сопровождалось религіозными церемоніями, не имѣвшими, впрочемъ, никакого отношенія къ прочности союза.

Таково было положеніе женщины въ древней Греціи, воспѣваемой многими до нашихъ дней.

Если признать сердце за необходимый аттрибутъ человѣческаго достоинства,—а это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію,—въ геніальномъ Аристотелѣ, не взирая на его умственныя заслуги, нельзя не замѣтить крупнаго недостатка въ общемъ богатствѣ одаренія: воспитаніемъ, или природою онъ былъ лишенъ того сокровища, безъ котораго на землѣ не можетъ быть ни блага, ни истинной жизни. Умственный аппаратъ человѣка вообще настолько несовершенъ, что въ наиважнѣйшихъ вопросахъ существованія ему за десятки тысячелѣтій и при великихъ трудахъ мысли едва удается достигать азбуки въ непроницаемыхъ тайнахъ природы; сердце-же человѣка представляетъ собою аппаратъ до такой степени всѣмъ доступный и понятный, и дѣятельность его приноситъ такія благодатныя послѣдствія, что только намѣренно слѣпой можетъ не видѣть что примѣненіемъ его къ жизнедѣятельности природа дала человѣку

какъ-бы волшебный элексиръ, при помощи котораго вмѣсто зла и пороковъ нерѣдко получается добро, правда и истинное, а не поддѣльное счастье. Правильно-ли послѣ этого придавать всеобъемлющее значеніе одному уму и оставлять въ тѣни тотъ элементъ одаренія, изъ котораго человѣчество черпаетъ едва-ли не наибольшую сумму счастья, и безъ котораго открыто совершаются цивилизованными обществами корпоративныя злодѣйства, достойныя худшихъ изъ варваровъ?

Ломброзо, указывая на черты сходства между геніальностью и помѣшательствомъ, говоритъ: «*Истина и заблужденіе являются особенно сильно внѣдренными какъ у геніевъ, такъ и у помѣшанныхъ. Возбудимость тѣхъ и другихъ имѣетъ также много общихъ чертъ: поэтическое вдохновеніе часто прямо переходитъ въ галлюцинацію, а меланхолія нерѣдко служитъ основою, на которой развивается міровоззрѣніе великихъ мыслителей и поэтовъ*». Онъ, разумѣется, указываетъ также и на черты противоположности между этими, изучаемыми имъ, типами, и очертилъ смѣшанныя промежуточныя стадіи, представляемыя помѣшанными геніями, геніальными психопатами и маттоизами, совмѣщающими въ себѣ элементы геніальности и психическаго разстройства.

Въ этомъ-же духѣ писали и другіе психіатры-мыслители: Жоли, Simonds, David Hume, Sully, Якоби, Редстокъ, профессора Веселовскій и Стороженко (о наслѣдственности въ здоровьѣ и болѣзняхъ).

Въ примѣры берутъ Шекспира, Сократа, Мальбранша, Карлейля, Архимеда, художника Иванова, Бетховена, г-жу Сталь, Ньютона, Паскаля, Шопенгауэра, Байрона, Свифта и еще многихъ другихъ, отличавшихся каждый, особаго рода странностями.

Врядъ-ли многимъ показалось-бы удивительнымъ, еслибъ имя Аристотеля присоединилось къ представителямъ странностей, хотя очевидно, что душевно-больнымъ онъ не былъ. Руководясь во всѣхъ жизненныхъ вопросахъ однимъ сухимъ расчетомъ, этотъ практическій геній держалъ сердце подъ замкомъ въ мраморномъ дворцѣ своего могучаго мозга; оттого и получались странныя противоположности въ одной и той-же головѣ: отецъ энциклопедической школы могъ въ данномъ случаѣ уйти, не не далѣе автора нашего стариннаго друга, Домостроя; геній вынулъ душу изъ этики.—Объ извѣстной разсѣянности Ньютона сохранилось, между прочимъ, преданіе въ видѣ слѣдующаго куріоза: Онъ питалъ особое расположеніе къ котятамъ и любилъ, въ часы досуга, возиться съ ними, любуясь ихъ ловкостью и граціей. Друзья его знали объ этой слабости великаго человѣка къ маленькимъ животнымъ, и были немало удивлены, увидѣвъ однажды два вырѣзанныхъ круга въ нижней части кабинетной двери: одинъ кругъ былъ больше, другой меньше. На ихъ вопросы Нью-

тонъ отвѣчалъ, что это сдѣлано для кошки и ея котятъ, которые часто просятъ, чтобъ ихъ выпустили погулять, вынуждая его открывать дверь и отвлекаться отъ работы.

— Отчего-же они не могутъ всѣ трое пролѣзать въ одно и то-же отверстіе!—спросилъ одинъ изъ друзей.

— И въ самомъ дѣлѣ!—отвѣчалъ величайшій геометръ:—Вообразите, что мнѣ не пришла въ голову эта простая штука!

Такъ и Аристотель почему-то не счелъ нужнымъ вдуматься въ положеніе рабовъ, когда онъ говорилъ: «*Рабъ не можетъ имѣть ни достоинствъ ни власти, ни голоса, потому что онъ не отвѣчаетъ ни за что, и вся жизнь его должна проходить въ одномъ послушаніи*». Странность такой фатальности не шокировала мозгъ мыслителя. Или: «*Мужъ оттого властелинъ въ своей семьѣ, что онъ есть отвѣтственное лицо за каждаго изъ ея членовъ. Ему одному принадлежитъ право раздавать обязанности внутри дома, а самъ онъ долженъ слѣдить за внѣшнимъ положеніемъ дѣлъ, чтобъ быть готовымъ защищать свою семью и имущество.*

Геніальный человѣкъ какъ будто забылъ, по разсѣянности, спросить себя: чѣмъ и передъ кѣмъ отвѣчаетъ онъ за жену, или раба, и можетъ ли вообще кто нибудь отвѣчать за другого? Онъ дѣйствительно какъ будто не сознавалъ въ эти минуты, что, передъ Богомъ, людьми и закономъ каждый въ состояніи отвѣчать только самъ за себя, что ни передъ которою изъ этихъ трехъ силъ онъ въ дѣйствительности и не отвѣчалъ, когда не бралъ на себя, болѣе положенной на его долю власти.—Что-же касается четвертой силы,—совѣсти, то она могла страдать, если была одарена чуткостью, гораздо болѣе отъ золъ, причиняемыхъ имъ женѣ и рабу, чѣмъ отъ мнимой отвѣтственности за чужіе грѣхи.—Самомнѣніе видимо превышало въ Аристотелѣ даже его огромныя умственныя заслуги, доводя и этого крупнаго мыслителя до страннаго заблужденія, будто отецъ есть *великій источникъ семьи*. Что-же бы съ ней сталось безъ матери?

Тоже самое можно сказать и относительно защиты жены: отъ кого онъ ее защищалъ?.. Дикихъ звѣрей въ заселенныхъ мѣстностяхъ она не рисковала встрѣтить, выходя изъ дома; отъ разбойниковъ и воровъ онъ, не живя дома, также не могъ ее обезпечить: да и во всякомъ случаѣ внутренній замокъ спасъ-бы ее вѣрнѣе наружнаго. Если-же ей грозила опасность пострадать отъ необузданности мужскаго пола.—то на это и слѣдовало обратить вниманіе подлежащихъ властей и народа, вмѣсто того чтобъ калѣчить ея жизнь, дѣлая ее отвѣтственной за чужую распущенность.

Однако тотъ-же Аристотель проводилъ великія, для своего вѣка, идеи, какъ въ области зарождавшихся наукъ, такъ и въ житейскихъ вопросахъ. Можно-ли, напр. повѣрить, чтобъ одинъ и тотъ-же человѣкъ думалъ какъ только что приведенный, и какъ слѣдующій: «Законы нравственные, неписанные, вытекающіе изъ добрыхъ, человѣколюбивыхъ нравовъ, изъ привычки къ честнымъ сужденіямъ,—еще болѣе обязательны, чѣмъ законы гражданскіе».

Подобные диссонансы говорятъ сами за себя.—Эпикурейцы, софисты, скептики,—все это составляло какой-то особый фазисъ въ греческой философіи той эпохи, о которой Поліоркетъ говорилъ: «Въ мое время въ Аѳинахъ не было ни одного истинно благороднаго, чистаго отъ предразсудковъ ума». Платонъ, напримѣръ, находитъ, что женщина составляетъ общественное достояніе, которымъ каждый можетъ пользоваться во имя пріумноженія своей родины...

Ошибочность взглядовъ Аристотеля на раба и женщину уже давно доказана, и это должно-бы служить однимъ изъ блистательныхъ примѣровъ тому, что серьезныхъ умовъ безъ всякой предвзятой подкладки—вообще чрезвычайно мало; большая-же часть умныхъ людей страдаетъ въ большей или меньшей мѣрѣ слишкомъ легкою готовностью идти на компромисы съ тѣмъ, что въ человѣкѣ есть самаго святого.

Такимъ образомъ невѣрная основа, вложенная въ общественныя сужденія и отразившаяся въ законахъ, дала цѣлый рядъ осложненій въ самой сердцевинѣ жизни просвѣщенной Аттики: жена, этотъ лучшій другъ и охранитель мужа при нормальныхъ отношеніяхъ,—обращена въ жалкую затворницу, лишенную средствъ къ умственному развитію, униженную, непризнанную ни какъ мать, ни какъ жена, ни какъ дочь. Самъ мужчина, сдѣлавъ семейную жизнь непривлекательною ни для котораго пола,—лишилъ цѣлое общество необходимыхъ для его нравственнаго процвѣтанія элементовъ. Онъ-же, предпочитая женѣ гетеру, далъ возможность этой послѣдней смотрѣть съ презрѣніемъ на самую добродѣтельную изъ женъ. Наконецъ онъ-же произвелъ диссонансъ и по отношенію къ раздутому обожанію родины. При нормальномъ порядкѣ вещей—любовь къ себѣ, къ семьѣ и къ родинѣ идутъ дружно рука объ руку; здѣсь-же эти естественныя чувства были разъединены, и послѣдствія получились такія, что слишкомъ возвеличенная родина обездолила семью, а заброшенная семья невольно тормозила правильный прогрессъ родины.—Точно также раздутая важность охранительнаго поста мужа въ семьѣ создала только основаніе для полновластія мужа, въ сущности не защищающаго жену даже отъ необузданныхъ страстей своего пола: при любви—оба супруга охраняютъ и берегутъ другъ друга, безъ нея,—единственнымъ

утѣшеніемъ остается философія Персовъ, потому что избіеніе соперниковъ не ведетъ ни къ чему, кромѣ новыхъ несчастій; власть-же составляетъ самую плохую почву для произрастанія любви искренней.

Что касается защиты жены отъ набѣговъ въ военное время, или отъ расхищенія имущества,—извѣстно, что отъ нихъ семья защищается не единичными силами мужа, но корпоративными услугами солдатъ и полиціи, въ рядахъ которыхъ должны стоять мужчины именно потому, что насилія совершаются только ихъ поломъ.

Тѣмъ не менѣе предвзятыя идеи настолько крѣпки, что зараженный ими теряетъ самое желаніе мыслить въ этомъ районѣ: онъ считаетъ такіе вопросы давно рѣшенными и законченными.

Человѣкъ въ обсихъ его видахъ имѣетъ право считать свою расу высшей только тогда, когда въ умѣ его живетъ идея правды; безъ нея же человѣкъ вреднѣе самаго свирѣпаго изъ звѣрей, потому что культурные пороки его опаснѣе и ядовитѣе.

Философъ.

Комментаріи.

У всѣхъ древнихъ народовъ идеалъ женскаго типа сводился къ одному и тому же: повиновеніе, смиреніе, безотвѣтность, трудолюбіе, (но безъ права выбора труда), и благоразуміе—въ смыслѣ покорности.

Моисей говоритъ женщинѣ: «Ты будешь покорна мужской волѣ». Къ этому онъ прибавляетъ: «Но если онъ къ тебѣ несправедливъ,—ты можешь возстать и призвать Іегову». Такая высокая защита могла бы быть дѣйствительною при совѣстливости мужской натуры; но Моисею была слишкомъ хорошо извѣстна грубость еврейскаго народа!

Гомеръ ставитъ въ примѣръ женщину смиренную, проводящую жизнь за прялкой и тканьемъ. Изображая Елену, происхожденіе которой божественно, онъ влагаетъ въ ея уста выраженія высшаго смиренія въ разговорѣ съ роднымъ отцемъ. «Отецъ — говоритъ она, — присутствіе твое наполняетъ мою душу страхомъ и почтеніемъ! Если я смѣю говорить при тебѣ, то единственно потому, что должна тебѣ повиноваться!»—Та же Елена, обращаясь къ своему родному брату, говоритъ: «Невозможно подыскать для меня достаточно гнусныхъ названій, потому что я всегда заслуживаю еще худшихъ!» Объ искренности подобнаго самоуниженія можно судить по послѣдующей жизни этой самой Елены; но оно нравилось, потому что льстило самолюбію.

Надгробная надпись римской или греческой женщины считалась высокою похвалою, если гласила слѣдующее: «Она никогда не выходила изъ дому и пряла шерсть». И въ этомъ было все, что властолюбіе требовало отъ женской добродѣтели, такъ какъ по начертанной имъ, властолюбіемъ, нравственности, женщинѣ не полагалось переступать порога дома иначе, какъ въ свою могилу.

Соломонъ, этотъ мудрецъ изъ мудрецовъ, говоритъ: «*Умъ мой изслѣдовалъ и изучалъ все, ища мудрости, отыскивая причинъ многихъ,—и я нашелъ, что женщина горше самой смерти*».

И неудивительно.—На взглядъ жаднаго человѣка—высшее преступленіе состоитъ въ воровствѣ; въ глазахъ лицемѣра—нѣтъ преступленія хуже голой истины; а властолюбецъ находитъ, что высшей кары заслуживаетъ непокорность.—Рѣшеніе Соломона указываетъ на то, что и въ его время женщина уже сознавала свое незаслуженное униженіе, и что невозможность выдти изъ него раздражала все ея существо; а стремленіе всякими подручными средствами заглушить чувство общей неудовлетворенности дѣлало ее прихотливою, капризною, слѣдовательно дѣйствительно несносною, особенно въ глазахъ мужчины. Въ человѣкѣ, кто бы онъ ни былъ, рѣдко не воспитываются субъективные взгляды, воспринятые изъ различныхъ источниковъ съ ранняго возраста: иногда онъ ихъ черпаетъ изъ примѣра родителей, иногда изъ взглядовъ товарищей, часто даже изъ разговоровъ съ любимой няней, или изъ случайной жизненной сцены, глубоко врѣзавшейся въ память. Иногда взгляды эти имѣютъ весьма шаткое основаніе, но невольно вносятся во всякій родъ его дѣятельности, будь онъ медикъ, учитель, король, священникъ, судья, мудрецъ, или глупецъ. Такого рода взгляды могутъ имѣть громадное значеніе, когда восприняты будущимъ крупнымъ дѣятелемъ, и Соломонъ въ этомъ отношеніи представляетъ собою прекрасный примѣръ для доказательства.

Привычка къ роскоши, славѣ и поклоненію усиливала его честолюбіе, самомнѣніе, можетъ быть и тщеславіе, онъ мало по малу дѣлался все требовательнѣе; покорность своей волѣ онъ сталъ считать обязательнымъ долгомъ, особенно для женщины, взгляды на которую онъ получилъ съ малолѣтства готовыми. («Я хочу, чтобъ ты замолчала, — говаривалъ властелинъ въ древности,—и ты у меня замолчишь!» А если женщина продолжала говорить, онъ ее убивалъ, какъ недостойную жизни, и не отвѣчалъ ни передъ кѣмъ за свое преступленіе).

Допустимъ, что Соломонъ, живя подъ другими законами, никого бы не убилъ; но женская непокорность и по своему выражавшаяся нервозность должны были его сильно раздражать, коль скоро онъ находилъ это безправное существо горше смерти. Иностранки, которыми онъ себя позднѣе окружилъ, какъ болѣе развитыя умомъ, притомъ искавшія въ немъ не самого Соломона, а только его богатства,—по всей вѣроятности также думали въ глубинѣ души: «Ты насъ презираешь, хотя знаешь, что наша жизнь тошна,—такъ какже намъ-то не презирать тебя, вольную птицу, которая нашла себѣ забаву въ глумленіи надъ нами?» Разумѣется у нихъ это было болѣе инстинктивнымъ чутьемъ, чѣмъ отчетли-

вою мыслью, но при такихъ, приблизительно, взаимныхъ отношеніяхъ. могло ли найтись мѣсто тѣмъ естественнымъ. теплымъ и искреннимъ чувствамъ, какими природа наметила соединить оба пола воедино? Одинъ страхъ воздерживалъ женщинъ отъ крайнихъ низостей; одна набалованность плоти руководила поступками Соломона, заставляя его терпѣть это зло. Мудрость не помогла ему ни вдуматься въ безвыходность женскаго положенія. ни разобраться въ его противоестественности именно потому, что субъективные взгляды на этотъ предметъ вошли въ составъ его мозга въ готовомъ видѣ, безъ предварительной цензуры; а самомнѣніе, не умѣряемое ни сознаніемъ справедливости, ни критическимъ анализомъ поведенія своего собственнаго «я» — окутало туманомъ его умственное зрѣніе. Идя по этому невѣрному пути, онъ дошелъ наконецъ до полной необузданности, до безумной расточительности, которая послужила первопричиною упадка цѣлаго царства.

Соломонъ продолжаетъ. «*Между тысячью мужчинъ я всетаки находилъ хоть одного хорошаго человѣка, тогда какъ между женщинами— ни одной!*».

Такъ и быть должно. Ужъ если среди мужского пола, окруженнаго самыми благопріятными условіями для всесторонняго развитія своего природнаго одаренія. Соломонъ находилъ въ тысячѣ только одного хорошаго то даже изъ цѣлаго милліона обиженнаго полам огло-бы не встрѣтиться ни одного подходящаго экземпляра, достойнаго составить пару съ этимъ единственнымъ хорошимъ человѣкомъ. А между тѣмъ стоило-бы только Соломону, съ такимъ выдающимся одареніемъ, вдуматься поглубже въ положеніе женщины,—и онъ увидѣлъ-бы причины всѣхъ ея золъ; увидѣлъ бы, что ея стремленія къ выходу изъ неволи вѣчны, что ихъ не сокрушитъ никто иначе, какъ посадивъ себѣ-же на шею. А посадивши, не на кого пенять, когда вмѣсто человѣка получится пустая внутри кукла. Исторія указываетъ намъ на нѣсколько сходный примѣръ въ лицѣ Наполеона. Всякій, знакомый съ нравственной физіологіей этаго прославившагося человѣка, выдвинувшагося благодаря безмѣрному честолюбію и и неисчерпаемому источнику самоувѣренности,—видитъ передъ собою живого Наполеона, съ его взглядомъ, манерою и тономъ, когда талантливое перо художника изображаетъ его смотрящимъ съ горы на Москву, съ сладострастнымъ предвкушеніемъ своего новаго торжества. Онъ еще въ Смоленскѣ придумалъ сравненіе Москвы съ восточною красавицею, которою онъ намѣренъ обладать; и теперь, обозрѣвая ее, волнуется приближеніемъ часа побѣды, разжигая свое воображеніе картинами ея невиданныхъ красотъ. «Городъ, занятый непріятелемъ, похожъ на женщину теряющую честь, думаетъ Наполеонъ.

«Вотъ она, эта красавица, лежитъ у моихъ ногъ, ожидая своей судьбы! Одно движеніе моей руки,—и она погибла!.. И онъ, какъ чистокровный азіатъ по душѣ, безъ сомнѣнія сдѣлалъ-бы это движеніе руки со свойственной ему смѣлостью, еслибъ, вмѣсто Москвы, передъ нимъ была женщина, но съ Москвою дѣло было не такъ просто. Онъ это понималъ, но самообольщеніе не покидало его до послѣднихъ минутъ; рискованность положенія не мѣшала умному человѣку продолжать нахальствовать. Не забывая ни минуты, что глаза всей Европы обращены на его дѣйствія,—жестокій, тщеславный властолюбецъ вообразилъ себя великодушнымъ, нашелъ въ себѣ чувство милосердія и воскликнулъ: «Mais ma clémence est toujours prompte à descendre sur les vaincus! Я долженъ быть великодушенъ»!

Наполеонъ представлялъ, по одаренію, типъ крупный; но уменьшите поле его дѣйствій, мѣру его власти, ширину его размаха въ смѣлости,—и вы получите типъ легіона маленькихъ наполеончиковъ, водящихся во всѣхъ широтахъ и во всѣхъ слояхъ общества. И это выработалось исторіей.—Далѣе:

Іисусъ, сынъ Сираховъ, написавшій книгу премудрости, наставленій для жизни, говоритъ, что «*печаль сердца составляетъ незакрывающуюся рану человѣчества, что женщина преисполнена злобы*».—Слѣдовательно живя, приблизительно, лѣтъ за 300 до Соломона, онъ также замѣтилъ какимъ образомъ дѣйствуютъ на женщину отношенія къ ней мужчины. Но о женщинѣ смиренной, покорной, онъ отзывается какъ о наградѣ небесной, какъ о красѣ семьи.

(Сопоставивъ наблюденія этого древняго мыслителя съ тѣмъ, что говоритъ одинъ изъ лучшихъ новѣйшихъ изслѣдователей въ области вліяній воспитанія, г. Летурно,—получается естественное объясненіе причинъ женскаго озлобленія: «*Если для болѣе успѣшнаго воспитанія человѣка, или животнаго, практиковать одно насиліе, то ни животное, ни человѣкъ, не будутъ покорены морально, и тайная злоба замѣститъ открытое возмущеніе; а если они и будутъ покорены, то во всякомъ случаѣ будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ и развращены*»)

Древній мыслитель, менѣе знакомый съ законами природы человѣческой души, даетъ намъ только наблюдаемый имъ фактъ женскаго озлобленія; новѣйшій изслѣдователь, уже знакомый съ нѣкоторыми изъ этихъ законовъ, даетъ объясненіе факта, такъ что мы, повидимому, начинаемъ пріобрѣтать право сказать вслѣдъ за Паскалемъ: «Слава Богу, просвѣщенные взгляды ужъ проложили себѣ дорогу въ обществахъ, и теперь остается только одно—прикладывать ихъ къ дѣлу!» Но цивилизованное

общество уже свыклось съ ядомъ сатирическихъ о себѣ отзывовъ, и вопросъ этотъ мало подвигается впередъ.

Малахія, вдохновенный пророкъ, за 400 л. до Р. Х. ужъ разсуждалъ нѣсколько иначе. Въ гнѣвѣ на мужа, оскорбившаго свою жену, онъ восклицаетъ: «Помни, что Богъ стоитъ между тобою и женою твоей молодости! Она была твоею подругою, а ты ее презиралъ. Или ты думаешь, что она создана не такъ-же какъ ты,—однимъ дуновеніемъ Іеговы? Или ты скажешь, что Богъ разрѣшилъ отсылать жену, къ которой ты сталъ питать отвращеніе?.. Такъ слушай, что я тебѣ скажу на это отъ имени Бога: поступающій такимъ образомъ покрываетъ себя беззаконіемъ, какъ одеждою!»

Сколько любви къ правдѣ въ этихъ простыхъ словахъ великаго старца, обратившагося къ заглохнувшей совѣсти мужа! Но и его голосъ остался вопіющимъ въ пустынѣ.

Аристотель, какъ мы видѣли, считалъ женщину неправоспособною отъ природы; онъ видѣлъ въ ней незаконченнаго человѣка.

Плиній говорилъ, что «женская склонность къ болтовнѣ напоминала-бы perpetuum mobile, еслибъ оно было найдено».

Это весьма понятно: недоразвитость мозга, недостатокъ глубины мышленія дѣлаютъ то, что женщина, уподобляясь ребенку, выливаетъ большую часть своей внутренней жизни на языкъ.

Сократъ признавалъ въ женщинѣ настоящаго человѣка, «но и испорченнаго, а потому совѣтовалъ опасаться женской любви болѣе, чѣмъ мужской ненависти». Кто-же, или что могло испортить первообразъ женщины, если не мужчина т. е. несправедливыя его къ ней отношенія?

Титъ-Ливій находилъ, что главный порокъ женщины—двуличность: она въ обществѣ не та, что дома.

Сенека писалъ, что только одно безобразіе можетъ сдѣлать женщину способною къ добродѣтели.

Гораздо позднѣе *Вольтеръ* полагалъ, что «женщина цѣнитъ свою красоту выше самой жизни».

А почему?.. Только потому, что, тѣ, отъ которыхъ зависѣла вся ея жизнь, видѣли въ ней одну красоту тѣла, прельщавшую ихъ чувственность. Что же удивительнаго, что она хотѣла жить?

Общія требованія отъ женщины сводились къ тому, чтобъ женскій типъ олицетворялъ собою безжизненность, т. е. отреченіе отъ всего того, что составляетъ духовный интересъ въ жизни человѣка. Для этого ей надо было быть существомъ безкровнымъ, безстрастнымъ, чуждымъ мысли и желаній. Естественно-ли, возможно-ли это? Не ясно-ли, что подобнаго типа могъ желать только эгоизмъ, для собственнаго удобства?.. Овцѣ не

дано способности разсужденія,—и она не философствуетъ; червяку не дано голоса,—онъ и не поетъ,—и такъ во всей природѣ. Изъ этого позволительно заключать, что природа вкладываетъ стремленія къ извѣстнаго рода дѣятельности только въ тѣ организмы, которые она сама приспособила къ этому. Можно-ли послѣ этого назвать разумнымъ желаніе искусственно привить особѣ женщины то, чего въ ней нѣтъ, или отнимать у нея то, что ей дано?

Не принимая въ разсчетъ ни степени, ни общаго характера женской одаренности, не обращая должнаго вниманія на ея личныя склонности, прирожденные таланты, потребности и вкусы,—мужчина во всѣ времена требовалъ отъ женщины того, чего самъ для себя никогда бы не пожелалъ; въ этомъ отношеніи даже правдивый Руссо не составляетъ исключенія. А когда женщина почему либо не влѣзала въ предназначенный ей шаблонъ,—онъ, т. е. историческій мужчина, какъ своенравное дитя, приписывалъ ея природѣ всевозможные пороки. Вѣдь еслибъ природа сообразовалась съ неразумными желаніями мужчины древняго типа,—ей надо бы создать женщину безсловесною, безъ признаковъ собственнаго разума. Тогда и самыя Заповѣди требовалось бы раздѣлить на-двое: мужскія и женскія.

Однако мы видимъ, что Высочайшая Мудрость Христа не ставила различныхъ нравственныхъ идеаловъ для мужчины и женщины: она требуетъ одного и того-же для обоихъ половъ, а все то, что мужчина изстари желалъ признавать за свое особое преимущество,—Христосъ совсѣмъ исключилъ изъ числа добродѣтелей. (Эту простую, но полную глубокаго смысла, истину прекрасно понялъ и изложилъ нашъ великій писатель въ своей мудрой сказкѣ объ Иванѣ дуракѣ).

И послѣ всего этого еще удивляются, что женщина лжива, или лицемѣрна! Послѣ этого стараются доказать на всѣхъ языкахъ, что она не создана ни для общечеловѣческой дѣятельности, ни для пользованія свободой, и причины тому приписываютъ физіологическимъ особенностямъ, не желая считаться даже съ тѣмъ, что самыя физіологическія особенности могли разростись и учетвериться именно отъ ненормальныхъ условій жизни длиннаго ряда поколѣній, хотя на это имѣется достаточно доказательствъ среди дикихъ племенъ.

Вотъ это-то отсутствіе прекраснаго, здороваго умомъ и тѣломъ типа женщины и есть та «*непроизвольная месть природы*», которою отравляется жизнь самихъ авторовъ женскихъ пороковъ: и съ этой стороны практическія мысли Конфуція носили въ себѣ полезное начало: «Вредящій другимъ, тѣмъ самымъ вредитъ и самому себѣ».

Надо помнить, что природа требуетъ отъ своихъ созданій максимальнаго количества полезной работы, и никогда не возлагаетъ на нихъ какой-либо односторонней обязанности, но пользуется даже самыми второстепенными способностями, хоть для побочнаго, но общеполезнаго дѣла.

Астрономъ.

Римъ.

Нѣкоторые историки говорятъ, что точное происхожденіе римскаго народа скрыто въ сказаніяхъ; другіе населяютъ эту мѣстность Сабинянами, Этрусками, Латинцами; но для нашей цѣли этотъ вопросъ занимаетъ второстепенное значеніе, пока не имѣется точныхъ указаній на древнѣйшее перенесеніе сюда религіи и законовъ изъ какой либо другой страны.

Изслѣдователи, рывшіеся въ архивахъ разныхъ странъ съ цѣлью отысканія древнѣйшихъ документовъ по исторіи права, единодушно пишутъ, что нѣтъ на свѣтѣ установленія, которое такъ туго поддавалось-бы требованіямъ времени какъ установленіе семейныхъ правъ.

А почему?

Выраженіе «домашній очагъ» ведется съ глубокой древности, и вѣроятно въ немъ подразумѣвался тотъ очагъ, или огонь, который устраивался въ каждой семьѣ у народовъ, поклонявшихся душамъ предковъ, и считался священнымъ, такъ какъ здѣсь глава семьи приносилъ имъ жертвы. Долгое время въ эти святилища постороннія лица не допускались. На каменномъ жертвенникѣ огонь не долженъ былъ никогда угасать; но для наблюденія за поддержаніемъ огня почему-то не годилась дочь, а годился только сынъ, и такое убѣжденіе, неизвѣстно на чемъ именно основанное, охватило въ глубокой древности всѣ мужскіе умы. Вѣроятно изъ этаго ложнаго убѣжденія родилось предположеніе, что родъ ведется мужскою, а не женскою кровью, а такъ какъ прекращеніе родословной считалось у Римлянъ, какъ и у Индусовъ, бѣдствіемъ не только для живыхъ, но и для мертвыхъ, то отсюда естественно вытекало, что домъ не можетъ оставаться благонадежнымъ безъ наслѣдника мужского пола: онъ одинъ могъ поддержать честь рода, слѣдовательно главнѣйшею цѣлью брака

являлась сама собою необходимость, даже обязанность обзавестить сыномъ. Такимъ образомъ малютка ужъ въ моментъ рожденія получалъ первенствующее значеніе передъ дочерью, хотя-бы послѣдняя далеко превосходила его по природному одаренію, а входя въ возрастъ пріобрѣталъ законную власть надъ женою и дѣтьми. Параллельно съ правами надъ личностью женщины рождались права на собственность, на наслѣдства, и все это, взятое вмѣстѣ, создавало цѣлую серію ошибочныхъ воззрѣній унижавшихъ женскій полъ.

Но неужели религіозный обычай миѳическаго происхожденія, измышленный кѣмъ-то и когда-то во имя закрѣпленія превосходства мужскаго пола, послужилъ первымъ кольцемъ той цѣпи надъ личностью женщины, которая охватила весь земной шаръ, войдя въ составъ всемірныхъ взглядовъ и законовъ?

Трудно этому повѣрить, и въ такомъ случаѣ величайшую услугу человѣческому недомыслію оказали-бы тѣ ученые изслѣдователи, которые взяли-бы на себя огромный трудъ, открывъ происхожденіе миѳовъ, освободить отъ нихъ исторію разъ на всегда. За то самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ преднамѣренности мужского мышленія въ этомъ райнѣ послужила-бы крѣпкая преграда интересовъ и предразсудковъ, мѣшающая довести дѣло до конца.

Посмотрите весною на свѣтлый праздникъ воскресшей природы, гдѣ все вамъ подсказываетъ о безконечной благости и мудрости Творца, гдѣ каждая маленькая пичужка видимо наслаждается жизнью, гдѣ для самой ничтожной букашки открыты Божьи дары! Здѣсь парочка голубей нѣжно воркуетъ, внося тихую отраду въ ваше наболѣвшее сердце; подальше сотни мелкихъ рыбокъ радостно снуютъ въ спокойномъ теченіи рѣчки. Берегъ испещренъ множествомъ растеній, безвозмездно предлагающихъ готовый кровъ и пищу міріадамъ едва видимыхъ насѣкомыхъ. Вправо отъ васъ лѣниво пережевываетъ траву дремлющая корова, подѣлившаяся съ вашими дѣтьми своимъ молокомъ; влѣво отъ васъ свободно растянулся пахарь у свой нивы: пригрѣтый солнышкомъ, онъ сладко уснулъ съ надеждой на хорошую жатву. У вашихъ ногъ стоитъ собака: ея умныя глаза безъ словъ говорятъ о полной готовности исполнить всякое желаніе ваше. Издали до вашего слуха долетаютъ звуки веселаго ржанія нѣсколькихъ лошадей, пользующихся свободой послѣ трудовъ, а вокругъ васъ жужжатъ пчелы, и ни которая изъ нихъ не тронетъ васъ, если вы сами ей не вредите.—Надъ вами высокое дерево, приманившее васъ въ свою тѣнь, а еще выше—небесный сводъ, приглашающій васъ къ размышленію.—И хорошо вы себя почувствуете, когда поймете призывъ, когда съумѣете въ это краснорѣчивое время года приблизить свою душу

къ Высшей Силѣ, ощущаемой всѣми фибрами вашего существа, направляющей и благословляющей васъ на добро! Легка, свѣтла и понятна вамъ тогда цѣль бытія на землѣ...

А вонъ тамъ и еще кто-то сидитъ, любуясь окружающею благодатью. Это дѣвочка, подростокъ. Устроивши шалашикъ изъ своихъ ручекъ, она прикрываетъ ими голаго птенца, выпавшаго изъ гнѣзда. Она цѣлуетъ бѣдную птичку, называетъ ее самыми нѣжными именами; она старается ее отогрѣть своимъ горячимъ дыханіемъ, а у самой на глазахъ слезы состраданія. Боже мой, сколько тепла въ ея ласкѣ, сколько нѣжности въ ея голосѣ, сколько искренняго, безкорыстнаго желанія облегчить участь несчастнаго созданьица, обреченнаго на погибель.

Но взгляните: къ дѣвочкѣ подошелъ почтенный старецъ. На его серьезномъ лицѣ забота и скорбь. Долгимъ, пристальнымъ взглядомъ посмотрѣлъ онъ на ребенка и проговорилъ строгимъ, внушающимъ голосомъ: «Женщина! Ты должна-бы всегда ходить въ траурѣ и рубищѣ, чтобъ каждый человѣкъ могъ видѣть въ тебѣ грѣшницу, проливающую слезы искупленія: ты погубила весь человѣческій родъ! Ты развратила Адама, коего не смѣлъ коснуться самъ сатана; ты одна виновница въ страданіяхъ и смерти нашего Спасителя! Изъ-за тебя такъ несчастенъ человѣческій родъ!»

Подойдите, пожалуйста, поближе къ этой группѣ, и спросите у почтеннаго старца: «Можно-ли обвинять того, который опивается виномъ, или слѣдуетъ предать проклятію виноградъ, какъ плодъ негодный, созданный только для одного соблазна потребителя?»

Римская миѳологія въ своихъ основаніяхъ совсѣмъ сходна съ греческою; передѣлка-же религіозныхъ вѣрованій, при перенесеніи ихъ на иную нравственную почву, такъ свойственна человѣческой природѣ, что почти всѣ религіи богаты сектами. Если-же начать разбираться въ подробностяхъ религіозныхъ вѣрованій каждаго отдѣльнаго человѣка, то едва-ли не окажется что на свѣтѣ столько-же религій, сколько людей.

Религіозныя вѣрованія много способствовали развитію искусствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и умственному образованію народовъ. Люди посвящали миѳамъ свои первые труды, когда украшали ихъ храмы и созидали имъ жертвенники: они стремились изобразить своихъ боговъ и въ живописи, и въ поэзіи, и въ скульптурѣ. Прикладывая старанія къ своимъ произведеніямъ, они этимъ самымъ совершенствовали ихъ.

У Римлянъ каждый религіозный праздникъ открывался глашатаями; они ходили по улицамъ и кричали народу: «Насталъ великій день празднества, готовьтесь къ нему! Чтобы никто не вредилъ другому, чтобъ ничье ухо не было оскорблено сегодня бранными словами и ссорами!

Чтобъ не было между вами сегодня ни вражды, ни мести, ни злобы! Языки нечестивыхъ людей, прекратите на сегодня всѣ свои злобныя дѣла, всѣ свои козни! Приготовляйте ароматы, и пусть въ нихъ возносится къ богамъ жертвенное пламя. Облечемся въ свои лучшія, свѣтлыя, пристойныя для праздника одежды, и направимъ путь къ святилищамъ! Не прогнѣвимъ сегодня тѣхъ богинь, имена которыхъ не смѣемъ произносить!» (Это были эриннін, богини мести, коихъ боялись называть по имени.

Въ Римѣ, какъ и въ Греціи, бракъ былъ обязателенъ для обоихъ половъ; но такъ какъ духъ этихъ двухъ народовъ былъ совершенно различнымъ, то это различіе отразилось на всѣхъ учрежденіяхъ обѣихъ странъ.

Историки говорятъ, что характеръ древнихъ Грековъ, отличаясь стремленіями къ свободѣ, въ то же время не былъ чуждъ ни легкомыслія, ни безпечности, ни корыстолюбія. Греки были большими любителями развлеченій и сборищъ всякаго рода. Характеръ же Римлянъ, по словамъ тѣхъ же историковъ, — «даже въ частной жизни проявлялъ тѣ великія черты, совокупность которыхъ обособляла Римлянъ отъ другихъ народовъ: религіозность, воинственный духъ съ мужественными доблестями во главѣ всѣхъ остальныхъ, преслѣдованіе внѣшнихъ формъ, безъ красоты которыхъ теряло и самое достоинство, степенность, строгость правилъ и любовь къ точности и порядку».

Римляне, какъ и Греки, проводили большую часть времени внѣ дома. Дѣти ихъ воспитывались въ строгости.

Въ Греціи законъ хоть до нѣкоторой степени защищалъ жену и дочь отъ произвола отца и мужа; въ Римѣ же всемогуществу того и другого не было границъ: оба имѣли право убѣдить жену, или дочь. Притомъ это право вытекало здѣсь не изъ законовъ, но изъ принципа полновластія патріархальныхъ временъ, и сами историки удивляются, что хорошо организованное государство съ благоустроеннымъ обществомъ могло такъ долго держаться ветхозавѣтныхъ традицій.

Какъ Греки, такъ и Римляне стремились къ свободѣ личности (мужскаго пола); но они шли къ ней по разнымъ дорогамъ: Греки видѣли свою свободу въ единодушномъ, поголовномъ служеніи интересамъ деспота—родины; Римляне считали, что они достигнутъ свободы только тѣмъ, что будутъ раболѣпно служить своему деспоту—закону: свой сухой, точный и суровый формализмъ они признавали прочнымъ оплотомъ противъ произвола. Насколько была несложна судебная власть въ Греціи, принадлежа самому народу, который собирался на площадяхъ для словесныхъ разбирательствъ и рѣшеній согласно своей идеѣ о справедливости, согласно

голосу совѣсти, —настолько въ Римѣ каждое дѣлопроизводство было подчинено строгому, точному формализму. Въ Греціи самъ народъ изображалъ судъ присяжныхъ, и даже предсѣдательствующій архонтъ не могъ, на мѣстѣ судопроизводства, вліять на рѣшеніе, если никто не просилъ его вмѣшательства; въ Римѣ-же судопроизводство было предоставлено самой консервативной кастѣ, состоящей изъ аристократическаго и жреческаго элементовъ. Въ Греціи главную роль игралъ смыслъ закона, рѣшаемый болѣе или менѣе подкупною совѣстью человѣка,—въ Римѣ на первомъ планѣ стояла буква закона, обрядная его сторона.

Поэтому эти два народа, получивши сходные законы,—совершенно расходились при примѣненіи ихъ на практикѣ: насколько судебныя операціи въ Греціи были просты, открыты и доступны пониманію каждаго,—настолько онѣ были сложны и таинственно-неприступны въ Римѣ. Здѣсь это представляло какое-то священнодѣйствіе, преисполненное утонченной казуистики, непонятныхъ формулъ, содержавшихъ въ себѣ магическую силу перетолковывать и право, и самый законъ. Здѣсь ясно виднѣлись слѣды работы жрецовъ, тѣ самые слѣды, которые замѣтны у истолкователей Талмуда, Корана и церковнаго устава римско-католической церкви. (Paul Gide).

Въ Греціи истецъ могъ самъ выступать передъ народнымъ собраніемъ, одинъ объяснять свое дѣло и просить правосудія. Если ему требовался помощникъ, то онъ выбиралъ его не изъ среды законовѣдовъ, но изъ среды ораторовъ, для лучшаго изложенія дѣла передъ общественнымъ судилищемъ, властнымъ дополнить пробѣлы закона во имя справедливости. Въ Римѣ же истецъ не могъ ступить шага безъ помощи и содѣйствія спеціалиста—законовѣда, иначе онъ рисковалъ сразу проиграть свое дѣло. При веденіи какого-бы то ни было дѣла въ Римѣ требовалось заучить слово въ слово всѣ тѣ параграфы закона, на основаніи которыхъ предъявлялся искъ, и малѣйшая неточность выраженія вела за ссбою потерю всего; безъ твердаго знанія текстовъ, громко повторяемыхъ передъ судьею, не производилось ни одного дѣйствія. Поэтому въ Римѣ юристы пользовались такимъ-же виднымъ положеніемъ, какъ въ Греціи ораторы.

Историкъ говоритъ: «Греки, жившіе изо дня въ день безцѣльною и беззаботною жизнью, представляли противоположность Римлянъ, которые всегда поставляли себѣ близкую практическую цѣль и преслѣдовали ее до конца. Высшимъ идеаломъ Римлянъ было — вѣчное всемірное владычество».

Древніе Римляне смотрѣли на семейныя отношенія какъ на предметъ щекотливаго характера, поэтому они не допускали въ свои семейныя дѣла ни судебныхъ, ни полицейскихъ, ни духовныхъ властей, которыя,

по ихъ мнѣнію, сами должны были понимать неумѣстность своего вторженія въ святилище домашняго очага. Понятно, что такого рода взгляды соотвѣтствовали намѣреніямъ пользоваться у себя въ домѣ неограниченною властью. Вообще можно сказать, что духъ Римлянъ сказывался во всѣхъ ихъ воззрѣніяхъ, проявляясь въ каждомъ изъ ихъ дѣйствій. Они съ женщиной держались такой-же политики, какъ съ завоеванными странами: нанося ей жестокій ударъ, послѣ котораго становилось невозможнымъ встать на ноги,—они затѣмъ дѣлались довольно милостивыми владыками, такъ какъ этимъ разумно соблюдались ихъ собственные интересы въ будущемъ. Не то ли практикуется властолюбцами и понынѣ? Въ ихъ семьяхъ по виду не имѣется ни злостныхъ поступковъ, ни насилій,—но женщина, осязающая на себѣ дамокловъ мечъ, уже носитъ отраву въ сердцѣ, и эта отрава тѣмъ сильнѣе отражается въ ея характерѣ, чѣмъ усерднѣе скрывается.

Но,—прибавляютъ историки,—чего не могли сдѣлать писанные законы, то дѣлали нравы; и слова Тацита могли имѣть вѣрное примѣненіе къ древнему Риму: «У нихъ добрые нравы и общественное мнѣніе были могущественнѣе законовъ многихъ другихъ странъ». При помощи подобнаго рычага Римляне относились строго и добросовѣстно къ семейнымъ обязанностямъ, къ данныхъ обѣщаніямъ, къ денежнымъ долгамъ, къ оцѣнкѣ труда, и даже къ своей собственной власти. (Далѣе мы увидимъ, на сколько это вѣрно).

На положеніе женщины при этой новой комбинаціи условій можно смотрѣть съ двухъ точекъ зрѣнія. Если взглянуть на него съ точки зрѣнія юристовъ, обращающихъ главное вниманіе на тексты законовъ,—то хуже положенія римской женщины трудно что-нибудь себѣ представить. Въ греческихъ законахъ хоть упоминалось о добромъ обращеніи съ женою, хоть имущество-то ея мужъ не имѣлъ права расхищать. Въ Римѣ-же и этого не было: преданную полному произволу отца и мужа, властныхъ въ ея жизни и смерти, беззащитную римскую женщину можно было покупать, продавать, пріобрѣтать по праву долгаго обладанія, одолжить и взять обратно, наказывать какъ заблагоразсудится, даже убивать, какъ уже было сказано. Ея рабство кончалось вмѣстѣ съ жизнью, потому что если она и освобождалась отъ мужа, то тотчасъ-же поступала во владѣніе его родныхъ.

Наконецъ римская женщина терпѣла еще худшее, если признать, что материнская любовь составляетъ ея природу. Новорожденнаго ребенка, считавшагося собственностью отца, клали, по обычаю, къ его ногамъ, предоставляя ему право рѣшить судьбу младенца. Если онъ, почему-бы то ни было, не былъ расположенъ его принять, то не поднималъ его съ

земли, и тогда несчастнаго несли на площадь форума, гдѣ онъ обыкновенно погибалъ отъ голода, холода, или отъ зубовъ собакъ, такъ какъ весьма рѣдко находились охотники его пріютить изъ состраданія. Имъ не пренебрегалъ только извѣстный разрядъ нищихъ—эксплуататоровъ въ надеждѣ, что видъ искалѣченнаго ими ребенка возбудитъ участіе многихъ прохожихъ... Что должно было перечувствовать сердце матери, знавшее что предстоитъ выстраданному ею дѣтищу, въ случаѣ она имѣла поводъ опасаться гнѣва, или нелюбви мужа?.. Чаще всего это случалось, разумѣется, при рожденіи дѣвочекъ, и подобный обычай до того чудовищно-безчеловѣченъ, что превосходитъ всякое вѣроятіе.

Но историки тѣмъ не менѣе говорятъ, что если взглянуть на общее положеніе римской женщины съ точки зрѣнія ея дѣйствительныхъ отношеній къ мужу, семьѣ и обществу, то,—благодаря существовавшимъ въ римской республикѣ добрымъ нравамъ,—оно оказывалось не въ примѣръ лучше положенія жены Грека. Начиная съ того, что у Римлянъ женжина не была обречена на монастырскую жизнь въ гинекеѣ, но допускалась и на празднества, и на разнаго рода зрѣлища, и на обѣды къ друзьямъ и знакомымъ. Сюда она являлась не забитою и угнетенною, но почтенною матерью семейства, якобы уважаемою мужемъ, дѣтьми и посѣтителями, хозяйкою дома, вліяніе которой распространялось далеко за предѣлы домашняго обихода. Ей давали дорогу, ей уступали мѣсто, а законъ угрожалъ смертью за оскорбленіе матери семейства непристойнымъ словомъ, и тѣмъ болѣе поступкомъ. На пирахъ женщины сидѣли за столомъ вмѣстѣ съ мужьями, а дома принимали вмѣстѣ съ ними гостей. «Но вообще онѣ были домосѣдками, и не поневолѣ, какъ у Грековъ,—говорилъ Плутархъ,—но по принципу добродѣтели. Поэтому ихъ рѣдко можно было встрѣчать на народныхъ собраніяхъ».

Здѣсь также, какъ въ Грѣціи, въ Эпитафіяхъ упоминалось о домосѣдствѣ какъ о женской добродѣтели.

Римская женщина проводила большую часть времени въ большой комнатѣ своего жилища, называвшейся «атріумъ». Эта комната обыкновенно выходила окнами во дворъ, составляя центръ всего дома. Сюда собиралась вся римская семья, сюда принималъ мужъ посѣтителей (по словамъ Катона); здѣсь-же находился и жертвенникъ предковъ, устроенный чаще всего въ нишѣ. Вокругъ него размѣщалось все, что было дорого въ семьѣ: изображенія предковъ, брачное ложе, принадлежности рукодѣлія хозяйки, всѣ семейныя цѣнныя вещи, документы и деньги. Такимъ образомъ все благосостояніе дома находилось подъ охраною хозяйки, участвовавшей въ жертвоприношеніяхъ предкамъ, распоряжавшейся работами рабынь. Она-же руководила воспитаніемъ дѣтей, остававшихся,

по словамъ Тацита, на попеченіи матери до самаго юношескаго возраста.

«Въ эту эпоху,—говоритъ Колюмель,—жена соперничала съ своимъ мужемъ въ дѣятельности и усердіи по поддержкѣ дома и сбереженіи пріобрѣтенныхъ, или родовыхъ имуществъ. У нихъ старались не дробить состояній, и въ семьѣ все считалось общимъ. Не было такого предмета, который тотъ или другая могли-бы считать своею собственностью. Съ того часа, когда молодая жена въ первый разъ переступала порогъ атріума, она становилась причастницей всѣхъ правъ своего мужа». (?!)

Въ древнемъ Римѣ велся обычай, чтобъ молодая, на порогѣ въ атріумъ послѣ бракосочетанія, обращалась къ мужу съ слѣдующими словами, всегда неизмѣнными: «Вездѣ, гдѣ ты состоишь хозяиномъ, я теперь буду хозяйкою». При этомъ ей вручали ключи отъ кладовыхъ, и съ этой минуты всѣ въ домѣ, начиная съ мужа, называли ее хозяйкою. (Плутархъ).

Историки разсказываютъ, что Катонъ Старшій, преувеличивая женскую власть въ домѣ, говорилъ съ насмѣшкой друзьямъ: «Вездѣ мужья управляютъ женами, а мы, Римляне, управляющіе всѣмъ міромъ, сами управляемся нашими женами»!

Вотъ что еще говорятъ историки:

Женское вліяніе распространялось на все, и чуть-ли не на каждой страницѣ римской исторіи можно встрѣтить женское имя. Напрасно законы отказывали женщинѣ въ какомъ-бы то ни было участіи въ общественныхъ дѣлахъ,—подъ ея скрытымъ, иногда и явнымъ вліяніемъ нерѣдко рѣшались судьбы страны. Женское имя фигурировало какъ въ историческихъ лѣтописяхъ, такъ и въ каждой изъ легендъ; и если вѣрить римскимъ традиціямъ,—Римъ сдѣлался могущественнымъ настолько-же благодаря женскимъ добродѣтелямъ, насколько военнымъ подвигамъ и мудрости законовъ. (12 таблицъ, послужившихъ основою Римскаго права изъ котораго черпали многіе европейскіе законодатели).

Такъ Римъ, два раза порабощенный Тарквиніемъ и децемвирами, освобождался, благодаря вмѣшательству женскаго элемента. Такъ женскимъ вліяніемъ на Коріолана матери и супруги (Виргиніи и Люкреціи)—спаслась римская республика. Ему-же была обязана и демократія своимъ торжествомъ.

То, до чего доходили въ Греціи гетеры путемъ легкаго поведенія,—пріобрѣталось римскими женщинами путемъ цѣломудрія, супружеской вѣрности, строгимъ отношеніемъ къ материнскимъ обязанностямъ.—Надо думать, что Корнелія мать Гракховъ (Тиберія и Кая) была только однимъ изъ болѣе извѣстныхъ между тысячами неизвѣстныхъ примѣровъ. И все это дѣлали не законы, такъ сильно стѣснявшіе женщину, но доб-

рые нравы, пересилившіе суровость законовъ. (Справедливость этого докажетъ себя впереди).

Признавая, что семейныя добродѣтели не менѣе способствуютъ благоденствію страны, чѣмъ военныя, или гражданскія, римляне временъ республики окружали знаками уваженія своихъ женъ и матерей, и исторія свидѣтельствуетъ, (?) что Сенека былъ правъ, говоря: «Римскія женщины считали развратъ не простымъ порокомъ, но чудовищнымъ». (Не даромъ Сенека былъ знаменитымъ ораторомъ!)

Разсмотрѣвши положеніе римлянокъ съ обѣихъ точекъ зрѣнія, познакомимся теперь поближе съ «законными» правами женщины какъ дочери, жены, матери и вдовы, а главное—съ семейными правами надъ ними мужскаго пола.

Внѣ брачнаго союза женщина находилась во власти отца, или опекуна.

Власть отца была одинаково неограниченною, какъ относительно дочерей, такъ и относительно сыновей: всѣ члены древней римской семьи—мать, дѣти обоего пола и невѣстки составляли одного законнаго представителя въ лицѣ своего главы. Это-же относилось и къ имуществамъ: все, что поступало въ домъ, въ видѣ-ли благопріобрѣтенія членовъ, главы, или въ видѣ приданаго,—представляло семейное достояніе, находившееся въ безконтрольной власти отца.

Дѣти обоего пола были до извѣстныхъ лѣтъ равноправны: дочь могла принимать на себя законныя обязательства наравнѣ съ сыномъ; она пользовалась равной съ братомъ долей въ имуществахъ, если не была формальнымъ порядкомъ лишена наслѣдства отцемъ. Въ этомъ отношеніи римскіе законы относились къ женскому полу либеральнѣе греческихъ и всѣхъ восточныхъ.

Но какъ только семья лишалась отца,—разница въ правахъ начинала обнаруживаться. Совершеннолѣтній сынъ становился независимымъ и вступалъ во всѣ права независимости,—тогда какъ дочь, наоборотъ, поступала, независимо отъ своего возраста, подъ власть опекуна, отъ которой ужъ не освобождалась ни при какихъ обстоятельствахъ.

Постараемся вникнуть въ причины этого нескончаемаго опекунства. Откуда оно взялось? Имѣли-ли законы цѣлью защитить интересы слабаго пола, или-же здѣсь опять фигурируетъ знакомое намъ властолюбіе мужчины, выливавшееся постепенно въ законы всѣхъ странъ?

Здѣсь, какъ мы увидимъ, корень зла не лежалъ ни на той, ни на другой почвѣ. Здѣсь, не ограничивши ничѣмъ правъ мужа и отца, законъ не выразилъ намѣренія покровительствовать слабому полу. Властный-же мужчина показалъ себя въ Римѣ,—если вѣрить безусловно историкамъ,—съ похвальной стороны. Онъ, такъ сказать, опередилъ законы

своей родины; здравый смыслъ подсказалъ ему, что добрымъ отношеніемъ къ женѣ онъ вѣрнѣе устроитъ благосостояніе семьи, а съ нею и родины. Онъ понялъ, что, мало живя дома, для него самого выгоднѣе поручить свое достояніе близкому и надежному участнику своихъ матеріальныхъ интересовъ, и не злоупотреблялъ, безъ надобности, своими правами.— Очевидно, что здѣсь кроется иная причина, которую надо искать, можетъ быть, не на мѣстной почвѣ.

Въ древнемъ Римѣ, съ его патріархальнымъ строемъ, поддержаніе рода, *) хотя и было облечено въ нѣсколько иную форму,—но имѣло самое важное значеніе, какъ въ Греціи наслѣдство, какъ въ Индіи рожденіе сына. Причина этаго значенія лежала и здѣсь въ самой основѣ вѣрованій: тѣсныя семейныя связи не должны были прекращаться и послѣ смерти главы семьи; имущественныя владѣнія не переставали составлять собственности рода, отдававшаго сообща долгъ поклоненія усопшимъ предкамъ. Дочери, получая свою часть наслѣдства, поредавали-бы ее, при выходѣ замужъ, въ чужой родъ, и такимъ образомъ раззоряли-бы свой собственный. И вотъ для того, чтобъ упрочить благосостояніе, честь и славу рода, надъ имуществомъ женскаго пола назначался опекунъ изъ близкихъ родственниковъ по отцу женщины. Онъ заботился о томъ, чтобъ женскія доли имущества не были растрачены, и прикладывалъ старанія не во имя защиты слабаго, подневольнаго пола, но во имя интересовъ рода, къ которому самъ принадлежалъ.—И больше ничего не оставалось дѣлать, коль скоро религія говорила, что родъ можетъ продолжаться только черезъ сына.

Такимъ образомъ римская женщина была лишена правъ на самостоятельность не потому, что ее считали дѣйствительно неспособной, или слабой, и не потому, что того хотѣлъ мужской полъ,—но исключительно ради поддержки интересовъ цѣлаго рода, тѣсно связанныхъ съ народною религіею. И хотя нѣкоторыя прововѣды разныхъ національностей опровергаютъ Это мнѣніе, но за него стоятъ самые компетентные изъ нихъ. И дѣйствительно нельзя предположить, чтобъ римской женщинѣ было отказано въ самостоятелвности по причинѣ ея природной неправоспособности, такъ какъ незамужняя дочь, оставаясь въ своемъ родѣ, пользовалась многими правами, отнимаемыми у замужнихъ, вступившихъ въ чужой родъ. Очевидно, что законъ не допустилъ-бы такого явнаго противорѣчія самому себѣ, потому что дѣвушкины способности не могли измѣниться къ худшему отъ того, что она выходила замужъ, и что весь вопросъ заключался въ охранѣ родового имущества. Дочь, живя въ семьѣ, подъ

*) Значеніе рода вытекло само собою изъ древнѣйшей пуналуальной системы браковъ, и составляетъ, повидимому, одну изъ ея переходныхъ ступеней.

властью главнаго охранителя,—отца, не рисковала ничѣмъ, потому что не имѣла въ рукахъ опредѣленной доли состоянія; но какъ только опредѣленная доля родового имѣнія поступала къ сиротѣ, вдовѣ, или замужней дочери,—являлся охранитель въ лицѣ вѣчнаго опекуна, выбираемаго всегда изъ заинтересованныхъ въ вопросѣ родственниковъ того-же рода. (Paul Gide.)

Къ этому надо прибавить, что римскій опекунъ не походилъ правами на греческаго. Охраняя только одно родовое имущество, онъ былъ снабженъ всѣми необходимыми для этой спеціальной цѣли правами, но до личности женщины онъ не касался, и не имѣлъ на нея никакихъ правъ. Въ вопросахъ о выходѣ замужъ, о выборѣ мужа, о поведеніи опекаемой женщины, или объ образѣ ея дѣйствій—онъ не игралъ никакой роли, такъ какъ все это не имѣло связи съ имуществомъ, долженствующимъ перейти, послѣ смерти опекаемой, не къ ея собственнымъ дѣтямъ, но въ родъ ея отца, охраняемый опекуномъ.

Мужа выбирала себѣ сама дѣвушка; на опекунѣ не лежало по этому поводу ни заботъ, ни обязанностей; и если мать, или невѣста, нуждались въ совѣтѣ, или справкахъ, то опекуна могли пригласить не въ качествѣ опекуна, а только въ качествѣ близкаго и доброжелательнаго родственника.

И это еще не все. Въ самой опекѣ его вмѣшательству подлежало не все наслѣдственное состояніе женщины, но, приблизительно, только та его часть, которая у насъ называется недвижимымъ имѣніемъ. Если имущество состояло, напримѣръ, въ землѣ, то все, что было необходимо для обработки этой земли, находилось подъ опекой, потому что это составляло родовую наслѣдственность, принадлежащую, въ сущности, не лицу, но роду, который требовалось охранять. Что-же касалось денегъ, вещей, доходовъ съ арендныхъ земель, даже плодовъ и злаковъ, снимаемыхъ съ нихъ,—женщина распоряжалась всѣмъ этимъ по своему усмотрѣнію,—разумѣется, съ разрѣшенія, или согласія мужа.

Она имѣла право являться въ судебныя учрежденія, не только въ сопровожденіи своего опекуна, но и одна, въ качествѣ свидѣтельницы, или представительницы другого лица; но только въ тѣхъ случаяхъ, когда это не имѣло ни съ которой стороны связи съ ея родовымъ имуществомъ. Но при малѣйшемъ отношеніи, хоть самомъ косвенномъ, къ интересамъ рода—разрѣшеніе опекуна было необходимо. Впрочемъ, и въ дѣлахъ, связанныхъ съ интересами рода, опекунъ являлся не замѣнить женщину, какъ въ Греціи; онъ только присутствовалъ при совершеніи актовъ, держась возлѣ, или сзади опекаемой, въ качествѣ помощника: она сама произносила нужную формулу, она сама исполняла торжественные символи-

ческіе обряды, и даже сама продавала себя мужу, согласно съ обычаемъ, при бракосочетаніи. (Paul Gide).

Цицеронъ и Гай подтверждаютъ, что въ Римѣ покупка и продажа жены совершались именно такимъ образомъ.

Существовалъ однако въ Римѣ одинъ актъ, формально запрещенный женщинѣ: она не имѣла права завѣщать. И это запрещеніе было наложено опять таки въ пользу сохраненія родовыхъ имуществъ. При жизни ей разрѣшалось многое въ виду ея личныхъ съ семьею интересовъ: она могла заниматься промыслами, участвовать въ торговлѣ, пріобрѣтать, арендовать, или продавать на свои личныя средства. Для всего этого требовалось только согласіе опекуна, который, не будучи заинтересованъ въ личныхъ дѣлахъ опекаемой, охотно давалъ его всюду, гдѣ не предвидѣлось опасности для родового имущества. Но завѣщаніе могло повредить благосостоянію рода,—и оно было воспрещено закономъ. Исключеніе составляли тѣ случаи, когда родовое имущество, при осложненіи обстоятельствъ, должно было перейти въ другой родъ; тогда, при цѣли возвращенія его коренному роду, женщинѣ дозволялось сдѣлать завѣщаніе.

Въ Римѣ незаконныя дѣти мужа не могли быть приняты въ его законную семью; права усыновленія, подобнаго греческому, здѣсь, можно сказать, почти не существовало, такъ какъ для усыновленія имѣлось множество препятствій и оно было слишкомъ затруднительно.

Изъ всего сказаннаго нельзя не видѣть, что насколько греческій бракъ напоминалъ полигамію, настолько римскіе нравы приблизили у себя законный бракъ къ моногаміи.

Принципъ моногаміи здѣсь дополнялся, на практикѣ, неразрывностью брака. Хотя законъ дозволялъ мужу разводъ, но нравы, общественное мнѣніе, его не допускали, и самая религія его отвергала. Мужъ, разводящійся съ своею женою, считался нечестнымъ, отчужденнымъ отъ религіи предковъ, и могъ искупить свою вину только принесеніемъ доброй части своего состоянія въ жертву тѣмъ богамъ, которые присутствовали при его бракосочетаніи и покровительствовали ему. «Такая мѣра,—говоритъ изслѣдователь, г. Modeslin,—была дѣйствительнѣе законовъ: она дѣлала расторженіе брака до такой степени нравственно—невозможнымъ, что втеченіи почти пяти вѣковъ не было примѣра развода. Бракъ древняго Рима представлялъ собою настоящую ассоціацію нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ семьи, въ которой власть мужа не исключала независимости жены.» (?)

Необходимо однако вернуться къ точкѣ зрѣнія юристовъ, такъ какъ въ Римѣ существовали тогда двѣ главныя формы брака и нѣсколько раз-

рядовъ опекуновъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ законъ былъ здѣсь пустымъ звукомъ?

При одной изъ этихъ формъ женщина, выходя замужъ, оставаясь членомъ своей семьи, подъ властью отца, или подъ опекою родственника по мужской линіи, едва-ли не сохраняла даже свою фамилію. Получая свою наслѣдственную часть въ приданое, она не могла передать ее ни при жизни, ни послѣ смерти, своимъ собственнымъ дѣтямъ: опекунъ, при этой формѣ, отбиралъ все въ пользу своего рода.

При другой формѣ, наоборотъ, женщина теряла связь съ собственною роднею, и со дня вступленія въ бракъ не имѣла иной семьи и родства, кромѣ мужниныхъ. Эта послѣдняя форма существовала въ Римѣ съ незапамятныхъ временъ, называясь «in manum mariti». Здѣсь, по мановенію законнаго жезла, прежнее кровное родство прекращалось навсегда, вмѣстѣ съ прежними опекунами и ихъ правомъ на наслѣдство; теперь прямыми наслѣдниками являлись мужъ и его родство. Такое неестественное требованіе закона совершенно измѣняло картину семейныхъ отношеній и самочувствія женщины.

Понятно, что внезапный переворотъ съ наслѣдственнымъ имуществомъ, передаваемымъ въ приданое дочери, не находилъ сочувствія въ опекунахъ дѣвушки. Считая свою обязанность охраненія родовыхъ имуществъ священною, и зная, что безъ ихъ согласія никакой бракъ состояться не можетъ,—они всячески старались ему препятствовать. Вслѣдствіе этого была учреждена третья форма брака, при которой согласія опекуновъ не требовалось, зато и въ приданое не поступало то, что должно было принадлежать роду. (Paul Gide).

Осложненная такимъ образомъ первопричина начала распространяться, переходя въ законы другихъ странъ.

Всѣ три формы брака практиковались, не мѣшая одна другой; но если дѣвушка выходила замужъ по формѣ брака «in manus mariti» при живомъ отцѣ, слѣдовательно не владѣя еще ничѣмъ,—она подписывала формальное отреченіе отъ могущихъ встрѣтиться въ будущемъ наслѣдствъ, и такимъ путемъ всѣ интересы примирялись. (Paul Gide).

Если бракъ совершался и безъ «in manus mariti»—положеніе римской женщины представляется, не принимая въ разсчетъ восхваленныхъ нравовъ,—чѣмъ-то дѣйствительно ужаснымъ. Отецъ не терялъ надъ нею ни одного изъ своихъ неограниченныхъ правъ, располагая по прежнему ея жизнью и смертью; слѣдовательно она оставалась предоставленною полному его произволу. Съ другой стороны и мужъ являлся такимъ-же полноправнымъ хозяиномъ ея жизни и смерти, судьею надъ ея поступками и законнымъ ихъ карателемъ. Стоитъ только представить себѣ такъ

часто встрѣчающіяся недоразумѣнія, несходство въ характерахъ и взглядахъ отца и мужа, или личныя ссоры между тестемъ и зятемъ, чтобъ понять весь ужасъ положенія жены!.. Это было, кажется, еще хуже перехода во власть свекрови...

Когда отца уже не было въ живыхъ при выходѣ замужъ дочери,—опекуны пользовались правами, относящимися только къ имуществу, вслѣдствіе чего обѣ власти могли уживаться между собою; но вопросъ принималъ совсѣмъ иной оборотъ, когда надъ личностью жены стояли два полновластныхъ хозяина. Неминуемыя столкновенія между соперниками власти были-бы чрезвычайно опасны, еслибъ на помощь не являлось умиротворяющее посредничество семейнаго судилища.

Такое судилище, состоящее изъ родственниковъ той и другой стороны, было облечено властью нравственнаго характера относительно всякой женщины: каждая жена, сирота, или вдова, были подчинены этой третьей власти втеченіи всей своей жизни. Она наблюдала за ихъ общимъ поведеніемъ, ее приглашалъ мужъ, или отецъ, намѣреваясь судить, или наказать жену, или дочь. Семейное судилище было учреждено не законами, но нравами, и отецъ, или мужъ, рѣшающіеся убить, или карать провинившихся членовъ семьи помимо семейнаго судилища,—возбуждали противъ себя общественное мнѣніе и неудовольствіе народа; народъ-же римской республики, будучи одновременно и судьею, и законодателемъ, имѣлъ власть дополнить законъ, чтобъ отомстить за нарушеніе принятыхъ обычаевъ, за оскорбленіе народной нравственности. (Paul Gide).

Другіе историки повѣствуютъ нѣсколько иначе. Подтверждая, что законъ предоставлялъ дочь и жену семейной расправѣ отца и мужа, власть которыхъ была безконтрольна,—они однако находятъ, что до водворенія императорской власти жена представляла вещественную собственность мужа, коль скоро вопросъ касался ея супружеской вѣрности. Разсказываютъ даже случаи, когда пресыщенный женою мужъ, желая промѣнять ее на другую, разводился, или казнилъ невинную жену при помощи ложной, т. е. подкупленной обстановки, и тотчасъ-же вступалъ въ бракъ съ другою.

Семейному судилищу приписываютъ также нѣсколько иную подкладку. Хотя на сторонѣ мужа и были всѣ права, хотя онъ былъ воленъ убивать дочь, сына и жену собственноручно, не подвергаясь ровно никакой отвѣтственности, но въ виду встрѣчавшихся примѣровъ упорной и продолжительной мести со стороны женинаго родства за напрасно пролитую кровь родственницы, за оскорбленную честь семьи,—мужъ, изъ-за опасенія подобной мести, приглашалъ родство жены вмѣстѣ со своимъ на совѣтъ и судъ, чтобъ потомъ сложить на всѣхъ ихъ отвѣтственность за со-

вершенные надъ женою судъ и наказаніе. Но такъ какъ и при подобномъ маневрѣ со стороны мужа обстановка преступленій безгласной жены могла быть ложной,—законъ, съ теченіемъ времени началъ вмѣшиваться въ семейныя дѣла (при императорахъ) и ограничивать самоуправство мужей.

Порча нравовъ въ Римѣ совпадаетъ съ эпохою упадка республики. Но и придавая огромное смягчающее значеніе добрымъ нравамъ, можно себѣ представить, что должни была терпѣть и выносить, при малѣйшихъ неровностяхъ характера своихъ деспотовъ, несчастная женщина, хоть-бы за періодъ постепеннаго паденія нравовъ! Какіе слѣды должны были оставаться на всей ея нравственной физіономіи—можетъ понять каждый читатель.

Римляне любили развлекаться разными играми и гимнастикой, и во всемъ этомъ принимали участіе люди всѣхъ возрастовъ, со стариками включительно. Обыкновенно игры начинались передъ обѣденнымъ часомъ, для возбужденія аппетита. Съ этой-же цѣлью за часъ до обѣда ходили въ баню, или предпринимали дальнія прогулки. Обѣдали за низкими столами, окруженными низкими-же диванами, на которыхъ каждое мѣсто отдѣлялось отъ сосѣдняго узенькими подушками. Для почетныхъ гостей имѣлись въ запасѣ почетныя мѣста безъ сосѣда, по крайней мѣрѣ съ одной стороны. Такъ какъ ни ножей, ни вилокъ не полагалось, и кушанья подавали мелко изрѣзанными, то салфетка считалась необходимою принадлежностью туалета, и каждый гость приносилъ ее съ собою, какъ у насъ носовой платокъ.

За обѣдомъ разговорами не довольствовались, но любили играть въ кости (зернь alea), либо простымъ отгадываніемъ числа выброшенныхъ очковъ, либо подвиганіемъ костей на шахматной доскѣ по числу очковъ. Одною рукою ѣли, другою-же облокачивались на подушку; поэтому положеніе римлянъ за столомъ можно вѣрнѣе назвать лежачимъ, чѣмъ сидячимъ.—На большіе обѣды въ праздники приглашали музыкантовъ, или актеровъ, чтецовъ и фокусниковъ.

Римляне жили вообще болѣе общественною жизнью, чѣмъ семейною; они проводили время либо на войнѣ, либо въ общественныхъ зданіяхъ, на мѣстѣ своей службы, и дома были гостями. Первою амбиціею юноши было зачислиться въ ряды воиновъ, стремиться къ побѣдамъ и къ наградамъ за нихъ.

Рабы отличались отъ свободныхъ длинными волосами и бородами, которыхъ они не имѣли права брить. Бракъ имъ не дозволялся, они могли пользоваться, и то при благопріятныхъ обстоятельствахъ, только сожи-

тельствомъ. Равнымъ образомъ не могли вступать въ бракъ ни патрицій съ плебейкой, ни плебей съ патриціанкой.

Употребленіе хлѣба появилось у Римлянъ только послѣ покоренія Греціи; до тѣхъ-же поръ они ѣли вмѣсто хлѣба совсѣмъ густую кашу. Столъ ихъ отличался простотою; преобладающею пищею была растительная, плоды, молоко, яица, сыръ. Только Лукуллъ и Суллъ начали обучать поваровъ.

Во время траура мужчины отпускали волосы и бороду, а женщины заплетали косы.

Какъ только человѣкъ умиралъ, тѣло его выносили на парадномъ одрѣ въ атріумъ, гдѣ ставили у алтаря Пенатовъ. Покойнику клали въ ротъ монету, нѣсколько видимую снаружи, для уплаты Харону за перевозъ. (Римляне вѣрили, что послѣ смерти человѣческая душа переходитъ въ подземный міръ; но здѣсь находится рѣка Стиксъ, черезъ которую необходимо быть перевезенной. При ней живетъ Харонъ, сынъ Хаоса и Ночи, занимающійся перевозомъ душъ. Душа, не имѣвшая чѣмъ уплатить за перевозъ, тоскливо блуждала безъ пристанища, пока Харонъ надъ нею не сжалится.) Хоронили черезъ семь дней, и за это время передъ домомъ, въ знакъ траура, стояли высокія пальмы, или однѣ длинныя вѣтви ея. Тѣло несли родственники; передъ нимъ шли музыканты и плакальщицы, оглашая воздухъ жалобнымъ пѣніемъ. Если хоронили патриція, то впереди всѣхъ шли живые бюсты предковъ: подходящіе по росту и общему складу люди, одѣтые, каждый, въ подлинный костюмъ предка, имѣя на лицѣ его маску, снятую при жизни,—предшествовали процессіи, и это придавало похоронамъ торжественность, внушающую нѣкоторый страхъ.

На форумѣ, (площадь, на которой всегда собирался народный совѣтъ и производился судъ)—передъ ораторскою каѳедрою, похоронная процессія останавливалась: здѣсь выслушивали надгробныя рѣчи.—Въ прежнія времена велся обычай хоронить близкихъ людей при домѣ; но съ тѣхъ поръ какъ это было воспрещено, для похоронъ могли выбирать любое мѣсто за городомъ, потому что общественныя кладбища имѣлись только для рабовъ и преступниковъ.

Мѣсто, выбранное для сожженія (обыкновенно близь дороги), обставляли погребальными деревьями, посреди которыхъ возвышался костеръ изъ легко воспламеняющагося матеріала. На него клали покойника, украшеннаго цвѣтами, вѣтвями, вѣнками, даже прядями волосъ отъ близкихъ. Всѣ плакали, прощались, и одинъ изъ родственниковъ поджигалъ костеръ. Когда все сгорало, провожавшіе, взывая все время къ тѣнямъ, умывали

руки, собирали кости въ свои траурныя тоги и складывали, смѣшивая съ благовоніями, въ приготовленныя урны. Ихъ убирали гирляндами, потомъ сохраняли въ усыпальницахъ.

Развитіе добродѣтелей во времена республики значительно слабѣло съ ея паденіемъ; вмѣстѣ съ этимъ исчезала и простота жизни, и строгость нравственная, и въ особенности святость брачныхъ узъ. Римляне начали увлекаться грубѣйшимъ матеріализмомъ. Женщины перестали заниматься хозяйствомъ, предпочитая развлеченія и наряды. Неслыханные за нѣсколько вѣковъ разводы стали самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Моды вошли въ свои новыя права, и хотя національные костюмы еще не измѣняли своего основного покроя, но моды стали проявлять свою власть въ цвѣтѣ, въ матеріяхъ, въ отдѣлкахъ и украшеніяхъ.

Домашняя расправа отцевъ и мужей кончилась. При императорѣ Августѣ мужъ потерялъ полновластіе сперва надъ личностью жены, а затѣмъ и надъ ея имуществомъ. Съ этихъ поръ онъ является только отвѣтственнымъ покровителемъ имѣній жены, но безъ ея согласія распологать имъ не можетъ.

Какъ мужъ, такъ и отецъ должны были постепенно уступать отъ своей власти соціальнымъ началамъ государственныхъ законовъ, которые, вмѣстѣ съ правомъ кары вносили и защиту отъ прежняго произвола. Первымъ предлогомъ къ такой перемѣнѣ явилось положеніе сироты, опеку надъ которою стало назначать правительство, сперва выбирая опекуновъ между родственниками, а затѣмъ, предоставляя этотъ выборъ своему усмотрѣнію, при полномъ контролѣ его дѣйствій. Вопросъ объ опекѣ женщинъ всѣхъ возрастовъ перешелъ также въ вѣденіе государства. Родовые интересы опекуновъ отодвинулись закономъ на второй планъ, на первый-же выступили интересы самихъ опекаемыхъ. Въ періодъ царствованій Августа, Клавдія, Ѳеодосія и Марка Аврелія—женщина мать, понемногу освобождалась отъ строгости опеки надъ своими денежными дѣйствіями, и даже пріобрѣла право завѣщать свое имѣніе кому желала. Исторія правъ указываетъ на установленіе права дочерей надъ своимъ приданымъ какъ на твердую почву, обезпечивающую прочность всего начальнаго зданія этой женской эмансипаціи.

Такъ какъ при подчиненности своего положенія жена легко могла быть вынужденной мужемъ передать ему свое состояніе,—римскій законъ воспретилъ дарственныя записи этаго рода, и приданое, которое отецъ обязывался давать дочерямъ, начало составлять ихъ «неотъемлемую соб-

ственность, въ какихъ бы условіяхъ ни нашлась дочь, однажды получившая на него право».

Императоры, во имя государственной пользы, переведя на себя право наказывать виновныхъ членовъ семьи, подчинили и самого отца одинаковой съ дѣтьми участи. Если онъ лишалъ сына наслѣдства,—государство не придавало значенія его завѣщанію; если онъ убивалъ непокорную жену, дочь, или сына,—онъ самъ подвергался ссылкѣ; если онъ худо обращался съ рабами,—его вынуждали либо продать ихъ, либо отпустить на волю. Со всѣхъ сторонъ его деспотизмъ былъ ограниченъ, и въ то-же время увеличены права членовъ семьи и вольноотпущенныхъ рабовъ.

Среди этихъ нововведеній и женщина начинала пріобрѣтать хоть относительную независимость: она была освобождена и отъ опеки, и отъ «in manum mariti». По мѣрѣ того, какъ охрана матеріальнаго поддержанія рода ослабѣвала, женщина, стѣсненная опекою въ своихъ денежныхъ дѣлахъ, должна была наконецъ вздохнуть свободнѣе.—Но куда могла она примѣнить даже ту маленькую часть свободы, предоставлявшейся ей закономъ? Имѣла-ли она о ней вѣрное понятіе?..

Нѣкоторые историки склонны приписывать вмѣшательство гражданскихъ законовъ въ семейныя дѣла намѣренію римскихъ императоровъ захватить всю власть въ свои руки; они думаютъ, что принципъ властолюбія игралъ значительную роль въ вопросѣ о быстромъ упадкѣ прежнихъ римскихъ нравовъ. Но такъ-ли это въ данномъ случаѣ?..

Самый принципъ рабства въ семьѣ, способствуя болѣе всего нравственной порчѣ человѣка обоихъ половъ, безмолвно готовилъ общество къ паденію. Власть и рабство изображали собою какъ-бы два губительные подземные газа, которые силою вещей долго держались неподвижно подъ толстымъ пластомъ земли. Но при первомъ сотрясеніи, при первомъ соприкосновеніи съ струею свѣжаго воздуха—они должны были произвести изверженіе,—и произвели его согласно законамъ природы.

Правительство, впустивши струю свѣжаго воздуха, при первыхъ-же признакахъ изверженія начало принимать всяческія мѣры для уменьшенія бѣдъ: съ цѣлью поднятія нравственности издавались законъ за закономъ. Но что могли подѣлать десятки законовъ, когда вся почва пропиталась зловредными газами, когда порочность души прорвалась наружу и мчалась къ пропасти какъ конь, закусившій удила?.. Однимъ закономъ невѣрная жена выселялась изъ страны; другимъ—у нея отнималась большая часть приданаго въ пользу оскорбленнаго супруга; а онъ сейчасъ-же стремился воспользоваться обстоятельствами измѣнницы для своей наживы прибавляя кое что и отъ себя для скорѣйшаго пріобрѣтенія денегъ. За-

хвативши, напримѣръ, любовника своей жены, онъ совершалъ надъ нимъ разпаго рода пытки до тѣхъ поръ, пока тотъ необязывался внести огромнаго выкупа, и затѣмъ ужъ не препятствовалъ новымъ измѣнамъ жены, стараясь только почаще накрывать и брать новые выкупы съ обѣихъ сторонъ.—Бывали законы, каравшіе одного любовника, другіе—одну жену; но какъ-бы жестоки ни были кары,—онѣ внушали только страхъ, заставляли дѣйствовать осторожнѣе, хитрѣе, но числа фактовъ разврата не уменьшали. (Paul Gide). Другіе историки говорятъ такъ: Старый строй римской республики, при всей чистотѣ ея нравовъ, годился только для маленькой страны; но по мѣрѣ расширенія ея границъ, чужеземныя вліянія, и преимущественно греческое, хлынули сюда широкой струею. «Однимъ словомъ при императорѣ Августѣ отъ стараго строя осталось уже такъ мало, что мы застаемъ теперь въ Имперіи римской полный упадокъ нравственности, неслыханный до тѣхъ поръ развратъ.

Плиній, [1]) Тацитъ, [2]) Квинтиліанъ, [3]) Ювеналъ, [4]) Сенека, [5]) изобилуютъ свѣдѣніями о страшной безнравственности въ римской имперіи этаго времени. Низкій ея уровень подтверждается также возможностью успѣховъ въ высшемъ обществѣ такихъ эротическихъ поэтовъ какъ Овидій, или Петроній.

Изъ описаній Плутарха видно, до какой низости доходила безнравственность среди аристократіи при императорѣ Траянѣ. Владѣя рабами, они держали ихъ строго отдѣленными одинъ полъ отъ другого съ тою цѣлью, чтобъ изъ естественной потребности къ сближенію устроить себѣ доходную статью: за разовое сближеніе аристократы не гнушались назначать и брать извѣстную плату.

Если нѣсколько сотъ сильныхъ и мужественныхъ рабовъ одного владѣльца не находили средствъ избавиться отъ жестокаго, безчеловѣчнаго, но полноправнаго по законамъ хозяина,—какимъ-же способомъ, кромѣ хитрости, лжи и лицемѣрія, могли женщины набрать терпѣнія и силы, чтобъ при помощи разнообразнѣйшихъ способовъ отвлеченія самочувствія (обратившихся впослѣдствіи въ привычки), переносить попраніе въ себѣ человѣка?

Римскій отецъ, или мужъ, облеченные сверхъестественною властью надъ такими-же живыми душами, какими обладали сами,— могли вести

---

[1]) Ученый царствованія Веспасіана (старшій).
[2]) Историкъ при Титѣ и Домиціанѣ.
[3]) Судья и ораторъ царств. Нерона.
[4]) Сатирикъ 1-го вѣка по Р. Х.
[5]) Луцій, ораторъ, учитель Нерона.

свою семью только отъ одного душевнаго разврата къ другому, если подвластныя имъ души были одарены умственными способностями. Позволительно думать, что эти рабовладѣльцы не злоупотребляли своими правами только тогда, когда властолюбіе ихъ было со всѣхъ сторонъ ублаготворено, когда они могли доставлять себѣ даже нѣкотораго рода наслажденіе при гордомъ сознаніи своего мнимаго великодушія (какъ Наполеонъ у Москвы). Но при каждомъ поползновеніи къ непокорности жены, или дочери, при каждомъ ихъ проступкѣ—мы видѣли, на что они были способны. Девизомъ Римлянъ, какъ и всѣхъ древнихъ народовъ, была—месть, а не прощеніе.

Насколько совершенствованіе физической породы (предназначенное Высшею Мудростью всей лѣстницѣ животнаго міра), возникаетъ путемъ приспособленій,—настолько-же такія приспособленія производятъ обратное дѣйствіе въ области міра нравственнаго. Здѣсь человѣкъ достигаетъ совершенствованій не приспособленіями къ окружающимъ условіямъ, но стремленіемъ улучшать эти условія при помощи самаго драгоцѣннаго изъ своихъ даровъ—мысли. Этотъ-же даръ, получившій способность вырабатываться до почти невѣроятныхъ величинъ при условіи личной свободы и желанія,—получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обратную способность: впадать въ летаргію, доходить до полнаго притупленія отъ недостатка упражненій. При обязательности приспособленія, даръ этотъ можетъ развиваться односторонне, можетъ быть одновременно силенъ въ одномъ направленіи и совсѣмъ слабъ въ другомъ; но что всего хуже,—онъ можетъ быть доведенъ до извращенія, до гнилости въ общихъ понятіяхъ о жизни, о добрѣ и злѣ.

Чего-же можно было ожидать отъ жены и дочери при подобныхъ условіяхъ? Какого рода чувства могла давать жена своему мужу, дочь своему отцу, даже мать своимъ дѣтямъ, когда надъ женщиной вѣчно висѣлъ Дамокловъ мечъ?

Вскормленныя молокомъ рабынь, воспитанныя въ рабскихъ правилахъ, поставленныя на правахъ рабынь даже относительно родного отца,—откуда онѣ могли почерпнуть честную нравственность? Понятно, что при такихъ условіяхъ надъ всѣми ихъ чувствами господствовалъ страхъ, который отнюдь не способствовалъ развитію искреннихъ, безкорыстныхъ привязанностей. Этотъ страхъ не давалъ мѣста прямотѣ и чистотѣ души, онъ-же нарушалъ благородную связь сердца какъ между мужемъ и женою, такъ и между отцемъ и дочерью. Иначе это и быть не могло. Послѣдствія показываютъ, что добродѣтель римскихъ женщинъ проистекала не отъ осмысленнаго выбора между добромъ и зломъ, но создалась страхомъ, а потому не могла быть ни глубокой, ни прочной, ни искренней.

И понынѣ рабъ, пока онъ рабъ, всячески увѣряетъ хозяина, что преданность его не подлежитъ сомнѣнію; а какъ только зависимость прекращается, онъ запоетъ совсѣмъ въ другомъ тонѣ.

«*Нравственность, добродѣтель и сознаніе долга*—говоритъ Кантъ—*могутъ существовать только при условіи свободы воли*». Римъ доказалъ какъ нельзя блистательнѣе эту великую истину: многовѣковая женская добродѣтель изъ-подъ палки рушилась сама собою при первомъ искусѣ именно потому, что не имѣла собственныхъ корней, а только *приспособлялась по внушенію инстинкта самосохраненія*. Какъ дочь насилія, она не могла жить безъ поддержки отца, и должна была умереть вмѣстѣ съ нимъ. Такъ оно и случилось.

Римская женщина, незнакомая съ свободой мысли и поступковъ, не привыкшая къ самоуправленію, потеряла голову при первой возможности проявить наконецъ свое стихійное, невыработанное «я» и понеслась по окружавшимъ ее волнамъ, какъ кораблъ безъ руля.

О чувствѣ собственнаго достоинства она яснаго понятія не имѣла, какъ и о наслажденіяхъ духовнаго характера, а потому съумѣла только сразу сбросить съ себя надоѣвшіе ей до смерти вопросы хозяйственныхъ экономій, и ринуться всѣмъ существомъ въ жизненный омутъ. И что-же она тамъ встрѣтила?

Вмѣстѣ съ упадкомъ нравственности въ римскомъ обществѣ стала быстро развиваться страсть къ роскоши, къ безпорядочному образу жизни, къ разнузданности всякаго рода. Понятно, что женщина тутъ и застряла.

Въ эту эпоху Римляне не жалѣли самыхъ крупныхъ состояній, мѣняя ихъ на украшенія, на утонченный комфортъ и блескъ,—а затѣмъ прибѣгали къ легкой наживѣ всѣми путями. Женщина и тутъ показала себя.

Сами императоры подавали примѣръ роскоши. Для супруги Нерона, напримѣръ, ежедневно готовили молочную ванну, для которой доили 500 ослицъ. Мужчины унизывали себѣ пальцы кольцами, дамы проводили дни за перемѣною причесокъ и нарядовъ, дѣлая себя, во имя разнообразія, то рыжими, то черными. Въ Помпеѣ даже въ жилищѣ весталокъ находили браслеты, серьги, зеркала и т. п.

Матеріальныя блага составляли идеалъ жизни, къ которому стремились всѣ, не разбирая средствъ.

Правительство придумывало всякія средства для приманки къ браку: давало привиллегіи, покровительствовало увеличенію приданаго. Никогда женщина не имѣла въ своихъ рукахъ такихъ крупныхъ суммъ въ качествѣ приданаго, какъ въ эту эпоху. (Paul Gide).

Но общество, въ его вліятельныхъ представителяхъ, какъ и въ народѣ, не замедлило приписать упадокъ нравственности женщинѣ, увеличенію ея правъ, свободѣ ея поступковъ, ея вѣчной страсти къ нарядамъ и блеску, а главное—ея вліянію на мужской полъ Тогда законъ, надѣлившій прежнихъ добродѣтельныхъ женщинъ правами, вновь принялся ихъ обуздывать, издавая такія постановленія, при которыхъ женщина никогда не могла-бы быть въ одно и то-же время и богатой, и независимой. (Paul Gide, Rome).

Правительство нашло лучшимъ для этаго средствомъ признать неправоспособность женскаго пола вообще, и всюду, гдѣ онъ могъ-бы проявить самостоятельность дѣйствій,—этотъ «sexus fragilitas, imprudentia и imbecilitas» былъ лишенъ голоса, довѣрія и непосредственности. (Paul Gide).

Такимъ образомъ женская неправоспособность, созданная въ Римѣ силою мѣстной необходимости, во имя поднятія нравственности, явилась козломъ искупленія за общіе грѣхи, за человѣческое недомысліе.

Искусственность подобнаго признанія была особенно замѣтна въ первое время, когда эта неправоспособность мѣняла направленія, и то, къ чему женщина была правоспособной еще вчера,—запрещалось ей на завтра по причинѣ неправоспособности. То-же происходило вначалѣ и въ обратномъ смыслѣ: теряя правоспособность въ одномъ случаѣ, она неожиданно пріобрѣтала ее въ другомъ. (Rome, Paul Gide).

Нельзя опредѣлить съ достовѣрностью, чье именно вліяніе преобладало въ починѣ вопроса о признаніи женской неправоспособности: правительственное, или общественное, т. е. въ сущности мужское. Но нельзя также не предполагать, что какъ въ наше время мужчина, обойденный чиномъ, званіемъ, или какою другою привиллегіею, считаетъ себя обиженнымъ, такъ оно было и въ тѣ времена: отнятіе у него многихъ правъ на особу женщины не могло не возмутить его сердца, и это въ порядкѣ вещей. Привыкнувши къ своимъ прирожденнымъ правамъ надъ женщиной, къ своей законной власти надъ всѣмъ ея существомъ, наконецъ къ сознанію своего передъ нею умственнаго превосходства, какъ это въ дѣйствительности и было,—могъ-ли онъ оставаться равнодушнымъ свидѣтелемъ тѣхъ уколовъ его самолюбію, которые преподносило ему правительство, начавшее защищать женщину отъ произвола? Могъ-ли онъ спокойно переваривать фактъ развивавшагося въ женщинѣ разврата, который издревле считался привиллегіей исключительно мужского пола?

Если вѣрить мнѣніямъ тѣхъ историковъ, которые видятъ причину упадка нравственности въ Римѣ въ водвореніи императорской власти, какъ разъ совпадавшей съ этимъ временемъ,—приходится, довѣряясь имъ, приписать порчу нравовъ принципу властолюбія въ лицѣ римскихъ импе-

раторовъ, вмѣшавшихся въ семейныя дѣла вопреки обычаямъ страны; если-же не придерживаться взглядовъ этихъ историковъ,—мы опять-таки встрѣтимся лицемъ къ лицу съ властолюбіемъ, но уже со стороны мужского пола, не желавшаго мириться съ увеличеніемъ женскихъ правъ. Во всякомъ случаѣ, называлось-ли властолюбіе Степаномъ или Иваномъ,—для женщины было безразлично, но она оказывалась виноватой, и при первыхъ-же краснорѣчивыхъ примѣрахъ вольности ея поведенія, народъ началъ волноваться и громко заявлять, что виновница всѣхъ общественныхъ безпорядковъ есть женщина, и что пока не надѣнутъ узды на ея свободу, нельзя ожидать поправленія обстоятельствъ. Мужской полъ не принималъ во вниманіе даже того нагляднаго факта, что развратъ производится не женщинами между собою, но непремѣнно въ сообщности съ мужчинами, и что еслибъ умный полъ не раздѣлялъ разврата, то и глупый нашелся-бы вынужденнымъ его прекратить.

Правительство, съ своей стороны, смотрѣло на вопросъ съ другой точки зрѣнія. Оно нуждалось въ воинствѣ и видѣло, что какъ-бы развратенъ ни былъ мужчина,—онъ въ состояніи принять хоть внѣшній видъ нравственной дисциплины, когда того требуютъ его личные интересы по службѣ; тогда какъ женщина той эпохи еще не успѣла освоиться съ этого рода лицемѣріемъ, и ее, какъ незнакомую съ интересами, сопряженными со службою, подкупить было труднѣе. Вслѣдствіе этого правительство нашлось вынужденнымъ принять серьезныя мѣры для воздержанія женщины отъ распущенности.

Историки говорятъ, что дѣйствительно женщины того времени, какъ-бы закусивши удила, стремились, не разбирая дороги, дать широкій просторъ всѣмъ своимъ неразумнымъ хотѣньямъ. Онѣ съ первыхъ-же свободныхъ шаговъ надѣлали тысячи глупостей: не довольствуясь свободною тратою денегъ, свободными выходами изъ дома и свободною любовью, онѣ принимали дѣятельное участіе въ разныхъ заговорахъ политическаго характера, недоступныхъ ихъ разумѣнію, онѣ проявляли себя всюду, участвовали въ народныхъ волненіяхъ, пренебрегали своими личными обязанностями, презирали приличія и дѣлали бездну промаховъ, доказывавшихъ полную распущенность.

Кто сколько-нибудь знакомъ съ исторіею реформъ, тому извѣстна настоятельная необходимость вводить ихъ съ большею постепенностью, безъ которой броженіе умовъ принимаетъ слишкомъ нежелательные размѣры: человѣкъ, въ своемъ большинствѣ, слишкомъ слабъ, слишкомъ легкомысленно относится къ важнѣйшимъ для него вопросамъ, наконецъ слишкомъ податливъ силѣ привычекъ для того, чтобы сразу уразумѣть общность пользы, не комбинируя ее съ своими мелочными интересами, или удоволь-

ствіями. Что дѣлали въ эту эпоху римскія женщины, то дѣлали при подобныхъ условіяхъ мужчины всѣхъ странъ, наводя терроръ на все окружающее населеніе.

Римляне, находясь подъ вліяніемъ греческой цивилизаціи, признали тогда, что Эллины поступали съ женщинами своей родины логичнѣе, что они вѣрнѣе разсчитали выгоды своего пола, когда оградили женщину отъ всякаго соблазна: придумывая разнообразныя развлеченія для себя,—они прикрѣпили женщину къ гинекею; относясь съ презрѣніемъ къ семейнымъ добродѣтелямъ,—они лишили женщину возможности ознакомиться съ своей философіей посредствомъ книгъ, и предпочли совсѣмъ не обучать ее грамотѣ; наконецъ, не желая стѣснять необузданность своего пола, они нашли средство законнымъ образомъ упрятывать свою собственность отъ его нескромныхъ поползновеній. У Римлянъ такого поворота уже не было, а потому рѣшили поддержать женщину въ зависимости другими средствами, изъ которыхъ лучшимъ оказалось законное признаніе женской неправоспособности. (Le droit privé de la femme).

Такимъ образомъ разсмотрѣніе древнихъ воззрѣній, легендъ, обычаевъ и законовъ относительно женщины привело насъ къ знаменитому «Римскому Праву» положившему начало общеевропейскимъ правамъ, послужившему краеугольнымъ камнемъ для законовъ многихъ странъ. Вынужденное мѣстными условіями, оно сдѣлалось источникомъ, изъ котораго черпали отовсюду, продолжая ограничивать женскія права. Такими путями въ концѣ древней исторіи прочно установилось несовершеннолѣтіе женщины до сѣдыхъ волосъ, до самой смерти.

Оно перешло, какъ освященное временемъ, въ среднюю исторію, а затѣмъ вступило, съ небольшими измѣненіями, въ новую и только въ новѣйшей начало подвергаться могущественному вліянію положительныхъ знаній и мышленія, которыя дружными силами взялись поднять міровоззрѣніе человѣка второй половины XIX-го столѣтія на высшую ступень.

Только въ настоящее время одаренная голова человѣка становится способной, а главное—расположенною мыслить не по наслѣдственному шаблону предковъ, но самостоятельно добиваясь до началъ вѣчныхъ законовъ и до своего истиннаго долга на землѣ.

Да, можно призадуматься надъ тою громадою непоправимыхъ несчастій, надъ тѣмъ неисчислимымъ количествомъ испорченныхъ, погубленныхъ жизней, принесенныхъ въ жертву роковому недомыслію, отчасти и самомнѣнію мужчины, этого дѣятеля прошлаго! Послѣднее столѣтіе особенно богато доказательствами этого недомыслія въ прошломъ. Мы ужъ

давно читаемъ, или слышимъ съ нѣкоторыхъ профессорскихъ каѳедръ о необходимости поднять умственный уровень женскаго пола, о стремленіи самой женщины къ широкому образованію и объ успѣшномъ ходѣ этого дѣла. Вѣроятно многимъ особенно врѣзалась въ память прекрасная заключительная рѣчь профессора Сикорскаго на одномъ изъ съѣздовъ русскихъ психіатровъ, гдѣ онъ, между прочимъ, высказалъ, что *«одною изъ мѣръ противъ умственнаго и нравственнаго вырожденія должна быть охрана надъ личностью женщины, этого природнаго ментора дѣтей обоего пола и мужчинъ всѣхъ возрастовъ»*.

Здѣсь будетъ кстати помѣстить образецъ древней римской роскоши, описанный въ сатирѣ Петроніемъ, любимцемъ Нерона.

Трималхіонъ, разбогатѣвшій мѣщанинъ, устроилъ пиръ, и у Петронія пиръ этотъ описываетъ одинъ изъ приглашенныхъ:

«Мы пришли въ столовую и возлегли. Хозяина еще не было, но для него было приготовлено почетное мѣсто. Явились невольники и подали намъ холодной снѣжной воды для омовенія рукъ. Вслѣдъ за этимъ другіе невольники вошли съ пѣснями и принялись мыть намъ ноги, вычистивъ съ большою осторожностью и ногти на нихъ. Какъ только покончили съ омовеніемъ, принесли роскошную закуску: на подносѣ стоялъ бронзовый оселъ, черезъ спину котораго были перекинуты два мѣшка съ черными маслинами по одну сторону, и съ бѣлыми по другую; на самой-же спинѣ осла красовались два серебряныхъ блюда съ сонями въ меду съ макомъ. По краямъ блюдьевъ были надписи: имя хозяина и вѣсъ серебра. Подъ осломъ дымилась серебряная сковорода съ жареною колбасою. Мы съ аппетитомъ поѣдали эти сладости, а въ это самое время внесли съ музыкою хозяина, кругомъ обложеннаго подушечками. Мы не воздержались отъ смѣха, глядя на него.

За нимъ внесли громадный подносъ, на которомъ сидѣла въ корзинѣ большая деревянная насѣдка съ распростертыми крыльями. Къ ней сію-же минуту подбѣжали два невольника; они съ пѣснями доставали изъ-подъ крыльевъ павлиныя яйца и подносили ихъ гостямъ: въ скорлупѣ оказались вкусныя птички. Когда достаточно поѣли, раздался сигналъ, заиграла музыка, и закуски были унесены съ пѣніемъ. Покуда ихъ уносили, кто-то обронилъ серебряное блюдо, и невольникъ кинулся было его поднять, но хозяинъ разсердился, далъ ему пощечину, велѣлъ бросить блюдо на полъ и вымести его съ соромъ. Приказаніе его было исполнено тутъ-же.

Принесли вино въ амфорахъ, на которыхъ было написано: «Столѣтнее фалернское». Гости пили, а на столъ въ это время поставили серебряное изваяніе человѣческаго скелета.

Внесли новую перемѣну, и весьма странную: вокругъ круглаго стола лежали 12 знаковъ зодіака, а передъ каждымъ изъ нихъ такое кушанье, какое соотвѣтствовало своему знаку. Передъ тельцомъ—жареная телятина, передъ ракомъ—раки, передъ рыбою—рыба, передъ львомъ—смоква и т. п. А посрединѣ стола, на зеленой травѣ,—сотовый медъ. Египетскіе мальчики, горланя пѣсни, разносили хлѣбъ.

Хозяинъ пригласилъ насъ кушать; но не успѣли мы дотронуться до кушанья, какъ вдругъ подбѣжали съ музыкою четыре танцующихъ невольника и быстро сняли, какъ крышку, верхній этажъ кушаньевъ, подъ которымъ оказался еще нижній, съ дичью, свинымъ выменемъ и зайцемъ, убраннымъ перьями. По краямъ стола мы увидѣли четырехъ Марсіасовъ [1]); изъ ихъ желудковъ сочилась, приправленная перцемъ, икра, на рыбы, плававшія въ Эврипѣ [2]).

Раздались неудержимые апплодисменты гостей. Въ то-же время послышался страшный гамъ, притомъ совсѣмъ близко отъ насъ, и сію-же минуту вбѣжали четыре спартанскія собаки, слѣдуя за длиннымъ столомъ съ лежащимъ на немъ вепремъ. На клыкахъ его висѣли двѣ плетенныя изъ пальмы корзины съ прекрасными финиками и ѳивскими орѣхами. Къ вепрю прильнули какъ-бы сосущіе его поросятки изъ тѣста. Ихъ роздали всѣмъ, кто желалъ, чтобъ унесли домой гостинецъ съ пира. Хозяинъ предложилъ отвѣдать вепря, и сейчасъ-же явился его разрѣзать бородатый охотникъ съ большимъ охотничьимъ ножемъ. Но едва успѣлъ онъ приняться за это дѣло, какъ изъ вепря вылетѣли дрозды, которыхъ подготовленные птицеловы тутъ-же переловили сѣтками.

Новая перемѣна. Вдругъ затрещалъ потолокъ, да такъ сильно, что весь триклиній (столовая) затрясся. Я съ испуга вскочилъ на ноги вмѣстѣ съ другими гостями, не зная чего ожидать, когда съ потолка началъ спускаться огромный обручъ, увѣшанный золотыми вѣнками и баночками мазей. Пока намъ предлагали разбирать эти подарки,—мы увидѣли на столѣ выставку пироговъ, съ пряничнымъ Пріапомъ [3]) посерединѣ; пазуха его была полна плодовъ и винограда.

---

[1]) Сыновья Олимпа.

[2]) Греческій проливъ.

[3]) Богъ урожая, въ честь котораго Римляне устраивали пиры скабрезнаго свойства.

Хозяинъ велѣлъ подавать дессертъ, и невольники, принявши одни столы, принесли другіе. Они усыпали полъ разноцвѣтными опилками съ кристальною пылью.

Въ это время вошли два невольника съ глиняными кувшинами; они поссорились между собою и палками ударяли одинъ у другого кувшины. Хозяинъ какъ будто желалъ ихъ примирить, но они его не слушались. Мы были удивлены, и подумали, что они пьяны, какъ вдругъ изъ разбитыхъ наконецъ палками кувшиновъ посыпались устрицы и раковины, которыми, собравши ихъ сейчасъ-же на блюдья, невольники угощали гостей.

Что было дальше,—стыдно разсказывать!.. Неслышными шагами подошли къ намъ длинноволосые мальчики; они принесли въ серебряныхъ тазахъ мази, и помазали ею ноги возлежавшихъ, обвивши ихъ гирляндами. Этой самой мази мальчики подлили въ винные сосуды и въ лампы...

Отдѣльный человѣкъ можетъ получать воспитаніе семейное, школьное, уличное и общественное: преобладающее изъ этихъ вліяній оставляетъ характерный отпечатокъ на послѣдующей его дѣятельности, и нерѣдко встрѣчаются люди, остающіеся, напримѣръ, школьниками до пожилыхъ лѣтъ.

Народъ получаетъ воспитаніе историческое, т. е. сообразное съ ходомъ его исторіи: рядъ побѣдъ дѣлаютъ его гордымъ, властолюбивымъ; рядъ невзгодъ отрезвляютъ его разумъ и т. п. Ярче обрисованные примѣры историческаго воспитанія мы имѣемъ въ татарахъ и евреяхъ. Что осталось отъ свирѣпаго, кровожаднаго татарина прошлаго въ смирномъ, миролюбивомъ татаринѣ настоящаго?

Узнаваемъ-ли типъ грубаго, жестокаго еврея прошлаго въ трусливомъ, искательномъ евреѣ настоящаго?

Педагогъ.

Халдеи.

Антропологія указываетъ, какъ извѣстно, на земномъ шарѣ пять человѣческихъ породъ, отчетливо отличающихся другъ отъ друга по цвѣту кожи, по лицевому углу, по формѣ головы, носа, глаза и т. п. и представляющихъ главные типы людей: 1) бѣлый, или индо-европейскій; 2) желтокожій, или азіатскій; 3, краснокожій, или американскій, съ темною кожею и 5, африканскій, съ черною кожею [1]). Каждый народъ, каждое племя изъ обитателей земли принадлежитъ къ одному изъ этихъ главныхъ типовъ, имѣющихъ еще подраздѣленія для болѣе точнаго опредѣленія. Такъ въ бѣлой породѣ людей имѣются 4 разновидности: семитическая, индо-персидская, скиѳская и чисто европейская. У желтокожей породы есть 3 подраздѣленія: монгольское, гиперборейское и чисто китайское.

Чѣмъ дальше подвигались науки и изслѣдованія, тѣмъ шире открывались для нихъ новые горизонты; а когда къ одной наукѣ приходила на

[1]) По системѣ *Блюменберга* расы раздѣляются на кавказскую, монгольскую, эѳіопскую, малайскую и американскую. *Ласанедъ* прибавляетъ къ нимъ гиперборейскую—Вирей раздѣляетъ все человѣчество на два вида: бѣлый и черный, содержащіе въ себѣ каждый по 6 расъ. Имѣются, кромѣ того, еще системы раздѣленія расъ Гекели, Линнея, Демулэна, Катрфажа и другихъ біологовъ, лингвистовъ и пр. спеціалистовъ, отличающихъ расы каждый по своему; по исторіи, географіи, религіи, языку, и даже по семейному строю.

помощь другая, то обоюдныя открытія при изученіи языковъ, религій, обычаевъ и т. п. привели къ возможности имѣть, приблизительно, точныя свѣдѣнія о прошломъ разныхъ странъ. По мѣрѣ пріобрѣтенія положительныхъ знаній всѣ сложныя понятія людей прежнихъ временъ о мірозданіи упрощаются, и становится все болѣе возможнымъ надѣяться, что придетъ время, когда взаимодѣйствіемъ наукъ объяснятся и объединятся представленія о той главной Силѣ, которая родитъ такое великое множество другихъ, побочныхъ.

Мы знаемъ, что у многихъ народовъ первому представленію о сотвореніи міра предшествуетъ хаосъ.—Мы знаемъ, что Индія и Египетъ оспариваютъ другъ у друга первородство. Геродотъ, этотъ безкорыстный историкъ, даетъ своимъ потомкамъ свѣдѣнія, которыя, если онѣ иногда и подлежатъ сомнѣнію, по недостатку документовъ,—то во всякомъ случаѣ не могутъ ставиться, въ смыслѣ правдивости, на одну доску съ свѣдѣніями, истекающими, напримѣръ, изъ устъ жрецовъ. Его разсказъ о средствѣ, употребленномъ царемъ Псамметихомъ для узнанія истины относительно древности Египта, могъ быть и не вполнѣ вѣренъ, но самое упоминаніе въ Египтѣ того времени о Фригіи, не имѣвшей непосредственныхъ съ нимъ сношеній, уже указываетъ на возможность ходячихъ тамъ преданій о древности Фригіи.

Историкъ Ктезій упоминаетъ объ увѣренности Египтянъ, что изъ ихъ земли съ древнѣйшихъ временъ выселялись большія партіи, образовавшія колоніи въ различныхъ, иногда очень отдаленныхъ, странахъ.—Одною изъ такихъ партій колонизаторовъ предводительствовалъ нѣкогда Бэлъ. Онъ отправился въ Вавилонію, поселился на берегахъ Евфрата, гдѣ, по преданіямъ, учредилъ первое духовенство. Онъ поручилъ этой кастѣ наблюдать за теченіемъ Небесныхъ Свѣтилъ и освободилъ ее отъ всѣхъ повинностей, налагаемыхъ на остальной народъ. Вавилонскіе жители назвали эту касту Халдеями.

Другіе историки даютъ Халдеямъ мидо-персидское происхожденіе, но также упоминаютъ, что они издавна славились своими познаніями въ астрономіи. Извѣстно также, что повсюду астрономическими наблюденіями занималась по преимуществу жреческая каста, которая по этой именно причинѣ пользовалась огромнымъ вліяніемъ на народы.—Въ Вавилоніи обсерваторіею долгое время служилъ огромный Храмъ Ваала.

Теперь познакомимся съ тѣмъ, что говоритъ о Халдеяхъ г. Масперо, одинъ изъ современныхъ ученыхъ изслѣдователей.

«На огромномъ пространствѣ земли между Средиземнымъ, Чернымъ и Каспійскимъ морями—широкою полосою охватывавшею и южные берега восточной части Средиземнаго моря, существовали народы, различнаго

происхожденія, большинство которыхъ не было извѣстно Египетскимъ фараонамъ.—Многія изъ этихъ племенъ, безъ имени, какъ и безъ исторіи, принадлежали къ прямымъ потомкамъ народовъ такихъ отдаленныхъ эпохъ, что время ихъ существованія можетъ быть опредѣлено уже не историками, а только геологами.—Большинство ихъ сохраняло въ памяти смутныя легенды, передаваемыя изъ рода въ родъ, о какой-то прежней родинѣ, гдѣ предкамъ ихъ жилось хорошо, пока они не были принуждены разсѣяться въ разныя стороны. Разсказывалось даже о географическомъ положеніи этой прежней родины: то было высокое плоскогорье, посреди котораго протекала большая рѣка, раздѣленная ниже на нѣсколько рукавовъ, или каналовъ. По преданіямъ здѣсь былъ, такъ сказать, пупъ земли и колыбель человѣчества. По расказамъ о положеніи, передаваемымъ преданіями, позднѣйшіе потомки узнали эту мѣстность близь горъ Болоръ (Belourtagh), недалеко отъ того мѣста, гдѣ этотъ горный хребетъ соединяется съ Гималаемъ, на плоской возвышенности Памиръ (Pamir). По ихъ мнѣнію только эта мѣстность соотвѣтствовала описаніямъ, сохранившимся въ священныхъ книгахъ Азіи. По традиціямъ здѣсь долженъ былъ быть земной рай. Но такъ какъ въ дѣйствительности почва этой мѣстности бѣдна, и только нѣкоторые острова на рѣкахъ представляются своего рода оазисами,—то воображеніе, (этотъ другъ и вмѣстѣ съ тѣмъ врагъ человѣчества на крайнихъ ступеняхъ развитія его ума) устроило на этомъ именно мѣстѣ безподобный садъ, гдѣ счастливые предки блаженствовали, сохраняя невинность души и тѣла.

Потомъ они согрѣшили, ослушались своего Творца, Который въ наказаніе, выгнавъ ихъ изъ рая, обрекъ на труды и страданія.—Тогда-то, поселившись у подножія этой священной горы, люди стали размножаться. Впослѣдствіи ими управляли десять патріарховъ, или десять царей, слѣдуя одинъ за другимъ [1]). Но люди не исправились, и новыя преступленія навели на нихъ вторичный гнѣвъ Творца, Который на этотъ разъ рѣшилъ истребить всѣхъ людей, наславъ на землю потопъ. Однако Онъ избралъ одну праведную семью и спасъ ее для того, чтобъ снова заселить землю.

Эти традиціи, общія большинству восточныхъ народовъ, показываютъ намъ, въ формѣ легенды, все, что народы знали о прошломъ человѣчества, погибшаго въ азіатскомъ потопѣ [2]).

---

[1]) По преданіямъ всѣ 10 царствованій продолжались 120 саръ; въ сарѣ 3,600 лѣтъ, слѣдовательно до потопа люди жили 432,000 лотъ.

[2]) Нѣкоторые ученые называютъ этотъ потопъ именно азіатскимъ, потому что онъ не былъ общимъ.

У племенъ, предки которыхъ спаслись отъ потопа, также сохранилась въ народной памяти легенда о прошломъ ихъ родины, и каждое изъ нихъ находило ее въ различныхъ мѣстахъ: заселившія берега Каспійскаго моря переносили рай на гору Араратъ; они передавали потомкамъ, что онъ находился близь снѣжныхъ вершинъ Арменіи, между двумя рѣками, протекающими по Мессопотаміи-Тигромъ и Ефратомъ; находили его также, какъ увидимъ ниже, и въ другихъ мѣстностяхъ, начиная отъ береговъ Каспійскаго моря Фригіи, до нынѣшней Сибири.

Въ древнихъ традиціяхъ говорится, что до нашествія иноплеменныхъ побѣдоносныхъ армій, Азія находилась полторы тысячи лѣтъ въ рукахъ Скифовъ. Слѣдовательно, древнѣйшія племена, или народы, принадлежали, частью, къ тѣмъ народамъ туранской расы, которые отъ финскихъ болотъ до береговъ Амура заселяютъ понынѣ сѣверныя части Европы и Азіи. Эта порода, или раса, въ свою очередь, не самобытна: она представляетъ собою смѣшеніе бѣлой породы людей съ желтою. Нѣкоторыя племена Скиѳовъ обладали отличительными, типическими чертами бѣлой расы; другія мало чѣмъ отличались отъ желтой рассы; а между этими двумя крайними типами наблюдаются такіе многочисленные варіанты, что вполнѣ можно было-бы подобрать, по мелкимъ оттѣнкамъ, совершенно послѣдовательный и незамѣтный переходъ отъ типа чистокровнаго европейца до типа безукоризненнаго Китайца. (Maspero). Но и безъ такого подбора единство происхожденія большинства народовъ, уже доказанное многимъ, продолжаетъ еще доказываться при помощи сравнительной филологіи, открывающей корни ихъ сродственныхъ языковъ. Такія важныя открытія должны привести къ рѣшенію нѣкоторыхъ серьезныхъ вопросовъ жизни.

Г. Летурно (Воспитаніе) говоритъ, со словъ историка, что ученые Вавилона и Ниневіи были преемниками протохалдеевъ Кушитской расы. Халдеи составляли когда-то классъ жрецовъ, у которыхъ наука передавалась изъ поколѣнія въ поколѣніе; они, какъ въ Египтѣ, были освобождены отъ всякихъ общественныхъ должностей, налоговъ и работъ.— Какъ халдейскіе жрецы, такъ и еврейскіе раввины неустанно хлопотали о томъ, чтобъ каждый ребенокъ мужскаго пола воспитывался въ правилахъ религіи, и путемъ терпѣливыхъ многовѣковыхъ усилій они такъ глубоко внѣдрили религіозныя вѣрованія въ свои народы, что въ концѣ концовъ эти вѣрованія вошли въ ихъ плоть и кровь.

«У кочующихъ племенъ турецкаго происхожденія существуетъ понынѣ традиція, по которой ихъ Эдемъ находился нѣсколько сѣвернѣе Памирскаго плоскогорья, а именно въ одной изъ долинъ Алтайскаго хребта.

Туранцы, заселившіе берега Ефрата, представляли уже самобытный народъ, у котораго первыми письменными знаками были іероглифы. У Туранцевъ-же, заселившихъ Алтай, уже открыты особые, между іероглифами, знаки, обозначающіе названія металловъ. Живя среди мѣсторожденій и залежей, гдѣ руду можно было находить на поверхности земли,— они рано научились горному искусству, плавкѣ и обдѣлкѣ металловъ. Здѣсь въ древнихъ могилахъ находили золотыя, бронзовыя и желѣзныя вещи.

«Нѣкоторыя выраженія у Туранцевъ, употреблявшіеся и у Кучитовъ (Koutschites), принадлежатъ къ семейству языковъ семитическихъ; они были занесены сюда изъ Аравіи, или Передней Индіи, и это доказываетъ, что и языки сливались нѣкогда въ одинъ, и снова развѣтвлялись, также какъ и самые народы съ ихъ вѣрованіями и обычаями». (Maspero).

(Ученые изслѣдователи продолжаютъ открывать слѣды мѣстныхъ разъединеній, или сліяній сосѣднихъ народовъ, при помощи сравненія національныхъ одеждъ (въ могилахъ), употреблявшихся орудій, матеріаловъ въ постройкахъ и т. п. Господа Lenormant, Oppert, Cutha. Rawelinson, и даже Страбонъ указываютъ на города и божества такой глубокой древности, что они не могутъ быть помѣщены ни въ исторіи, ни въ миѳологіи, изъ-за невозможности точно опредѣлить эпоху ихъ существованія. Новѣйшій археологъ, г. Передольскій предполагаетъ, что большая часть европейскихъ народовъ произошла отъ арійцевъ, выходцевъ изъ Туркестана).

По мнѣнію г. Масперо въ этой именно мѣстности, болѣе чѣмъ въ другихъ, совершалось въ древности скрещиваніе и смѣшеніе расъ. Отсюда, повидимому, произошелъ народъ халдейскій, затѣмъ еврейскій и многіе другіе. Тотъ-же авторъ находитъ въ эпическихъ легендахъ здѣшнихъ народовъ много общаго съ эпопеями Индусовъ.—Здѣсь также, по первобытнымъ легендамъ, въ давнопрошедшія времена, царствовали боги, герои, научавшіе людей всякому полезному дѣлу. Но по мѣрѣ того, какъ народы переселялись въ другія мѣстности, переселенцы, входя въ новыя условія жизни, дѣлали, почти незамѣтно, сообразныя измѣненія въ своихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ, а вмѣстѣ съ этимъ, естественно измѣнялись и самыя воззрѣнія ихъ на окружающій міръ. Это-же послѣднее обстоятельство повлекло за собою новыя комбинаціи, и такимъ образомъ постепенно совершались извѣстные намъ религіозные варіанты, составляющіе предметъ ученыхъ споровъ до нашихъ дней.

По здѣшнимъ сказаніямъ первоначальное божество вышло изъ моря въ видѣ огромной рыбы съ человѣческою головою и ногами, но съ рыбьей чешуею и хвостомъ. Черезъ извѣстные промежутки времени это божество стало выходить изъ воды и проводить по нѣсколько дней въ обществѣ

людей. Ни въ какой плотской пищѣ оно не нуждалось, довольствуясь тѣмъ, что учило людей всему доброму; а съ наступленіемъ ночи оно снова погружалось въ волны. (Масперо).

Описаніе потопа у Евревъ совершенно сходно съ халдейскими преданіями. Точно такъ же онъ былъ посланъ за грѣхи людей, и точно такъ же только одинъ праведный человѣкъ былъ спасенъ съ своею семьею; но имена различны. У халдѣевъ говорится такъ.

— Однажды ночью царь Ксизутросъ (Xisouthros) услышалъ голосъ бога Нуа (Nouah), который говорилъ: «Человѣкъ Суррипака, сынъ Обиртуту! Строй большой ковчегъ для себя и своихъ, потому что я намѣренъ истребить грѣшниковъ и ихъ жизнь... Собери въ свой ковчегъ сѣмя жизни всего живущаго, чтобъ оно сохранилось». Нуа повелѣлъ ему зарыть всѣ священныя вещи въ городѣ Сиппара, и, приготовивши все, отправляться. Ксизутросъ спросилъ бога: «Куда?» Богъ ему отвѣтилъ: «Къ богамъ».

Я собралъ,—продолжаетъ Ксизутросъ—золото, серебро, драгоцѣнности, и перенесъ въ Ковчегъ; взялъ и сѣмена всего живущаго, и также помѣстилъ въ ковчегѣ. Всѣ мои слуги обоего пола, мое семейство, домашнія и дикія животныя вошли за мною въ ковчегъ.—Когда все было готово, богъ Сима возвысилъ голосъ среди ночи, говоря: «Пребывай тутъ и затвори входы; я пошлю обильные дожди, наводню землю».—На утро поднялась буря, небо потемнѣло, загремѣли громы. Боги Юбо, Сару, Адаръ и Нергаль начали разрушать, губить и сметать съ лица земли все, въ свою славу. Земля превратилась въ пустыню. Гроза и буря были такъ велики, что сами боги неба въ страхѣ и смятеніи искали себѣ убѣжища, и поднялись до самыхъ свѣтилъ небесныхъ, къ звѣздамъ. Истаръ плакала надъ судьбою человѣчества, за нею и другіе боги оплакивали людей.—Такъ продолжалось шесть дней и шесть ночей. На седьмой день, покончивъ дѣло истребленія, буря стихла.—Я открылъ окно и увидѣлъ свѣтъ; тогда и я позналъ спокойствіе сердца. Ковчегъ присталъ къ вершинѣ горы въ странѣ Низиръ. Я выпустилъ голубку; она полетала и вернулась, потому что не нашла гдѣ отдохнуть. Погодя, я выпустилъ ласточку, но и она вскорѣ прилетѣла назадъ. Потомъ я выпустилъ ворона: онъ нашелъ себѣ пищу, и болѣе въ ковчегъ не возвращался. Тогда я выпустилъ всѣхъ животныхъ на свободу и принесъ благодарственную жертву» (Maspero).

Въ книгѣ г. Масперо «L'histoire ancienne des peuples de l'Orient» помѣщена цѣлая азбука письменныхъ знаковъ, первоначально изобрѣтенныхъ Латинцами для своего языка, которые послужили, съ нѣкоторыми варіантами, прототипомъ для языковъ испанскаго, французскаго, англійскаго, итальянскаго и нѣкоторыхъ другихъ.

Легендарнымъ героемъ древнихъ Халдеевъ былъ царь Сарiукинъ I. Онъ сдѣлалъ много добра своему народу. Объ немъ упоминалось такъ часто, что оффиціальная исторія помѣстила у себя сказаніе объ этомъ миѳическомъ лицѣ. Автобіографія Сарiукина написана на подножіи статуи, воздвигнутой ему гораздо позднѣе въ городѣ Аганѣ (Agâne). Вотъ содержаніе этой надписи:

«Сарiукинъ, могущественный царь, царь Агана,—это я. У меня не было отца, но родъ мой принадлежалъ къ властителямъ страны. Я родился въ городѣ Азпираннѣ (Azpiranni), на берегу рѣки Ефрата, въ потаенномъ мѣстѣ. Моя мать положила меня въ корзину изъ камыша, закрыла ее крышкою съ замазкой и спустила на рѣку. Вода не достигала до моего тѣла, и теченіемъ меня принесло къ жилищу Акки, работавшаго у рѣки. По добротѣ своего сердца Акки меня взялъ и воспиталъ какъ родного сына. Онъ сдѣлалъ изъ меня садовника. Истаръ мнѣ покровительствовала, и черезъ... лѣтъ я сталъ во главѣ цѣлаго народа». (Maspero). Весьма сходное повторяется и въ другихъ странахъ. Ромулъ съ братомъ, напримѣръ, были также вытащены изъ рѣки Тибра, вскормлены волчицею, послѣ чего Ромулъ черезъ... лѣтъ сдѣлался царемъ.

Нѣкоторые ученые приписываютъ Халдеямъ Мидо-персидское происхожденіе, а языкъ ихъ причисляютъ не къ иранскимъ (индогерманскимъ), но къ семитическимъ, родина коихъ въ Аравіи и Передней Индіи. Въ VII или VIII вѣкѣ до Р. Х. Халдеи заняли Вавилонскія низменности и жили по сосѣдству съ Евреями Вавилонскими. Эти послѣдніе усвоили Халдейскій языкъ и перенесли его потомъ въ Палестину, а Халдеи усвоили еврейскій языкъ, употреблявшійся у нихъ преимущественно учеными сословіями и жрецами.

При подобномъ сплетеніи языковъ въ древности, трудно себѣ представить, чтобы языкъ былъ единственнымъ усвоеніемъ народовъ другъ отъ друга.

Еврейская исторія хорошо извѣстна.

У древнѣйшихъ Евреевъ Сара и Агарь даютъ намъ живые образцы положенія женщины до Моисея, даже въ домахъ такихъ богоугодныхъ личностей, какимъ считался Авраамъ. 1) Сара, выгнанная за безплодіе въ 90 лѣтнемъ возрастѣ, и замѣненная Агарью; 2) Агарь, выгнанная, въ свою очередь, вмѣстѣ съ сыномъ отъ Авраама, Измаиломъ, и бѣжавшая наудачу, оглашая воздухъ воплями отчаянія; 3) та же Сара, безправная надъ своимъ сыномъ Исаакомъ, когда Авраамъ повелъ его на закланіе, объявивъ, что этаго требуетъ Іегова для испытанія его вѣры.

Этаго вполнѣ достаточно для выясненія женскаго положенія у древнихъ Евреевъ.

Моисей (вынутый изъ воды), заставшій женщину въ порабощенномъ состояніи, прикладывалъ много стараній для поднятія своего народа въ умственномъ отношеніи, и только шаткость собственнаго положенія вождя заставляла его мириться съ уступками въ пользу грубости нравовъ спасаемаго имъ народа.

Моисей, какъ законодатель и историкъ Евреевъ, передалъ имъ волю Божью, причемъ прибавилъ:

«Богъ создалъ человѣка по Своему образу и подобію; Онъ далъ ему разумъ и волю. Человѣкъ можетъ свободно выбирать между добромъ и зломъ: можетъ исполнять, или не исполнять волю своего Бога. И вотъ я возвѣщаю вамъ Его законъ: исполняя его, вы получите жизнь и благословеніе Божье; не исполняя его, вы получите смерть и проклятье. Выбирайте-же благое, чтобъ жизнь и благословеніе Бога не оставляли ни васъ, ни потомство ваше, и пусть небо и земля будутъ свидѣтелями вашего завѣта съ Богомъ».

Евреи обѣщали подчиниться данному Моисеемъ закону, и вѣра въ свой завѣтъ съ Самимъ Богомъ избавляла ихъ впослѣдствіи отъ многихъ бѣдъ.—Тѣмъ не менѣе изъ книги Бытія мы видимъ, что хотя женщина при Моисеѣ и почиталась выше скотины, но оставалась по прежнему рабою: проданная, или обмѣненная на нѣсколько головъ скота, она отъ власти отца переходила во власть мужа, и оба имѣли надъ нею право жизни и смерти.

Въ книгахъ Исходъ и Левитъ можно замѣтить болѣе человѣколюбивыя намѣренія относительно женщины: являются проблески заботъ о вдовахъ и сиротахъ, но общее женское положеніе почти не улучшается. Разводъ, свободный для мужчины, былъ сопряженъ съ трудно достижимою возможностью для женщины. Мужчинѣ дозволялось многоженство, женщину жестоко наказывали за нарушеніе тѣлесной чистоты, особенно за невѣрность: замужняя за измѣну подвергалась смерти,—впрочемъ, вмѣстѣ съ своимъ сообщникомъ.—Казалось-бы, что при общемъ стремленіи къ увеличенію народонаселенія, такая непоправимая кара была неумѣстна,—но именно это и указываетъ, что здѣсь, какъ и повсюду, подъ видомъ охраны нравовъ, скрывались чисто эгоистическія цѣли.

Однако у Евреевъ существовалъ законъ, воспрещавшій мужу продавать рабыню, или плѣнную иностранку, попадавшихъ къ нему въ жены; и причина воспрещенія выставлялась такая, что, продавая за деньги ту, которая состояла женою, мужъ продаетъ вмѣстѣ съ нею и часть своей чести.

Кромѣ грубости, свойственной народамъ тѣхъ временъ, Евреи отличались ревностью. Законы уважали эту ревность и покровительствовали ей.

За прелюбодѣяніе и при Іисусѣ Христѣ еще побивали женщину каменьями. Потворствуя своимъ личнымъ слабостямъ, Еврей и въ мысляхъ не допускалъ, чтобы женщина могла приблизиться къ его правамъ въ этомъ смыслѣ. Вслѣдствіе этаго,—когда у Еврея не было сына, хотя-бы причина безплодія лежала въ немъ самомъ, онъ не рѣшился-бы, какъ Индусъ, предоставить временно жену родственнику. Онъ соглашался лучше остаться безъ потомства мужского пола, и только послѣ смерти оставлялъ жену брату, чтобъ установить, при его помощи, свой родъ и не быть исключеннымъ изъ книги жизни на томъ свѣтѣ.

У евреевъ многоженство было еще дозволительнѣе, чѣмъ въ Индіи и Китаѣ: тамъ законъ дозволялъ сколько угодно любовницъ, и только одну жену, тогда какъ здѣсь можно было имѣть неограниченное число женъ.

Моисей ограничилъ число женъ четырьмя, при томъ съ обязательствомъ, чтобы ни у которой ничего не было отнято въ пользу другой. Самъ онъ, повидимому, былъ противъ многоженства. Восхваляя Ноэму за первые образцы рукодѣлья, онъ открыто говорилъ, что трудящая женщина никогда не можетъ быть рабою. Но служа, прежде всего, своей главной цѣли—освобожденію народа,—онъ долженъ былъ снисходить ко многому, чтобы не потерять народнаго довѣрія.

Изъ данныхъ Моисеемъ Заповѣдей нѣкоторыя также послужили къ улучшенію взглядовъ на женщину. Пятою повелѣвалось дѣтямъ чтить не одного отца, но также и мать приравнивалась, въ правахъ на почтеніе своихъ дѣтей, къ отцу; и заповѣдь эта, возвышая цензъ матери, бывшей до тѣхъ поръ какъ-бы ихъ старшею сестрою, нѣсколько вліяла на общность условій семейнаго строя. Седьмая заповѣдь имѣла видъ обращенія къ обоимъ поламъ безразлично.—Четвертая повелѣвала чтить субботній день; слѣдовательно это относилось одинаково къ мужу и къ женѣ и такимъ образомъ женщина являлась не только достойной, но и обязанной служить Богу наравнѣ съ мужчиною. Это могло уже служить доказательствомъ признанія въ ней общечеловѣческаго достоинства. Наконецъ первою Заповѣдью вносилось облегченіе всему народу: ею уменьшалось значеніе деспота, требовавшаго себѣ почти божескихъ почестей. Отнынѣ онъ являлся властелиномъ одного тѣла, но не души.

Мы знаемъ какого рода вѣрности требовалъ отъ вдовы Ману. У Евреевъ-же вдова, переходя по наслѣдству къ брату покойнаго, могла имѣть отъ него дѣтей, не нарушая вѣрности, не исключая души умершаго изъ книгъ израильскхиъ.

Дѣти отъ мужнинаго брата считались законными, а если бы братъ отказался отъ вдовы, она переходила съ остальнымъ наслѣдствомъ къ болѣе доброжелательному родственнику. (Второзаконіе).

Наслѣдство у Евреевъ переходило цѣликомъ сыновьямъ, дочери-же исключались; но Моисей поставилъ въ обязанность сыновьямъ продовольствовать сестеръ изъ отцовскаго наслѣдства. (Книга чиселъ).

Вообще замѣтно, что Моисей не рисковалъ разрушать до конца старыя воззрѣнія народа, замѣняя ихъ новыми; но онъ вездѣ старался нѣсколько смягчать народную жестокость. Такъ онъ затруднилъ разводъ, бывшій до тѣхъ поръ легкимъ, предписывая право отвергать жену только въ тѣхъ случаяхъ, когда невѣрность ея доказана. Этимъ онъ внесъ значительное улучшеніе въ женскую супружескую жизнь.

Посягать далѣе этого на полновластіе Еврея надъ женщинами не представлялось возможности; дальнѣйшія улучшенія лежали въ связи съ новою идеею о единствѣ Бога и о завѣтѣ съ Нимъ.

Однако, не видя въ законѣ Моисея прямого опроверженія того, что главная обязанность и заслуга человѣка заключается въ умноженіи потомства, зная, съ другой стороны, что самъ Богъ обѣщалъ Аврааму, въ видѣ награды, многочисленный родъ, народная масса не измѣняла заимствованныхъ изъ Азіи взглядовъ на бракъ и женщину, тѣмъ болѣе, что безпрерывныя внутреннія междоусобицы и внѣшнія нападенія сосѣдей требовали усиленной самозащиты. Назначеніе женщины оставалось, за небольшими улучшеніями судьбы, тѣмъ-же: ея единственная дѣятельность состояла въ рожденіи дѣтей, чтобъ упрочить мужчинѣ родъ, а странѣ защиту. Новыя мысли, въ смѣси со старыми, отразились какъ въ гражданскихъ законахъ, такъ и въ семейномъ строѣ Евреевъ. Жестокій, невѣжественный народъ, взросшій на смѣшанныхъ понятіяхъ пантеизма и идолопоклонства, на множествѣ грубыхъ воззрѣній, изъ-подъ которыхъ завѣтъ съ Богомъ уносилъ почву,—не имѣлъ ни достаточныхъ нравственныхъ началъ, чтобы окончательно оторваться отъ старыхъ традицій, ни достаточнаго умственнаго развитія для перехода въ новый образъ мыслей. Большинство историковъ говоритъ, что новая вѣра, внушая Евреямъ страхъ отвѣтственности съ одной стороны, и благоговѣніе при надеждѣ на обѣщанное могущество съ другой,—всетаки не исправлялись отъ укоренившихся привычекъ. Въ своемъ стараніи примирить старыя начала съ новыми, т. е. угодить и Богу, и мамону, Евреи предались лицемѣрію, въ которомъ ихъ безстрашно уличали пророки.

Евреи никогда не были могущественнымъ народомъ, никогда не выдвигались ни однимъ изъ крупныхъ человѣческихъ подвиговъ. Напротивъ того, ученые говорятъ единодушно, что нація эта замѣчательна по консервативнымъ стремленіямъ. Зато рѣдко гдѣ можно найти такъ хорошо сохранившіеся документы древности, какъ у Евреевъ: книги Моисея дошли до нашего времени въ полной неприкосновенности. Чудеса Моисея

сильнѣе проповѣдей пріобрѣтали ему славу, но то, что было обѣщано еврейскому народу, остается по сіе время одною надеждою, и какъ въ древности народъ этотъ ждалъ пришествія Мессіи, такъ продолжаетъ ожидать его до нашихъ дней.

Послѣ смерти Моисея на 120-мъ году жизни, между Евреями явились предположенія, что онъ получилъ отъ Бога, кромѣ заповѣдей, и другія правила. Переходя устно изъ рода въ родъ раввиновъ до Св. Іуды, эти правила привели послѣдняго къ рѣшенію (около 190 г.) собрать ихъ въ одно цѣлое подъ названіемъ Мишна (наставленіе). Книга эта послужила основаніемъ Талмуду, составляя первую и главную его часть. Мишна и понынѣ служитъ Евреямъ сборникомъ законовъ о правахъ Божьихъ, человѣческихъ, и жизненнымъ руководствомъ.

По Талмуду еврейскимъ дѣвушкамъ назначалось нѣчто въ родѣ приданаго, нѣсколько обезпечивающаго, на случай развода, какъ ея матеріальное положеніе, такъ и нравственное достоинство.

Достаточно сохранившихся преданій, лѣтописей, пѣсенъ, старинныхъ разсказовъ, былинъ, чтобы заключить, не прибѣгая ни къ какому изученію законныхъ правъ, — что и древняя славянская дѣвушка, или женщина прошли, приблизительно, черезъ ту же школу, какую проходили ихъ сестры въ другихъ странахъ; но объ этомъ, вѣроятно, читательницы уже знаютъ. Онѣ знаютъ также, что Славяне, отставшіе отъ Запада въ умственномъ развитіи, не воспринимали, вмѣстѣ съ тѣмъ, и плевеловъ его; они руководились сердцемъ долѣе западныхъ народовъ, любовь къ правдѣ чаще заглядывала въ ихъ души, и, по всей вѣроятности, здѣсь надо искать причины, по которой въ зависимости положенія славянской женщины было все-таки менѣе всесторонняго униженія и болѣе счастливыхъ жизней, надъ которыми не такъ замѣтно тяготѣло сладострастіе полновластія.

Общій обзоръ взглядовъ на женщину.

Многое подтверждаетъ предположенія ученыхъ, что въ древнѣйшія времена, когда у людей еще не было иныхъ наставниковъ, кромѣ собственнаго воображенія, — оно рисовало имъ не только таинственныя, сверхъестественныя силы, дѣйствіе которыхъ оно олицетворяло, но еще подсказывало для этого рода дѣятелей цѣлыя картины прошлаго.

Позднѣе каждый народъ обогащался благонамѣренными наставниками, проповѣдниками, законоучителями; но въ тѣ отдаленныя времена сами законоучители имѣли такъ мало положительныхъ знаній, что самыя горячія и честныя желанія ихъ быть полезными своимъ соотечественникамъ должны были ограничиваться нѣкоторымъ обуздываніемъ дикихъ, пагубныхъ страстей, но не внесеніемъ въ ихъ жизнь болѣе широкихъ понятій о мірозданіи. Помимо этого,—лучшіе, полезнѣйшіе изъ ихъ совѣтовъ, или требованій, слишкомъ часто не внушали довѣрія закоренѣлымъ въ привычныхъ понятіяхъ народамъ, и для того, чтобъ заставить вѣрить благодѣтельному, съ точки зрѣнія наставника, ученію, приходилось прибѣгать къ средствамъ выше обыкновенныхъ. Здѣсь, по всей вѣроятности, и лежитъ причина, побуждавшая большинство законодателей древности злоупотреблять безмолвіемъ высшихъ силъ, чтобъ вмѣшивать, какъ мы уже видѣли, ихъ содѣйствіе въ работахъ собственнаго мозга. Немалое доказательство этому можно видѣть въ томъ, что еслибъ дѣйствительно Высшая Сила явилась для поддержки нравственнаго законодателя любой страны,—Она, безъ сомнѣнія, продиктовала-бы законы совершеннѣе тѣхъ, которые давались древнимъ народамъ до Христа. Создавая бога всегда соотвѣтственнаго своимъ страстямъ и понятіямъ, люди дѣлали его мстительнымъ, сластолюбцемъ, безъ жалости и милости: божество было зеркаломъ ихъ собственныхъ идей о нравственности. Слѣды этого сохранились и понынѣ. Большинству людей еще трудно представлять себѣ Бога иначе, какъ въ человѣческомъ образѣ, и это весьма понятно: при настоящемъ состояніи и направленіи ума, онъ еще не въ силахъ сдѣлать иного представленія. Мало того: вѣруя, что Богъ есть источникъ Милосердія, и Мудрости, невѣжественный народъ примѣшиваетъ даже къ христіанской религіи, такой простой и ясной, столько суевѣрій, недоразумѣній [1]) и невѣрныхъ толкованій,

---

[1]) Одно изъ подобныхъ недоразумѣній, очевидно проникши въ нашу церковную религію изъ древнихъ воззрѣній, вставляетъ совсѣмъ фальшивую ноту въ гармонію христіанскихъ понятій о Правдѣ Божіей.

Половыя сношенія составляютъ законъ природы. Ветхій Завѣтъ повѣствуетъ, что Богъ *благословилъ* людей потомствомъ. Аврааму Богъ обѣщалъ, *въ видѣ награды*, многочисленное потомство. Въ Псалмахъ говорится прямо: „Сыновья—наслѣдіе Іеговы, и его *награда*—плодъ чрева.—„Кромѣ того,—для каждаго человѣка очевидно, что безъ возобновленія жизни не было-бы смысла ни въ существованіи людей, ни въ существованіи всего живущаго на Землѣ, и самая планета наша являлась-бы какимъ-то страннымъ исключеніемъ въ мірозданіи. Поэтому безплодность повсюду считалась наказаніемъ Божьимъ. Самъ Христосъ проклялъ смоковницу, не приносившую плода. Наконецъ Церковь благословляетъ всѣхъ брачущихся, и за обрядомъ вѣнчанія молится, чтобъ Господь благословилъ сочетающуюся пару дѣтьми.—Свадьба повсемѣстно считается законнымъ празднествомъ.

что подчасъ получается какая-то путанница понятій о Богѣ. Какое множество людей, считающихъ себя религіозными, фактически доказываетъ, что представляютъ себѣ Бога въ родѣ придирчиваго и тщеславнаго генерала, безпрестанно штрафующаго подчиненныхъ за каждый промахъ, требующаго себѣ вещественныхъ жертвоприношеній, оцѣнивающаго свою Милость на вѣсъ золота, воска и т. п. Если даже въ нашъ вѣкъ сравнительнаго прогресса мысли въ трехъ четвертяхъ населенія не переводятся религіозныя недоразумѣнія всякаго рода, — нельзя не предполагать, что въ древности такая путанница понятій выражалась еще рѣзче, и, осложняясь въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, приводила къ цѣлому ряду неправильныхъ взглядовъ на вещи, ложно приписываемыхъ законамъ Творца. Естественно также, что ратовалъ за свои интересы только тотъ полъ, которому дали право ратовать, тогда какъ лишенному этого права оставалось только молчать и переносить всяческоезло. Развѣ не случается такъ и понынѣ?..

Отъ кого можетъ человѣкъ получить непосредственное познаніе о Богѣ, когда Его невидимую, но Всемогущую Десницу онъ въ состояніи только чувствовать? Ему не дано ни понимать своего Создателя, ни постигать Его цѣлей ни созерцать Его, ни тѣмъ болѣе судить о Его высшей Мудрости— по несовершенству человѣческой организаціи, по незаконечности развитія его духовныхъ силъ, по короткости жизни!.. Поэтому исторія человѣчества есть пока только исторія его слабостей, его недомыслія и духовной немощи, его фатальнаго тяготѣнія къ удобопонятнымъ хотѣніямъ плоти въ ущербъ тѣмъ неяснымъ, въ вульгарномъ человѣкѣ, требованіямъ духа, съ которыми ему не хочется считаться изъ опасенія потерять плотскія блага. Онъ многаго еще не понялъ даже внутри самого себя, а потому состоитъ рабомъ своей несовершенной природы, рабомъ тѣхъ условій, среди которыхъ ему, повидимому, предназначено бороться и совершенствоваться; онъ рабъ каждой изъ своихъ тѣлесныхъ нуждъ, и принужденъ

И послѣ всего этого оказывается, что рожденіе ребенка составляетъ грѣхъ, и именно для женщины. Послѣродовыя молитвы, произносимыя священникомъ полны мольбы о прощеніи этого грѣха; притомъ онъ признается настолько великимъ, что родильницѣ не позволяется приложиться губами къ Кресту, и для нея закрытъ входъ въ церковь. А что всего страннѣе, такъ это то, что мужчина, сообщникъ грѣха родильницы, совершенно освобожденъ отъ отвѣтственности: его тутъ какъ будто и не было, онъ выходитъ совсѣмъ сухимъ изъ воды. Понятно, что обыкновенный смертный не можетъ совмѣстить этого въ своемъ разумѣ и путается, продолжая считать свою жену большею, противъ себя, грѣшницею. И во всякомъ случаѣ эта странность умаляетъ значеніе женщины, которая, какъ будто, вноситъ въ жизнь мужчины одинъ соблазнъ, тогда какъ въ сущности она исполняетъ только должное.

бороться даже съ непогодами, чтобъ всячески поддерживать ту жизнь, которая дается ему только одинъ разъ! А сколько ненужной зависимости всякаго рода онъ создаетъ себѣ самъ!.. Подвиги человѣчества совершаются единицами; они составляютъ какъ-бы отдѣльный, огороженный мірокъ, изъ котораго весьма трудно проникаютъ въ массу и свѣтъ истины, и самыя благодѣтельныя воззрѣнія на вещи. Труды единицъ довели ихъ до положительныхъ знаній, идущихъ часто въ разрѣзъ съ практикующимися, а общество, не интересующееся ими изъ-за недосуга, считаетъ себя достаточно просвѣщеннымъ и продолжаетъ созидать вавилонское столпотвореніе, вѣря въ дѣйствительность своей искусственной жизни.

Есть философы, которые охотно мирятся со всякимъ зломъ, утверждая, что такъ и быть должно; но вѣдь въ такомъ случаѣ всякое усиліе мыслящей головы выдвигать и разрабатывать жизненные вопросы являлось-бы безсмысленнымъ препровожденіемъ времени?.. Разумѣется для человѣка безпечнаго, смотрящаго на жизнь какъ на безпрерывное торжество страстей и тщеславія, такая философія удобнѣе, такъ какъ съ нею можно не обременять себя нравственными обязанностями; однако врядъ-ли можетъ быть, чтобъ намъ жизнь была дана только для того, чтобъ прожить ее какъ ни на есть! Не только вѣрнѣе, но и желательнѣе предполагать, что у Высшей Силы были и высшія цѣли для земной жизни человѣка.

Все, начиная съ образованія земного шара, и кончая прошлымъ человѣчества, свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣшняя жизнь есть только переходная форма. Тѣмъ-же самымъ доказывается, что человѣку предназначена борьба съ многосторонними трудностями, во время которой крѣпнутъ его духовныя силы и возрастаютъ умственныя способности, и только послѣ долгихъ трудовъ для гостя земли начинаетъ открываться путь къ широкому міровоззрѣнію, къ работѣ мысли въ высшихъ, интереснѣйшихъ сферахъ, понятіе о которыхъ составляетъ какъ-бы предвкушеніе лучшей формы жизни. Правда, что усовершенствованіе себя и всего окружающаго совершается съ крайнею постепенностью; но вѣдь если мы не будемъ сами способствовать этому, а ожидать чудесъ извнѣ,— мы не сдвинемся съ мѣста и не улучшимъ жизни ни для себя, ни для своего потомства.

Этого рода вопросами занимались съ древнихъ временъ, составляя различныя гипотезы относительно происхожденія нашей планеты и назначенія человѣка на землѣ. Самый фактъ, что мыслящія головы съ незапамятныхъ временъ надъ этимъ работали—до извѣстной степени доказываетъ, что это вопросъ нормальный, долженствующій входить въ составъ жизненныхъ задачъ. И тѣмъ не менѣе, послѣ многихъ тысячъ лѣтъ работы мысли, вопросъ этотъ можно еще считать открытымъ!

Слѣдовательно не одна женщина, но и мужчина еще стоитъ, въ девяти десятыхъ своихъ представителей, на весьма низкой ступени умственнаго развитія, несмотря на свои привиллегіи, несмотря на усилія единицъ просвѣтить его свѣтомъ хоть своихъ относительныхъ знаній. Онъ по природѣ своей слабъ и подкупенъ; онъ туго поддается мышленію, слишкомъ много любитъ свою плоть, мало разумѣетъ духъ, и это доказывается ежедневно его склонностями ко всякаго рода излишествамъ: онъ и покушать любитъ гораздо болѣе, чѣмъ требуется для поддержанія его общихъ силъ; и на удовольствія онъ употребляетъ въ нѣсколько разъ болѣе времени, чѣмъ слѣдуетъ для отдыха отъ трудовъ; и въ винѣ не знаетъ часто мѣры, если оно ему нравится; онъ и дѣтьми склоненъ переполнять землю до того, что огромный процентъ ихъ вымираетъ отъ заразъ, быстро распространяющихся при скученности населенія, отъ истощенія материнскаго организма, передающагося по наслѣдственности, отъ невозможности окружить дѣтей благопріятными для жизни условіями и т. п. Но онъ не вникаетъ въ послѣдствія своихъ поступковъ, совсѣмъ даже не думаетъ о нихъ; и не потому не думаетъ, что не умѣетъ этого, а только потому, что имъ-же созданная усиленная борьба за существованіе поглощаетъ его всего, не оставляя ни времени, ни охоты вникать въ причины его золъ, или направлять мысли на свои высшіе интересы.

Такимъ образомъ онъ и вертится, какъ бѣлка въ колесѣ, самъ того не замѣчая. А женщина—его достойная подруга.

А съ какою силою стремится каждая одаренная личность безразличнаго пола къ свободѣ!.. Но сотни вѣковъ несокрушимой тайной и явной дѣятельности опять доказываютъ, что успѣхъ совсѣмъ ничтоженъ: неумѣнье человѣка пользоваться свободой безъ злоупотребленій, т. е. безъ захвата чужой свободы, или безъ распущенности—такъ-же очевидно, какъ солнечный свѣтъ. Слѣдовательно за такой длинный рядъ вѣковъ онъ не выработалъ еще самаго понятія о той свободѣ, которая такъ желательна для всѣхъ и каждаго. Мы живемъ еще въ періодъ стремленія къ наживѣ, и употребляемъ на это цѣлую жизнь, воображая получить, вмѣстѣ съ богатствомъ, и желанную свободу; но богатство—это тотъ-же капканъ: какъ только въ него попалъ человѣкъ, такъ и приросъ къ землѣ! Тутъ ужъ прощай всѣ благородныя стремленія духа, прощай всѣ высокіе дары природы человѣку: плоть его тянетъ къ землѣ, къ ея наслажденіямъ, и рѣдкій не теряетъ памяти, рѣдкій не глохнетъ, не слѣпнетъ! Въ сущности оказывается, что онъ гораздо больше потерялъ, чѣмъ пріобрѣлъ, но онъ этого не чувствуетъ и величается; а если сознаетъ, то только въ тѣ долгіе часы предсмертной болѣзни, когда передъ нимъ открывается вся суета прожитой жизни.

И такъ живетъ огромное большинство людей, въ состояніи умственной слѣпоты. Для него иныхъ законовъ, кромѣ писанныхъ, какъ будто не существуетъ; онъ еще не додумывается и не умѣетъ назвать тѣ неписанные законы, которымъ самъ безсознательно подчиняется отъ начала своего бытія. По нежеланію вдумываться, онъ и не интересуется такимъ, напримѣръ, закономъ природы, по которому самъ можетъ радикально измѣняться вмѣстѣ съ перемѣною условій своей жизни, своего положенія, а потому обыкновенно приписываетъ врожденнымъ, фатальнымъ склонностямъ тѣ благопріобрѣтенныя качества пола, званія, или состоянія, которыя незамѣтно вкрадываются въ людей отъ различія въ положеніяхъ, отъ сословій, выдвинутыхъ однимъ порокомъ для нарожденія другихъ, искусственно вызванныхъ въ человѣкѣ пороковъ. А между тѣмъ законъ этотъ непреложенъ во всѣхъ своихъ примѣненіяхъ, и доказательства его существованія разбросаны по всей землѣ. Крупный его примѣръ мы можемъ видѣть въ доказанномъ фактѣ, что еслибы намъ вздумалось пріучать дѣтей къ постоянной темнотѣ—черезъ нѣсколько поколѣній наши правнуки были-бы слѣпорожденными, такъ и въ мелкихъ примѣрахъ мы можемъ видѣть его проявленіе повсюду.

Нельзя не предполагать, что подобный этому законъ совершается и надъ умственною стороною нашей организаціи: каждая способность, каждое впечатлѣніе, каждая привычка вызываютъ къ дѣятельности которой нибудь изъ нашихъ многочисленныхъ, разнообразнѣйшихъ внутреннихъ органовъ, и дѣятельность ихъ до такой степени обусловлена общею обстановкою существованія даннаго индивидуума, что если извѣстная функція становится практически ненужною, безполезною, то и самый органъ, приспособленный къ ея выполненію, начинаетъ постепенно измѣняться, слабѣть и можетъ даже въ концѣ концовъ совсѣмъ парализоваться. На этомъ основаніи въ насъ функціонируютъ только тѣ крупные, или мелкіе органы нашего одаренія, которые намъ нужны, необходимы въ данное время для охраненія и разнообразной поддержки нашего физическаго, или духовнаго существованія, для нашихъ насущныхъ, безотлагательныхъ потребностей. Иначе сказать—инстинкты побуждаютъ насъ вырабатывать ихъ во имя самосохраненія, или-же отвергать ихъ развитіе по тождественнымъ причинамъ, какъ развитіе вредящіе нашему благосостоянію, какъ совсѣмъ для него безполезное.

Такъ какъ міровые законы вѣчны и непреклонны ни для какого пола, нельзя не предполагать, что подобнымъ естественнымъ измѣненіямъ подвергалось долгими вѣками и женское мозговое одареніе, когда неблагопріятныя обстоятельства мѣшали нормальному свободному развитію способностей По всей вѣроятности оно и теперь подвергается тѣмъ-же измѣ-

неніямъ, въ обратномъ порядкѣ, съ того самого историческаго часа, когда выдающіяся умственныя силы признали необходимымъ повысить уровень женскаго образованія. Съ тѣхъ поръ ея заглохнувшія способности начали постепенно возрождаться: умертвленные, за ненужностью, органы, регуляторы правильной мозговой дѣятельности, принялись функціонировать, тогда какъ выработанные обстоятельствами положенія пороки не преминутъ ослабѣвать, какъ безполезные при измѣнившихся условіяхъ жизни. Самые органы, выполнявшіе потребныя въ прежнее время функціи, мало по малу замрутъ, и къ жизни вызовутся только тѣ зачатки одаренія, работа которыхъ становится необходимою для поддержки желаннаго существованія, для пріобрѣтенія благосостоянія и нравственнаго удовлетворенія, всегда соотвѣтственныхъ личнымъ о нихъ понятіямъ.

Что сказалъ бы теперь геніальный Аристотель при взглядѣ на полезную дѣятельность женщинъ-піонершъ въ области науки? Что сказалъ-бы онъ при видѣ раба, превратившагося въ профессора, который могъ-бы многому научить самого Аристотеля?. Онъ, проповѣдавшій о законченномъ совершенствѣ всего исходящаго изъ рукъ Творца, долженъ былъ-бы нетолько преклониться передъ пріобрѣтеніемъ новыхъ и новыхъ знаній, но еще сознаться, что и величайшіе умы проливаютъ иногда ложный свѣтъ на жизненные вопросы по причинѣ своего несовершенсва, по причинѣ роковой склонности къ подкупности и самомнѣнію, нерѣдко подсказывающему то, чего нѣтъ, и отрицающему то, что есть.

Въ этомъ случаѣ нельзя не преклоняться передъ отсутствіемъ самомнѣнія въ Сократѣ, когда онъ высказывалъ друзьямъ, что при всемъ желаніи и стараніи познать міръ, себя и истину, узналъ только то, что ничего не знаетъ.

Не представляютъ-ли оба эти примѣра яркаго доказательства фатальнаго несовершенства человѣческой приводы, въ которую, повидимому, заложено великое множество всяческихъ задатковъ? И замѣтьте, что если такіе крупные умственные недочеты наблюдаются среди звѣздъ первой величины, то между обыкновенными умами взгляды на жизненное назначеніе со всѣми его условными величинами являются ужъ сосѣмъ странными. Какая масса людей живетъ и умираетъ слѣпцами, до послѣднихъ минутъ не задававшимися самыми интереснымъ для себя вопросами: почему и во имя чего они провели такую, а не иную жизнь, кому и для чего она была нужна? И только передъ входомъ въ иной міръ они съ ужасомъ видятъ, что пренебрегали главнымъ, живя для второстепеннаго.

Еслибъ люди интересовались исторіей въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее понималъ Карлейль.—они относились-бы съ большею цѣлесообразностью ко всему, что такъ близко касается блага человѣчества. Они поняли-бы,

что часто, не смотря на кажущееся высшее образованіе и солидный дипломъ, мы еще пользуемся тѣми живучими сѣменами древнихъ жрецовъ которыя они старательно сѣяли ради поддержанія собственныхъ выгодъ. Это роковое наслѣдство продолжаетъ питать и ублаготворять каждаго, желающаго жить на счетъ невѣжества другого. Жрецы, отлично понимая, что темное царство ихъ должно рушиться отъ проникновенія въ умы свѣта знанія, всѣми мѣрами старались оградить отъ него единоплеменниковъ а достойные наслѣдники ихъ взглядовъ на вещи впослѣдствіи поддерживали въ людяхъ увѣренность, что поползновеніе къ знанію есть не что иное, какъ дьявольское навожденіе, тяжкій грѣхъ, искушеніе нечистаго духа, отъ котораго слѣдуетъ отмаливаться и открещивсться (папы). Кому-же не извѣстно, что въ народѣ этому и до сихъ поръ вѣрятъ, приписывая всѣ послѣдующія невзгоды любознательнаго человѣка,—особенно если онъ изъ простого званія,—наказанію Божьему за дерзкое богопротивное поползновеніе къ знанію? А если таковой имѣлъ несчастіе захворать душевною, или нервною болѣзнью,—про него убѣжденно говорятъ, что онъ «зачитался» и принимаются его «отчитывать».—Вотъ эти-то вліянія и давятъ мысль.

Жрецы и впослѣдствіи были первыми гонителями всякой мысли, всякаго новаго знанія, всякаго шага прогресса впередъ. Эволюція общечеловѣческихъ понятій потому и совершается съ такою возмутительною медлительностью, что осложнившіеся въ массахъ предразсудки представляютъ собою чудовищную стѣну, о которую разбились и продолжаютъ еще разбиваться самыя здравыя умственныя силы.

На сходныхъ возрѣніяхъ воспитывался во всѣ времена и женскій полъ. Съ ранняго возраста дѣвочкамъ давали уродливыя понятія, несообразныя съ законами природы взгляды, и удаляли ихъ отъ серьезныхъ знаній совсѣмъ не потому, чтобы онѣ въ дѣйствительности были обижены природой, противъ своихъ братьевъ, а только вслѣдствіе наслѣдственно-предвзятыхъ и намѣренно державшихся убѣжденій неразумнаго древняго мужчины, что женщинѣ жизнь дана не для того, чтобъ ею пользоваться, совершенствуясь самобытно на ряду съ мужчиною,—но только для того, чтобъ сразу отдать себя въ распоряженіе другого пола. На этой ложной основѣ онъ создалъ себѣ царство; но еслибъ оно было законно, и согласовалось-бы съ Высшими цѣлями Природы,—оно не породило-бы столько зла, и именно это зло свидѣтельствуетъ, что оно незаконно.

Вся исторія намъ указываетъ на властолюбіе мужчины какъ на первый и главный порокъ пола, отъ котораго, во всѣ времена, съ нашимъ включительно, страдало все окружающее, отъ котораго, происходила большая часть и женскихъ пороковъ, и бѣдствій человѣческаго рода. Этотъ

порокъ въ головѣ полузвѣря поработилъ сперва жену и дѣтей; въ лицѣ жрецовъ онъ порабощалъ народы, тормозя ихъ умственное развитіе; потомъ деспоты порабощали десятки, сотни милліоновъ людей, развращая ихъ нравственность; завоеватели всѣхъ странъ стремились къ тому-же.

Какая громада человѣческихъ жизней приносилась въ жертву этому чудовищному пороку, рождающему, сверхъ того, множество другихъ!—Могли-ли экономическія условіи играть во всемъ этомъ исключительно—важную роль?.

Властолюбіе и эгоизмъ — это два родные брата, и взгляды мужчины на женщину тѣсно связаны съ этими основными чертами его личности, выработанными рядомъ вѣковъ. Страдающіе этими пороками способны подтасовывать даже научные выводы, если разрабатываемый предметъ, по своей незаконченности, представляетъ возможность выбора. Иначе не было бы мѣста существующимъ разногласіямъ и противѣчіямъ. Это можетъ быть провѣрено фактомъ, что мужчинѣ съ властолюбивымъ характеромъ женщина не кажется тѣмъ, что видитъ въ ней мужчина миролюбивый и скромный.

Рядомъ съ властолюбіемъ не замедлила воцариться и хитрость, возникшая какъ неизбѣжность, какъ инстинктъ самосохраненія. Звѣроподобный человѣкъ, вообразившій, что все должно покоряться его физической силѣ, не замѣтилъ, что природа одарила людей не одною мускульною силою но и многими другими, которые еще губительнѣе мускульной, потому что дѣйствуютъ безъ шума. Онъ не обращалъ вниманіе на тотъ фактъ, что въ него самого, рядомъ съ мускульною силою, вложена слабость въ половомъ отношеніи, на которой женщина впослѣдствіи создала и себѣ силу, которою также стала понемногу злоупотреблять, заразясь дурнымъ примѣромъ. Это было первою ошибкою существа неосмысленнаго; но когда безтолковому кулаку удалось задержать развитіе женскихъ способностей, и недомысліе женскаго пола сдѣлалось дѣйствительнымъ печальнымъ фактомъ,—на ея искалѣченную природу посыпались новыя ошибки, или клеветы, логично вытекавшія одна изъ другой. Десятками вѣковъ законы, рѣшительно насилуя всѣ стороны женскаго существа, урѣзывая его права на пользованіе жизнью, своимъ личнымъ одареніемъ, и даже своимъ собственнымъ тѣломъ,—довели первообразъ женщины до неузнаваемости. За такой длинный срокъ разнородныя ненормальности не могли не повліять на общій строй женской организаціи, включая сюда всѣ физіологическія и умственныя отправленія, нервную систему, кровообращеніе, характеръ, привычки и склонности, совокупно съ ихъ взаимною и обратною связью, долженствовавшихъ нарушить гармоническое цѣлое, созданное природою.—Не я, ничтожный компиляторъ, но великій Дарвинъ доказывалъ происхожденіе видовъ отъ приспособленій; не я, а великій Кантъ

доказывалъ невозможность полнаго развитія ума или добрыхъ нравственныхъ принциповъ безъ свободы воли. Человѣкъ сперва не понималъ этого, потомъ не желалъ этому вѣрить, и до второй половины девятнадцатаго столѣтія женщина состояла на правахъ предмета полуодушевленнаго, предназначеннаго смотрѣть и видѣть чужими глазами, слушать и слышать чужими ушами, и упрятывать куда хочетъ всякія личныя поползновенія. Вотъ гдѣ истинная драма женской жизни!.

Однако вѣянія времени укрѣпляли настойчивыя стремленія женщины присоединить къ своимъ механическимъ трудамъ и умственные. Проблески выливавшагося наружу, не смотря ни на что, женскаго ума, поддерживаемые истинными доброжелателями общества, помогли ей завоевать частицу общечеловѣческихъ правъ, и такимъ образомъ женщина получила возможность заявлять въ себѣ человѣка. Тогда и мужчинѣ, ознакомившемуся, до извѣстной степени, съ преимуществами цивилизаціи, съ идеями справедливости, а главное съ своими истинными выгодами,—стало совѣстно продолжать практиковать кулачное право, и большая часть интеллигентнаго сословія начала съ того, что признала женское право на знанія. Каждому желающему носить въ сердцѣ справедливыя начала, отрадно было читать благородные доводы въ пользу женскаго образованія, зачатки котораго начали пробивать себѣ дорогу у русскихъ еще со временъ Петра и Екатерины Великой..

Здраво-мыслящимъ людямъ уже давно было понятно естественное стремленіе женскаго пола выдти на свѣтъ Божій и перестать состоять на привязи у кухонъ и разныхъ чулановъ. Для этаго вполнѣ достаточно людей, выбравшихъ себѣ эти занятія какъ профессіональную спеціальность.

Но... едва-ли не преждевременно печать такъ убѣжденно заявляла о наступленіи великаго прогресса цивилизаціи, о крупныхъ шагахъ впередъ!.. Это можно принимать скорѣе за поощреніе едва начинающемуся заявлять о себѣ умственному перевороту за желаніе поддержать движеніе мысли въ единицахъ и расширить закрѣпленныя границы ихъ вліянія, чѣмъ за дѣйствительно закругляющійся фактъ просвѣщенія массы, потому что усовершенствованія сахарнаго производства, изобрѣтенія болѣе коварныхъ орудій смерти, или новыхъ средствъ поддержать старые порядки надо отнести скорѣе къ изворотливости и находчивости ума односторонняго, занятаго исключительно вопросами выгоды, чѣмъ къ наступленію желаннаго прогресса цивилизаціи. Что-же касается главныхъ, важнѣйшихъ вопросовъ человѣческой жизни, разрѣшеніе которыхъ сдѣлаетъ ее нормальнѣе, счастливѣе и осмысленнѣе,—къ нимъ еще почти не прикасаются, и наше мнимо-цивилизованное общество еще полно предразсудковъ, унаслѣдованныхъ отъ предковъ.

Такъ, даже въ Америкѣ, гдѣ, кажется, всѣ отрасли умственнаго развитія несутъ знамя первенства,—не могутъ еще освободиться отъ кастовыхъ предразсудковъ: и тамъ еще не отвыкли притѣснять тѣхъ самыхъ негровъ, за общечеловѣческія права которыхъ такъ горячо ратовала эта страна, за освобожденіе которыхъ было пролито, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, цѣлое море человѣческой крови. Чувство справедливости и потребности къ освѣщенію крупнѣйшихъ для человѣчества вопросовъ развиваются такъ туго въ головахъ людей, что возмужалыя дѣти и внуки освобожденныхъ Негровъ, успѣвшіе уже блистательно доказать свою правоспособность, еще многое терпятъ за черноту своей кожи. Въ Массачузетѣ, напримѣръ, Негровъ принимаютъ только на такія служебныя мѣста, которыя считаются бѣлыми неприглядными; въ большинствѣ Сѣверныхъ Штатовъ запрещены браки бѣлыхъ съ черными; въ дни народныхъ праздниковъ—для Негровъ приготовляются отдѣльныя мѣста, такъ какъ бѣлыя не считаютъ ихъ себѣ равными; еще недавно писали, что у Негровъ, добившихся ученыхъ степеней доктора, адвоката и т. п., кліентами бываютъ одни чернокожіе: бѣлые считаютъ для себя унизительнымъ обращаться за совѣтомъ къ Негру. Въ нѣкоторыхъ штатахъ на желѣзныхъ дорогахъ Негровъ помѣщаютъ въ отдѣльныхъ отъ бѣлыхъ вагонахъ,—въ другихъ—солдаты изъ Негровъ составляютъ особые отряды, предводительствуемые офицерами изъ бѣлыхъ. А между тѣмъ Негры въ короткой срокъ уже успѣли доказать свои умственныя способности, свою готовность стать полезными и честными дѣятелями. Нѣкоторые изъ нихъ успѣли даже пріобрѣсти извѣстность, какъ ораторы, художники, или какъ ученые, какъ напр. Боникеръ. Негры издаютъ и редактируютъ много газетъ, изъ которыхъ многія пользуются извѣстностью за предѣлами своихъ штатовъ и считаются вліятельными. Негры сдѣлали также много для распространенія образованія; въ ихъ училищахъ дѣло поставлено отнюдь не хуже, чѣмъ у гордыхъ бѣлыхъ: нормальная школа въ Новомъ Орлеанѣ выпускаетъ ежегодно около 500 учителей—Негровъ.

Но никакія доказательства не преодолѣютъ зла, когда оно держится на почвѣ личной выгоды, на ни на чемъ не основанномъ самомнѣніи.—Подобное этому происходитъ и въ другихъ странахъ. Въ Англіи, такъ богатой выдающимися умами, былъ яркій тому примѣръ не такъ давно. На географическомъ конгрессѣ 1895 года въ Лондонѣ собралось множество ученыхъ спеціалистовъ, путешественниковъ, разнаго рода изслѣдователей, но ни который изъ этихъ господъ не доказалъ своего права на званіе истинно-цивилизованнаго человѣка, когда рѣчь зашла о необходимыхъ мѣропріятіяхъ въ Африкѣ, куда завидныя пріобрѣтенія привлекали не малое количество жадныхъ глазъ прогрессирующей Европы. Изъ всей массы присутствовав-

шихъ мужей оказался одинъ только французскій изслѣдователь, г. Дэкль, со взглядами истинно-цивилизованнаго человѣка. Въ то время какъ остальные выдвигались другъ передъ другомъ въ изобрѣтеніи разнаго рода крутыхъ мѣръ для подчиненія туземцевъ,—онъ одинъ отважился порицать предложенныя мнѣнія и сказать нѣсколько словъ въ пользу справедливости: «*Общность поступковъ Европейцевъ, рѣшившихся раздѣлить между собою такъ называемыя свободныя территоріи Африки, настолько неблаговидна, что не можетъ имѣть оправданія: это рядъ самыхъ безшабашныхъ насилій подъ ловко придуманнымъ предлогомъ воображаемаго добра; это худшій изъ способовъ водворять цивилизацію въ необразованной странѣ, способъ, неминуемо ведущій за собою злобу, месть и кровь! Увѣренные въ успѣхѣ при своей вооруженной силѣ передъ всесторонне безсильными туземцами, цивилизованные Европейцы сами подаютъ безславный примѣръ попранія всякихъ естественныхъ и національныхъ правъ человѣка. Не такими путями слѣдовало-бы доказывать преимущества цивилизаціи, нѣтъ! Для того чтобъ пожать дѣйствительную обоюдную пользу, Европейцы должны прежде всего употреблять такія мѣры, которыя гуманностью, умомъ и правдою покоряли-бы все существо бѣдняковъ, лишенныхъ свѣта знанія*». (Г. Дэкль успѣшно доказалъ, что наша цивилизація не мѣшаетъ людямъ сохранять нравственную связь съ троглодитомъ).

Вѣроятно читательницы согласятся, что въ такихъ именно понятіяхъ и заключается вся суть цивилизаціи, что стремленіе развивать ихъ въ обществѣ, по крайней мѣрѣ наравнѣ съ другими отраслями умственныхъ пріобрѣтеній, и составятъ ту капитальную разницу, которая должна существовать между человѣкомъ и звѣремъ. И не забавно-ли, что царь земли, сохраняя всѣ претензіи на свое человѣческое достоинство, не желаетъ въ то-же время разставаться съ своими привычками хрюкать и рычать, не умѣетъ укрощать въ себѣ алчность и заботливо культивируетъ свою способность дѣйствовать по методу звѣрей, возстановляя правду зубами. Въ этомъ смыслѣ прогрессъ его такъ ничтоженъ, что незамѣтно разницы между тѣмъ, что происходило съ Неграми и африканскими территоріями, и тѣмъ, что происходитъ нынѣ съ Бурами и Китайцами.

Приблизительно тотъ-же образъ поступковъ мы видимъ и въ вопросѣ о женскихъ правахъ на званіе человѣка. На рядъ статей г. Песковскаго, не говоря уже о Д. С. Миллѣ, Легувэ и немногихъ другихъ, можно было смотрѣть какъ на рѣдкій фактъ безкорыстнаго и безбоязненнаго выраженія честныхъ мыслей. Общественное-же мнѣніе почти во всѣхъ сословіяхъ заявляло закоренѣлость, настойчивое желаніе сохранить старыя возрѣнія, при которыхъ женскій полъ, какъ неспособный ни къ чему путному, дол-

женъ былъ быть предоставленъ тому лицу мужского пола, на усмотрѣніе коего отдавался по закону. И какъ только открылся вопросъ о женской правоспособности, нѣсколько разстроивающей привычное и удобное для мужскаго пола міровоззрѣніе, уличающей его въ недомыслiи прошлаго, обязывающей его къ небольшимъ уступкамъ, наконецъ лишающей его цѣльности власти,—всѣ присущія ему слабости заговорили разомъ: и эгоизмъ, и привычки, и властолюбіе, и самомнѣніе, и все это въ совокупности вызвало такой энергичный протестъ большинства, что въ первое время многіе готовы были принять такое естественное движеніе за что-то угрожающее общественному спокойствію. Піонерши эмансипаціи, притомъ болѣе воображаемой, чѣмъ дѣйствительной, сильно страдали въ общественномъ мнѣніи; родители крѣпко оберегали отъ нихъ дочерей, и обстриганіе волосъ, или ношеніе очковъ считалось нигиллизмомъ.

За короткое время печать выпустила множество русскихъ и переводныхъ статей объ одномъ этомъ предметѣ, такъ что интересующимся имъ приходилось откладывать всякое другое чтеніе, чтобъ имѣть возможность разобраться въ этой коллекціи разностороннихъ сужденій объ особѣ женщины. Ученые спеціалисты по части прилежащихъ наукъ также сочли долгомъ высказаться по этому поводу. Начались обзоры ея существа со всѣхъ сторонъ: физіологія, психологія, антропологія, философія, анатомія, статистика взялись общими силами «обнажить», такъ сказать, сущность женщины со всѣми ея фибрами, чтобъ разрѣшить эту общественную задачу и дать, по возможности, серьезный отпоръ смѣшной мысли, взволновавшей людскія головы чуть не въ первый разъ отъ сотворенія міра [1]).

Вопросъ о неправоспособности женщины былъ рѣшенъ ужъ много вѣковъ назадъ, и противныя мнѣнія нѣкоторыхъ единичныхъ умовъ ничего тутъ не значили: все шло тихо, хорошо, и вдругъ... Еще можно было рѣшить въ утвердительномъ смыслѣ, что негры такіе-же люди; еще можно было согласиться, что и женщина обладаетъ общечеловѣческою душою; но это... Это просто ни съ чѣмъ не сообразно!

За учеными спеціалистами слѣдовала цѣлая плеяда лицъ, преимущественно мужского пола: одни спѣшили высказать свои личныя мнѣнія и вкусы; другіе подхватывали на лету модную тему ради гонорара. Нѣкоторыя женщины, чувствуя себя хорошо въ пригодной для нихъ рамкѣ, также пожелали заявить о своемъ благонравіи, чтобъ заслужить относительное уваженіе мужей, 12 балловъ за поведеніе, или аттестатъ зрѣлости отъ судопроизводителей, для дальнѣйшей дѣятельности этого рода.

---

[1]) Если исключить кратковременныя и неудачныя намѣренія римскихъ императоровъ.

Если только это не лицемѣріе, то онѣ никакъ не заслуживаютъ осужденія, потому что поступали сообразно своему личному одаренію, не требующему ничего иного. Такого рода типы встрѣчаются и между мужчинами: они до такой степени втягиваются въ свою служебную карьеру, что внѣ ея для нихъ нѣтъ ничего любопытнаго. Заговорите съ лакеемъ о какомъ нибудь общественномъ вопросѣ,—онъ не съумѣетъ взглянуть на него иначе, какъ съ точки зрѣнія лакея; прозондируйте, по возможности, его сердце,—и тамъ найдете одного лакея; попробуйте завлечь его въ какое нибудь скабрезное похожденіе,—сладкая улыбка его показываетъ, что онъ-бы и очень не прочь, да вотъ какъ взглянетъ на это дѣло баринъ: а если донесутъ?.. Только это и удерживаетъ его отъ сквернаго поступка.

Природа безконечно разнообразна въ своихъ твореніяхъ!

Изъ женскихъ авторовъ особенно пикантно изобразила всестороннее, но неестественное презрѣніе къ своему полу нѣкая г-жа Маргольмъ, женщина полу-нѣмецкаго происхожденія; но какова-бы ни была подкладка ея эффектнаго самоуничиженія, и какъ-бы удачны, или неудачны, ни были подобранные ею примѣры,—ей не удалось, подъ личиною смиренія, скрыть свою собственную натуру, потому что самый писательскій темпераментъ ея уже доказываетъ, что она отнюдь не принадлежитъ къ тому разряду скромницъ, которыя ничего не требуютъ отъ жизни для себя лично.

Красивыя рѣчи ея представляютъ скорѣе варіантъ на тотъ неприглядный женскій типъ, выработанный исторіей женской культуры, который, изготовляя дурацкій колпакъ на голову мужчины, дѣлаетъ видъ, что надѣнетъ его на себя. И во всякомъ случаѣ картины ея незакончены: ярко освѣтивши нецѣльность женщины безъ мужчины, она оставила въ глубокой тѣни картину нецѣльности мужчины безъ женщины и такимъ образомъ нанесла вредъ обѣимъ половинамъ человѣка, одинаково извращая ихъ обоюдныя понятія другъ о другѣ.

Непродуманное отношеніе автора къ серьезной сторонѣ жизненныхъ вопросовъ особенно замѣтно въ ея статьѣ о С. Ковалевской, такъ что польскій писатель о томъ же предметѣ, г. Натковскій, оставляетъ г-жу Маргольмъ далеко позади себя.

Молодые и старые авторы разныхъ книгъ и брошюръ разсматривали женщину, кажется, со всѣхъ возможныхъ и даже невозможныхъ точекъ зрѣнія, хозяйничая въ ея душѣ, умѣ, сердцѣ и призваніи какъ въ своемъ домѣ: здѣсь—точка зрѣнія оскорбленнаго, или воображающаго себя таковымъ, супруга; тамъ—точка зрѣнія шутника; а дальше чувствуются точки зрѣнія кабинетнаго труженика, или доброжелательнаго отца, успѣшно вложившаго въ дочерей свой взглядъ на вещи, эпикурейца, властелина,

и т. п. Однимъ словомъ—неразобраннымъ осталось только то, чего настоятельно требуетъ сама жизнь, идущая иногда вразрѣзъ многимъ желаніямъ и вкусамъ.

Одинъ почтеннѣйшій авторъ даже нарисовалъ, для большей силы убѣжденія, руку троглодита рядомъ съ нѣжною ручкою барышни. Разумѣется, нельзя отрицать, что среди цивилизованныхъ обществъ имѣются сословія, гдѣ выхоленная, часто совсѣмъ праздная женская ручка отличается особеннымъ изяществомъ и бѣлоснѣжностью кожи, выдающими физическое безсиліе; но съ нею никакъ нельзя сравнивать мозолистыхъ рукъ работницъ другихъ сословій, трудящихся на пашняхъ, огородахъ, за стиркой бѣлья и т. п. Еслибъ нарисовать въ той же книгѣ руку простой бабы, вѣчно занятой грубой работой, рядомъ съ рукою барствующаго господина, который наводитъ блескъ на ногти и не дотрогивается ни до чего нечистаго, — то на рисункѣ женская рука будетъ принята за мужскую, и наоборотъ.

Обо всѣхъ этихъ произведеніяхъ мы говорить не будемъ. Но нельзя не коснуться тѣхъ книгъ и статей по женскому вопросу, авторы которыхъ, несмотря на свою интеллигентность, упускаютъ главное, т. е. мало считаются съ прошлымъ, и черезъ это либо дѣлаютъ выводы односторонніе, либо строятъ ихъ на ложной основѣ. Этимъ страдаетъ огромное большинство авторовъ мужского пола, и болѣе другихъ—нѣмцы.

Такая странность въ людяхъ, повидимому, серьезныхъ, образованныхъ и дѣльныхъ, должна имѣть объясненіе, и мы постараемся вникнуть въ тѣ причины, которыя могли ее породить.

Какую-бы профессію, или безкорыстную дѣятельность, ни избралъ себѣ человѣкъ,—онъ прежде всего тотъ индивидуумъ съ субъективными особенностями своего «я», которыя онъ впиталъ въ себя многоразличными путями наслѣдственности, вліяній, раннихъ привычекъ, воспитанныхъ идей и т. д., и будь этотъ человѣкъ докторомъ, крестьяниномъ, философомъ, королемъ, полководцемъ, или беллетристомъ,—вліянія индивидуума съ его особенностями будутъ непремѣнно отражаться на всей его дѣятельности.—Объ исключеніяхъ говорить нечего, ихъ вездѣ много; но преобладающій типъ характера каждой націи, сложившійся подъ вліяніемъ сходственныхъ условій, не вымираетъ безъ особыхъ, историческихъ причинъ

Такъ, личность нѣмца новой исторіи, коллективно съумѣвшаго создать видное политическое положеніе своей родинѣ, гордящагося побѣдами, дисциплинированностью, силою оружія и вліятельностью своей страны,—пріобрѣла и сохраняетъ особенно развитую вѣру въ авторитетность своего «я».—Подобная вѣра съ одной стороны завидна, такъ какъ можетъ способствовать достиженію крупныхъ цѣлей, но съ другой стороны она мо-

жетъ быть и положительно вредною, когда, обратившись въ привычку, дѣйствуетъ съ одинаковою настойчивостью и въ вопросахъ пользы и въ вопросахъ очевидной невѣрности взгляда.

Не смотря на несомнѣнныя національныя достоинства, заурядный нѣмецъ и англичанинъ, большею частью, одержимъ недугомъ самомнѣнія. Обѣ эти націи, болѣе другихъ способныя относиться съ сухою серьезностью ко всякому вопросу, будь онъ хоть самымъ возмутительнымъ, — серьезнѣе другихъ смотрятъ и на предразсудокъ обязательности подчиненія женскаго пола мужскому, и на предразсудокъ превосходства послѣдняго передъ первымъ. Нѣмецъ, напримѣръ, не мирится съ сознаніемъ, что женщина живетъ не для него, но во имя тѣхъ же тайныхъ цѣлей міросозданія, ради которыхъ существуетъ и онъ самъ, и что, слѣдовательно, всѣ женскія стремленія, лежащія въ законахъ ея природы, не могутъ быть подчинены его волѣ, потому что постольку же самобытны, какъ его собственныя. Вѣдь только при подобныхъ недоразумѣніяхъ и могло распространиться женское подневоліе. Но оба вѣрятъ крѣпко въ непогрѣшимость своихъ сужденій на этотъ счетъ, пренебрегая знаніемъ, что чѣмъ настойчивѣе требованія, утвержденныя на силѣ кулака, тѣмъ глубже укрѣпляется духъ протеста, выражающагося весьма разнообразно.

Яркимъ примѣромъ такого самомнѣнія можетъ служить всѣмъ извѣстная, ставшая историческою, личность Бисмарка, который съ одной стороны заявлялъ во многомъ умъ крупный, а съ другой былъ жалокъ, когда запальчиво кричалъ, что презираетъ и законы, и общественное мнѣніе, если они загораживаютъ дорогу его дѣйствіямъ.

Такъ и великій сокрушитель Наполеонъ, полный самомнѣнія, былъ смѣшонъ, когда говорилъ: «L'état-c'est moi!»

Оба эти честолюбца, вѣровавшіе въ XIX вѣкѣ въ непобѣдимость насилій, эти злые геніи человѣчества, создавшіе величіе родинъ на кровавой основѣ, на которыхъ нѣмцы и французы молились какъ на воплощеніе своихъ идеаловъ,—могутъ ли они служить представителями желательнаго типа человѣка.

Самомнѣніе составляетъ естественный плодъ воспитанія мужского пола всѣхъ національностей и сословій, и въ исторіи человѣчества играетъ роль обоюдоострaго меча.

Бѣглый взглядъ на одно изъ обыденныхъ явленій народной жизни можетъ послужить нѣкоторой иллюстраціей того, что развитіе самомнѣнія, доходящаго нерѣдко до наглости, считается дозволительнымъ для мальчиковъ съ раннихъ лѣтъ, такъ какъ на это всѣ охранители народныхъ нравовъ смотрятъ сквозь пальцы. Посмотрите на нашихъ уличныхъ мальчишекъ, которые безобразничаютъ въ городахъ на каждой улицѣ, подни-

мая оглушительные крики, свистки, осмѣивая прохожихъ, или заводя подъ чужими окнами шумныя драки, нарушающія покой больныхъ, или умственныя занятія жильцевъ нижнихъ этажей. На все это они пріучаются не обращать вниманія и не стѣснять своихъ дикихъ прихотей ничѣмъ. Если какой нибудь блюститель порядка и вздумаетъ имъ пригрозить по собственной иниціативѣ,—они спасаются по заячьему способу, и дѣло съ концемъ; а затѣмъ начинаютъ снова: гдѣ подставятъ ножку старухѣ, гдѣ засвистятъ подъ самое ухо старику, гдѣ хлопнутъ по животу беременную, и заливаются хохотомъ надъ своимъ остроуміемъ. Кто этого не знаетъ изъ ходящихъ преимущественно пѣшкомъ, или изъ живущихъ въ нижнихъ этажахъ?..

Парижскіе «gamins» извѣстны всей Европѣ безшабашностью своего поведенія и устройствомъ всякаго рода скандальчиковъ;—но противъ такой испорченности нравовъ съ дѣтскихъ лѣтъ никто ничего не имѣетъ, и богатый Парижъ почему-то не считаетъ нужнымъ принять какія нибудь положительныя мѣры, ни для обузданія маленькихъ дикарей, ни для обезпеченія отъ нихъ публики.

Даже въ передовой Америкѣ не переводятся «Loafers». Путешественники разсказываютъ и печатаютъ, что эти уличные обыватели совершенно безнаказанно оскорбляютъ иностранцевъ своими дерзкими выходками. Эти не только забѣгаютъ передъ пріѣзжимъ, на улицѣ, и въ глаза осыпаютъ его насмѣшками, но еще позволяютъ себѣ дергать его за бороду, или за эспаніолку, по той уважительной причинѣ, что глазъ ихъ, видите-ли, не согласенъ мириться съ подобными украшеніями лица!

Прошедшимъ лѣтомъ мнѣ лично случилось наблюдать факты еще худшіе. Такъ, напримѣръ, въ окрестностяхъ столицы, въ паркѣ частнаго владѣльца, построено до десятка домовъ для дачниковъ. Хозяинъ устроилъ для дѣтей своихъ дачниковъ качели, которыми имѣли право пользоваться около 40 дѣтей разнаго возраста. Мальчики, разумѣется, часто обижали дѣвочекъ, не допуская ихъ до качелей; но такъ какъ встрѣчались и жалобы, и расправы, то дѣвочкамъ все-таки удавалось качаться компаніями. Но вотъ мальчики придумали особое средство для безраздѣльнаго пользованія удовольствіемъ: какъ только старшія дѣвочки, лѣтъ 12—14, стоящія на концахъ качелей, высоко раскачаютъ младшихъ, мальчики отъ 8—14 лѣтъ сбѣгутся (сговорившись, вѣроятно, ранѣе), окружатъ качели и, наклоняясь до земли, заглядываютъ съ громкимъ хохотомъ подъ раздувающіяся платья... Родители, разумѣется, узнавши объ этомъ, сами запрещаютъ дочерямъ качаться, во избѣжаніе скандаловъ и ссоръ, и такимъ образомъ дѣвочки служатъ козломъ искупленія непозволительныхъ поступковъ мальчиковъ совершенно такъ же, какъ это практиковалось въ

древней Греціи; а наглость и безстыдство мальчиковъ доставляетъ имъ желанное торжество.

Очень можетъ быть, что многіе изъ этихъ мальчиковъ со временемъ измѣнятся подъ благотворнымъ вліяніемъ измѣнившейся среды; но и среда эта не вездѣ благотворна, и на большинствѣ такое отсутствіе всякой дисциплины относительно хотѣній своего «я» конечно оставитъ слѣды при нравственной формировкѣ будущаго дѣятеля и семьянина.

Обыкновенно родители склонны приписывать гадкія выходки сыновей шалости, хотя эти шалости причиняютъ иногда полное несчастіе людямъ другого пола. «Молодости свойственны разныя проказы,—говорятъ они: нельзя-же безъ этого! Мальчикъ долженъ пріучаться къ свободѣ, ему необходимо пользоваться ею и развивать въ себѣ мужественность!» И тутъ начинается полное смѣшеніе понятій: наглость, дерзость, безшабашность, нахальство причисляются къ мужественности, и въ то-же время принципы этой мужественности считаются выше принциповъ женственности, требующей деликатности и скромности...

Но допустивъ, что подобные случаи встрѣчаются не часто, мы видимъ, что, поднимаясь по сословной лѣстницѣ до той ступени, гдѣ на внѣшнюю благовоспитанность и приличія обращается главное вниманіе воспитателей, самомнѣніе мальчиковъ выражается въ другой формѣ: они относятся съ болѣе или менѣе снисходительнымъ пренебреженіемъ къ сестрамъ, избѣгаютъ общества сверстницъ, кичатся большими, противъ нихъ правами на свободу, превосходствомъ своихъ гимназическихъ преподавателей, карманными деньгами, ношеніемъ часовъ и другими мелкими привиллегіями своего пола, которыя, тѣмъ не менѣе, начинаютъ уже уязвлять самолюбіе сверстницъ. Часто случается также, что 10-ти лѣтній братъ провожаетъ 15-ти лѣтнюю сестру въ учебное заведеніе: отъ кого собственно онъ защищаетъ сестру на улицахъ городовъ цивилизованныхъ народовъ, какъ не отъ распущеннаго поведенія мужского пола? А между тѣмъ сестра является какъ-бы отвѣтчицей за это; самъ малолѣтній братъ уже смотритъ на нее не какъ на равную, но какъ на покровительствуемую имъ, и это не можетъ не отражаться на ея самочувствіи. На этой почвѣ родится сперва самомнѣніе, а за нимъ, какъ его естественное послѣдствіе,—властолюбіе, которому женщина, въ силу даннаго ей положенія, вынуждена потворствовать.

Между четвероногими животными, не одаренными прогрессомъ разума, вопросъ этотъ стоитъ иначе. Такъ какъ здѣсь не имѣется нравственныхъ принциповъ, то вся жизнь сводится къ борьбѣ за существованіе и къ продолженію рода (причемъ сладострастіе и жестокость идутъ всегда рука объ руку); но никакихъ стремленій къ дальнѣйшей власти надъ самкой

между животными не замѣчается, и жестокость проявляется не относительно самки, но относительно живыхъ препятствій къ плотскому удовлетворенію. Дарвинъ указываетъ, что связь между сладострастіемъ и жестокостью существуетъ и у людей съ тѣхъ самыхъ поръ, когда самцы-люди убивали другъ друга изъ-за обладанія самкой, которая преспокойно ждала побѣдителя, не тревожа себя ни въ пользу котораго изъ дравшихся.

А ученый нѣмецкій физіологъ находитъ, что въ мужскомъ организмѣ половые органы составляютъ только придатокъ! На этомъ надежномъ основаніи онъ ставитъ пьэдесталъ для высокихъ стремленій своего пола, предоставляя низменныя—женскому.

Слѣдовательно, одною изъ причинъ, способствующихъ развитію самомнѣнія можетъ быть общій характеръ мужскаго воспитанія.—Вторая причина лежитъ гораздо глубже.

Преимущество физической силы было первымъ поводомъ, на которомъ человѣкъ-самецъ создалъ свое превосходство передъ человѣкомъ-самкою. Но вѣдь самка остается навсегда самкою, равнымъ образомъ и самцу не предназначено прогрессировать. Отчего-же, обращаясь постепенно въ человѣка, большинство мужчинъ такъ долго держится традиціонныхъ инстинктовъ самца?

Первымъ толчкомъ, давшимъ, такъ сказать, законный ходъ дальнѣйшему развитію въ мужчинѣ чувства своего превосходства передъ женщиной, была—древняя религія. Изъ нея каждый народъ почерпалъ свои понятія, всегда сообразныя съ личными склонностями и съ желаемыми условіями жизни. Имена изобрѣтателей первобытныхъ религій остались навсегда тайною; но въ ихъ религіяхъ человѣчество нашло первую сокровищницу готовыхъ воззрѣній.

Въ тѣ времена еще не понимали, что если религія включаетъ въ себя чьи бы то ни было интересы, она уже падаетъ, такъ какъ сама подрываетъ людскую вѣру въ святость своихъ основъ и клевещетъ на Высшую Силу, составляя такимъ образомъ родъ секты, вошедшей въ сдѣлки съ продажною совѣстью. Позднѣе, религіи не одинъ разъ сами отравляли чистый источникъ, изъ котораго человѣку было предоставлено черпать правду, добро и силы для самоусовершенствованія.

Въ наше время сравнительнаго процвѣтанія наукъ, начинающихъ освѣщать многое, въ наше время рождающихся сомнѣній,—всякій мыслящій человѣкъ склоненъ вдумываться въ окружающее и вырабатывать для себя болѣе или менѣе правильное міровоззрѣніе. Но въ глубой древности умы были значительно скованы религіей, такъ какъ при вмѣшательствѣ въ нея высшихъ силъ не было мѣста для разсужденій. Надо было вѣрить слѣпо, и служители боговъ заботились объ этомъ тѣмъ съ

большимъ рвеніемъ, что съ поддержаніемъ религіозныхъ вѣрованій были тѣсно связаны ихъ личныя выгоды. Жрецы [1]) жили на счетъ невѣжества массы, а религія долгое время замѣняла гражданскіе законы.

До пришествія Христа религіи видоизмѣнялись, разнообразились въ толкованіяхъ и дополнялись, но оставались вѣрны основному началу, положенному въ глубокой древности.—Люди не сразу поняли великій смыслъ ученія Христа, и большинство, перемѣшавши его съ прежними понятіями, старалось служить новымъ идеямъ, не покидая въ тоже время старыхъ. Слабость умственнаго развитія не допускала человѣка понять, что основы древняго и новаго ученія діаметрально противоположны. Прямымъ послѣдствіемъ этаго являлись такія религіозныя недоразумѣнія, что сами ревнители новаго ученія оказывались первыми гонителями науки, первыми истребителями всего, что проливало свѣтъ на истину. Исторія даетъ намъ множество примѣровъ гоненія ума.

Какъ и въ глубокой древности, каждый народъ воспринялъ и позднее новое ученіе сообразно съ личными понятіями его толкователей, ставшихъ во главѣ. Нѣкоторые изъ нихъ показали себя достойными наслѣдниками жрецовъ, когда, своимъ вліяніемъ на народныя массы, ухитрились нетолько раздѣлить, изъ-за мелочей, то, что было сказано Великимъ Учителемъ съ такою простою и ясною мудростью для всего человѣчества, но еще и заводить изъ-за этого крупныя распри. Такимъ образомъ, имѣя видъ защитниковъ ученія, они въ дѣйствительности стояли его врагами, когда совершали какъ разъ обратное тому, чему училъ Христосъ.

Однако подобная раздвоенность понятій не мѣшала охранителямъ мѣстныхъ религіозныхъ вѣрованій стараться пріобрѣтать въ свой лагерь наивозможно большее количество послѣдователей, и способами ихъ привлеченій, связанными съ личными особенностями каждаго изъ нихъ,—постепенно охарактеризовались ихъ послѣдователи, т. е. націи. Эти особенности незамѣтно вошли въ составъ народнаго характера, вложили въ него извѣстныя черты, пріобрѣли себѣ гражданственность, и тамъ, напримѣръ, гдѣ Полякъ беретъ изысканною элегантностью лестныхъ рѣчей, Французъ—обаяніемъ красивой внѣшности, Англичанинъ—сухою, безсердечною практичностью, а Русскій минорнымъ тономъ, «жалкими словами» или уступчивостью.—Нѣмецъ убѣждаетъ тѣмъ, что высказывая даже свое личное умозаключеніе, какъ будто священнодѣйствуетъ.—Слѣды такихъ пріемовъ сохранились до нашихъ дней, и для провѣрки существующей здѣсь аналогіи достаточно посѣтить храмы различныхъ вѣроисповѣданій.

[1]) А впослѣдствіе и папы.

чтобъ приглядѣться къ принятымъ способамъ вліянія священнослужителей на паству.—Ксендзъ своимъ бѣлоснѣжнымъ одѣяніемъ и блескомъ обстановки возвѣщаетъ о непогрѣшимости своего сана и ученія, онъ устраиваетъ религіозныя процессіи, въ которыхъ изображающая Богоматерь изящная женская фигура одѣта въ богатѣйшіе наряды изъ лучшихъ матерій и драгоцѣнныхъ камней: онъ покоряетъ обаяніемъ внѣшности.—Англиканскій священнослужитель внушаетъ невольный трепетъ величественною строгостью стиля грандіознаго храма въ соединеніи съ холодною серьезностью общаго тона богослуженія. Русскій священникъ поучаетъ смиренію, онъ подчеркиваетъ его покорностью своего женоподобнаго голоса, и голосъ этотъ имѣетъ рѣшающее значеніе передъ трубными звуками какъ-бы бунтующаго діакона, который преклоняется, цѣлуя благословляющую руку. Въ церкви русскій священнослужитель олицетворяетъ собою кротость, простодушное сознаніе своего и всенароднаго ничтожества передъ лицемъ Бора. (Въ этого рода вліяніи духовнаго отца на паству слѣдуетъ, быть можетъ, искать одну изъ причинъ, что и нравы рускіе, и законы относились всегда къ женщинѣ мягче, чѣмъ въ другихъ странахъ. И здѣсь она была зависима и унижена, но, сравнительно,—менѣе. Лучшему состоянію нравовъ много содѣйствовало и то, что Россія была долгое время изолирована отъ западно европейскихъ вліяній).

Нѣмецкій пасторъ, отбрасывая всякій внѣшній блескъ, обращается съ проповѣдью къ слушателямъ какъ вдохновенный посланникъ небесъ. Онъ декламируетъ какъ талантливый артистъ, съ полнымъ сознаніемъ своей священной роли, и завершаетъ рѣчи такимъ торжественнымъ «Amen», что рѣдкій не чувствуетъ себя взволнованнымъ этимъ потрясающимъ нервы эффектомъ.

Хотя Высшая Сила не нуждается ни въ одномъ изъ внѣшнихъ способовъ поклоненія, хотя религіозное вѣрованіе, зрѣющее внутри насъ путемъ сознанія, не требуетъ никакихъ эффектовъ,—но, пока душа наша облечена плотью, послѣдняя имѣетъ свои неотъемлемыя права на участіе во всѣхъ отправленіяхъ человѣческой жизни, такъ что приподнятая увѣренность тона отчасти понятна въ проповѣди пастыря. За то она дѣлается совершенно неумѣстной, когда авторъ подкупаетъ ею несвѣдующихъ читателей въ такихъ вопросахъ, которые никоимъ образомъ не могутъ считаться рѣшенными и закрытыми, и такимъ образомъ тормозить правильный ходъ ихъ выясненія. Въ женскихъ вопросахъ нѣмецкія книги часто страдаютъ этимъ. Кромѣ того, для самоувѣренности Нѣмца имѣется еще довольно важная поддержка, закругляющая, такъ сказать, общія причины его самомнѣнія: она заключается въ выработанной покладистости

характера его супруги, въ ея покорности и терпкости, такъ что на сѣренькомъ фонѣ ея уступчивости выдаются еще рельэфнѣе выпуклости его мужскихъ доблестей. Все воспитаніе Нѣмки, вплоть до нашихъ временъ, представляло большое сходство съ греческимъ во многихъ отношеніяхъ; оно не давало хода ея умственому развитію, но клонилось къ тому, чтобъ выучить ее покорно нести на своихъ плечахъ матеріальныя удобства и умственное величіе ожидающаго ее супруга. Ее съ дѣтства старались пріучить относиться благоразумно къ крупной разницѣ въ образованіи съ братьями, не совать носа въ умныя дѣла мужского пола и довольствоваться скромными занятіями рукодѣльемъ, экономнымъ веденіемъ хозяйства и нѣжною чувствительностью. Все это прекрасно тогда, когда соотвѣтствуетъ природному одаренію, и безбожно, когда прививается насильственнымъ образомъ. Дѣтскія игры въ тряпочки и ленточки не помогаютъ развитію умственныхъ способностей, также какъ отсутствіе здоровыхъ тѣлодвиженій не способствуетъ развитію общихъ силъ и энергіи; а если къ этому прибавить, что кроткое послушаніе и воспитанное сознаніе своего превосходства изображаютъ собою типы двухъ совершенно различныхъ людей,—становится понятнымъ, на какого рода пьэдесталахъ воздвигается большая часть человѣческаго величія. Послѣ этаго нѣтъ ничего удивительнаго, если между мужчиной и женщиной не замѣчается никакого сходства по характеру ума и способностей.

Каковъ былъ у Нѣмцевъ спросъ, таково было и предложеніе.

Но все это уже отошло въ вѣчность, и передовыя Нѣмки, отстававшія въ умственномъ отношеніи отъ своихъ сестеръ другихъ народностей, съумѣли, повидимому, отодвинуть кухонные интересы на второй планъ, предоставили машинамъ вязаніе чулокъ и нашли дорогу къ болѣе широкой дѣятельности своего долго забитаго мозга. Въ настоящее время Нѣмки не только догнали шедшихъ впереди, но еще перегнали нѣкоторыхъ.

Нѣмецъ-же еще не въ силахъ отбросить своихъ старыхъ воззрѣній на женскій полъ, и большею частью держится предвзятыхъ, въ этомъ отношеніи, идей. Поддержанный на пьэдесталѣ воспитанными привычками, лучшимъ, противъ женщины, образованіемъ, слѣдовательно и высшимъ положеніемъ въ семьѣ, Нѣмецъ говоритъ такъ смѣло, увѣренно и внушительно, что какъ-бы гипнотизируетъ насъ, и мы не смѣемъ ему не вѣрить.

Тѣмъ не менѣе и Нѣмцы изстари умѣли придавать поэтическую обстановку своимъ половымъ вкусамъ. Въ древности они приписывали женщинѣ сверхъестественный даръ общенія съ внѣчеловѣческимя силами; позднѣе у однихъ Нѣмцевъ существовало рыцарское воздаяніе внѣшняго почета дамамъ. Но здѣсь интереснѣе всего подкладка, потому что нынче опредѣляютъ рыцарство совсѣмъ не такъ, какъ было долгое время при-

нято исторіею его понимать. Одинъ писатель говоритъ: «*Подъ рыцарскою честью, воздаваемою дамамъ, скрывалось униженіе женщины, потому что комедія съ излишнимъ величаніемъ дамъ ни на одну іоту не прибавляла имъ ни общественнаго, ни семейнаго значенія*». Не доказывается-ли этимъ, что духъ Ману еще не умеръ во времена рыцарства?..

А въ другомъ мѣстѣ вопросъ рыцарства поставленъ еще прямѣе: «*Это было не болѣе какъ вожделѣніе властнаго самца, дразнившаго себя поэтическими картинами своихъ отношеній къ тому, чѣмъ владѣлъ безапелляціонно*».

Если такъ отзывались о своемъ полѣ умные и правдивые писатели,— намъ остается только суммировать все сказанное ими въ разное время, чтобъ получить нѣкоторое объясненіе характерныхъ особенностей въ національномъ направленіи не однихъ Нѣмцевъ. Очевидно, что Ману руководствовался самою сердцевиною мужскихъ желаній.

Нѣчто подобное рыцарству происходитъ и у Англичанъ. Здѣсь, въ фишіонабельныхъ лондонскихъ магазинахъ, при входѣ дамы, всѣ кавалеры поголовно снимаютъ шляпы, вѣроятно для выраженія своего почтенія. А у себя дома—эта самая дама всесторонне подчинена волѣ мужа, и господа Редстоки съ братіей успѣшно проповѣдуютъ о необходимости поддерживать такой семейный строй. Слѣдовательно комедіи не чужды и мужскому полу.

Мы не безъ основанія привыкли считать нѣмецкихъ ученыхъ за добросовѣстныхъ тружениковъ. Но люди, посвятившіе себя наукѣ ради науки—чрезвычайно малочисленны. Эти единицы и въ самомъ дѣлѣ священнодѣйствуютъ, когда открываютъ міру тѣ положительныя знанія, которыя они пріобрѣли долгимъ, упорнымъ трудомъ развитой наблюдательности, или длиннымъ рядомъ опытовъ и провѣрокъ. Обычная-же манера говорить тономъ глубокой увѣренности, по основному характеру Нѣмца,— прикладывается имъ всюду, т. е. и къ научной истинѣ, и къ тѣмъ предположеніямъ, которыя ему желательны. А этимъ самымъ онъ вводитъ въ обманъ читателя, или слушателя, незнакомыхъ съ мѣрою глубины его познаній, какъ это видно изъ примѣра его отношеній къ женскому вопросу. Въ этой области для Нѣмца требуется цѣлый переворотъ прирожденныхъ, наслѣдственныхъ понятій, а это вообще совершается въ человѣкѣ крайне медленно.

Нѣмецкая аккуратность вошла въ пословицу, и въ вопросѣ о женскомъ одареніи—вѣсъ, объемъ, составъ каждой субстанціи женской организаціи опредѣлены съ величайшею точностью; но какъ только нѣмецкій авторъ коснется предполагаемыхъ вліяній,—которыя ему кажутся несо-

мнѣнными,—онъ начинаетъ проявлять склонность признавать недоказанное доказаннымъ безповоротно, и дополнять науку своими личными убѣжденіями.

«Анатомія, созданная врачами,—говоритъ біологъ,—изучаетъ строеніе человѣческаго тѣла и выводитъ свои законы; но въ этихъ законахъ она слишкомъ часто упускаетъ всякія особенности, которыя, однако, постольку важны, многочисленны и часты, что служатъ источникомъ особой отрасли біологіи,—таксономіи, обработанной еще весьма мало». (Основы біологіи, Вольфсонъ).

«Физіологія, занимающаяся изученіемъ жизнедѣятельности, имѣетъ, относительно, весьма малое соприкосновеніе съ моральною жизнью человѣка вообще, и съ своей стороны не въ состояніи входить въ подробности тѣхъ тонкихъ и крайне сложныхъ связей животной, растительной и духовной жизни человѣка, которыми онъ одаренъ». (Основы біологіи).

Тѣмъ не менѣе господа физіологи, представляя читающей публикѣ женскую природу съ увѣренностью, достойною удивленія, упускаютъ изъ виду, что ни одинъ учебникъ,—по словамъ того-же біолога,—не даётъ, да и не въ состояніи еще дать точныхъ свѣдѣній ни о путяхъ передачи наслѣдственности, ни объ измѣнчивости живого организма, ни о его смерти, ни о плодахъ изученія функцій головного мозга съ связанными съ ними душевными отправленіями человѣка. Ужъ если сами профессора по біологіи сознаются, что *«академическая и школьная наука совершенно игнорируютъ важнѣйшія явленія жизни и оставляютъ учащихся безъ всякихъ знаній по такимъ вопросамъ, которые болѣе всего волнуютъ человѣческій умъ, и болѣе всего нуждаются въ научной ихъ обработкѣ»*— каждому мыслящему смертному позволительно не слишкомъ довѣряться рѣшеніямъ физіологіи на настоящей ступени ея развитія. Біологъ Вольфсонъ, напримѣръ, находитъ, что даже тѣ явленія и свѣдѣнія, которыми думаетъ владѣть наша наука,—должны-бы изучаться совершенно иначе, такъ что существующая физіологія не удовлетворяетъ, да и не можетъ еще удовлетворять потребности къ дѣйствительному ознакомленію съ важнѣйшими явленіями жизни человѣка. *«Полнѣйшее незнаніе важнѣйшихъ отдѣловъ Біостатики (т. е. органологіи) и Таксономіи мѣшаетъ физіологамъ пересоздать свою науку, иначе сказать—сдѣлать изъ физіологіи Біодинамику, имѣющую цѣлью изученіе законовъ жизнедѣятельности. Развѣ возможно познаніе жизни безъ познанія того, кто живетъ?.. Развѣ мыслимо изученіе жизненныхъ явленій безъ подробнаго изученія организаціи живыхъ существъ?.. Не ясно-ли, что изученіе нервно-психическихъ функцій и процессовъ должно здѣсь преобладать надъ элементарными, преподаваемыми физіологами?»* [1]).

[1]) Основы біологіи, Вольфсонъ.

Этимъ подтверждается довольно печальное обстоятельство, что и среди дипломированныхъ ученыхъ могутъ встрѣчаться люди, складывающіе въ одну кучу и тѣ результаты, которые получаются отъ анатомированія трупа, и тѣ выводы, которые основаны на желательныхъ предположеніяхъ, потому что сложныя комбинаціи, совершающіяся при отправленіяхъ живого организма,—никому пока неизвѣстны. Нѣмецъ, напримѣръ, положительно не желаетъ видѣть въ прошломъ женщины главной причины ея настоящаго состоянія, и не только игнорируетъ тутъ самую естественную связь, но еще старается серьезнѣйшимъ образомъ доказать, что дѣло стоитъ въ обратномъ положеніи: онъ какъ будто намѣренно опирается на угнетенное состояніе женскаго мозга въ прошломъ какъ на очевидный фактъ, доказывающій его неспособность: и такое небрежное отношеніе къ серьезному вопросу, поставленное рядомъ съ его извѣстною аккуратностью, свидѣтельствуетъ, что почтенный авторъ, берущійся опредѣлять женщину, есть прежде всего тотъ индивидуумъ, который просто обсидѣлся, привыкъ къ своему креслу превосходства и авторитетности, и намѣренъ продолжать ими пользоваться. Поэтому онъ принимаетъ свою привычку видѣть въ женщинѣ то, что ему хочется, за дѣйствительную женскую натуру, а этотъ самый предразсудокъ—за законъ природы. Въ женскомъ вопросѣ онъ какъ будто преднамѣренно отказывается разсуждать поглубже, и часто, опираясь на мелочи, рѣшаетъ не по правдѣ, а по давно принятымъ понятіямъ, мѣнять которыя не въ его разсчетахъ Вѣдь нельзя-же предполагать, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ находилъ природу, т. е. высшую творческую силу,—опрометчивою! А между тѣмъ она дѣйствительно оказалась-бы таковою, если, предопредѣливъ человѣчеству постепенное совершенствованіе, и предназначивъ въ этомъ участіе, т. е, дѣятельность и женскому полу, притомъ дѣятельность важную, въ то же время лишила-бы ее задатковъ для выполненія своихъ трудныхъ обязанностей. Ни одна наука не даётъ намъ основанія предполагать, чтобы то, что мы называемъ Творческою Силою, или непрестаннымъ выполненіемъ Воли Бога, распредѣляло-бы людямъ физическіе и умственные дары съ предначертаннымъ порядкомъ и правильностью. Нѣтъ, мы, напротивъ того, знаемъ и видимъ, что эти дары не лежатъ ровно ни въ какой связи съ поломъ, что наслѣдственныя способности и таланты передаются, помимо нашей воли, въ оба пола безразлично. Слѣдовательно, иная женщина можетъ быть даровитѣе многихъ мужчинъ, взятыхъ вмѣстѣ, также какъ и иной мужчина можетъ быть даровитѣе десятковъ, сотенъ женщинъ. И это никакъ не можетъ быть названо исключительными случаями, какъ выражаются авторы мужского пола, когда рѣчь идетъ объ умной женщинѣ. Если-же до сей поры преобладаніе было на сторонѣ мужского

пола, то при существовавшихъ условіяхъ оно и быть не могло иначе. Законы природы неумолимы и здѣсь, какъ во всемъ остальномъ. Къ тому-же въ вопросахъ женскихъ интересовъ и правоспособности существуютъ крупныя разногласія между писателями мужского пола, и это само по себѣ свидѣтельствуетъ о возможности уклоненія отъ истины посредствомъ различныхъ точекъ зрѣнія, пріобрѣтаемыхъ слишкомъ часто и воспитаніемъ.

Въ книгѣ г. Штарка (La famille dans ies différentes sociétés, 1899) *), замѣчательной какъ по тонкости психологическаго анализа, такъ и по безпристрастному отношенію къ различнымъ спорнымъ вопросамъ,—исходною точкою берутся не тѣ соображенія, которыя изстари были приняты готовыми, но тѣ, которыя, такъ сказать, осязательны для каждаго человѣка съ здравымъ смысломъ и съ честными воззрѣніями неподкупнаго мозга. Авторъ говоритъ, приблизительно такъ: «*Каждому извѣстно, что обыкновенный мужчина не отличается смолоду ни твердымъ умомъ, ни вѣрностью взглядовъ, ни устойчивостью, ни неподкупностью совѣсти; и тѣмъ не менѣе законъ не лишаетъ ни котораго изъ нихъ правъ на свободу личности, ни въ чемъ не выдѣляя умныхъ отъ скудныхъ, предоставляя и юродствующимъ, наравнѣ съ разумными, опытомъ научаться жизненной мудрости при помощи знаній. Рядъ испытанныхъ и признанныхъ ошибокъ указываетъ имъ болѣе вѣрные взгляды на вещи, вырабатываетъ въ нихъ лучшія начала, поступки, цѣли, постепенно совершенствуя ихъ со всѣхъ сторонъ. Почему-же не предоставляетъ законъ такого-же естественнаго хода прогресса для женщины, заставляя ея полъ вѣчно ходить на помочахъ, которыя всегда гибельно дѣйствуютъ на общее развитіе природныхъ силъ, на совершенствованіе способностей?*» Типичному нѣмцу такъ поставленный вопросъ показался-бы нелѣпымъ.—Между животными, слабо одаренными духовною жизнью, не замѣчается сколько-нибудь крупной разницы въ полахъ, исключая физической; дрессировщики нѣкоторыхъ породъ отдаютъ даже предпочтеніе самкамъ предъ самцами, находя первыхъ и понятливѣе, и сговорчивѣе. И между людьми, живущими еще въ первобытномъ состояніи, не замѣчается крупной разницы: едва отличаемый наружный видъ мужчины и женщины у индѣйцевъ Америки, у камчадаловъ, остяковъ и самоѣдовъ можетъ служить доказательствомъ возможности той постепенной переработки даже нѣкоторой доли физической организаціи, которая совершается сама собою при извѣстныхъ усло-

*) Эта книга такъ богата логикою, здравыми взглядами и глубокимъ знаніемъ человѣческой души, что выдержки изъ нея были-бы слишкомъ многочисленны, и интересующимся воззрѣніями автора на отношенія половъ въ широкомъ смыслѣ слѣдуетъ прочитать ее цѣликомъ.

віяхъ. Подтвержденіемъ тому-же можно еще привести сильную мускулатуру, грубый голосъ и отсутствіе всякой нѣжности у женщинъ нѣсколькихъ племенъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ культуры.

Слѣдовательно та-же искусственная стѣна, которую предки могли воздвигнуть между собою и женщиною во имя своихъ удобствъ, служитъ теперь основою, на которой потомки строятъ исключительность женскаго призванія.

Всѣ знаютъ, что какъ физическіе, такъ и умственные органы развиваются отъ дѣятельности и ослабѣваютъ отъ бездѣйствія; значитъ, можно, путемъ упражненія, или лѣности, увеличивать, или уменьшать, до извѣстной степени, наше природное одареніе. Мы знаемъ также, что слишкомъ частое дѣторожденіе истощаетъ женскій организмъ. Отчего-же не допустить мысли, что у древней женщины, при существовавшихъ тогда законахъ, отъ усиленнаго дѣторожденія увеличивались природныя приспособленія къ нему въ ущербъ остальному, бездѣйствовавшему одаренію, и что все это передавалось въ потомство съ обычною постепенностью, развивая впослѣдствіи и болѣзненность.

Со стороны духовной — намъ еще Христосъ говорилъ и фактически доказалъ, что въ человѣкѣ живутъ два существа, изъ которыхъ плоть привязываетъ насъ къ землѣ, тогда какъ духъ даетъ намъ общеніе съ чѣмъ-то высшимъ; и каждому извѣстно, что женщину Онъ нигдѣ не выдѣлилъ изъ общечеловѣческаго достоянія.

Равнымъ образомъ установленъ фактъ, что умственное одареніе *безсознательно* передается родителями въ оба пола безразлично; и еслибъ человѣкъ составлялъ въ этомъ случаѣ исключеніе, ему грозила-бы опасность умственнаго вырожденія, котораго до сихъ поръ не имѣется именно благодаря всесторонней одаренности матерей.

Возможно-ли со всѣмъ этимъ не считаться?.. Если женскія руки, или ноги короче мужскихъ, то это нисколько не мѣшаетъ ей, достигнувши извѣстнаго умственнаго развитія, чувствовать одинаковое съ мужчиною стремленіе къ знанію и общему удовлетворенію своей духовной стороны. Развѣ не встрѣчаются геніи въ маленькомъ тѣлѣ и глупцы въ большомъ?

По мѣрѣ того, какъ женщина стала замѣчать, что все клонится къ тому, чтобъ поставить ее во всестороннюю зависимость отъ воли другого пола,—она возмущалась духомъ и озлоблялась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ была одареннѣе. Извѣстно, что отъ озлобленія, особенно тайнаго, человѣкъ можетъ разстроиться здоровьемъ: отъ гнѣва онъ можетъ доходить до обморока, и даже паралича; отъ постояннаго раздраженія портится его нервная система; всякаго рода страданія души разстраиваютъ его пищевареніе; отъ непрестанныхъ волненій онъ утрачиваетъ равновѣсіе, слабѣетъ

и т. п. Слѣдовательно общее недовольство, или неудовлетворенность, могутъ сильно вліять на крупныя отправленія человѣческаго организма. По этимъ-же причинамъ нарушается и общая гармонія строя внутренней жизни. Отсутствіе обостренности въ первопричинахъ производило необостренныя послѣдствія.

Такой фактъ озлобленія и тайнаго протеста, за невозможностію явнаго, начинался въ обоихъ полахъ и во всѣ времена съ тѣхъ самыхъ моментовъ, когда ихъ положеніе становилось слишкомъ осязательно тягостнымъ; но обдумывалось оно только по мѣрѣ общаго умственнаго развитія. — Естественно, что женщина, получивши сознаніе своего положенія, передавала свою озлобленность изъ поколѣнія въ поколѣніе втеченіе многихъ вѣковъ, но тѣмъ не менѣе старалась хоть временно отвлекать себя такъ или иначе отъ непріятнаго чувства. Естественно также, что она, не будучи еще въ состояніи разбираться въ средствахъ, пользовалась всякими обстоятельствами для облегченія своей участи, и такимъ образомъ незамѣтно и постепенно вдавалась въ пороки хитрости и лжи, находя полное оправданіе въ своемъ положеніи: правда ухудшила-бы ея жизнь. Кто-же тутъ можетъ быть виноватъ: тотъ-ли кто создавалъ подобное положеніе почти безсознательно, не предвидя его послѣдствій,—или тотъ, который всѣми силами старался изъ него выкарабкаться?.. Очевидно, что объ какой-бы то ни было идейности не могло быть рѣчи ни для мужскаго, ни для женскаго пола, пока оба поступали полусознательно.

Но умственный прогрессъ шелъ своимъ путемъ, и наступило время, когда оба пола, хотя и неравномѣрно, но могутъ свободно мыслить и поступать сознательно. Съ тѣхъ поръ интиллигентный слой женщинъ сдѣлалъ громадные успѣхи въ области мышленія, и для всѣхъ видимо, что тамъ, гдѣ мужчина не стѣсняетъ личной свободы жены и дочери, — эти послѣднія не прибѣгаютъ ни къ какимъ женскимъ уловкамъ, считая ихъ для себя унизительными.—А мужчина?

Съ тѣхъ поръ какъ бывшій полузвѣрь проявилъ способность возвышаться до человѣческаго достоинства, онъ сдѣлалъ громадные успѣхи въ области внѣшней и промышленной культуры. Онъ создалъ множество наукъ, забывъ только науку жизни, т. е. важнѣйшую; онъ старается доводить до совершенства многоразличныя искусства, включая сюда и искусство взаимнаго истребленія,—но оказался безсильнымъ въ области водворенія справедливости и продолжаетъ признавать кулачное право. Такъ или иначе, но онъ не желаетъ еще признать въ женщинѣ «настоящаго» человѣка; привычка обездоливать женскій полъ держится въ немъ крѣпко, составляя темное пятно въ его цивилизаціи, потому что душевныя качества женщины являютъ собою высшее, а не низшее одареніе человѣка:

все желательное для человѣчества въ будущемъ можетъ осуществиться только при помощи тѣхъ добродѣтелей, которыя считаются женскими. Отъ меча, т. е. отъ кулачнаго права многовѣковой опытъ далъ одно зло; отъ любви, сознательной скромности, обязательнаго труда и справедливости человѣчество можетъ возродиться. Какая же, послѣ этого, цѣна мечу и праву сильнаго?.. Вѣдь волку, считающему себя могущественнымъ, вездѣ противопоставляется тактика смышленыхъ лисичекъ!..

Не смотря на то, что прежній гнетъ отозвался чрезвычайно вредно не только на всемъ существѣ женщины, на ея умственномъ и тѣлесномъ здоровьѣ, на ея характерѣ и нравственности, но еще и на общемъ ходѣ прогресса,—большинство продолжаетъ игнорировать этого рода причины, приписываютъ все женской природѣ, и на послѣдствіяхъ строитъ свои доводы. Возьмемъ для примѣра нѣмецкую книгу, озаглавленную «Душа женщины» гдѣ всяческія моральныя и умственныя различія половъ подобраны съ талантомъ и видимымъ намѣреніемъ автора доказать желаемое научнымъ путемъ.

Подобныхъ статей нѣмецкаго производства вышло не мало, и большинство ихъ—почти дубликаты по взглядамъ и общему тону, свойственнымъ нѣмцамъ. Одѣвая женщину въ недомыслiе, легкомыслiе, оклеивая все ея существо преувеличенными болѣзнями, капризами, ребячествомъ до сѣдыхъ волосъ,—авторъ какъ будто не знаетъ, да и не желаетъ знать, что это дѣло вполнѣ поправимо. Напротивъ того: онъ старается узаконить свое мнѣніе, отыскать ему подтвержденіе въ наукѣ, которая какъ увидимъ ниже, относится далеко неуступчиво къ желаніямъ авторовъ. Да и какая наука можетъ опредѣлить границы умственныхъ задатковъ?.. А если къ этому прибавить, что, начиная съ Гераклита, жившаго за пять вѣковъ до Р. Х., и до нашихъ дней, не только ни одинъ изъ сколько нибудь выдающихся философовъ не бралъ на себя опредѣленія человѣческой души, а еще напротивъ того, всѣ единодушно говорятъ, приблизительно, что «*Природа человѣческой души такъ глубока, и такъ мало подлежитъ какому-бы то ни было опредѣленію, что едва-ли не за тридцать вѣковъ работы мозга, и не смотря на видные успѣхи по естествознанію,—высшіе умы еще стоятъ надъ однимъ и тѣмъ-же вопросомъ: какими путями, и съ которой стороны было-бы возможно попытаться узнать ея сущность...*—становится очевиднымъ, что научная психологія человѣка еще не создалась.

Но вотъ нѣмецкій авторъ взялъ на себя трудъ разрѣшить эту задачу, благодаря національной чертѣ характера. Не чувствуя въ себѣ компетентности для спора съ воображаемой наукой, мы выберемъ изъ книги только тѣ мѣста, которыя вполнѣ доступны нашему разумѣнію.

Г. Вендтъ (авторъ книги «Душа женщины»), называя себя другомъ женщинъ, взялся, на основаніи многолѣтней опытности профессора, произнести, на научныхъ основаніяхъ, точную оцѣнку ихъ природнаго одаренія. Онъ съ прошлымъ женщины не считается, и изслѣдованія особенностей женскаго пола прикладываетъ только къ группѣ своихъ юныхъ ученицъ, т. е. къ наиболѣе темной, потому что исторически — молодое пониманіе своего положенія, не освободивъ еще ее отъ наслѣдственныхъ привычекъ къ нѣкоторому жеманству, въ то-же время развило въ ней крайнее самолюбіе; а при этихъ условіяхъ очень немногія молодыя женщины могутъ оставаться самими собою при профессорѣ. Кромѣ того, — робость, свойственная этому возрасту, можетъ доводить даже выдающуюся способностями дѣвушку до потери памяти, до полной несообразительности, хорошо знакомой экзаменующейся молодежи обоего пола.—Женщинъ-же, стоящихъ выше, или ниже фокуса его наблюденій, и представляющихъ собою крупныя разновидности, онъ почти игнорируетъ. Къ этому надо прибавить, что, не принимая во вниманіе болѣе чѣмъ вѣроятнаго вліянія историческаго положенія женщины на развитіе ея духовнаго «я» онъ видитъ въ особенностяхъ общаго склада женскаго ума и характера не послѣдствія, а норму, и такимъ образомъ грѣшитъ въ самой основѣ.

Теперь спрашивается: могутъ-ли подобныя изслѣдованія съ пользою послужить вопросу о природномъ одареніи именно женщины?.. Имѣются-ли въ нихъ достовѣрныя доказательства того, что въ нынѣшней женщинѣ сохранилась ея природа?

Нѣтъ. Это просто подробное и довольно тонкое наблюденіе послѣдствій многовѣковыхъ опытовъ, произведенныхъ надъ безпольнымъ субъектомъ по многимъ отраслямъ его природнаго одаренія. При произведеніи историческихъ опытовъ, субъектъ ставился въ многоразличныя условія жизни, и каждый оттѣнокъ различія неминуемо долженъ былъ отразиться на духовномъ складѣ субъекта; и такимъ образомъ изслѣдованія автора касаются уже не женской природы, но представляютъ только образцы того, что можетъ получиться отъ измѣненія тѣхъ необходимыхъ условій, при которыхъ природа даетъ возможность человѣку совершенствоваться по всѣмъ направленіямъ.

Наблюденія автора книги далеко не безполезны, но невѣрно озаглавлены, ведутъ не къ той цѣли, какую онъ задумалъ, а главное — одинаково приложимы къ обоимъ поламъ.—И лакей, и еврей, отнюдь не принадлежатъ къ какимъ-то особымъ природнымъ типамъ, но составляютъ лишь естесственные плоды тѣхъ условій, въ какія были поставлены. Точно также и нравственная физіономія женщины, при иныхъ условіяхъ, была бы иною.

Если женщина, напримѣръ, не допускалась къ участію въ общественныхъ вопросахъ, или къ образованію, а умственная природа ея тѣмъ не менѣе настойчиво требовала дѣятельности, не будучи въ состояніи покориться бездѣйствію,—понятно, что она обращалась за потребною ея мозгу работою въ тотъ районъ, который былъ ей дозволенъ, и охватывала его цѣликомъ; а такъ какъ и сюда, не смотря на всѣ старанія, она не могла вкладывать полности своего одаренія,—она прибѣгала къ помощи воображенія, и такимъ образомъ развивала его въ ущербъ многому другому.— Этимъ только доказывается, что когда какая-бы то ни было сила вложена въ насъ самою природою, то человѣку уничтожить ее невозможно: онъ можетъ только измѣнить ея направленіе, и въ этомъ случаѣ долженъ считаться съ послѣдствіями. Поэтому-то автору не принадлежитъ открытіе женской души, какъ онъ воображаетъ, но только указаніе на олицетворенные примѣры возможности измѣненія природы посредствомъ создаванія искусственныхъ условій жизни, съ которыми часто немыслимо бороться. И моды, которыми грезитъ весь цивилизованный міръ, моды, охватившія и мужской полъ, уносящія нерѣдко цѣлыя состоянія,—получили жизненную инерцію благодаря энергіи не глупыхъ, но самыхъ одаренныхъ женщинъ, упорнѣе другихъ искавшихъ себѣ дѣятельности хотя въ дозволенномъ имъ районѣ. А теперь это зло такъ развилось, что борьба съ нимъ представляетъ подчасъ серьезныя трудности.

Мужчина еще недостаточно мыслитъ внѣ своихъ матеріальныхъ интересовъ, оттого и женщина подвержена странностямъ. Смотря на нее не какъ на человѣка съ своеобразною личностью, но какъ на предметъ удовольствія, онъ и не видитъ въ ней ничего иного. Такимъ образомъ и самое чувство любви, дающей счастье ему самому вмѣстѣ съ любимымъ лицомъ, замѣняется у него чѣмъ то чисто плотскимъ, непредвидѣнно приходящимъ и уходящимъ. Онъ наряжаетъ и балуетъ свою молодую жену, или любовницу, не столько для ея удовольствія, сколько для себя лично, чтобъ она сильнѣе возбуждала его, чтобы другіе завидовали собственнику такой возвышенной нарядомъ красоты.—Возможно ли предполагать, чтобъ женщина этого не чувствовала, когда душа ея ищетъ отклика помимо плоти и не видитъ въ мужѣ друга?

Угнетенное состояніе души, когда общія отношенія къ жизнедѣятельности производятъ положеніе, противное законамъ человѣческой породы,— вліяетъ въ обоихъ полахъ одинаково въ зависимости отъ личнаго темперамента и умственнаго направленія на различныя органическія и неорганическія отправленія нашего кругового «я», и г. Вендъ, усматривая эти вліянія исключительно въ женщинѣ, приписываетъ ихъ особенностямъ женской природы только на томъ основаніи, что между женщинами, по выше-

изложеннымъ причинамъ, они встрѣчаются чаще и на однотонномъ фонѣ ихъ жизни обрисовываются ярче.

Авторъ, напримѣръ, утверждаетъ, приглашая себѣ въ помощницы науку, что женщины склонны краснѣть по той простой причинѣ, что у ихъ пола «*давленіе крови на мозгъ неравномѣрно*». А между тѣмъ всѣмъ и каждому извѣстно, что въ ранней молодости оба пола склонны краснѣть, и чѣмъ они непорочнѣе, тѣмъ чаще это съ ними случается: откуда же берется такая способность краснѣть у мальчиковъ? И надо-ли быть особенно опытнымъ и ученымъ мужемъ, чтобъ видѣть, что это происходитъ болѣе отъ психическихъ, чѣмъ отъ физіологическихъ причинъ.

Г. Достоевскій въ одномъ изъ своихъ произведеній (Бѣдные люди) указываетъ на цѣлый рядъ экземпляровъ мужскаго пола, которыхъ жалкое, безвыходное положеніе дѣлаетъ робкими, застѣнчивыми, стыдливыми, щекотливыми чуть не до болѣзненности. И все это выработалось въ нихъ совсѣмъ не особенностями пола, а явилось постепенно, какъ естественное послѣдствіе обездоленности, безнадежности положенія и безправности.

Женщинѣ стыдливость прививается съ раннихъ лѣтъ; отъ нея требуется несравненно болѣе скромности, чѣмъ отъ ея братьевъ, и это отнюдь не было-бы дурно, еслибъ не было слишкомъ часто сопряжено съ униженіемъ и несправедливостью къ ея полу. Она рано это замѣчаетъ, и досада, тайная или явная, начинающая ее отравлять, вліяетъ на кровообращеніе, выражаясь отливомъ, или приливомъ къ головѣ. Совершенно то-же вызывается въ организмѣ обоихъ половъ при испугѣ, гнѣвѣ, при всякомъ душевномъ волненіи. Очевидно, что здѣсь вопросъ заключается не въ полѣ, но въ чемъ-то другомъ. Это фактъ настолько наглядный, что научные пріемы въ данномъ случаѣ могутъ только затуманивать представленія не спеціалистовъ, не давая имъ все-таки полнаго объясненія, потому что ни одна наука еще не овладѣла познаніями въ области психическихъ процессовъ.

Для удовлетворенія своей духовной стороны женщина ничего не получала даже тогда, когда и вокругъ себя, и внутри себя уже чувствовала вѣянія прогресса мысли, — и съ этого историческаго момента женщинѣ культурнаго круга стало тяжелѣе прежняго. Но видя, что собственныя ея выгоды требуютъ, чтобъ она отдавалась пустяшной сторонѣ предназначенныхъ ей занятій внѣшностью, или механическому труду, она, волею-неволею, втягивала себя въ нихъ, начинала придавать имъ большое значеніе, совершенствоваться въ нихъ, и въ концѣ концовъ довольствоваться внѣшними впечатлѣніями существованія. Все это съ теченіемъ времени обращалось въ привычку, укоренялось, давало невѣрное направленіе ея мыслямъ; умственныя способности ея притуплялись, энергія растрачивалась на пустя-

кахъ, образъ жизни становился вреднымъ для общаго здоровья.—А коль скоро человѣкъ безразличнаго пола лишенъ, по какимъ-бы то ни было причинамъ, нормальныхъ условій жизни, всегда благодатныхъ для его всесторонняго развитія,—онъ ужъ начинаетъ видоизмѣняться по всѣмъ направленіямъ.—Мудрено-ли, что и существо женскаго пола подчинялось тому же закону природы, и что подрѣзанный ходъ развитія отразился даже на материнствѣ.

Для нагляднаго, хотя и довольно слабаго примѣра, возьмемъ то, что совершается десятками лѣтъ, на нашихъ глазахъ. Возьмемъ человѣка, избравшаго спеціальность какъ средство существованія, напримѣръ—музыку. Сама по себѣ музыка—занятіе чистое, никому не вредящее, доставляющее пріятное времяпрепровожденіе въ часы отдыха и досуга. Но занявшись выправкой пальцевъ, долбленіемъ пассажей, преодолѣваніемъ музыкальныхъ трудностей всякаго рода,—будущій музыкантъ, понятно, начинаетъ видѣть въ этомъ весь интересъ своей жизни, ставя все остальное на второй планъ: всѣ его разговоры касаются музыки, всѣ его стремленія направлены на изученіе данныхъ задачъ. Онъ старается убѣдить себя и другихъ, что музыка составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ жизненныхъ вопросовъ, такъ какъ безъ нея не обходятся ни въ одномъ изъ крупныхъ выраженій человѣческихъ радостей, или печалей: она возбуждаетъ въ солдатахъ храбрость на войнѣ; она веселитъ сердца тѣхъ, кто послѣ трудовъ находитъ для себя отдыхъ въ танцахъ, или пѣніи; она смягчаетъ озлобленную душу, возвышаетъ торжественность свадьбъ и похоронъ, она вездѣ является сильнымъ факторомъ, поднимающимъ естественный ходъ вещей; она-же можетъ доставить завидное положеніе въ обществѣ, славу, а за нею и деньги.—Чего-же еще требовать отъ жизни?.. И вотъ молодой труженикъ, подбодряя и услаждая свое скучное до тошноты занятіе подобными надеждами, нерѣдко въ конецъ разстраиваетъ свою нервную систему, наживаетъ хворости отъ сидячей жизи, отъ переутомленій; но назадъ уже поздно, надо торопиться кончать. Умъ его, съузивши свой кругозоръ, — хромаетъ, потому что онъ потерялъ возможность, и даже охоту къ пріобрѣтенію болѣе широкаго развитія; сердце его, большею частью, работаетъ болѣзненно. При первыхъ-же успѣхахъ онъ пируетъ, получаетъ сперва вкусъ, а потомъ и привычку къ вольностямъ жизни, и все это, взятое вмѣстѣ, рѣдко не отражается пагубно на всѣхъ отправленіяхъ его организма.

Приблизительно тою-же дорожкою шла и женщина съ тѣхъ поръ, какъ обрисовавшееся положеніе обрекло ее на исключительныя занятія въ области любви. Какъ будущій артистъ возился съ средствами достигать музыкальной техники, такъ она возилась съ своею задачею нравиться, развивая и совершенствуя въ себѣ всю техническую сторону этого искус-

ства, заражая имъ и другихъ, посвящая ему все свое время. За знанія ее осуждали, за умѣнье нравиться хвалили и поощряли; такъ на что-же ей было портить жизнь развитіемъ ума, когда гораздо проще пріобрѣсти счастіе, положеніе въ обществѣ и богатство путемъ локончиковъ, пудры, духовъ, нарядовъ и прочихъ приспособленій! Время ученія прошло, умъ никогда не былъ подготовленъ къ воспріятію серьезныхъ мыслей,—какимъ-же чудомъ первопричины могли-бы не принести своихъ естественныхъ послѣдствій! Она растеряла свои природные дары только потому, что довѣрилась ложнымъ указаніямъ.

Понятно, что дочери и внучки такихъ маменекъ не имѣли еще возможности окончательно переработаться, хотя уже дѣлаютъ, въ своемъ большинствѣ, очевидные успѣхи. Но это не мѣшаетъ г. Вендту, разбираясь въ мельчайшихъ особенностяхъ женскаго ума, съ талантомъ, достойнымъ лучшаго приложенія,—настойчиво утверждать, что «*здѣсь лежитъ законъ физической необходимости, вслѣдствіе элементарнаго взаимодѣйствія между женскою организаціею и женскою душею*». Сюда-же онъ относитъ и слишкомъ быстрый темпъ женской рѣчи (не смотря на то, что множество женщинъ, наоборотъ, тянутъ свою рѣчь), и потребность женщинъ къ смѣнѣ представленій (что касается только нѣкоторыхъ слоевъ общества, да еще суетливыхъ характеровъ, встрѣчающихся въ сбоихъ полахъ).

Однако г. Вендтъ не скрываетъ, что «*въ отношеніи логическаго чувства не замѣчалъ никакой разницы въ полахъ, хотя умственный трудъ вообще доставляетъ женщинѣ весьма малое удовольствіе*».

И это послѣднее вполнѣ понятно. Загипнотизированная съ раннихъ лѣтъ на счетъ цѣли своего существованія и сообразнаго съ нею образа дѣйствій, женщина, какъ было только что сказано, не могла не отворачиваться отъ всего того, что не только осуждалось и не служило ни къ чему, но еще крупно вредило при устройствѣ собственной жизни. — И насколько это вѣрно, доказывается во всѣхъ сословіяхъ общества тѣмъ, что большинство красивыхъ, или богатыхъ дѣвушекъ, увѣренныхъ въ условномъ успѣхѣ помимо развитія ума,—всегда менѣе склонны къ серьезнымъ умственнымъ занятіямъ: на что имъ серьезные труды надъ развитіемъ ума, когда главная цѣль жизни и безъ нихъ обезпечена красотою, или богатствомъ, привлекающимъ женіховъ? Разумѣется, это не служитъ къ чести обоихъ половъ; но кривая удочка достойна плохого ловца.—А изъ некрасивыхъ и бѣдныхъ дѣвушекъ, не имѣющихъ этой надежды,—при сколько нибудь благопріятныхъ обстоятельствахъ часто выходятъ дѣльныя сотрудницы мужскаго пола въ разнообразныхъ его трудахъ. Убѣждаясь довольно рано въ безуспѣшности прежняго образа дѣйствій, онѣ сбрасываютъ съ своихъ

глазъ гипнозъ, ищутъ спасенія въ другомъ направленіи и наконецъ знакомятся съ духовными наслажденіями, большею частью неизвѣстными побѣдительницамъ мужскихъ сердецъ. Отъ чего-же это происходитъ, если не отъ раннихъ женскихъ наблюденій надъ мужскими вкусами, къ которымъ онѣ, послушныя гипнозу, вынуждены приноравливаться, если хотятъ пользоваться жизнью? А кто-же этого не хочетъ?.. Вѣдь и между мужчинами замѣчается фактъ, что при физическомъ порокѣ человѣкъ пріобрѣтаетъ склонность къ усиленной, иногда и обостренной работѣ мозга, и примѣровъ тому не мало въ мірѣ знаній: такой субъектъ какъ будто инстинктивно ищетъ своей доли наслажденій, если не въ той области, такъ въ другой, и нерѣдко, потерявши меньшія, получаетъ большія.

Но большая часть авторовъ мужскаго пола любитъ считать способныхъ и нелепомысленныхъ женщинъ исключеніемъ, хотя число этихъ исключеній едва-ли не ровняется числу благопріятныхъ къ тому обстоятельствъ. Мужчинѣ вообще такъ желательно имѣть въ женщинѣ самаго податливаго изъ ангеловъ, что онъ забываетъ, что на землѣ ангеловъ не можетъ быть, и даже миніатюрные родительскіе купидончики начинаютъ очень рано отращивать рожки.

Писатель безъ предвзятыхъ мыслей, какъ г. Штарке, недоумѣваетъ надъ обычаемъ мужчины, при серьезныхъ разсужденіяхъ женщины смотрѣть на нее сверху внизъ, будь она выше его по образованію и уму. Мужчина весьма склоненъ самообольщаться безпричинною увѣренностью въ своемъ превосходствѣ, и если выслушиваетъ женщину, то дѣлаетъ это какъ-бы изъ снисходительности благовоспитаннаго человѣка, никогда не вникая въ то, что она говоритъ. Вслѣдствіе такой предвзятости многіе изъ дѣйствительно умныхъ мужчинъ видятъ даже въ естественной претензіи женщины на личную свободу и на право мыслить—что-то крайне неразумное. G. Legrand, напримѣръ, находитъ (Le mariage et les moeurs en France), что хотя жена можетъ имѣть незаконное вліяніе на мужа, но никогда не должна претендовать на его узаконеніе: «*оно составляетъ какъ-бы естественное послѣдствіе нѣкотораго обаянія женственности и должно оставаться тайною для всѣхъ даже тогда, когда жена умнѣе своего мужа. Она должна довольствоваться дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, не мечтая о возможности сдѣлать свою волю законною, потому что это перевелъ случайный, нисколько не подрывающій полновластія мужа въ принципѣ*». Здѣсь самомнѣніе француза доходитъ почти до абсурда.

Наполеонъ, съ свойственной ему смѣлостью, идетъ еще далѣе: «*Сударыни*,— говоритъ онъ, — *только недостатокъ здравомыслія и благовоспитанности побуждаетъ васъ воображать, что вы способны быть равными*

своимъ мужьямъ! У каждаго пола есть свои особенности, которыя его не безчестятъ: ваши преимущества заключаются въ красотѣ, въ граціи, въ обворожительной привлекательности; но обязанности ваши состоятъ въ сознаніи своей зависимости, въ покорности мужской волѣ». Эти мемуары Наполеона на островѣ Св. Елены прекрасно его характеризуютъ, доказывая какъ трудно подобному человѣку отрезвляться даже въ самые тяжелые дни жизни.

А гг. Брисъ [1]) и Токевилль [2]), проводя параллель между нравами спѣсивыхъ Англичанъ и американскими, находятъ, что такъ какъ оба пола и въ одинаковой мѣрѣ нуждаются другъ въ другѣ,—вполнѣ справедливо и разумно признавать право обоихъ на независимость, потому что только при этомъ условіи можно ожидать всесторонняго успѣха въ развитіи народа, и Америка наглядно доказываетъ важность значенія женской независимости.

Д. С. Милль (L'assujettissement des femmes) выражается съ такою-же ясностью, когда говоритъ, что общее признаніе благотворности женскаго вліянія на мужскую склонность къ грубости уже само по себѣ доказываетъ законность равноправія половъ, уравновѣшивающагося съ различныхъ угловъ зрѣнія, но тождественнаго по значенію. Что-же касается косвенныхъ женскихъ вліяній, пріобрѣтаемыхъ путемъ чувственныхъ обаяній или лукавыхъ приманокъ,—великій мыслитель ихъ отвергаетъ какъ нѣчто чрезвычайно вредное, скверно отзывающееся на общемъ прогрсесѣ человѣческой расы.

«Законодатель безсиленъ созидать или уничтожать то, что вложено въ человѣка природою—говоритъ г. Жидъ: все, что онъ можетъ сдѣлать, это переименовать на время пользу во вредъ, или зло въ добро; это именно онъ и дѣлаетъ, когда признаетъ способнаго неспособнымъ, или наоборотъ. Такой способъ, не помогая ничему желательному, ведетъ только къ развращенію души человѣка обоихъ половъ. (Etude sur la condition privée de la femme, P. Gide).

Но нѣмецкій ученый изслѣдователь особенностей женскаго пола, повидимому, не любитъ углубляться въ вопросы, когда рѣчь идетъ о женской эмансипаціи. Онъ отдаетъ много личныхъ и добросовѣстныхъ, съ его точки зрѣнія, трудовъ по своей спеціальности, но вмѣстѣ съ тѣмъ инстинктивно обращаетъ умственные взоры только къ тому, что давно было предрѣшено въ его головѣ. Готовыя, никогда не провѣряемыя понятія дѣлаютъ его одностороннимъ наблюдателемъ, онъ разбирается въ

---

[1]) Bryce-The american commonwealt.

[2]) Tocqueville—La démocratie en Amérique.

мелочахъ, вертится въ заколдованномъ кругѣ соображеній, ищетъ выхода не въ томъ мѣстѣ, гдѣ слѣдовало-бы его искать, и, крѣпко держась за предвзятую идею, въ концѣ концовъ доходитъ до наивности вродѣ слѣдующей: г. Вендтъ заявляетъ читателямъ, что «*не нашелъ въ исторіи женской культуры ни одного научнаго генія въ полномъ значеніи этого слова*». Послѣ этого остается спросить: нашелъ-ли бы г. Вендтъ пару геніевъ мужского пола, еслибы этотъ полъ былъ поставленъ въ положеніе женскаго?. Такое пренебреженіе къ главнымъ условіямъ, среди которыхъ только и возможно вырабатываться крупному уму, говоритъ не въ пользу глубины изслѣдованій автора. А когда человѣкъ, и въ особенности писатель, ищетъ истины ради истины, она ему дается легче; но какъ часто самые настойчивые и крупные труды не приближаютъ къ истинѣ только потому, что побудительными причинами трудовъ оказывались цѣли непохвальнаго свойства!

Далѣе, стараясь доказать неспособность своихъ друзей къ творчеству, г. Вендтъ находитъ, что «хотя, *при современномъ положеніи дѣлъ для женщины открыты всѣ дороги для художественнаго творчества, его не видно*». Но такъ ли на самомъ дѣлѣ обстоитъ этотъ вопросъ?

Нечего и говоритъ: при современномъ положеніи дѣлъ для женщины вполнѣ возможно совершенствовать, до извѣстной степени, свои таланты въ области искусствъ. Но для того, чтобъ дойти до творчества, достойнаго вниманія,—не достаточно имѣть право срисовывать что и гдѣ угодно, читать и посѣщать выставки; здѣсь, главнымъ образомъ, необходимо именно то, чѣмъ женщина еще почти не пользуется: *хорошее образованіе съ широкимъ умственнымъ кругозоромъ, свобода дѣйствій и матеріальныя средства.—Воспитаніе* она получаетъ еще фальшивое; образованіе узкое, такъ какъ доступъ къ лучшему образованію еще затрудненъ; *свободою* она пользуется малою, относительною, въ тѣсныхъ рамкахъ условныхъ приличій; *матеріальными средствами* располагаютъ весьма немногія, такъ какъ для женщины почти нѣтъ ни путешествій на экономическихъ началахъ, или на казенный счетъ, ни другихъ особыхъ покровительствъ, или поощреній женскому таланту. Женскій полъ, какъ извѣстно, даже изъ родительскаго наслѣдства по закону получаетъ немного.—Разумѣется, никакія пособія не разовьютъ таланта, когда его нѣтъ, но тамъ, гдѣ онъ имѣется, они представляютъ важное подспорье. Въ то время какъ талантливый бѣднякъ, не стѣсняемый ничѣмъ, прокладываетъ себѣ дорогу къ широкому развитію своихъ способностей, благодаря матеріальному пособію и свободѣ поступковъ, — бѣдная дѣвушка, связанная, помимо нужды, приличіями, искусственнымъ обезсиленіемъ энергіи, и волей старшихъ, — поневолѣ должна приниматься за иглу, де-

шевые уроки, или домашнее хозяйство, подавляя въ себѣ художественное призваніе, растрачивая его на мелочи. Слѣдовательно, ставить оцѣнку женскихъ способностей на основаніяхъ, которыхъ въ дѣйствительности почти не существуетъ,—по крайней мѣрѣ несправедливо.

Однако, подобныя сужденія не покажутся намъ такъ возмутельными у г. Вендта, когда мы узнаемъ, что и замѣчательные философы, какъ Шопенгауеръ и Спенсеръ раздѣляютъ его мнѣнія. Оба эти мыслителя, и особенно первый, облекая женщину въ какое-то странное, природное безсиліе, находятъ, что женщина не можетъ быть ни художницей, ни писательницей, что въ ней это какое-то безобразное исключеніе. Кто дерзнетъ отрицать мнѣнія людей съ такими громкими именами?.. А между тѣмъ становится почти несомнѣннымъ, что если дѣла пойдутъ нормальнымъ порядкомъ развитія, достаточно будетъ какой нибудь сотни лѣтъ чтобъ доказать, что и самые великіе умы нашего вѣка не отличались полнымъ безпристрастіемъ, что и они были заражены субъективными взглядами на вещи, которыми и руководились, не будучи въ силахъ отдѣлиться отъ взглядовъ, всосанныхъ съ молокомъ матери. Эти всосанные съ дѣтства взгляды на столько важны, что съ ними расплачиваются прежде всего, почти безсознательно отталкивая отъ своего мозга все то, что имъ противорѣчитъ. Люди съ такими субъективными особенностями уже не въ состояніи отдаться соображеніямъ, что причины ихъ понятій лежатъ не въ дѣйствительной бездарности женскаго пола, но въ невозможности, въ силу укоренившихся обычаевъ, получать ту пропедевтику, или предварительную общую подготовку, безъ которой природныя способности не достаточно развиваются, и которою можетъ такъ широко пользоваться каждый одаренный мужчина. Такимъ образомъ въ мужскихъ умахъ нерѣдко встрѣчается, рядомъ съ великими и глубокими идеями, атрофированная потребность къ основательному, безпристрастному изученію ненормальности женскаго положенія въ самомъ корнѣ его. И выходитъ у нихъ, вслѣдствіе этого, что-то совсѣмъ невѣроятное: оказывается, что воспитаніе въ дѣвочкѣ человѣка одареннаго—нежелательно; что она пригодна только въ теченіе тѣхъ 12—15 лѣтъ, когда тѣло ея составляетъ лакомое блюдо для мужскихъ потребностей, и что вся остальная жизнь ея пригодна развѣ на мелкія домашнія услуги. Согласуется-ли подобный взглядъ съ извѣстными намъ экономическими распредѣленіями во всемъ мірозданіи?. Не выглядываетъ-ли изъ-за него настойчивое хотѣніе субъективнаго мужскаго «я?» Въ то время, какъ пожилой возрастъ мужчины, обогащенный знаніемъ и опытомъ, приноситъ ему лучшіе плоды дѣятельности въ видѣ почета отъ общества, семьи и родины, въ видѣ увеличенія общаго довѣрія, матеріальныхъ средствъ и духовныхъ наслажденій,—жен-

скій пожилой возрастъ дѣлаетъ изъ нея только лишній ротъ, безучастный въ вопросахъ общественной пользы, приживалку, мало къ чему пригодную но великодушно наименованную человѣкомъ.—Не пахнетъ-ли все это серьезнымъ подборомъ подкупныхъ сужденій?.

Такою-же чертою отличаются сужденія г. Вендта и въ вопросахъ о покладистости женской логической совѣсти, о характерѣ женскихъ преступленій, о притворствѣ, набожности, объ эстетическихъ впечатлѣніяхъ и словоохотливости, въ естественное происхожденіе которыхъ онъ не углубляется, отводя имъ готовое мѣсто въ женской природѣ.

На каждый изъ этихъ пунктовъ дружескихъ обвиненій можно-бы отвѣчать такимъ-же количествомъ страницъ, еслибъ не проще было указать автору на прекрасные доводы г. Энгельгардтъ въ книгѣ «*Прогрессъ, какъ эволюція жестокости*».

О книгѣ г. Вендта вообще можно сказать, что въ ней растягиваются до чрезмѣрности пустыя, второстепенныя подробности и вмѣстѣ съ этимъ почти игнорируются главнѣйшіе вопросы о причинахъ, давшихъ жизнь и развитіе этимъ обширнымъ мелочамъ; а въ этомъ-то послѣднемъ и заключается вся суть вопроса. Индуктивное мышленіе, когда оно не регулируется дедуктивнымъ, всегда ведетъ къ односторонности, даже къ узкости, и въ этомъ отношеній всякій, вѣроятно, согласится съ біологомъ Вольфсонъ, который говоритъ: «*Есть науки (и наблюденія), которыя могли-бы быть цѣльными, однако служатъ не на пользу, а на вредъ, когда увлекаются излишнею спеціализаціею (мелочными подробностями), какъ напримѣръ геометрическими изслѣдованіяти человѣческаго черепа*». Онъ называетъ даже антропологію, отдѣлившуюся отъ біологіи, соціологіи и этики, «*академическою спеціальностью, дающею возможность увеличивать число каѳедръ въ университетахъ, или креселъ въ академіяхъ, но положительно замедляющую умственный прогрессъ учащейся молодежи*».

Вотъ этою-то излишнею спеціализаціею и отличаются преимущественно Нѣмцы, занимающіеся безполезными опредѣленіями, изъ которыхъ по словамъ ученаго біолога «*двѣ трети составляютъ ненужный балластъ, долженствующій быть выброшеннымъ за бортъ во имя истиннаго прогресса біологіи. Здѣсь точность относительная далеко не всегда соотвѣтствуетъ точности истинной; да и самое понятіе о точности не примѣнимо къ этого рода изслѣдованіямъ, такъ какъ наблюденія въ нихъ либо безъидейны, а потому не имѣютъ никакой цѣны, либо ведутся съ предвзятыми мыслями, тормозящими правильный ходъ прогресса біологіи*».

Странныя, хотя и довольно понятныя тенденціи замѣчаются не у одного г. Вендтъ, но и у многихъ писателей повѣствующихъ о жен-

скихъ особенностяхъ. Онѣ, т. е. странности, безъ сомнѣнія существуютъ, и должны существовать, имѣя свой raison d'être, но вѣдь въ сущности эти особенности въ обоихъ полахъ состоятъ, сравнительно, изъ мелочей, изъ частностей, нисколько не уничтожающихъ основныхъ потребностей духовнаго «я» и создавать на такихъ частностяхъ капитальныя преграды для удовлетворенія духовныхъ потребностей общечеловѣческаго «я» совсѣмъ не разумно.

Посмотрите, напримѣръ, какъ относятся изстари мужчины къ вопросу о тѣмъ, что связываетъ оба пола воедино, что создаетъ изъ нихъ двѣ равносильныя половины, т. е. о любви. Широко практикуя ее во всѣхъ видахъ, мужчины, въ теоріи, всячески стараются устранять свой полъ, являя себя лишь въ качествѣ гостей, когда рѣчь идетъ объ отвѣтственныхъ сторонахъ сближенія; но какъ только выступаетъ вопросъ о правахъ въ этой области, они являются первыми на нихъ претендентами. Властолюбія нельзя не отнести къ одной изъ отраслей легкомыслія, потому что легко мыслитъ тотъ, кто способенъ думать только о себѣ и не умѣетъ входить въ положеніе другого лица. А вѣдь нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что именно по причинѣ легкомысленныхъ отношеній мужского пола къ правамъ жены и матери, къ важности значенія женскихъ трудовъ въ области воспроизводительности,—самыя одаренныя дѣвушки, еще не познавши радостей материнства, уже стараются убивать въ себѣ призваніе, поставленное въ слишкомъ неблагодарныя условія. Легкомысліе не оцѣнило добрыхъ женскихъ чертъ, которыя, тѣмъ не менѣе существуютъ, принося благодатные плоды; легкомысліе сочло ихъ низменными, надъ которыми удобно властвовать,—а въ нихъ-то, можетъ быть, и лежалъ ключъ къ усовершенствованію духовной стороны человѣка, потому что мирныя добродѣтели и выше, и вліятельнѣе всѣхъ остальныхъ. Полагая, что главною причиною ихъ безправія служило меньшее, противъ мужчины, умственное развитіе, женщины устремились къ пріобрѣтенію знаній, надѣясь этимъ путемъ добиться удовлетворенія своего человѣческаго достоинства. Но, хотя онѣ и достигаютъ нѣкотораго успѣха, въ общемъ онъ достанется имъ съ большими трудами, во первыхъ, потому, что онѣ еще не успѣли заслужить довѣрія къ своей устойчивости, во вторыхъ, потому, что пока мужское легкомысліе будетъ въ силѣ, оно всегда найдетъ болѣе или менѣе резонное основаніе для своего ублаготворенія.

Вполнѣ понятно, если на первыхъ порахъ ученіе дастся большинству женщинъ труднѣе; но нельзя не видѣть, что нынѣшніе женскіе типы среди учащихся замѣтно измѣнили нравственную физіономію: между ними уже не практикуются ни истерики, ни манерничанія, ни иныя предста-

вленія. Занятыя дѣломъ, онѣ постепенно сбрасываютъ съ себя ставшіе теперь ненужными капризы, рисовку излишнею женственностью, и въ мужчинѣ онѣ ищутъ прежде всего человѣка съ нравственными достоинствами, товарища, а не сластолюбиваго обожателя внѣшности, на котораго еще такъ недавно смотрѣли какъ на спасителя, освобождавшаго родителей отъ дочерей.

Но, къ великому сожалѣнію, приходится оговориться: только что сказанное развивается пока въ очень ограниченномъ кружкѣ, носящемъ на себѣ печать интеллигенціи; огромное-же большинство общества еще крѣпко держится старыхъ традицій, хотя и видятъ, что работающая дочь уже не составляетъ бремени.

Во имя какихъ цѣлей соединяются девяносто паръ изъ ста, въ обществѣ, считающимъ себя цивилизованнымъ?

Она—во имя безвыходности своего положенія, изъ экономическихъ, или тщеславныхъ разсчетовъ.

И выходитъ, что женщина только позволяетъ себя любить, но сама не любитъ, а только привыкаетъ.

Онъ,—если не изъ корыстныхъ цѣлей, то во имя ублаготворенія своей капризной страсти, возведенной на степень профессіональнаго культа. Духовной связи не ищетъ ни который, и оба бросаютъ другъ друга безъ дальнихъ церемоній.

Какого рода благъ можно ожидать отъ огромнаго, даже чрезмѣрнаго прироста людей, неподготовленныхъ къ служенію великой идеѣ природы, не носящихъ въ себѣ наслѣдственныхъ задатковъ для поддержанія духовныхъ и тѣлесныхъ силъ въ здоровомъ равновѣсіи?—А вѣдь все это относится къ мужскому полу едва-ли не болѣе, чѣмъ къ женскому.

Предусмотрительная природа устроила такъ, чтобъ всѣ предназначенныя человѣку отправленія выполнялись сообразно съ ея высшими цѣлями, и нельзя не предполагать, что именно въ виду этого—всякое отправленіе, необходимое для блага и пользы человѣка, сопряжено, какъ извѣстно, съ пріятнымъ ощущеніемъ. Однако злоупотребленій удовольствіями этого рода природа не допускаетъ, и выражаетъ это тѣмъ, что смотря по мѣрѣ злоупотребленій, являются соотвѣтственныя недомоганія, а затѣмъ и болѣзни.

Такъ наказываетъ она обжорство, пьянство и т. п. Заразпутство-же, какъ за злоупотребленіе высшимъ даромъ,—природа поражаетъ то, что для человѣка всего дороже: его потомство Ему предоставляется проклинать своихъ родителей.

Думаютъ-ли объ этомъ тѣ, которые здѣсь могли-бы доказать превосходство своего разума?

Крайне сомнителенъ также фактъ, выдвигаемый нѣмецкимъ авторомъ, что «*у мужчины половыя части составляютъ только придатокъ къ остальному его одаренію, тогда какъ у женщины весь организмъ приспособленъ къ дѣторожденію*».

Кто-же можетъ сомнѣваться въ томъ, что природа, одаривши женщину способностью къ дѣторожденію, одарила ее и всѣми приспособленіями, необходимыми для такого важнаго отправленія? Но изъ этого весьма странно заключать, что дѣторожденіе должно составлять ея исключительное предназначеніе, такъ какъ и для другихъ родовъ дѣятельности въ ея организмъ вложены всѣ необходимыя приспособленія; а если дѣторожденіе требуетъ болѣе сложныхъ и многочисленныхъ приспособленій, какъ актъ высокаго значенія, то этимъ вовсе не доказывается, чтобъ для женщины не было выбора. Наконецъ если одной женщинѣ предназначено рождать,—никто за нея и не рождаетъ! Точно также если одному мужчинѣ предназначена тяжелая мускульная работа,—онъ одинъ и практикуетъ этого рода занятія; однако этимъ отнюдь не доказывается, что дѣятельность другого рода должна быть для него закрыта. Не могъ же Декартъ или Ньютонъ состоять сторожами только потому, что природа снабдила ихъ сильными кулаками!

И во всякомъ случаѣ способностью дѣторожденія нельзя профанировать, и право практиковать ею должно принадлежать исключительно волѣ того лица, кому эта способность дарована. Торговля-же, и всякаго рода сдѣлки по поводу этого священнѣйшаго дара уже сами по себѣ доказываютъ низменность понятій человѣка. На настоящей ступени своего умственнаго развитія наше общество еще не занимается, да врядъ-ли и интересуется этимъ важнымъ вопросомъ. Оно всецѣло поглощено множествомъ давно созданныхъ условностей для достиженія счастія, соотвѣтствующаго довольно низменнымъ идеаламъ; всѣ силы и помыслы его направлены на суету, не оставляющую ни времени, ни охоты задумываться надъ вопросами о цѣли своего бытія.

Коль скоро женщинѣ стараются внушить съ раннихъ лѣтъ, что она сама по себѣ сосудъ скудельный,—понятно, что она начинаетъ терять вѣру въ свои силы и поддаваться слабостямъ; а когда она фактически видитъ, что мужской полъ вездѣ пользуется привиллегіями,—она естественно стремится войти съ нимъ въ союзъ; но тутъ ей приходится еще болѣе убѣждаться въ приниженности своего пола, притомъ не за что иное, какъ именно за полъ, потому что во всемъ остальномъ она чувствуетъ въ себѣ человѣка въ полномъ смыслѣ слова, человѣка, владѣющаго равносильнымъ, хотя и различнымъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, одареніемъ. При чемъ-же тутъ полъ?..

Вотъ что говоритъ по этому поводу мыслитель—астрономъ, заинтересовавшій весь цивилизованный міръ своими произведеніями:

„Я не сомнѣваюсь, что среди членовъ человѣческаго тѣла тѣ считаются самыми главными, которые способствуютъ сохраненію человѣческаго рода. Присоединяя ихъ къ остальнымъ органамъ, напримѣръ—дыханія и питанія, благодаря которымъ человѣкъ можетъ жить, мы получимъ основу организма, съ которою тѣсно связаны второстепенные, вспомогательные органы“. По какой-же причинѣ женскіе органы могутъ стоять ниже мужскихъ?

И далѣе: «*Если произойдетъ какая нибудь перемѣна въ органахъ дыханія и питанія, то и все наше существо измѣнится соотвѣтствующимъ образомъ. Точно также, безъ всякаго сомнѣнія, должны измѣниться какъ строй организма, даже и его внѣшній видъ, при всякомъ измѣненіи въ органахъ, данныхъ намъ Природою для продолженія рода. Такое измѣненіе въ физическомъ строеніи этихъ органовъ вполнѣ мыслимо; притомъ оно нисколько-бы не нарушило наслажденія, связаннаго съ ихъ функціей*». (Фламмаріонъ).

Что можетъ быть яснѣе и согласнѣе съ дѣйствительностью?.. На какомъ основаніи возможно признать одинъ половой органъ выше или ниже другого? И вотъ тенденціи г. Вендта обнаруживаются: желая такъ или иначе возвысить свой полъ передъ женскимъ, онъ призналъ придаточность за фактъ, предоставивъ такимъ образомъ своему полу яко-бы высшія, возвышенныя цѣли жизни, а женщинѣ—низменныя, плотскія. Но онъ только показалъ, что невѣрно смотритъ на вещи, такъ какъ г. Фламмаріонъ, богатый болѣе широкимъ знакомствомъ съ Природой, признаетъ воображаемыя низменныя отправленія не ниже возвышенныхъ.

Въ раздѣленіи труда между мужчиной и женщиной, гдѣ оно является необходимостью, можно скорѣе усмотрѣть цѣль Природы уравновѣсить силы въ обоихъ видахъ человѣка; по крайней мѣрѣ нельзя не видѣть, что то, что г. Вендтъ счелъ за придатокъ, составляетъ въ дѣйствительности ахиллесову пятку мужского пола, т. е., что рядомъ съ мускульною силою въ его организмъ вложена слабость въ другомъ мѣстѣ, и слабость эта придаетъ силу и значеніе женщинѣ. Исторія всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ свидѣтельствуетъ намъ о могуществѣ половыхъ потребностей у мужчины, о его легкой возбуждаемости и неустойчивости въ этомъ смыслѣ. Не говоря уже о безчисленномъ множествѣ случаевъ, гдѣ какъ частная, такъ и историческая личность мужчины являла себя убійцей, самоубійцей, братоубійцей, измѣнникомъ родины, похитителемъ, богоотступникомъ, предателемъ, разбойникомъ, клятвопреступникомъ, или зачинщикомъ губительной войны изъ-за обладанія женщиной,—для чьихъ потребностей,

или желаній, существуетъ полигамія, дома терпимости, гаремы! Кто изобрѣталъ ковырканье женскихъ ногъ, фату, разныя покрывала, затворы и неудобныя одежды, чтобъ вѣрнѣе приковать женщину къ себѣ, чтобъ уменьшить поводы къ ревности?.. Если относительно полигаміи и можно найти двойственное объясненіе, то относительно всего остального не имѣется ничего иного, кромѣ очевидности, что мужчина еще труднѣе обходится безъ женщины, чѣмъ она безъ него. Не довольствуясь естественнымъ влеченіемъ половъ другъ къ другу, мужчина не пренебрегалъ никакими средствами для прочнаго прикрѣпленія своей половины къ себѣ, и въ то-же время не хотѣлъ подумать, что, унижая и обдѣляя ее, унижаетъ себя и обдѣляетъ своихъ дѣтей. Какое-же довѣріе, какія чувства могъ онъ внушить къ себѣ при подобномъ образѣ дѣйствій? И тѣмъ не менѣе онъ не переставалъ требовать къ себѣ всѣхъ знаковъ глубокаго уваженія и любви, какъ будто стоило только вынуть эти чувства изъ кармана и преподнести ему; а главное—самъ-же удивлялся, что женщина хитра и зла, приписывая это ея природѣ.—Здѣсь-ли признаки разума, въ недостаткѣ котораго онъ постоянно обличаетъ женскій полъ?.. Приписывая себѣ любовь къ серьезному размышленію, онъ не додумался до того, что женскіе типы рождены его властолюбіемъ.

А одинъ изъ нѣмецкихъ философовъ, пріобрѣтшій на родинѣ извѣстность, поступаетъ еще находчивѣе: онъ прямо предлагаетъ учредить какую нибудь пенсію для дѣвицъ, не вступившихъ въ брачный союзъ. Слѣдовательно этотъ философъ знаетъ, что женщина, лишаясь профессіональнаго образованія лишается въ то-же время и средствъ къ существованію; но у него такъ прочно утвердились понятія, что женская профессія должна состоять исключительно въ дѣторожденіи, или въ поступленіи на содержаніе къ мужчинѣ,—что онъ и не задумывается надъ вопросомъ такого униженія въ женщинѣ человѣка; онъ считаетъ проще вычеркнуть изъ женщины существованіе самолюбія, и, перешагнувъ черезъ него, смѣло подать мудрую мысль, чтобы дѣвушка, не съумѣвшая понравиться мужчинѣ, составляла впредь государственную обузу.—Совѣстно даже называть автора такой философіи въ XIX столѣтіи!

Такимъ-то образомъ, не давая такъ долго женщинѣ ни правъ на солидное образованіе во имя пользы семьи, ни профессіональнаго образованія, подобнаго мужскому, для обезпеченія своей личной жизни,—мужчина косвеннымъ образомъ самъ учредилъ между женщинами какъ постыдную торговлю своимъ тѣломъ, такъ и безпрестанно встрѣчающуюся необходимость вступленія въ бракъ безъ сердечнаго влеченія даже въ новѣйшее время. Отсюда сама собою выходила необходимость во лжи во всѣхъ ея видахъ.

Чѣмъ можетъ лисица избѣжать волчьей ярости, если не своею тактикою?

Вторая половина приведенныхъ выше словъ г. Фламмаріона, подтверждаетъ, кромѣ того, и возможность перерожденій въ организмѣ, каковыя, по всей вѣроятности, происходили и въ женщинѣ съ древнихъ временъ отъ злоупотребленій ея даромъ производства дѣтей.

Для закругленія понятій о произведеніи нѣмецкаго автора женской души, необходимо сдѣлать еще двѣ маленькія выписки изъ его сочиненія. «*Женская натура*,—говоритъ онъ—*во всякомъ случаѣ лишена полной самостоятельности, и никакіе порывы къ эмансипаціи не въ силахъ поколебать этотъ незыблемый законъ; противники женскаго прогресса могутъ быть совершенно спокойны на этотъ счетъ*». Вотъ гдѣ нѣмецкое самомнѣніе доходитъ до крайности! А главное—самъ авторъ, мнимый другъ женщинъ, признается, что между его поломъ есть не малое количество противниковъ женскаго прогресса, и успокоиваетъ ихъ твердою увѣренностью, что женщина навсегда составитъ исключеніе изъ міровыхъ законовъ совершенствованія. А между тѣмъ ни отъ кого не скрыто обратное.

Бѣдный другъ дошелъ до самообольщенія. Желая окончательно подстрѣлить милыхъ сердцу, онъ сдѣлалъ промахъ и забылъ тотъ фактъ, что и самъ-то онъ, безъ женщины, не болѣе, какъ калифъ на часъ, поэтому только вмѣстѣ съ нею можетъ составить болѣе или менѣе самостоятельное цѣлое, онъ вообразилъ, что его половина создана исключительно для услажденій его милости!.. А вѣдь большая часть молодыхъ и старыхъ писателей по женскому вопросу цитируетъ мнѣнія нѣмецкаго ученаго съ 30 лѣтнимъ опытомъ, и дѣлаютъ такимъ образомъ «*покладистость женской совѣсти*» чуть не поголовнымъ порокомъ среди мужской интеллигенціи.

Во всей исторіи не было подходящей почвы для развитія самомнѣнія въ женщинѣ; мужчина-же почерпнулъ его, какъ ужъ было замѣчено, изъ двухъ источниковъ одинаково неблаготворныхъ: изъ ложной религіи и изъ мускульной силы. Оба эти ложныя начала, какъ враги ученія, высказаннаго Христомъ, дружно обезобразили нравственную физіономію мужчины.

Въ частности онъ многочисленными фактами доказываетъ, что щедро одаренъ природою: онъ богатъ и умомъ [1]), и сердцемъ, и талантами, и желаніемъ добра; но и ему, повидимому, такъ-же трудно бороться съ нечистыми силами, какъ и женщинѣ. Внушенное ими самомнѣніе такъ-же плодливо, какъ и боги Олимпа: оно быстро родило честолюбіе, тщеславіе, властолюбіе, наглость, а отъ этихъ родителей размножилось всяческое зло, продолжающее вносить хаосъ и несчастіе въ жизнь слабаго смертнаго.

[1]) но не разумомъ.

Экономическими условіями нельзя объяснить всѣхъ золъ человѣка: каждые шли сами по себѣ. Отъ нихъ осложнялись до глупости дѣла человѣческія; черезъ нихъ разрослись всѣ фальшивыя потребности людей. И еслибъ болѣе совершенный житель другой планеты могъ взглянуть на траги-комическія сцены изъ человѣческой жизни,—неизвѣстно, слезы, или хохотъ возбудили-бы въ немъ картины результатовъ законнаго превосходства мужчины передъ женщиной, когда представитель ума, знанія и силы, не теряя осанки повелителя, вытанцовываетъ довольно замысловатыя антраша подъ тихіе звуки женіной гитары... Не даромъ Гельвецій, остроумный философъ прошлаго столѣтія, замѣтилъ, что «*родъ человѣческій представляетъ такое-же разнообразіе индивидуумовъ, какъ и собачій: у каждаго свои повадки, свои ухватки, для каждаго своя дичь*».

Не менѣе интересна и послѣдняя выписка, гдѣ г. Вендтъ выдаетъ слабую сторону своего пола.

«*Чувство собственнаго достоинства, основываясь на отвлеченныхъ представленіяхъ о преимуществахъ даннаго лица, у мужчинъ часто достигаетъ высокой степени развитія, пріобрѣтая иногда (?) напряженность и силу страсти. У женщинъ-же оно большею частью дремлетъ*» (стр. 90).

Исторія положенія женщины ужъ указала намъ, что это чувство, какъ вулканъ, дремало въ женщинѣ только съ виду; но, извергаясь внутрь, это попранное чувство накладывало, какъ мы видѣли, печальные слѣды разрушенія того, что, по всей очевидности, было полно богатыхъ задатковъ, выходя изъ рукъ Творца. А сколько женщинъ, особенно русскихъ, выглядятъ гордо, не смотря ни на что! Съ какимъ достоинствомъ онѣ переносятъ обиды!

Но что-же сдѣлалъ торжествующій полъ съ своимъ раздутымъ чувствомъ собственнаго достоинства?

Признавая, съ одной стороны, склонность своего пола къ преувеличенію его (въ ущербъ справедливости),—онъ вполнѣ довѣряется его рѣшеніямъ. Съ другой-же стороны,—смотря на женщину, какъ на обиженную самою природою, какъ на существо слабое и безпомощное,—онъ, какъ оцивилизовавшійся потомокъ Конфуція, привязываетъ къ женской спинѣ тяжелый грузъ нравственныхъ обязанностей и лишеній, требующихъ крупнаго развитія духовныхъ силъ. Онъ-же лишалъ женщину средствъ ихъ вырабатывать, онъ-же, въ лицѣ авторовъ, заявляетъ объ отсутствіи въ ней чувства собственнаго достоинства какъ о природномъ недостаткѣ. Гдѣ-же тутъ логика?

Въ человѣкѣ имѣется, насколько извѣстно, пять главныхъ инстинктовъ, и каждый изъ нихъ даетъ жизнь нѣсколькимъ второстепеннымъ, но однороднымъ инстинктамъ. Инстинктъ самосохраненія, выражающійся

борьбою за питаніе и улучшеніе быта, является общею и самою грубою формою эгоизма, такъ какъ онъ стремится преимущественно къ разрушенію чужого благополучія во имя созиданія своего. Достойными его чадами являются инстинкты *гордости, чрезмѣрнаго самолюбія*,—т. е. самомнѣнія, доходящаго до потребности господства надъ другими,—и *тщеславія*, т. е. желаніе сперва одобренія окружающихъ, а при благопріятныхъ обстоятельствахъ и ихъ повиновенія и поклоненія. Есть-ли во всемъ этомъ что-нибудь достойное, заслуживающее предпочтенія передъ инстинктами альтруистическаго характера?.. А между тѣмъ г. Вендтъ видимо гордится подобными свойствами своего пола, идущими въ разрѣзъ съ совершенствованіемъ личности, съ идеалами человѣчества.

Но, къ сожалѣнію, и здѣсь оцѣнка г. Вендта невѣрна. Если и существуетъ не малое количество женщинъ смиренныхъ, съ совсѣмъ забитымъ духовнымъ «я»—за то въ остальномъ ихъ большинствѣ можно поистинѣ удивляться избытку гонора и самолюбія: часто побиваемая физически и нравственно однимъ лицемъ, своимъ законнымъ владыкою, женщина, тѣмъ не менѣе, хорошо умѣетъ сохранять горделивую осанку передъ другими; и это происходитъ, по всей вѣроятности, потому, что она успѣшно завладѣла нецензурными средствами самоудовлетворенія и сознаетъ это.

Капитальнѣйшая ошибка г. Вендта заключается въ нежеланіи знать, что біологическія особенности женскаго пола такъ плотно переплетены съ вопросами соціологіи, что выдѣленіе однихъ отъ другихъ составляетъ еще трудную задачу для самыхъ серьезныхъ наукъ. Трудность эта усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что при всемъ стремленіи къ добросовѣстному разрѣшенію вопросовъ—никто себѣ не врагъ, и почти каждый писатель поддается субъективной увѣренности въ томъ, что женщина во всякомъ случаѣ должна стоять ниже его, и что вопросы объ ея полѣ поставлены естественно, удобно, выгодно, а слѣдовательно и правильно. Здѣсь можетъ грѣшить и обособленная антропологія, и фарисейская соціологія, и сама физіологія съ ея шаткими вліяніями. Ужъ если сами представители серьезнѣйшей изъ наукъ открыто пишутъ, что «*научная литература загромождена множествомъ академическаго хлама*»—каждому мыслящему мозгу позволительно думать, что не всей, далеко не всей научной печати слѣдуетъ довѣряться. Мы имѣемъ въ рукахъ, для вѣрнаго ознакомленія съ натурою человѣка, и исторію, и законы, и соціологію, не вмѣщающихъ въ себѣ ни ошибокъ, ни предположеній, ни предвзятыхъ идей, и эти союзныя науки имѣютъ самое большое значеніе при изученіи природы человѣка безразличнаго пола.

Въ такомъ-же духѣ пишетъ г. Вендтъ свои приговоры и относительно «женской моральной совѣсти» и относительно неумѣнья женщины слу-

жить нравственной идеѣ. И выходитъ, что мы умѣемъ восхищаться Корделіями только у Шекспира, а въ обыденной жизни мы ихъ принижаемъ, потому что сами еще не выучились служить добру и правдивымъ идеямъ.

Всѣ эти мелочные разборы особы женщины уничтожаются сами собою при ознакомленіи съ широкими воззрѣніями г. Летурно, который ясно доказываетъ, что *многовѣковымъ воспитаніемъ можно привить* (даже четвероногимъ) *наклонности совершенно чуждыя, иногда и совсѣмъ противоположныя его первоначальной природѣ*». (Воспитаніе въ царствѣ животныхъ, Летурно).

Изъ довольно объемистой книжки о женщинѣ господъ Ж. и Г. Симонъ видно, что и они также сомнѣваются въ подлинности женскаго одаренія, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ этого одаренія у француженокъ. По ихъ французскому мнѣнію—положеніе, какое женщина должна занимать въ обществѣ, ея призваніе и назначеніе составляютъ что-то непонятное и совсѣмъ не отъ міра сего. Оба надѣляютъ ее, напримѣръ, большою логикою, но лишаютъ всякаго здраваго смысла: какое оригинальное одареніе?!. Они находятъ, что ей не должно принадлежать ни знаніе, ни заработокъ, ни государственная служба; они не совѣтуютъ ей искать средствъ къ существованію и смѣются надъ тѣми изъ женщинъ, которыя желаютъ поступать на разные курсы, изучаютъ медицину, счетоводство и т. п. потому, что ея призваніе—быть матерью и полною руководительницею дѣтей. При этомъ они ставятъ жену въ полное подчиненіе волѣ мужа, и всѣ жизненныя радости ея, по ихъ понятіямъ, должны получаться не иначе, какъ черезъ мужа, сообразно съ его вкусами и волею. Что за фокусъ?.. И какъ мило садятъ эти любезные французы общипанную особу женщины въ нарядную клѣтку, съ какою граціею отнимаютъ у нея все то, чѣмъ человѣкъ дорожитъ болѣе всего на свѣтѣ! Съ какими галантными реверансами они стараются ей внушить, что для нея совсѣмъ не надо ни свободы тѣла, ни свободы души, что эти драгоцѣнные дары не для ея пола! Они милостиво увѣряютъ, что благовоспитанная женщина (!) должна довольствоваться тою дѣятельностью, которую такъ великодушно уступаетъ ей мужъ: хозяйственными мелочами и заботою о чистоплотномъ содержаніи мужа и малолѣтнихъ дѣтей. Они полагаютъ, что женщина природою поставлена не дѣятельницей, а только зрительницею того, что происходитъ на бѣломъ свѣтѣ! И послѣ всего этого они требуютъ, чтобъ мать сама руководила образованіемъ своихъ дѣтей, сама выбирала-бы имъ наставниковъ и контролировала-бы дѣйствія послѣднихъ. И выходитъ у нихъ, что для этого не требуется ни здраваго смысла, ни знаній!

Отъ природы-ли женщина выносliва и болѣе мужчины способна къ самопожертвованію, когда въ этомъ замѣшано ея любящее сердце, или

горькая ея исторія выработала въ ней эти качества,—рѣшить до поры до времени довольно трудно; но черезъ всю исторію проходятъ крупныя доказательства такой выносливости: на какой только фасонъ ее не передѣлывали? Что должно было происходить въ скрываемомъ ею внутреннемъ мірѣ—понятно; но по внѣшности она, до послѣдняго времени, все выносила съ большею, или меньшею безропотностью.

Теперь допустимъ, что женщина средняго одаренія влѣзаетъ и въ ту рамку, которую предлагаютъ гг. Симонъ: что-же отъ этого происходитъ, когда гг. Симонъ находятъ себѣ послѣдователей?

Какъ и всегда—новыя требованія не измѣняютъ сущности женской натуры: она все таки прежде всего хочетъ жить, т. е. не прозябать, не вырисовывать жизнь подъ диктовку другого лица, но дѣйствовать по собственному разумѣнію; а за невозможностью исполненія такой естественной потребности,—она начинаетъ искать себѣ живаго интереса въ назначенномъ ей районѣ. Смотря по субъективнымъ склонностямъ, она иногда находитъ нѣкоторое удовлетвореніе въ хозяйственныхъ хлопотахъ, принимаетъ большое участіе во всѣхъ дрязгахъ, придаетъ имъ первостепенное значеніе, раздуваетъ каждую иску въ пламя, и обращается нерѣдко въ тотъ типъ несносной до тошноты, придирчиво-мелочной хозяйки, которая видитъ бѣдствіе въ чернильномъ пятнѣ на полу, или, позоръ человѣка въ пролитомъ молокѣ. Подобную мелочность мужчины обыкновенно склонны приписывать особенностямъ женской природы, не принимая во вниманіе, что корень зла заключается именно въ узкости данныхъ ей интересовъ: перемѣните условія,—исчезнетъ и мелочность. Когда человѣкъ располагаетъ тысячами, для него два-три рубля не составляютъ вопроса, но если онъ имѣетъ всего одинъ рубль,—понятно, что онъ придаетъ значеніе каждому пятаку.

Очень часто случается, что главнымъ достояніемъ женщины является нѣжность сердца, чувствительность котораго развита воспитаніемъ въ ущербъ ея умственныхъ способностей. Въ такомъ случаѣ она не отдается хозяйству цѣликомъ, но ищетъ себѣ дѣятельности въ разнаго рода привязанностяхъ. При неимѣніи дѣтей, она обожаетъ цвѣты, собачекъ, птичекъ; если-же есть у нея дѣти,—она сразу устраиваетъ себѣ культъ. По узкости умственнаго кругозора, она не смотритъ въ даль, нисколько не заботится о неминуемыхъ послѣдствіяхъ даваемаго воспитанія; она просто поклоняется своему плоду, готова для его минутной прихоти на всяческія глупости, на совсѣмъ ненужные жертвы, и смотритъ на своего идола какъ слѣпая, развращая его съ ногъ до головы. Попробуй кто нибудь замѣтить обнаруживающійся въ немъ порокъ,—подобная мать способна вредить всю жизнь непрошенному наблюдателю. Какого рода

пользы могутъ ожидать впослѣдствіи семья, общество и страна отъ этихъ маменькиныхъ сынковъ? И выходитъ, что безъ понятій о цѣляхъ воспитанія, безъ личнаго умственнаго развитія и знаній,—материнская любовь это святое и безкорыстнѣйшее въ мірѣ чувство, приноситъ болѣе вреда, чѣмъ блага. Мужчинѣ, занятому другими дѣлами, трудно даже бороться съ этимъ зломъ; ему приходится покориться во избѣжаніе худшаго, потому что зло это уготовано вѣками его поломъ; онъ это иногда сознаетъ, но терпитъ порчу дѣтей, старается улыбаться и любуется своею снисходительностью.

Но господа Симонъ на этомъ не останавливаются. Тономъ почтенія, почти лести, авторы высказываютъ, что считаютъ женщину чуть не благодѣльницею человѣческаго рода, единственною надеждою на его нравственное усовершенствованіе. Въ ней они видятъ руководительницу развитія духовныхъ силъ страны, и такимъ образомъ довѣряютъ будущую судьбу родины... кому-же? Существу, лишенному здраваго смысла и образованія, маріонеткѣ, находящейся въ полномъ повиновеніи у мужа, или отца... Еслибъ это писала женщина, ея произведеніемъ воспользовались-бы многіе изъ желающихъ доказать женскую неспособность къ серьезному мышленію, какъ наглядымъ образцемъ.

А вмѣсто болѣе или менѣе вѣскаго доказательства того, что женщина не только не можетъ, но и не должна изучать ничего серьезнаго, гг. Симонъ приводятъ поучительный примѣръ: «Одна богатая дѣвушка вышла по любви за адвоката. Она и не понимала, и не интересовалась положеніемъ своихъ денежныхъ дѣлъ, предоставивъ ихъ мужу; но онъ заставлялъ ее выслушивать время отъ времени отчеты, такъ что она рѣшилась черезъ нѣсколько лѣтъ изучить бухгалтерію потихоньку отъ мужа, надѣясь сдѣлать ему пріятный сюрпризъ; она посвятила въ эту науку и дочь. Но при слѣдующемъ отчетѣ мужъ, пораженный основательностью ея замѣчаній, такъ разгнѣвался, узнавши въ чемъ дѣло, что съ этого времени отношенія супруговъ стали ухудшаться; а когда въ обществѣ начали подсмѣиваться надъ ученостью его жены, бѣдняга счелъ себя обязаннымъ защитить ея честь (?) отъ насмѣшекъ: онъ вызвалъ на дуэль какого-то дэнди и получилъ рану, отъ которой вскорѣ умеръ. Такимъ образомъ вся остальная жизнь вдовы была отравлена слезами стыда (?) и раскаянія (?)...» И всѣ эти доказательства недомыслія произошли, видите-ли, по той причинѣ, что жена «*развила въ себѣ способности, несвойственныя ея полу...*» Вотъ что называется ловко сваливать грѣхи съ больной головы на здоровую!

И для чего всѣ эти заботы, опредѣленія и трактаты о женскомъ призваніи?. Почему писатели такъ усиленно занимаются именно женскимъ

призваніемъ, когда у нихъ лежитъ непочатый уголъ неразрѣшенныхъ вопросовъ по обязанностямъ своего пола?.. Свое призваніе каждая должна прежде всего чувствовать сама: кто можетъ взяться чувствовать за другого? Назначать кому нибудь призваніе, вѣдь, все равно, что назначать кому нибудь талантъ: развѣ мыслимо признать талантливымъ піанистомъ человѣка, у котораго нѣтъ ни слуха, ни памяти, ни охоты къ музыкѣ, а есть только длинные, гибкіе пальцы?. Наконецъ женщина, быть можетъ, оттого и не идетъ по вѣрной дорогѣ, что видитъ передъ собою дурной примѣръ: но какъ только она замѣтитъ, что мужчина начинаетъ серьезно относиться къ своему призванію на землѣ, т. е. къ усовершенствованію своей личности,—такъ она послѣдуетъ за нимъ. Если признать, что на обществахъ лежитъ долгъ совѣсти относительно ближнихъ, то врядъ-ли главнѣйшій не заключается въ томъ, чтобъ не придумывая ничего искусственнаго, всѣми силами способствовать развитію каждаго изъ природныхъ одареній даннаго субъекта въ предѣлахъ разума. Всѣ люди обоего пола хорошо знакомы съ страданіями отъ разнаго рода физическихъ и духовныхъ насилій, посягающихъ на все наше существо и причиняющихъ гораздо болѣе вреда, чѣмъ пользы,—отчего-же умный полъ желаетъ продолжать ихъ практиковать? Вѣдь длинный опытъ ужъ обнаружилъ, что примѣненіе физической силы къ вопросамъ духовной области оказало плохую услугу человѣчеству: оно спутало его понятія о правѣ и долгѣ; оно задержало естественный ходъ развитія ума и совѣсти въ обоихъ полахъ; оно дало жизнь тѣмъ порокамъ, отъ которыхъ наиболѣе страдаетъ человѣчество,—а мы все еще не отказываемся отъ надежды удержаться этимъ ложнымъ путемъ на высотѣ своего внушительнаго превосходства, не принимая во вниманіе, что за признаками дѣйствительнаго нравственнаго превосходства надо направиться совсѣмъ въ другую сторону.

Поэтому можно смѣло сказать, что не столько женщина нуждается въ разнаго рода правахъ, сколько мужчина нуждается въ отсутствіи ихъ для своего пола, такъ какъ привиллегированное положеніе должно создаваться само собою, вытекая изъ личныхъ достоинствъ, или заслугъ человѣка обоего пола, безъ помощи всякихъ прирожденныхъ правъ. А то вѣдь нѣтъ ничего легче, какъ проповѣдывать: «Поступай, какъ я приказываю, а не такъ, какъ я поступаю!»

Еслибъ большинство мужчинъ имѣло вкусъ къ познанію вѣчныхъ законовъ природы, женщинѣ не воздвигалось-бы такъ много препятствій для полноты жизни; оно считалось-бы тогда съ закономъ стремленія каждаго живого существа къ самозащитѣ, которая, будучи безконечно разнообразной, губительно отзывается какъ на общемъ жизненномъ строѣ еди-

ницы, такъ и цѣлаго общества. Тогда, быть можетъ, оно не взяло-бы на себя и труда рѣшать вопросы о женскомъ назначеніи, призваніи, обязанностяхъ и т. п. Развѣ Великій Учитель міра говорилъ о любви, правдѣ и кротости только для женскихъ ушей?.. Развѣ мужчина думаетъ, что своею жизнью, дѣятельностью и смертью Христосъ имѣлъ намѣреніе подать примѣръ однимъ женщинамъ?..

Большинство этихъ книжекъ съ благонамѣренными наставленіями для женщинъ обнаруживаетъ довольно ясно, какими задними мыслями руководятся ихъ авторы, и нѣсколько напоминаютъ страстный поцѣлуй, во время котораго рыцарь вытаскиваетъ изъ кармана возлюбленной дамы кошелекъ, заключавшій все ея достояніе.

Г. Герцеги, въ своей физіологіи женщины, тоже обнаруживаетъ общее его полу стремленіе доказать превосходство мужскаго одаренія и исключительность женскаго. Выражая основное различіе половъ, онъ говоритъ такъ:

1) «*Отличительное свойство мужчины—давать, женщины-же—воспринимать*».

Такъ какъ рѣшеніе это обособлено отъ науки въ строгомъ смыслѣ слова, то становится доступнымъ для разсужденія.

Нѣтъ сомнѣнія, что «давать» вообще почетнѣе, чѣмъ «принимать»: но когда бѣдняга и самъ столько-же вѣдаетъ, что именно даетъ, сколько получающая, что принимаетъ, — вопросъ пріобрѣтаетъ совсѣмъ другое значеніе, и о превосходствѣ того, или другого, не можетъ быть рѣчи. Вѣдь это равнялось-бы вопросу: который сосудъ дороже,—въ который, вливаютъ воду, или изъ котораго ее выливаютъ?.. Кромѣ того — повсемѣстная практика указываетъ на то, что мужской полъ всегда платитъ, или платится за удовлетвореніе своихъ потребностей; слѣдовательно, если исключить злоупотребленія силою,—даетъ не онъ, а женщина, которая въ свою очередь, тоже платится впослѣдствіи. Гдѣ-же перевѣсъ?

2) «*Отличительное свойство у мужчины—активность, а у женщины—пассивность*».

Здѣсь опять видѣнъ намекъ автора на превосходство мужскаго пола, но въ дѣйствительности о превосходствѣ также не можетъ быть рѣчи, а скорѣе является новый поводъ къ предположенію, что въ цѣляхъ природы было уравновѣсить цѣнность половъ: въ воспроизводительности узкаго смысла—мужчина проявляетъ, и то не всегда, болѣе активности; въ воспроизводительности-же широкаго смысла — поле женской активности несравненно шире и глубже. Такимъ образомъ участіе обоихъ половъ имѣетъ

одинаковое значеніе, и авторъ, подчеркивая одно, и умалчивая о другомъ,— самъ выдаетъ свои тенденціи.—Что-же касается общей жизнедѣятельности—относительно дѣтей,—женщинѣ предоставлена активность, а мужчинѣ пассивность, и всѣмъ извѣстно, что женщина готова отдавать всѣ свои силы труду, и отдаетъ ихъ, также какъ мужчина, смотря по темпераменту и нуждамъ. Если-же женщина, вынужденная условіями своей жизни покоряться обстоятельствамъ, и относится въ концѣ концовъ пассивно къ окружающему, частью по привычкѣ, частью по инстинктамъ самосохраненія, — не надо забывать, что вѣдь и мужчина, руководясь тѣми-же инстинктами, привыкаетъ относиться пассивно ко всякому злу, когда оно въ рукахъ сильнѣйшаго. Этимъ-то и доказывается наглядно, что сила не есть еще право.

3) *У женщины млечный сокъ быстрѣе превращается въ кровь, что необходимо для питанія новаго организма».*

Это составляетъ одно изъ приспособленій къ дѣторожденію, и въ настоящемъ разборѣ могло-бы быть пропущено, еслибъ не было печатнаго опроверженія на этотъ счетъ. Г. Биша, извѣстный въ мірѣ всѣмъ отраслямъ біологіи, категорически исключаетъ половую дѣятельность вообще изъ числа явленій, входящихъ въ составъ какъ растительной, такъ и животной жизни человѣка. Онъ дѣлаетъ это на томъ основаніи, что воспроизводительность касается не индивидуальной, а видовой жизни, и только второстепенно зависитъ отъ другихъ отправленій организма, всегда проявляясь ужь послѣ того, какъ всѣ они давно уже установились. — (Физіологическія изслѣдованія жизни и смерти, Биша).

Слѣдовательно функціи и процессы половой организаціи женщины не должны особенно выдѣлять ея человѣческаго «я» отъ мужского, какъ стараются это заявлять господа физіологи. Г. Биша вообще подчеркиваетъ, что въ человѣкѣ два рода жизни, два порядка отправленій, и проводитъ весьма рѣзкія черты различія между ними какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ человѣческаго бытія: органическая, растительная жизнь развивается гораздо ранѣе животной, а естественная смерть прекращаетъ животную жизнь также ранѣе, чѣмъ кончается жизнь органическая, служащая какъ-бы канвой для узора высшей жизни человѣка.

Біологъ Вольфсонъ говоритъ такъ: «*Несмотря на необходимость изученія вліяній половой системы и дѣятельности на жизнь цѣлаго организма,— въ учебникахъ физіологіи точныхъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ и помину».*

Точно такъ-же обстоитъ дѣло и относительно наслѣдственности: «*За исключеніемъ трактатовъ Дарвина и Геккеля* (да и то Геккеля, не смотря на его громкое имя, обвиняютъ въ фантазерствѣ), *не существуетъ никакихъ строго-научныхъ изслѣдованій, въ которыхъ явленія наслѣд-*

ственности подвергались-бы систематической обработкѣ. Всѣ попытки объяснить замѣчательную способность половыхъ продуктовъ воспроизводить черты родичей съ удивительною точностью — оставались до сихъ поръ безплодными».

Къ этому надо прибавить, что и психологія, по словамъ того-же ученаго, не ушла впередъ отъ физіологіи. «*Психологія, независимая отъ біологіи, есть анахронизмъ, находящій себѣ оправданіе въ безсиліи и отсталости академическихъ физіологовъ и ихъ трудовъ. Психологи съ большою легкостью говорятъ о представленіяхъ, понятіяхъ, памяти и т. п. вещахъ, не имѣя сами ни представленія, ни понятія объ основныхъ свойствахъ нервныхъ центровъ, этихъ органовъ душевной дѣятельности человѣка*».—Слѣдовательно, что можетъ утверждать серьезнымъ образомъ физіологія по поводу интересующаго насъ вопроса о вѣроятности вліяній духовнаго характера на все существо женщины?..

4) «*Истерическое состояніе есть вторая натура маточной жизни женщины, участвующая во всѣхъ ея физическихъ и нравственныхъ вліяніяхъ*».

Еслибъ это было написано не на русскомъ языкѣ, то слѣдовало-бы, повидимому, понимать такъ: «Женщина раздражительна потому, что она женщина».

Но вѣрно-ли это? Раздражительности подвержены, конечно, очень многія женщины; но, сколько извѣстно, она не составляетъ принадлежности пола, потому что въ обоихъ полахъ является либо какъ прирожденное свойство темперамента, либо какъ признакъ, или послѣдствіе болѣзненнаго состоянія организма, наконецъ какъ выраженіе тяжелаго до невыносимости состоянія души. Вполнѣ понятно, почему подобное состояніе души встрѣчается чаще между женщинами, чѣмъ между мужчинами, а слѣдовательно понятно и то, что женскій полъ, въ общемъ, можетъ быть раздражительнѣе мужского помимо всякихъ обособленныхъ вліяній половыхъ органовъ, а только въ силу простого закона, чтобы каждый индивидумъ самолично владѣлъ собственными разнообразными отправленіями, и чтобъ въ управленіи ими онъ сообразовался не съ чужими хотѣніями, или своекорыстными видами, но исключительно съ общимъ состояніемъ своего собственнаго организма. Весьма вѣроятно, что при подобныхъ условіяхъ женская раздражительность уменьшилась-бы на значительный процентъ. Мы видимъ, что въ животномъ царствѣ самка не проявляетъ большей раздражительности противъ самца, и это болѣе всего замѣтно на домашнихъ животныхъ: овца не раздражительнѣе барана, корова—быка, свинья—борова, лошадь—жеребца, коза—козла и т. д. И между людьми болѣе живыя и энергичныя натуры обоихъ половъ проявляютъ болѣе раздражительности,

чѣмъ вялыя, флегматичныя, такъ что мужчина изъ разряда первыхъ бываетъ несравненно раздражительнѣе женщины изъ разряда вторыхъ.— Даже среди женщинъ наблюдается большая разница въ этомъ отношеніи: умная раздражительнѣе глупой, впечатлительная раздражительнѣе вялой, худосочная раздражительнѣе здоровой и толстой, хотя всѣ онѣ одинаково подчинены вліяніямъ органовъ своего пола. Наконецъ и въ національныхъ характерахъ степень раздражительности настолько различна, что указываетъ на разнообразіе ея причинъ, а слѣдовательно и маточнымъ вліяніямъ никакъ нельзя придавать преобладающаго значенія даже у женщинъ, потому что еслибъ это было такъ, то женщины всѣхъ національностей и сословій были-бы поголовно раздражительными.

Приблизительно то-же позволительно предполагать и относительно истерическаго состоянія. Такъ какъ оно можетъ встрѣчаться, независимо отъ пола, у каждаго человѣка, разстроившаго тѣмъ или инымъ путемъ свои нервы, и случается видѣть крѣпкихъ, здоровыхъ мужчинъ въ истерическихъ припадкахъ вслѣдствіе безвыходности положенія, отъ гнѣва, сердечной тоски, или незаслуженной обиды,—очевидно, что между причинами истерическаго состоянія могутъ играть важную роль и причины психологическаго характера. Извѣстно, что истерическій припадокъ можно возбудить даже искусственнымъ образомъ, какъ это практикуется у шамановъ. Не менѣе извѣстно, что самая болѣзненность физіологическихъ процессовъ, какъ и общая нервозность женщинъ замѣтно усиливаются по мѣрѣ ихъ іерархическаго повышенія, т. е. по мѣрѣ ихъ удаленія отъ необходимыхъ условій для сохраненія физической крѣпости здоровья. А именно этотъ-то кругъ и служитъ большинству кабинетныхъ тружениковъ образцемъ женскаго организма съ его измѣняющимися вліяніями.

Сравните крестьянку, которая, родивши на покосѣ,—какъ это иногда случается,—приноситъ въ подолѣ своего младенца домой, а дней черезъ 5—6 снова берется за работы,—съ свѣтской барыней, которая отлеживается 9, и болѣе, дней на строгой діэтѣ, съ опущенными гардинами, при ежедневномъ посѣщеніи врача и удаленіи отъ всякаго риска потревожить ея разслабленную нервную систему.

Далѣе авторъ говоритъ: «*Женской организаціи несвойственно постоянство, и мы видимъ, что она всегда переходитъ отъ дѣятельности къ пассивному состоянію, и наоборотъ*».

Во первыхъ,—измѣнчивость, или неровность характера, также лежитъ въ зависимости не отъ пола, но отъ условій воспитанія, отъ наслѣдственныхъ чертъ, составляющихъ впослѣдствіи особенности личнаго характера, врожденный темпераментъ, или наклонности человѣка; и каждый изъ насъ, вѣроятно, знаетъ примѣры того, что и юноши до 30-ти, иногда и

болѣе лѣтъ, не умѣютъ пристроиться къ прочнымъ занятіямъ изъ-за собственной невыработанности, изъ-за непостоянства вкусовъ, изъ-за недостатка внутренней дисциплины. Между женщинами, дѣйствительно, часто встрѣчается опрометчивость въ словахъ и поступкахъ: такія способы «горяча наговорить, и даже натворить много глупостей, въ которыхъ очень скорокаятся, стараясь загладить причиненное зло; но подобныя измѣненія не составляютъ еще непостоянства. Это скорѣе распущенность обезсиленнаго созданія, которое мечется въ своей внутренней неудовлетворенности. Здѣсь будетъ кстати прибавить, что несравненно большій вредъ обществу получается отъ порочнаго мужчины съ выдержаннымъ характеромъ и пріемами: этотъ совершаетъ скверныя дѣла подкупной совѣсти съ полнымъ хладнокровіемъ, даже съ гоноромъ, достойнымъ удивленія; выдержанность его характера и отмѣнная вѣжливость вводитъ людей въ обманъ; онъ имъ кажется не тѣмъ, что есть на самомъ дѣлѣ; это даетъ ему верхъ и пороки его торжествуютъ. А во вторыхъ,—еслибъ физіологія имѣла возможность доказать, что женской организаціи дѣйствительно несвойственно постоянство,—то вѣдь мужской полъ поголовно являлъ-бы себя злостнымъ извратителемъ законовъ природы: зная, что сама природа отказала женскому полу въ этой добродѣтели, наградивъ ею одинъ мужской,—мужчина дѣлаетъ какъ разъ наоборотъ, требуя постоянства именно отъ ея пола, предоставляя вольности своему. А такъ какъ все разумное должно стремиться къ согласованію жизни съ законами природы, то слѣдовало-бы поступать совсѣмъ иначе, т. е. допускать, чтобъ женщина мѣняла занятія, наряды, убѣжденія и мужчинъ почаще, и требовать, чтобъ мужчина обнаруживалъ свой природный даръ.

Но, къ счастью, ничего подобнаго обобщать не приходится, потому что мы воочію видимъ, что женщина можетъ быть постоянною во всемъ, начиная съ своихъ привязанностей, и кончая избираемыми ею профессіями.

Разумѣется, есть не мало женщинъ (какъ и легіонъ мужчинъ), которыя дурятъ и отъ бездѣлья, и отъ распущенности, и отъ лѣни, и отъ безсодержательности въ головѣ,—но, разъ зацѣпившись за полезное дѣло, женщина обыкновенно выказываетъ много энергіи, терпѣнія, выносливости и старательности на поприщахъ докторскомъ, фельдшерскомъ, бухгалтерскомъ, акушерскомъ, въ званіи учительницы, переписчицы, кассирши и т. п. Все это было неоднократно доказано печатными заявленіями и пенсіями, получаемыми женщинами за *25-ти лѣтнюю* педагогическую дѣятельность. А это дѣло, какъ извѣстно, много труднѣе и сложнѣе, чѣмъ напр. служба въ Департаментахъ! Равнымъ образомъ и въ семьѣ, и во вдовствѣ—рѣдкая, сравнительно, мать не старается трудиться «по своему разумѣнію» (потому что въ «недоразумѣніи» виновата не она).

Приписывая женскому полу испорченность воображенія, эфемерность, крайнюю, но мѣстную чувствительность, бо̀льшую, противъ мужчины, склонность къ помѣшательству,—г. Герцеги находитъ все это присущимъ женской организаціи и прибавляетъ: «*Реакція нервной системы, вліяніе слишкомъ возбужденной* (чѣмъ?) *чувствительности представляютъ очень важныя явленія, замѣчаемыя гораздо болѣе въ женщинѣ, чѣмъ въ мужчинѣ. Это имѣетъ большое вліяніе на крайнюю чувствительность, характеризующую организацію женщины, и можетъ объяснить, почему въ жалости и доброжелательствѣ женщины болѣе нѣжности, дѣятельности и готовности, и почему воображеніе ея болѣе подвержено экзальтаціямъ, легко отдается всевозможнымъ крайностямъ, иллюзіямъ, портится и заблуждается*».

Выходитъ, что никогда не слѣдуетъ отзываться о женщинѣ, что она добра, или сострадательна, а говорить просто: «Реакція ея нервной системы, вліяніе слишкомъ возбужденной чувствительности» и пр. Еслибъ это было не сильнымъ преувеличеніемъ, а дѣйствительною научною истиною, оставалось-бы только, предавъ огню Евангеліе и всякую этику,—глубоко пожалѣть, что водворившійся матеріализмъ лишилъ человѣка самыхъ лучшихъ, самыхъ осмысленныхъ надеждъ перейти въ лучшую жизнь за посаженныя на землѣ сѣмена добра и правды.

Относительно любопытства—нельзя не согласиться съ г. Герцеги, что въ женскомъ полѣ оно развито болѣе, чѣмъ въ мужскомъ, и это вѣдь вполнѣ естественно. Который изъ дѣтей безразличнаго пола бываетъ обыкновенно любопытнѣе: тотъ-ли, которому все показываютъ и сообщаютъ, или отъ котораго многое скрываютъ?

Для мальчика считается полезнымъ все знать; для дѣвочки-же многое считается безполезнымъ, почему-то даже вреднымъ. Къ тому-же всякое любопытство въ мальчикахъ стараются объяснить любознательностью, качествомъ желательнымъ, тогда какъ въ дѣвочкѣ, вопрошающей о тѣхъ-же самыхъ предметахъ, это именуется любопытствомъ, непріятнымъ выскакиваньемъ изъ рамокъ скромности, зачаткомъ пагубнаго грѣха (отъ котораго, черезъ Еву, пострадалъ весь родъ человѣческій). Такое странное воззрѣніе существовало тысячелѣтіями; отъ него очень многіе не освободились и по сіе время. Укрѣпленію его много способствовали, между прочимъ, и требованія жениховъ, всегда предпочитавшихъ пассивность и наивность умственному развитію въ невѣстахъ, и едва-ли не по сходнымъ причинамъ съ... жрецами.

Какъ для иллюстраціи отступленія женщины отъ своего призванія, гг. Симонъ разсказываютъ исторію преступной жены адвоката,—такъ для подтвержденія своихъ доводовъ г. Герцеги сообщаетъ, въ видѣ примѣ-

ровъ, что зналъ женщину, невыносившую боли отъ обстриганія ногтей, другую, находившую тончайшее полотно слишкомъ грубымъ; третью,— нетерпѣвшую посторонняго на себя дыханія; еще одну—страдавшую спазмами отъ звуковъ, слышанныхъ ею одною.

Надо думать, что въ практикѣ спеціалистовъ по нервнымъ болѣзнямъ встрѣчается великое множество образцовъ разнообразнѣйшихъ нервныхъ странностей у больныхъ обоихъ половъ. Нѣтъ сомнѣнія, что историческое положеніе женщины способствовало развитію въ ея организмѣ не малаго количества болѣзней, но часто и авторы, выводя въ примѣръ Анну Австрійскую, умалчиваютъ о ея супругѣ, Людовикѣ XIII. Однако—не только эти единичные примѣры удалившихся отъ природы, изнѣженныхъ, испорченныхъ, выродившихся типовъ женщины, но и сотни другихъ еще не докажутъ, что въ нихъ заключается первообразъ женщины: можетъ-ли типъ нынѣшняго Еврея служить прототипомъ грубаго, воинственнаго Еврея древности? Напоминаетъ-ли нынѣшній Татаринъ, смирно промышляющій среди русскихъ, свирѣпаго, безпощаднаго Татарина нѣсколькихъ сотъ лѣтъ назадъ?.. Конечно нѣтъ: исторія переработала и во многомъ измѣнила ихъ нравственный обликъ. Точно также переработала она и женщину, съ тою только разницею, что такъ какъ насилія здѣсь производились надъ обѣими сторонами ея существа, то и отраженіе получилось двойное. Поэтому нельзя не предполагать, что если женщина не изуродовалась и не притупилась окончательно, то только благодаря живучести и эластичности своихъ даровъ.

И что значитъ Анна Австрійская, или десятки изнѣжившихся, избаловавшихъ себя герцогинь, въ сравненіи съ сотнями тысячъ женщинъ, бодро выносящихъ весьма тяжелые труды и условія во имя нуждъ семьи и собственнаго сознанія долга?.. Да и кто-же изъ насъ не можетъ дать примѣра выдающихся странностей и въ мужскомъ полѣ?.. Я, напримѣръ, лично знаю: 1) весьма разумнаго генерала высочайшаго роста и прекраснаго сложенія, который, при видѣ мыши, вскакиваетъ на столъ, диванъ, или стулъ, не стѣсняясь ничѣмъ, ни дома, ни въ гостяхъ; 2) знаю двухъ братьевъ, лишающихся аппетита на весь день, жалующихся на тошноту, если имъ съ утра попадается на глаза черный тараканъ; 3) знаю добрѣйшаго отца семейства, приходившаго въ страшный гнѣвъ и ярость, если при немъ терли кирпичемъ о кирпичъ, или скрипѣли по стеклу; 4) знаю камеръ-юнкера, довольно часто жаловавшагося, что у него кисло въ ногтяхъ. Вѣроятно у каждаго найдется подобный матеріалъ для примѣровъ; но годится-ли онъ для обобщенія?..

Г. Боэргавъ старается увѣрить читающую публику, что «*женщина болѣе мужчины склонна къ помышательству по причинѣ легкости и непостоянства своего ума*». И вотъ другой писатель приводитъ эти слова въ статьѣ своихъ спеціальныхъ знаній, какъ истину. Но статистика ихъ, повидимому, не подтверждаетъ, такъ какъ при частной справкѣ по восьми изъ десяти больничныхъ книгъ оказалось, что число больныхъ имѣло случайный перевѣсъ то того, то другого пола. То-же подтвердили словесно служащіе тамъ медики. (За 7 лѣтъ—въ 3-хъ больницахъ перевѣсъ мужчинъ на 72; въ 5-ти перевѣсъ женщинъ на 57) *). Да наконецъ еслибъ и въ самомъ дѣлѣ больницы были переполнены женскимъ персоналомъ, то фактъ этотъ могъ-бы указывать столько-же на часто встрѣчающуюся безвыходность положенія женщины среди «*цивилизованнаго общества*» сколько на природную склонность.

Факта этого не существовало, быть можетъ, только благодаря наслѣдственной женской выносливости и гибкости ея изобрѣтательныхъ (пока на мелочи) способностей. Иначе трудно-же предполагать, чтобъ природа, во всемъ мудрая, надѣлила мужской полъ всестороннимъ умомъ какъ будто для того, чтобъ женскій своею безтолковостью разрушалъ все что онъ создаетъ, да еще передавалъ свою бездарность въ потомство!

Одно время врачи, слѣдуя за желаннымъ теченіемъ взглядовъ общества, говорили и писали, что половая воздержность для мужчины вредна, что молодые люди рискуютъ черезъ это разстроиться психически. Охотники до плезировъ, всегда благодарные за такую доброжелательную предупредительность, отъ всей души вѣрили въ докторскую ученость и жили припѣваючи, въ полное свое удовольствіе; но когда въ Норвегіи рѣшили провѣрить это опытными изслѣдованіями, и завели въ больницахъ особую статистическую графу «Душевно-больные отъ половой воздержности» — она пустовала много лѣтъ. Тогда норвежскій медицинскій Совѣтъ печатно заявилъ: «*На основаніи многолѣтняго опыта мы признаемъ ложнымъ убѣжденіе, что половая воздержность ведетъ къ какой-бы то ни было опасности для здоровья мужчины. Мы еще не знаемъ ни одного примѣра тѣлеснаго, или душевнаго разстройства, происходящаго отъ таковыхъ причинъ*».

Профессоръ Вагнеръ отзывается объ этомъ предметѣ такъ: «Эта такъ называемая потребность, о которой такъ много звонятъ, гнѣздится чаще всего въ воображеніи, раздражаемомъ дурнымъ чтеніемъ, грязными разговорами, сквернымъ примѣромъ окружающихъ, привычкою къ распущенности. Развитая такимъ образомъ потребность эта указываетъ на неува-

*) Изслѣдованія доктора Окорокова.

женіе ко всей совокупности благородныхъ инстинктовъ и къ высшимъ потребностямъ нашей природы. Кто не желаетъ носить въ себѣ идеала, тотъ и управлять собою не съумѣетъ».

(Но вѣра въ старые предразсудки, повидимому, привлекаетъ мужчинъ, а кстати оправдываетъ и ихъ поведеніе).

Такъ-то и вездѣ: много званныхъ, но мало избранныхъ. Частые споры въ ученомъ мірѣ сами по себѣ доказываютъ, что нѣкоторыя науки еще не стоятъ на твердой почвѣ. Давно-ли всѣ вѣрили, что блѣдная дѣвичья немочь означаетъ, что надо торопиться повѣнчаться? А Вирховскія изслѣдованія всѣмъ открыли, что этою болѣзнью могутъ хворать и замужнія, и проститутки, и даже восьмилѣтнія дѣвочки, потому что она имѣетъ совсѣмъ иныя причины.

Въ одной изъ книжекъ авторъ держится того мнѣнія, что «*женскій умъ никогда (?) не можетъ возвыситься до мужского, такъ какъ въ самомъ складѣ женскаго ума есть что-то ребяческое, которое лишаетъ его способности разсуждать серьезно и глубоко*».

Фактъ этотъ, къ сожалѣнію, замѣтенъ; мы видимъ, что въ огромномъ большинствѣ женскихъ головъ оно такъ и есть. Но какъ же у настоящихъ-то дѣтей складъ ума измѣняется по мѣрѣ пріобрѣтенія опыта и знаній? Отчего-же самъ Аристотель не годился-бы въ наше время въ качествѣ соперника нынѣшнимъ мыслителямъ съ новымъ міровоззрѣніемъ? Слѣдовательно и возможность измѣненія склада ума, и пути къ этому— очевидны; и авторъ, упускающій это изъ виду и позволяющій себѣ дѣлать произвольныя рѣшенія, хотя и имѣетъ сходство съ Аристотелемъ, но тѣмъ не менѣе самъ обличаетъ себя въ незрѣлости сужденій и тенденціозности.

Почему женщина, вступая въ возрастъ, сохраняетъ ребяческій складъ ума, ребяческія сужденія?.. Именно потому, что двери къ серьезному и глубокому мышленію, требующему извѣстной умственной подготовки, — были всегда заперты для женскаго пола. Женщинѣ былъ отведенъ опредѣленный районъ мысли, чрезвычайно тѣсный; а такъ какъ и ея полъ одаренъ потребностью къ умственной дѣятельности,—она и практиковала свой умъ, неразвитый никакимъ знаніемъ, на пустякахъ. Но когда она довела свою дѣятельность до совершенства, превративъ свой ничтожный районъ въ какой-то глупѣйшій, но заразительный общественный культъ,— мужчина ее осудилъ, не призналъ плодовъ отъ посаженнаго имъ самимъ корня, и всячески старается доказать, что въ его организаціи не имѣется ничего общаго съ женскою, которая будто обижена самою природою.

Однако, пользуясь несомнѣнною одаренностью, мужской полъ весьма склоненъ къ самообольщенію: работаютъ мозгомъ надъ дѣйствительно полезными и серьезными вопросами—сравнительно, очень немногіе; большинство-же гоняется за вещами сомнительнаго достоинства и пользы, ставя цѣлями своей жизни не то, что ее облагораживаетъ, но едва-ли не обратное. Не даромъ одинъ изъ умнѣйшихъ философовъ сказалъ: «*Надо знать не характеръ и способности людей, а только ихъ интересы, чтобъ безошибочно опредѣлить, чего они будутъ держаться.* (Такъ оно выходитъ и въ женскомъ вопросѣ). *Въ нашемъ обществѣ, испорченномъ рабствомъ, и языкъ данъ, кажется, только для того, чтобъ лгать и лицемѣрить! Поэтому разговаривающій высказываетъ обыкновенно не то, что онъ дѣйствительно думаетъ, а то, что ему нужно, чтобъ думали о немъ другіе*».

Нельзя не сознаться, что при неправильныхъ понятіяхъ о цивилизаціи, эти жесткія слова философа могутъ быть примѣнены къ большинству членовъ обществъ, считающихся стоящими на высокой ступени цивилизаціи. Но лицемѣріе не можетъ быть причислено не только къ природнымъ, но и къ наслѣдственнымъ склонностямъ человѣческаго индивидуума безразличнаго пола; въ немъ нѣтъ ничего самобытнаго, присущаго природѣ, оно просто составляетъ одинъ изъ видовъ инстинкта самосохраненія: это пріемъ, такъ сказать, вынужденный обстоятельствами. Тѣмъ не менѣе лицемѣріе можетъ быть возведено въ цѣлую систему, даже національную составляя особый историческій періодъ въ умственномъ развитіи, когда невѣрность общественныхъ идей уже сознана и признана разумомъ, но силою вещей никто еще не осмѣливается вступить въ открытую борьбу стараго съ новымъ.

Прибавьте и это мнѣніе ученаго мыслителя о своемъ полѣ, и васъ, можетъ быть, ужаснетъ общій нравственный обликъ обитателя нашей планеты. Человѣкъ вообще чрезвычайно склоненъ поддаваться своимъ слабостямъ, и этимъ путемъ уклоняется все болѣе и болѣе отъ трезвыхъ и честныхъ взглядовъ на жизнь, не смотря на видимость ея цѣлей. Исключеній и въ мужскомъ полѣ, не смотря на лучшія условія для развитія,—весьма малый процентъ; но мужчинѣ вѣчно кажется, что онъ мыслитъ здраво и силенъ, а слаба только женщина.

За симъ слѣдуетъ цѣлый рядъ статей, гдѣ женщина разсматривается не какъ обыкновенный человѣкъ, а какъ особенное существо, безперое, двуногое, съ какими-то одареніями, мало подходящими къ общечеловѣческимъ, но прекрасно владѣющее языкомъ.—Объ этого рода книгахъ мы

говорить не будемъ, потому что коль скоро это самое существо одарено способностью производить мужчинъ и передавать имъ свои наслѣдственныя черты, а сами авторы статей признаютъ ея предназначеніе быть воспитательницей,—можетъ-ли быть, чтобъ сама она не была сполна человѣкомъ? Ужъ это одно должно-бы, кажется, закрѣпить мысль, что женскія особенности суть не что иное какъ послѣдствія уклоненій отъ естественныхъ условій жизни, требуемыхъ Законами Природы для правильнаго развитія человѣка. Всѣ эти предположенія на почвѣ науки были-бы, вѣроятно, болѣе полезны въ засѣданіяхъ господъ ученыхъ, при закрытыхъ дверяхъ, чѣмъ въ печати, гдѣ они создаютъ ворохи безплодныхъ для истины кабинетныхъ трудовъ, увеличивая въ то-же время женскія невзгоды.

Потомъ идетъ кипа книгъ мужского творчества, не представляющая достаточно интереса для разбора.

Произвольный подборъ особенностей женщины и ея обязанностей, или желательные для мужского пола женскіе идеалы, не принадлежатъ къ области науки и могутъ быть вѣрнѣе отнесены къ области искусства, гдѣ фантазія имѣетъ кое-какія права противорѣчить дѣйствительности. Мы знаемъ, что всѣ живыя существа непрестанно измѣняются, совершенствуются въ томъ или другомъ направленіи, и что каждый фазисъ умственнаго состоянія человѣка составляетъ только одинъ историческій моментъ; но мы должны также знать, что каждый изъ такихъ преходящихъ моментовъ можетъ быть продленъ искусственными способами, во имя побочныхъ интересовъ, и что въ подобной задержкѣ бываетъ обыкновенно заинтересована субъективность не лучшихъ, а худшихъ людей.

Въ нѣкоторыхъ книжкахъ этой категоріи особенно замѣтны желанія найти разницу въ складѣ ума мужчины и женщины, потому что свои частныя наблюденія, (за неимѣніемъ обширныхъ, всесословныхъ), авторы сочли нужнымъ обобщить и пропечатать. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ, чтобъ дать читательницамъ понятіе объ ихъ характерѣ и направленіи, общемъ для большинства.

А. утверждаетъ, что «*у женщины болѣе воображенія, чѣмъ ума*» (Это зависитъ отъ того, что мы назовемъ умомъ).

Б. находитъ, что «*она умомъ своимъ видитъ болѣе вещественно, чѣмъ духовно, тогда какъ мужской умъ видитъ преимущественно съ духовной стороны*».

Г. говоритъ: «*Женщина быстрѣе схватываетъ общее, а мужчина разсматриваетъ подробности, которыхъ женщина часто совсѣмъ не видитъ. Правда, что мужчина иногда и ошибается, принимая свои идеи*

за дѣйствительность (?), *зато женскій умъ занимается только побочными предметами, а ни что такъ не препятствуетъ образованію идей, какъ эта женская утончённость, дѣйствующая болѣе на воображеніе, чѣмъ на разсудокъ*». На этомъ шаткомъ основаніи авторъ строитъ зданіе выводовъ, предоставляя читателямъ добираться своимъ умомъ до того, что лучше.

В. доказываетъ, что «*мужчина привязанъ къ познанію, тогда какъ у женщины тутъ дѣйствуетъ одно любопытство*».

Во первыхъ,—всѣмъ извѣстно, что при ученіи, тремя четвертями юношей руководитъ не любовь къ наукамъ, но надежда получить средство къ существованію; во вторыхъ,—знаніе знанію—рознь; а въ третьихъ,—вотъ что говоритъ Дэкартъ о своемъ серьезномъ ученіи: «Я питался съ ранняго дѣтства науками; а такъ какъ меня увѣряли, будто съ ихъ помощью можно пріобрѣсти ясное и точное познаніе всѣхъ вещей, необходимыхъ въ жизни,—я учился охотно. Но когда я кончилъ весь курсъ наукъ, требующихся для поступленія въ ряды ученыхъ,—мое мнѣніе совершенно измѣнилось: я очутился лицемъ къ лицу съ такою массою ошибокъ и сомнѣній, что единственную пользу, которую, какъ мнѣ кажется, я извлекъ изъ пройденнаго ученія, это убѣжденіе въ моемъ невѣжествѣ». (Descartes, Discours sur la methode).

Трудно познать, кто чѣмъ руководится, когда учится; но во всякомъ случаѣ, и къ несчастью, два золотника чистаго золота иногда бываютъ окружены цѣлымъ фунтомъ породы ничтожной цѣнности.

Д. опредѣляетъ прямо: «*Вся жизнь женщины состоитъ изъ раздражительности и волненій; вся жизнь мужчины—изъ стремленій къ серьезнымъ цѣлямъ*». А затѣмъ авторъ, вѣроятно любезный отъ природы, поддавшись вліянію своего субъективнаго «я» откровенно прибавляетъ, не держась ни науки, ни тенденцій: *Мягкое обращеніе женщины плѣняетъ самый здравый мужской умъ; мы нечувствительно примѣняемся къ ея понятіямъ, незамѣтно свыкаемся съ ея идеями и привыкаемъ смотрѣть на вещи ея глазами* (?!).

Е. начинаетъ свою статью за здравіе, а кончаетъ ее за упокой.—Перечисляя сперва доказательства того, что женщина самою природою призвана въ воспитательницы, что она одарена для этой цѣли гораздо лучшими способностями, чѣмъ мужчина, что святою, терпѣливою труженицею можетъ быть одна она,—онъ понемногу начинаетъ отклоняться въ другую сторону, и, какъ будто подъ вліяніемъ удручающихъ воспоминаній, теряетъ послѣдовательность, кончая ужъ тѣмъ, что съ видимымъ гнѣвомъ обзываетъ всѣхъ этихъ святыхъ труженицъ «*сладострастными и легкомысленными субъектами*». Можно подумать, что какой-то шалов-

ливый эльфъ вдругъ подмѣнилъ автора въ самомъ разгарѣ статьи, такъ какъ онъ, громя женщину за то, что она «*слишкомъ опрометчиво поддается прельстителямъ и обманщикамъ* (?), *открывающимъ ей дорогу къ разврату*»—не замѣчаетъ, что началъ громить уже не женщину, а мужчину, потому что кто-же заслуживаетъ большаго порицанія: злонамѣренный обольститель, или его довѣрчивая жертва?.. Но подмѣненному автору не до того: онъ не изсякаетъ въ изобрѣтеніи различныхъ формъ воспитанія женщины, для поддержанія въ ней цѣломудрія; какъ будто оно нужно одному женскому полу!—Это очень напоминаетъ назидательный разсказецъ объ эгоизмѣ, встрѣчающійся въ учебникахъ, какъ педагогическій пріемъ:» Мальчикъ обѣдаетъ съ матерью и сестрою. Онъ съ аппетитомъ пообѣдалъ и принялся прежде сестры за дессертъ. Покончивши съ своею порціею сластей, онъ обращается къ матери: «Мама, вели Сонѣ отдать мнѣ свою порцію!»—Я вамъ раздѣлила все пополамъ, и думаю, что она такъ-же любитъ сласти, какъ и ты.—«А ты ей прикажи!»—Это почему?—«А потому, что мнѣ хочется еще, да и ей самой не полезно быть жадной эгоисткой!»

А вотъ, вкратцѣ, статья г. Ж. «*У каждаго пола есть свое призваніе; а такъ какъ съ древности и до нашихъ дней женщина не проявила себя ни въ астрономіи, ни въ философіи, ни въ мужественныхъ доблестяхъ, ни по части изслѣдованій, открытій и изобрѣтеній,—становится яснымъ, что сама природа не надѣлила ее этого рода способностями*». (Авторъ забываетъ, что и мужской полъ не получилъ ихъ готовыми, но пріобрѣлъ съ крайнею постепенностью и съ большими трудами). «*Отсюда*,—продолжаетъ авторъ,—*выводъ очевиденъ: женское призваніе заключается въ томъ, чтобъ заботиться о продолженіи рода. Она должна выкармливать, выучивать и вообще подготовлять людей до вступленія ихъ въ жизненную дѣятельность*». И вслѣдъ за этимъ г. Ж. принимается учить женщину, какъ надо мыть младенца, въ какомъ положеніи его кормить грудью, какъ отъ нея отучать, какъ содержать себя до и послѣ кормленія и т. п.

Пропуская первую половину соображеній г. Ж., какъ несоотвѣтствующую познаніямъ ученаго по исторіи, мы остановимся только на второй, вполнѣ соглашаясь съ авторомъ, что забота о продолженіи рода принадлежитъ женщинѣ. Но въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ-ли наконецъ признать единодушно, что хоть этотъ-то уголокъ дѣятельности долженъ принадлежать женщинѣ сполна? А такъ-ли поступалъ историческій мужчина? Нѣтъ: сперва онъ не допускалъ женщину до знанія, а теперь хочетъ состоять жрецомъ ея личныхъ обязанностей, и этимъ тормозитъ ея личное развитіе.

Такъ не учите-же ее какъ справляться съ своимъ природнымъ долгомъ, какъ поступать съ младенцемъ, или съ своимъ собственнымъ тѣломъ. Мать сама посовѣтуется съ знающимъ человѣкомъ, по мѣрѣ нужды, пока не пріобрѣтетъ необходимыхъ ей знаній, и ваша прямая обязанность, какъ отцовъ, уступить ей этотъ районъ, употребляя всѣ старанія, чтобъ ученіе женщинъ не замедлялось, пока ваше содѣйствіе здѣсь еще необходимо. Не мѣшайте ей самой добраться до всего, выучиться хорошенько всему, что относится къ ея призванію; не тормозите ея дѣятельности и тогда, когда она выступаетъ на арену практическаго примѣненія своихъ знаній. Она быстро докажетъ вамъ свои способности, свое горячее стремленіе къ знанію, только не придумывайте ничего для притѣсненія ея въ этой области. Посмотрите: едва открылась для женщины возможность получать такъ называемое высшее образованіе, и даже среднеспеціальное, какъ ужъ всѣ соотвѣтствующія учрежденія переполнены; ихъ видимо не достаетъ для всѣхъ желающихъ учиться, потому что вынуждены принимать, большею частью, только окончившихъ гимназическій курсъ съ наградами. Сравните: такъ-ли вначалѣ стремился вашъ полъ къ образованію?

А между тѣмъ всѣ пріемы большинства вашего пола таковы, что невольно наводятъ на подозрѣнія о вашемъ желаніи продолжать состоять жрецами знанія. Вамъ нравится стоять во главѣ его, вы очень неохотно уступаете даже небольшія части его женщинѣ, и даже тѣ изъ нихъ, которымъ уже удалось, преодолѣвши всѣ трудности и препятствія, вступить на практическую дѣятельность врачей, часто жалуются, что конкурренты мужского пола всячески стараются подрывать ихъ репутацію.

Правда, что они продѣлываютъ это и съ своими товарищами по профессіи, но здѣсь они поступаютъ осторожнѣе, тогда какъ ходячіе въ обществѣ анекдоты указываютъ на полную безцеремонность многихъ врачей относительно женщинъ—врачей, акушерокъ и фельдшерицъ.

Коль скоро вы сами рѣшили, что у женщины наслѣдіе маленькое, что она принадлежитъ только семьѣ,—пускай-же она, а не вы, изучаетъ свою спеціальность; пускай владѣетъ всѣмъ, что относится къ семьѣ, и, ознакомившись съ соотвѣтствующими науками, занимается теоріей и широкой практикой какъ врачъ и учительница другихъ женщинъ.

Вѣдь она была до сихъ поръ невѣждой не потому, что не хотѣла учиться, не забывайте этого серьезнаго вопроса!

Ей, а не вамъ, удобнѣе и писать о своемъ полѣ: нѣтъ сомнѣнія, что, по мѣрѣ умственнаго развитія, она въ этомъ отношеніи будетъ на гораздо вѣрнѣйшемъ пути, чѣмъ вы, потому что никакая наука (при семъ къ ней уваженіи) не въ силахъ анатомировать духовной стороны

нашей организаціи. Отъ нея совершенно ускользаетъ цѣлый міръ жизненныхъ отправленій живой души, неизвѣстно откуда исходящихъ, куда передающихся, на что именно дѣйствующихъ, и какимъ образомъ охватывающихъ все существо человѣка. Позволительно думать, что у женщины механизмъ этотъ еще сложнѣе, чѣмъ у мужчины, такъ какъ его исторія шла болѣе нормальнымъ порядкомъ, и менѣе ломала его природу; и если вѣрить, что для каждой изъ функцій нашего организма имѣется спеціальный органъ, бездѣйствующій, или развивающійся по мѣрѣ надобности,— невозможно не предполагать выработки въ женскомъ организмѣ такихъ сложныхъ комбинацій, какія въ мужскомъ бездѣйствуютъ за ненадобностью.

Женщину слѣдуетъ изучать, въ главныхъ ея чертахъ, когда она находится между женщинами-же, (при томъ когда она находится въ совершенной безопасности отъ всякихъ случайныхъ передачъ и подслушиваній), потому что здѣсь она становится самою собою, отбрасывая, какъ корсетъ, все то напускное, которое надѣваетъ на себя при мужчинѣ: она рѣдко чувствуетъ въ немъ друга и доброжелателя, хотя тщательно это скрываетъ. Слѣдовательно и сужденія мужчины о женской душѣ и обо всѣхъ ея особенностяхъ могутъ быть правдоподобны только со стороны ихъ внѣшнихъ выраженій, обыкновенно боязливо-неискреннихъ, и не безъ причины. Все это составляетъ вопросъ очень сложный, развѣтлявшійся во всѣ стороны женской организаціи при каждой новой накладкѣ неестественности въ отношеніяхъ половъ; онъ требуетъ большого углубленія въ причины и послѣдствія, большого знанія человѣческой души при помощи тонкой и продолжительной наблюдательности; наконецъ онъ требуетъ много досуга, этой ахиллесовой пятки человѣка нашихъ дней. Поэтому авторъ этой статьи способенъ дать только слабые штрихи картины состоянія женской души; можетъ только приблизительно опредѣлить тѣ отраженія, которыя должны были проявиться на всемъ существѣ бѣднаго, искалѣченнаго созданія, называемаго женщиной.

Невѣрно направленная культура сдѣлала немалое количество своихъ представительницъ ненормальными съ ногъ до головы; она-же, сильная и жестокая, принялась теперь за всѣ средства, чтобъ узаконить свою жестокость. Такъ она поступала въ началѣ своего развитія, когда она служила одностороннимъ интересамъ человѣчества за неумѣніемъ разобраться въ цѣльности этихъ интересовъ,—такъ она продолжаетъ и теперь доказывать, что разъ запутавшись въ ложныхъ представленіяхъ объ истинной цивилизаціи, она еще не въ силахъ освободиться отъ бездны своихъ предразсудковъ.

Такъ называемый женскій вопросъ не потому важенъ, что Катѣ, или Олѣ было-бы пріятнѣе жить при лучшихъ для нихъ условіяхъ, но

потому, что ихъ полъ, составляя половину всего чѣловѣческаго рода, имѣетъ громадное и многостороннее вліяніе на большинство дѣлъ человѣческихъ рукъ. Не говоря уже о важности значенія женщины, какъ первой, естественной воспитательницы новаго поколѣнія, т. е. тѣхъ, кому предназначено воспринять и продолжать дѣла нашихъ рукъ, нашего ума всѣ наши идеи, мечты и надежды,—состояніе ея ума и сердца, какъ и общее ея самочувствіе всегда отражались, отражаются и будутъ отражаться на насъ самихъ вмѣстѣ со всею нашею земною дѣятельностью. Послѣ этого можетъ-ли дѣйствительно умный и разсудительный человѣкъ, гоняясь, въ своемъ тщеславіи, за мишурою, пренебрегать собственными интересами первой величины и хлопотать о приниженіи товарища своихъ бѣдъ, очевидно предназначеннаго быть ему лучшимъ другомъ, самымъ близкимъ существомъ, вѣрнымъ участникомъ и охранителемъ обоюдныхъ интересовъ? Чѣмъ-же онъ докажетъ силу своего ума, или величіе своей души, когда стремится болѣе къ удовлетворенію своихъ низменныхъ цѣлей, чѣмъ къ проявленію своихъ высшихъ даровъ?

Отъ посѣянной рѣпы нельзя ожидать урожая ананасовъ, отъ мыши не родится лошадь, и каждому это извѣстно. По какимъ-же законамъ отъ неразумной и озлобленной женщины можетъ получиться ребенокъ съ крупными задатками къ доброму направленію ума и души? А вѣдь это—азбука въ области психической сообразительности, и никакія логариѳмическія таблицы не замѣстятъ этого пустующаго пространства въ человѣческомъ мозгѣ.

Безъ сомнѣнія въ обоихъ полахъ встрѣчаются люди съ трезвыми взглядами на вещи, и вѣроятно между мужчинами не мало такихъ, которые неуклонно живутъ сообразно съ ними, не смотря ни на что. Таковые, разумѣется, и дѣтей своихъ ведутъ по своимъ слѣдамъ. Но здѣсь приходится говорить не о нихъ, но о томъ большинствѣ quasi—цивилизованныхъ людей, умы которыхъ, довольствуясь рутиною, слѣпо идутъ за нею, не прикладывая ничего для усовершенствованія своего мыслительнаго аппарата.

Женское воспитаніе въ тѣхъ болѣе или менѣе культурныхъ кружкахъ, откуда вышеупомянутые авторы брали женщину за норму,—было до настоящаго времени таково, что женщина, будучи еще дѣвочкой, уже начинала довольно ясно понимать изъ окружающихъ явленій, изъ разговоровъ и предъявляемыхъ ей требованій, чего она должна стыдиться, и въ чемъ ея тайная сила.

Съ этой неуловимой минуты она, понятно, начинала служить своимъ личнымъ интересамъ и пріобрѣтать тѣ особенности, которыя бросаются въ глаза авторамъ мужского пола. Съ этой-же минуты она дѣлается тон-

кою наблюдательницею воззрѣній на вещи общества, среди котораго живетъ. Она видитъ, что мужчина стоитъ выше и цѣнится дороже женщины, и сама сознаетъ превосходство его образованія и дѣятельности; однако, пока она еще не испорчена, она и въ себѣ чувствуетъ и силы, и желаніе стать на ряду съ нимъ; но какъ только убѣждается, что ничто не поможетъ ей выбраться изъ заколдованнаго круга понятій среды, что ея судьба рѣшена кѣмъ-то другимъ помимо ея личной воли,—ея самолюбіе начинаетъ страдать, рождая ту затаенную раздражительность отъ непріятнаго самочувствія, которую такъ невѣрно объясняютъ гг. физіологи. Она чувствуетъ въ себѣ такого-же человѣка какъ мужчина,—другіе этого не признаютъ; она хочетъ быть ему равной,—ей говорятъ, что стыдно и неприлично даже говорить объ этомъ вслухъ, потому что женщина всегда живетъ въ зависимости отъ мужчины, и подобные разговоры могутъ ей повредить. Тогда она зарываетъ эти мысли въ самую сокровенную глубину своего сердца, начинаетъ притворяться равнодушной, но червь ужъ сосетъ все ея существо.

Желая доказать, что она по природѣ своей ничѣмъ не хуже мужчины, она вступаетъ съ нимъ въ антагонизмъ, а недостатокъ умственнаго развитія направляетъ ее на ложные пути, и такъ какъ для нея, не получившей знаній, невозможно надѣяться побѣдить того, кто при данныхъ условіяхъ сдѣлался ея противникомъ, одинаковымъ съ нимъ оружіемъ,—ей оставалось прибѣгнуть къ изобрѣтенію особыхъ средствъ, на которыхъ она и преуспѣваетъ, благодаря своей наблюдательности. (Не здѣсь-ли корень и ея любопытства?) Она научилась «представляться» по мѣрѣ надобности, какъ угодно; надѣвать ту маску, какую въ данную минуту считаетъ для себя полезнымъ надѣть; и чѣмъ одареннѣе ея натура, тѣмъ разнообразнѣе и совершеннѣе ея маски. Привычная наблюдательность быстро знакомитъ ее съ отличительными чертами даннаго мужчины; она почти сразу постигаетъ на какого рода удочку онъ ловится, и тогда вліяетъ на него сообразными средствами. (Но само собою разумѣется, что этотъ способъ ловленія есть плодъ дурныхъ посѣвовъ, основная-же причина лежитъ въ естественномъ стремленіи половъ къ сближенію). Сюда вкладываетъ она большую долю своихъ способностей, силъ, все свое оскорбленное самолюбіе; а помогаетъ ей въ этомъ не что иное, какъ инстинктъ самосохраненія, но не общаго, а, такъ сказать, частнаго: она инстинктивно стремится поддержать себя на высотѣ положенія человѣка. Лучшимъ доказательствомъ вѣрности подобнаго предположенія можетъ служить тотъ наглядный фактъ, что въ женщинѣ культурныхъ сословій, т. е. тамъ, гдѣ она сильнѣе раздражается отъ лучшаго пониманія приниженности своего положенія,—всякаго напускнаго элемента несравненно

болѣе, чѣмъ въ низшихъ сословіяхъ, гдѣ крайняя пришибленность женщины давно притупила ея мозгъ; за то здѣсь и раздражительность проявляется только при рѣзкихъ, слишкомъ очевидныхъ несправедливостяхъ.

Хотя этого рода искусственность практикуется женскимъ поломъ на глазахъ у всѣхъ,—тѣмъ не менѣе сознательная ея сторона составляетъ такой глубочайшій, инстинктивный секретъ пола, что ни одна практикантка не признается въ ней мужчинѣ, кто бы онъ ни былъ, а если признается, то лишь тогда, когда совершенно потеряетъ надобность въ личинѣ.

Поэтому, какъ бы ни былъ уменъ и ученъ мужчина, онъ никогда не можетъ опредѣлить такъ вѣрно ни которую изъ женщинъ, какъ это можетъ сдѣлать женщина. Находясь чаще въ обществѣ себѣ подобныхъ, и пользуясь какъ ихъ откровенностью, такъ и собственною развитою наблюдательностью въ этомъ районѣ, она всегда находится въ курсѣ вопросовъ и отлично понимаетъ что и чѣмъ въ нихъ возбуждается, что и какъ на нихъ отзывается, отчего онѣ поступаютъ такъ, а не иначе, что въ нихъ естественно, что искусственно и т. д. По мѣрѣ расширенія своего умственнаго кругозора и пріобрѣтенія серьезныхъ знаній, по мѣрѣ вступленія въ права человѣка (не смотря на различіе въ характерѣ дѣятельности)—женщина, конечно, съумѣетъ отбросить отъ себя пріемы, сдѣлавшіеся тогда ненужными. Но для этого долженъ поработать надъ своимъ умомъ и мужской полъ.

Все это не личная выдумка, не плодъ досужаго воображенія: объ этомъ предметѣ высказывались тѣ великіе мыслители, которые, стремясь, прежде всего, къ познанію истины, отличались безкорыстными взглядами на вещи.

Джонъ Стюартъ Милль, говоря объ искусственно созданномъ типѣ нынѣшней женщины, выразился такъ: «*Еслибы Творецъ наградилъ женщину даже несравненно высшими, противъ мужчины, дарами, то и тогда изслѣдователю истины представилась бы неразрѣшимая задача, потому что не было бы возможности разобраться въ массѣ пагубныхъ вліяній поработителей на порабощенныхъ. А вѣдь за ними слѣдовали обратныя вліянія, которыя клали новыя печати, новыя неизбѣжныя черты, до корней измѣнявшія первообразъ. Подобное изслѣдованіе было бы возможно только въ томъ случаѣ, еслибъ гдѣ нибудь имѣлись человѣческія общества мужчинъ безъ женщинъ, или женщинъ безъ мужчинъ*».

Г. Легувэ, въ своей исторіи нравственнаго положенія женщины, близко подходитъ къ тому же, говоря, что «*мы не можемъ быть увѣренными, что женщина всегда была такою, какою мы видимъ ее теперь, потому что вдругъ ея могъ быть искусственно пересозданъ ея исторіею*»

Доводы г. Летурно приводятъ къ тому же: «*Организованною системою воспитанія* (каковая и была издавна примѣнена къ женскому полу), *не отступающаго ни передъ чѣмъ втеченіи длиннаго ряда поколѣній, вполнѣ возможно придать тѣлу и характеру человѣка извѣстные отпечатки, хотя бы эта система противорѣчила естественнымъ инстинктамъ и насиловала ихъ. Этимъ путемъ можно глубоко измѣнить и физическую, и моральную природу человѣка*». (Летурно). Далѣе:

«*У животныхъ, какъ и у человѣка, грубое воспитаніе портитъ характеръ, развивая инстинкты затаенной злобы и упрямства, которые плохо скрываются подъ личиною притворной покорности*». (Летурно, Воспит. въ царс. жив.).

А ученый спеціалистъ убѣжденъ, что эти ужасныя послѣдствія составляютъ особенности женскаго пола и приписываетъ ихъ маточнымъ вліяніямъ!.. Но, въ такомъ случаѣ, чему же приписать историческій фактъ, что деспотическая монархія всегда вырабатывала въ подданныхъ инстинкты хищности и низкопоклонства?

Надо думать, что и Сократъ, этотъ мудрецъ изъ мудрецовъ, уже задумывался надъ вопросомъ женской природы, когда утверждалъ, что «*женщина такой же человѣкъ, какъ и мужчина, только испорченный*». Чѣмъ же она могла быть испорченной, если не невозможными условіями своей жизни, отразившимися на всемъ ея существѣ?..

Затѣмъ, въ десяткѣ книжекъ, трактуютъ о томъ, что женщина ниже мужчины; и опять *А* говоритъ, что женскій мозгъ настолько-то легче мужского, а *Б* это опровергаетъ, такъ какъ А не принялъ въ соображеніе относительной разницы между мужчиной и женщиной въ вѣсѣ и объемѣ, и опирается на другія доказательства. В оспариваетъ нѣкоторыя изъ нихъ, за то видитъ отсутствіе женскихъ способностей въ томъ, что женщина ничѣмъ не заявила о себѣ въ исторіи; точно автору неизвѣстно, что появленіе на древней исторической сценѣ было тѣсно связано съ кровопролитіями и другими непріятными событіями въ обществѣ людей, и что если измѣрять степень одаренности человѣка степенью его воинственности, то самыя богатыя одаренія останутся въ тѣни. *Г* желаетъ доказать, что мужчина и женщина два совершенно различныя существа, между которыми нѣтъ ничего общаго ни съ которой стороны. — Но не трудно указать и на два субъекта одного пола, не имѣющихъ ничего общаго, кромѣ физическаго строенія. Возьмите, напримѣръ, человѣка, отдавшагося наукѣ для науки и мелочнаго лавочника. — Первый почти не принадлежитъ суетѣ мірской,—второй отдался ей цѣликомъ. Ожирѣвшій торговецъ

смотритъ на Божій міръ совсѣмъ иными глазами, чѣмъ ученый; цѣли ихъ жизни совсѣмъ различны; счастье труженикъ науки видитъ совершенно не тамъ, гдѣ его видитъ купецъ, религіи ихъ различны, удовлетворенія и радости тоже различны. Образъ жизни располагаетъ ихъ къ болѣзнямъ различнаго характера, и все это, несомнѣнно, отражается на каждомъ изъ функціонирующихъ въ нихъ органовъ. Что же остается въ нихъ общаго?.. Вопросъ сводится только къ степени личнаго одаренія и къ различію условій.

Можно подобрать такой же примѣръ и между женщинами: возьмите Помпадуръ или Катерину Медичи и нашу русскую крестьянку.

Д. указываетъ на религіозность женщины какъ на что-то особенное, будто *«заложенное въ природу женскаго организма болѣе, чѣмъ въ мужскую»*.— А фактъ этотъ совершенно понятенъ и можетъ быть объясненъ гораздо проще.—Пока человѣкъ, въ обоихъ его видахъ, счастливъ и удовлетворенъ, онъ склоненъ зазнаваться; но какъ только его постигаетъ бѣдствіе, оба пола прибѣгаютъ къ молитвамъ, какъ къ единственному утѣшенію скорбящаго сердца. Это бываетъ виднѣе всего передъ смертью, когда оба трепещутъ передъ неизвѣстностью своей дальнѣйшей судьбы. А такъ какъ женщина страдаетъ болѣе мужчины, то понятно, что, она прибѣгаетъ чаще къ религіи и ни организація ея, ни природа тутъ ровно не при чемъ.

Извѣстно, что въ древности женщину не считали даже достойною носить въ себѣ религіозное чувство (индусы), вслѣдствіе чего ея полъ совсѣмъ устранялся при исполненіи религіозныхъ обрядовъ. Остатки подобныхъ воззрѣній дошли и до нашихъ дней, выражаясь тѣмъ, что женщина не допускается въ алтарь. Хотя относительно религіознаго чувства мы видимъ теперь перемѣну воззрѣній къ обратному. Общественное мнѣніе, создаваемое вездѣ мужскимъ поломъ, стало требовать отъ женщины бо̀льшаго, противъ мужчины, религіознаго чувства; всѣ вкусы, понятія о женственности, о женскомъ достоинствѣ и назначеніи свелись къ тому, чтобъ обездоленная въ имущественномъ и правовомъ отношеніи женщина видѣла въ этомъ волю Божію и покорялась ей съ надеждою получить въ загробной жизни награду за свои земныя обиды. Развѣ мы не знаемъ, что во имя такой награды все обездоленное проявляетъ несравненно болѣе религіозности, чѣмъ счастливцы міра сего, позволяющіе себѣ даже кощунствовать?.. Но что характернѣе всего обличаетъ мужскія заднія мысли, такъ это то, что, представляя женщинамъ религіозныя вѣрованія, посты, молитвы и надежды на награды за гробомъ, мужчина тѣмъ не менѣе сохраняетъ за собою роль жреца и пастыря: только его полу принадлежитъ право учить, руководить, принимать исповѣдь, пріобщать и накладывать эпитемію на ослушниковъ; и ни заразительные лишаи, ни чахотка, ни

пьянство, ни другія болѣзни не лишаютъ его правъ совершать Таинствъ, тогда какъ женщина считаетъ недостойною не только войти въ алтарь, но и вкусить причастія изъ-за того, что ей дала сама природа. У насъ есть еще церкви, гдѣ мужчинамъ полагается стоять на правой сторонѣ, а женщинамъ о шую.

Христіанская религія никогда не отчуждала женщинъ отъ религіозныхъ утѣшеній, за то сама женщина, допущенная, при своемъ невѣжествѣ, до религіозныхъ вопросовъ, пошла и тутъ своею фатальною дорогою: она тотчасъ же ухватилась за этотъ новый, дозволенный ей районъ дѣятельности, и принялась его культивировать, расширяя и дополняя его всѣмъ, что могла изобрѣсти. Отсюда, надо думать, вытекла та особая религія, или секта, созданная, впрочемъ, не исключительно женскимъ поломъ, которую можно бы по справедливости назвать «брюшною» потому что исповѣдующіе ее болѣе всего заняты отправленіями и безукоризненнымъ содержаніемъ своего рта. Не достаточно не вкушать скромной пищи въ постные дни,—надо еще завести скромную и постную посуду, скромное и постное полотенце: грѣшно зажарить рыбу на той сковородѣ, на которой когда-то жарилось мясо; грѣшно и вытирать постную посуду вымытымъ, но все-таки скоромнымъ полотенцемъ.—Не достаточно молиться душею, надо еще твердить заученныя молитвы языкомъ по счету, по четкамъ. Святость рта доведена до крайности. Если младенцу приходится умирать изъ-за недостатка молока въ груди матери, мать считаетъ за грѣхъ дать ему коровьяго молока въ постный день и приметъ его смерть за волю Божію. Отъ дѣвоты крестятъ ротъ, отъ звона въ ухѣ крестятъ ухо, отгоняя злого духа. Что касается подраздѣленій легкихъ, или тяжелыхъ дней, утонченныхъ силъ и памѣреній дьявола,—этому и счета нѣтъ. И все это поддерживается болѣе всего женщинами, если не считать спеціалистовъ-эксплуататоровъ, странниковъ, разносящихъ небылицы въ лицахъ и т. п.

Физіологъ Х. находитъ, что «*въ женщинѣ собственно чувствительности менѣе, чѣмъ у мужчины, а кажущаяся женская чувствительность, въ сущности, есть только большая раздражительность*».—Надо сознаться, въ такомъ случаѣ, что жителямъ земли отказано въ понятіяхъ о добродѣтели. Мы было привыкли смотрѣть на состраданіе или милосердіе, какъ на перлы души человѣческой,—а тутъ вдругъ оказывается, что стоитъ только погладить, или поцарапать который-то изъ опредѣленныхъ нервовъ, и перлами этими хоть прудъ пруди.

Одинъ утверждаетъ, что слуха у женщины менѣе, чѣмъ у мужчины, равно и вкуса; а другой полагаетъ, что осязаніе въ женщинѣ развито болѣе, чѣмъ въ мужчинѣ. И такъ далѣе, и т. д. и т. д. треплется, такъ

называемый, женскій вопросъ тѣми, кому и природа, и люди, и долгій историческій опытъ дали все для выработки вѣрныхъ, справедливыхъ сужденій. Отчего же огромное ихъ большинство такъ мало, такъ вяло ищетъ знакомства съ истиною, какъ будто въ ней скрыто что-то нежелательное, страшное? Неужели оттого, что люди уже свыклись, обжились съ круговою ложью, что она втянула ихъ въ себя и силится изъ нихъ же, и на ихъ счетъ, устроить себѣ вѣчный фундаментъ? Неужели они не замѣчаютъ, что изъ того болота, въ которое они постепенно погружаются по причинѣ искусственно создавшагося нравственнаго безсилія,— имъ ужъ почти не видно того, что происходитъ въ сокровенныхъ уголкахъ бѣдныхъ человѣческихъ душъ? Они не замѣчаютъ, что каждая изъ нихъ инстинктивно рвется къ простору и свободѣ хоть за стаканомъ вина, чтобъ заглушить чѣмъ попало скорбь своего духовнаго «я». А женщина?.. И она чувствуетъ все то-же; и чѣмъ она даровитѣе, тѣмъ безобразнѣе кажутся ея порывы освободиться отъ оковъ, потому что самый районъ ея дѣятельности настолько одностороненъ, что она употребляетъ лучшіе свои дары на то, чтобъ сдѣлать его привлекательнѣе. Она кидается на безпорядочныя вспышки и порывы къ свободѣ совсѣмъ не потому, что по природѣ безпорядочна, и глупитъ совсѣмъ не потому, что глупа, — а потому, что ея натура слишкомъ исковеркана. Она знаетъ и видитъ, что люди больше всего ловятся на глупостяхъ, что всѣ почти склонны къ совершенію разнаго рода безобразій именно потому, что томятся ненормальностью своей жизни, полной всесторонняго лицемѣрія. Она понимаетъ, что мужчина заявляетъ себя скорѣе ея врагомъ, чѣмъ другомъ: самъ рабъ, онъ хочетъ и изъ подруги сдѣлать себѣ рабыню, а черезъ это оба стремятся отвести душу отъ скорби всякимъ отвлеченіемъ, попадающимся подъ руку. Слѣдовательно, она, по своему, права, когда разсчитываетъ найти скорѣе товарища по дикимъ отвлеченіямъ отъ тоски, чѣмъ по серьезнымъ. Оставимъ въ покоѣ материнство: въ этомъ святилищѣ мирные труды идутъ своимъ чередомъ, но они и не требуютъ всего человѣка съ его многообразнымъ одареніемъ. Сдѣлавшись матерью, не можетъ же женщина надолго преобразиться въ ребенка, какъ бы ни любила его. Да и для него нужна, главнымъ образомъ, общая осмысленность воспитанія, а не безпрестанное няньчаніе съ излишними забавами и угожденіями. Чѣмъ ранѣе онъ научится жить, т. е. владѣть собственнымъ соображеніемъ, относиться безъ особой требовательности къ окружающимъ и управлять собою, тѣмъ легче создастъ онъ въ себѣ душевное равновѣсіе и расположеніе къ честной дѣятельности въ будущемъ. Поэтому и материнство совсѣмъ не поглощаетъ столько времени, какъ это кажется тѣмъ, кто хочетъ его подчеркивать съ задними

мыслями, хотя воочію видятъ, что зажиточнымъ матерямъ материнство не мѣшаетъ жить въ свое удовольстіе. И еслибъ онѣ, вмѣсто безконечныхъ развлеченій занимались дѣломъ,—никто ничего бы не потерялъ. Обыкновенно богатыя матери панимаютъ за себя кормилицъ, и это, конечно, неправильный взглядъ на вещи. При среднемъ достаткѣ, матери, выкармливая дѣтей сами, ухитряются много трудиться для удовлетворенія экономическихъ сторонъ своей жизни,—слѣдовательно онѣ находятъ довольно времени для работы, и еслибъ были въ состояніи заняться болѣе производительнымъ, пріятнымъ трудомъ, предоставляя штопанье, глаженіе, или стряпню тѣмъ, кто избралъ себѣ эту профессію,—опять-таки никто бы не пострадалъ. Что касается бѣднаго, жалкаго люда, разрывающагося отъ тяжелыхъ трудовъ безъ отдыха при несообразномъ съ достаткомъ количествѣ дѣтей,—откуда взялось это зло, и на чьей обязанности лежитъ его облегченіе?.. (Кто пожелаетъ заняться разрѣшеніемъ этой задачи, тотъ додумается до многаго).

До наступленія материнства проходятъ два десятка лучшихъ лѣтъ для пріобрѣтенія тѣлесныхъ и умственныхъ силъ, для трудовъ, соотвѣтствующихъ свѣжему, молодому организму. Затѣмъ наступаютъ, для большинства женщинъ, двадцать лѣтъ, посвящаемыхъ материнскимъ обязанностямъ; а для меньшинства, составляющаго, приблизительно, отъ одной шестой до одной пятой части всего интеллигентнаго сословія, — материнства вовсе не существуетъ, и такимъ образомъ умственныя способности этой части женскаго населенія оказываются непроизводительными.

Чѣмъ лучшую всестороннюю наслѣдственность получала мать, чѣмъ здоровѣе ея привычки, чѣмъ умнѣе мысли и взгляды, тѣмъ меньше шансовъ для заболѣванія у дѣтей, слѣдовательно, тѣмъ менѣе безсонныхъ ночей проводитъ мать; а извѣстно, что ничто такъ не расшатываетъ нервной системы, да и всего организма, какъ эти безсонныя ночи, проводятся ли онѣ у постели больного, или за всяческими развлеченіями, обращающими ночь въ день, и обратно.

По истеченіи лѣтъ, посвящаемыхъ материнству, обыкновенно проходятъ, при правильномъ образѣ жизни и здоровыхъ привычкахъ,— еще двадцать лѣтъ полной умственной зрѣлости и для всѣхъ благотворнаго опыта. Эти года напоминаютъ собою осень, приносящую самые спѣлые, полезные плоды, — и все это для женщины почти пропадаетъ: во имя чего же?..

Къ великому сожалѣнію, женщины, получающіе воспитанія, сообразное съ ложными взглядами на вещи и вкусами мужчины, — сами боятся того возраста, который, однако, можетъ давать и занятія, и радости гораздо высшія, противъ молодыхъ. Для того, кто вдумывается въ жизнь

и соблюдаетъ законы природы,—всѣ возрасты одинаково жизненны, хотя всему свое время, свой чередъ.

Въ общемъ же, позволительно думать, что для того, чтобы стать матерью, недостаточно быть женщиной, что ни говори законодатель мужского пола, обрекающій женщину на непрестанную воспроизводительность: это не бобъ, и не картофель, которыхъ, при сгущенности населенія, чѣмъ больше родится, тѣмъ лучше. Для этого надо имѣть бо̀льшее призванье и умѣнье, чѣмъ частое хотѣнье мужчины стать отцомъ. Мужчина, особенно распустившій себя, можетъ имѣть это ложное призванье едва ли не каждые сутки; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы и въ женщинѣ должно было происходить то-же. А коль скоро природа ея устроена въ этомъ отношеніи иначе, и коль скоро не на мужчинѣ, а на ней лежатъ произвольные и непроизвольные труды, обязанности и отвѣтственность относительно нарождающагося поколѣнія,—то, естественно, что въ этомъ дѣлѣ для воли, или хотѣнья мужского пола, мѣсто должно быть отведено, (по справедливости), на второмъ планѣ.—Вводя искусственную точку зрѣнія на этотъ предметъ, историческій мужчина думалъ только о себѣ, о своихъ личныхъ удобствахъ. Онъ обставилъ вопросъ такъ, чтобы незамужняя женщина была во всемъ стѣснена, чтобы внѣ замужества она не имѣла ни цѣлей, ни радостей, ни болѣе или менѣе счастливой и обезпеченной жизни; и при этомъ—чтобъ выборъ мужа и права надъ дѣтьми принадлежали не ей, а ему одному. А какъ только подобныя мѣропріятія установились законнымъ порядкомъ, онъ уже являлся полновластнымъ хозяиномъ женской судьбы; онъ пріобрѣлъ въ лицѣ жены покорную исполнительницу своихъ хотѣній, такъ какъ ей приходилось выбирать между жизнью и смертью, если не тѣлесною, то нравственною. Послѣдствіями этого порядка вещей явились—задержка умственнаго развитія женщины, замедленіе общечеловѣческаго прогресса мысли и упадокъ нравственныхъ началъ въ обоихъ полахъ.—Отсюда родилось само собою все то, за что осуждается женщина. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это не могло не отразиться и на состояніи физическаго здоровья самой женщины и ея дѣтей.

Поддержанный законами и религіей, шедшихъ всегда дружно, историческій мужчина лишилъ женщину свободы дѣйствій свободы мысли, свободы надъ собственнымъ тѣломъ, даже свободы движеній, которыя, къ стыду цивилизаціи, до нашего времени еще скованы корсетами, неестественною обувью, неудобнымъ покроемъ одежды, разными модами, создавшимися рядомъ мужскихъ ошибокъ. Кто-же послѣ этого является авторомъ женскаго недомыслія?

Только тотъ, кто не интересуется истиною, можетъ утверждать, что страсть къ нарядамъ, фривольнымъ удовольствіямъ и чрезмѣрному заня-

тію своей особой составляютъ природу въ женщинѣ. Этого никому не дано знать до тѣхъ поръ, пока женская дѣятельность не будетъ предоставлена ея собственному выбору, пока она не получитъ общечеловѣческихъ правъ.

Разумѣется, ни одинъ мужчина насильно не наряжалъ и не забавлялъ женщины; но онъ всѣми мѣрами способствовалъ тому, чтобы устранить женскую голову отъ всякой другой дѣятельности. Подъ вліяніемъ своей ахиллесовой пятки, онъ прямыми и косвенными путями приглашалъ ее посвящать всѣ свои способности исключительно занятіямъ этого рода; его требованія выработали въ женщинѣ вкусъ къ тому, чѣмъ она болѣе всего выигрывала въ его глазахъ. Въ вопросѣ женитьбы и современный мужчина ушелъ впередъ не слишкомъ далеко: всѣмъ намъ извѣстно, что тутъ главную роль играетъ хорошенькое личико, пикантная прическа, модный нарядъ, тонкая талія, томные глазки, нѣжность кожи и т. п. Кромѣ денегъ, все остальное отбрасывается имъ на задній планъ.

Рѣдкій мужчина, при выборѣ жены, обращаетъ вниманіе на ея духовную сторону; какъ китаецъ признаетъ главною добродѣтелью женщины способность производить мальчиковъ, такъ просвѣщенный европеецъ видитъ ея добродѣтель въ красивой внѣшности. Это-ли не легкомысліе?

Положимъ, что красивое всегда пріятнѣе некрасиваго; будемъ считаться и съ тѣмъ, что плоть останется навсегда плотью, не взирая ни на какія идеи. Но вѣдь красота въ самой природѣ, и искусственные ея аттрибуты, привлекающіе большинство мужчинъ, указываютъ только на извращенность его набаловавшейся, въ этомъ смыслѣ, натуры. А между тѣмъ женщинѣ нельзя было къ ней не приноравливаться; да и теперь она еще приноравливается, пока не заручится умственными силами для борьбы съ тѣмъ, что безсмысленно портитъ человѣка.

Мы и въ настоящее время еще имѣемъ нѣкоторыя указанія на то, что страсть къ нарядамъ въ женщинѣ не врожденна. Вѣроятно каждому изъ насъ, во-первыхъ, случалось слышать сѣтованія молодыхъ супруговъ, что жена, какъ только вышла замужъ, такъ и перестала заниматься своимъ туалетомъ, что это просто неприлично: «стала ходить безъ корсета и съ утра до ночи въ блузахъ».—Развѣ этимъ не доказывается, что она рядилась не по природной склонности, но потому, что это требовалось, что только этимъ путемъ она могла завербовать себѣ мужа, а съ нимъ и жизненное обезпеченіе, и опредѣленное положеніе въ обществѣ.

Второе указаніе мы имѣемъ въ барышняхъ, которыя начали учиться свыше гимназическаго курса: замѣтьте, какимъ скромнымъ нарядомъ довольствуются слушательницы всевозможныхъ курсовъ, и какъ рѣдки здѣсь исключенія.

Тѣмъ не менѣе увѣренность въ эфемерности женской натуры распространилась съ большимъ успѣхомъ. Даже криминологи, и тѣ способствуютъ утвержденію мнѣнія, что ложь и занятія внѣшностью составляютъ особенности женской природы; и они приводятъ изъ своей судебной практики примѣры, кажущіеся основательными доказательствами этого.—Но вѣдь и криминологи не психологи, хотя-бы по призванію! Они свидѣтельствуютъ о наблюдаемомъ ими фактѣ, который остается внѣ сомнѣнія; но въ ихъ спеціальныя цѣли не входитъ, или входитъ очень мало, добираться до первопричинъ, особенно историческихъ, когда онѣ не имѣютъ прямого отношенія къ порученному имъ дѣлу. Если же начать разбираться въ этихъ первопричинахъ, то для каждаго станетъ яснымъ и очевиднымъ; что не женская природа лжива и легкомысленна, но лживы и легкомысленны тѣ условія, среди которыхъ женщинѣ приходится прокладывать себѣ жизненную дорогу.—Совершенно то-же продѣлываетъ и цѣлое общество, когда оно поставлено въ ненормальныя условія.

Нечего и говорить, что повсюду встрѣчаются и страстныя любительницы всяческихъ украшеній; но развѣ пустоголовыхъ людей мало и между мужскимъ поломъ? Только у него болѣе разнообразія въ развлеченіяхъ, которымъ нерѣдко посвящаются лучшіе годы жизни и цѣлыя состоянія. Женщины-же, рѣже имѣя въ рукахъ денежныя средства для развлеченій, тратятъ послѣдніе гроши на украшенія, а при удачѣ запрягаютъ въ это дѣло подходящихъ мужчинъ.

На одной изъ лекцій по женскому вопросу говорилъ, въ Петербургѣ, г. Каптеревъ.—Статья его, напечатанная вслѣдъ за лекціей, не лишена правдивости сужденій, если принять въ соображеніе ту исходную точку, на которой онъ оріентируется. Онъ не прикрашиваетъ женскій полъ, не поэтизируетъ его, за то и не унижаетъ. Главнымъ-же достоинствомъ его произведенія является то, что оно было однимъ изъ немногихъ, считавшихся съ прошлымъ женщины, хотя, повидимому, авторъ не вдавался въ подробности исторіи женской культуры.

Писателямъ, такъ сильно выдвигавшимъ фактъ отсутствія женщинъ въ наукахъ, изобрѣтеніяхъ и искусствахъ, полезно было-бы услышать слова г. Каптерева:

«*Не нужно забывать, что высшія формы творчества, равно какъ и отвлеченнаго мышленія, суть культурныя пріобрѣтенія человѣческаго рода, что никакого противорѣчія между этими формами и природой женскаго ума—не существуетъ. Самъ мужчина (человѣчество) пріобрѣталъ эти способности съ большою постепенностью; и если взвѣсить все то, что мужчина имѣлъ въ своемъ распоряженіи, какъ вспомога-*

тельныя средства къ развитію ума (свободу воли, возможность знакомства съ природой, а впослѣдствіи и крупныя поощренія),—*со всѣмъ, что имѣла за тотъ-же срокъ женщина,—безъ сомнѣнія перевѣсъ сравнительнаго прогресса будетъ на сторонѣ женскаго пола*».

По глубинѣ охватываемыхъ авторомъ мыслей, по его очевидному намѣренію держаться наивозможно ближе къ истинѣ, статья господина Каптерева представляетъ чрезвычайно интересный матеріалъ для разсужденій; а такъ какъ каждый мыслитель, искренно преданный идеѣ правды, отличается отъ остальныхъ именно тѣмъ, что не пренебрегаетъ возраженіями, но, наоборотъ, вслушивается въ нихъ во имя своей основной цѣли, во имя возможности встрѣтиться въ возраженіи съ тѣмъ, надъ чѣмъ, по какой-нибудь случайности, онъ не останавливался,—я позволяю себѣ выразить нѣсколько таковыхъ.

Такъ напримѣръ, на 40-й страницѣ г. Каптеревъ говоритъ: «*Зная лучше свой организмъ* (онъ выше предполагаетъ, что женщина живетъ преимущественно тѣлесно, и постоянно занята своею внѣшностью),—*онъ и владѣютъ имъ лучше: легче находятъ нужный тонъ, подходящій жестъ, легче придаютъ лицу и всей наружности соотвѣтствующее выраженіе. Въ этомъ заключается основаніе для нѣкоторыхъ актерскихъ способностей женщинъ, и извѣстно, что женщины не только мастерски умѣютъ играть на сценѣ; но и въ жизни, такъ что требуется значительная аналитическая, критическая способность, чтобъ въ жизненныхъ сценахъ разсмотрѣть: играетъ-ли женщина только роль, или въ самомъ дѣлѣ волнуется, страдаетъ, радуется*».

Съ одной стороны — актерскія способности присущи не одному женскому полу, и мужчины, при случаѣ, владѣютъ ими не хуже женщинъ. Откуда-же, въ такомъ случаѣ, онѣ взялись у мужчинъ, если несчитаться съ общечеловѣческимъ инстинктомъ самосохраненія, побуждающимъ оба пола прибѣгать къ комедіи всякій разъ, когда условія ихъ положенія того требуютъ, т. е. когда правда имъ вредитъ, а ложь спасаетъ. Какую-же роль можетъ здѣсь играть собственно женскій организмъ?

Равнымъ образомъ и театръ, открытый мужскимъ поломъ, былъ долго закрытъ для женскаго; извѣстно, что открытое лицедѣйствіе считалось въ началѣ «*зазорнымъ*» для женщины, и что по этой причинѣ женскія роли исполнялись юношами. Слѣдовательно женскія заботы о своемъ физическомъ «я» тутъ тѣмъ болѣе не причемъ, что спектаклями занимаются по сіе время только въ болѣе или менѣе интеллигентныхъ кружкахъ, тогда какъ печать природы не разбираетъ сословій.

Но съ другой стороны — вполнѣ понятно, если даровитая женщина, изстари знакомая съ неизбѣжностію комедіи, дѣйствительно переняла кое-

что изъ театра, приспособила театральныя эффекты къ сценѣ житейской и довела ихъ до значительнаго совершенства. И это только доказываетъ ея наблюдательность и чрезмѣрно развитое властолюбіе въ мужчинѣ: ему видимо нравится, когда передъ нимъ ломаются. — Ловеласы смотрятъ на кокетливую женщину весьма сходно съ тѣмъ, какъ смотрятъ спортсмэны на лошадей: чѣмъ болѣе она выказываетъ сопротивленія, хоть кажущагося,—тѣмъ сильнѣе загорается въ нихъ желаніе ее побѣдить. Увы! Какъ ни груба, какъ ни ужасна для человѣческаго достоинства такая картинка нравовъ, она весьма близка къ истинѣ. Тѣмъ не менѣе въ основу этой женской комедіи не приходится ставить никакого природнаго влеченія къ занятію своимъ физическимъ «я» потому, что самыя занятія эти были вызваны общею ненормальностью положенія, даннаго женщинѣ, и такимъ образомъ составляютъ его послѣдствія, а не причину, кроющуюся, будто-бы, въ природѣ женской организаціи. Тамъ, гдѣ, по всей видимости, природа сдѣлала ее царицей,—кулакъ поставилъ ее рабой; оттого и результаты плачевны.

За очевидными тому доказательствами не нужно ходить далеко. Въ повседневной жизни для каждаго изъ наблюдателей легко откроется фактъ, что тамъ, гдѣ жизнь дѣтей безразличнаго пола поставлена въ слишкомъ стѣснительныя рамки, — они рано научаются лгать, хитрить и притворяться для оправданія своихъ маленькихъ беззаконій: они изобрѣтаютъ десятки способовъ обойти старшихъ. Это особенно развито въ закрытыхъ заведеніяхъ, гдѣ разнаго рода продѣлки прикрываются организованнымъ обманомъ, а затѣмъ—отпирательствомъ, цѣлыми лживыми исторіями.

Мало того: даже совсѣмъ крошечныя дѣти, едва владѣя ногами, уже начинаютъ производить опыты надъ своими родителями, или нянькой, чтобъ достигнуть исполненія своей воли. Дитя принимается сперва требовать сердитымъ крикомъ, а если видитъ, что это не помогаетъ, начинаетъ плакать слезами, ласкаться, ныть, или доходить до захвата дыханія,—однимъ словомъ представляться на всѣ лады, чтобъ какъ-нибудь добиться цѣли. Зрѣлый, заслуженный мужчина, попавши во власть дикаря, надѣваетъ маску спокойствія, равнодушія ко всему, хотя внутри у него все клокочетъ, — потому что надѣется этимъ сильнѣе повліять на врага, чѣмъ просьбами, обѣщаніями, или откровенностью. Какъ же женщинѣ не пользоваться подобными средствами, когда онѣ видимо способствуютъ достиженію ея цѣлей?

Стремленіе къ личной свободѣ до того присуще человѣку въ обоихъ его видахъ, что самыхъ лучшихъ (въ смыслѣ заботливости) родителей вспоминаютъ иногда съ недобрымъ чувствомъ, когда въ памяти юноши

всплываютъ эпизоды изъ его дѣтской жизни, гдѣ безполезная, черствая дисциплина, или педантичныя выдержки вливали въ сердце злобу, отравляя самые счастливые годы. Безъ личной свободы, кончающейся, разумѣется, тамъ, гдѣ начинается свобода другого лица, человѣкъ пользуется жизнью наравнѣ съ глухимъ, или слѣпымъ; слѣдовательно, немудрено, что въ погонѣ хоть-бы за ея призракомъ, онъ становится способнымъ на многіе компромиссы даже съ собственною совѣстью. И въ этой-то драгоцѣнной вещи женщинѣ было отказано съ самаго начала ея исторической жизни!.. Какъ рѣдкій солдатъ не лжетъ слишкомъ взыскательному офицеру, какъ рѣдкій чиновникъ не хитритъ передъ строгимъ начальникомъ, какъ рѣдкій крѣпостной крестьянинъ не лукавилъ передъ своимъ помѣщикомъ,— такъ и женщина «представляется» *передъ тѣмъ*, отъ кого поставлена въ зависимость. Фактъ этотъ, родившійся отъ принципа власти и самозащиты, неопровержимъ, и сама жизнь указываетъ намъ на него ежедневно.

Отчего такъ немногіе изъ писателей мужскаго пола склонны задумываться надъ простыми, реальными вопросами повседневной жизни, разрѣшеніе которыхъ, по глубинѣ своего смысла, значительно облегчило-бы трудности осложнившихся общечеловѣческихъ задачъ?.. Вѣчно занятые, съ одной стороны, интересами сомнительной пользы, не имѣющими прямого отношенія къ важнѣйшимъ потребностямъ жизни для наилучшаго пользованія своимъ одареніемъ, а съ другой — лихорадочными заботами объ удобствахъ плоти своего личнаго «я» они не вникаютъ въ положеніе женщины, оставляя безъ вниманія какъ драму, происходящую въ сердцахъ и умахъ этой *половины* человѣческаго рода, такъ и ужасныя, очевидныя послѣдствія своего недомыслія въ этой области. Коль скоро ни одинъ изъ здравомыслящихъ мужчинъ не имѣетъ, по причинѣ законовъ своей природы, возможности отдѣлаться отъ женщины ни крестомъ, ни пестомъ, коль скоро она необходима хотя-бы только для продолженія рода, для выкармливанія и ухода дѣтей, коль скоро ей предназначено немаловажное участіе въ круговой дѣятельности и цѣляхъ человѣчества, и слѣдовательно вліяніе ея неизбѣжно, — разумно-ли пренебрегать тѣмъ, что происходитъ въ глубинѣ ея души, отражаясь на всѣхъ ея поступкахъ, и итти на проломъ противъ очевидныхъ законовъ природы?

Судить о женской природѣ по тѣмъ фактамъ, которые получаются отъ общности ненормальностей ея положенія—все равно, что, обрѣзавши у птицы крылья, удивляться, что она не умѣетъ летать. Подневольная самка, предоставленная на поджизненное пользованіе хозяину, и женщина—человѣкъ, свободно выбирающій себѣ поприще при условіяхъ, равносильныхъ съ мужскими,—это два антипода, двѣ совершенно противоположныя личности, живущія и чувствующія различно, а потому мало

схожія другъ съ другомъ даже при однородныхъ трудахъ.—У первой, дѣлающейся сплошь и рядомъ матерью не только безъ всякаго съ своей стороны призванія, но даже безъ желанія и участія, единственно въ силу довольно неестественнаго обязательства,—такая безучастность непремѣнно отражается на обѣ стороны ея существа. Въ этомъ случаѣ она является неразумною сотрудницею природы, стремящеюся къ наивозможно лучшему выполненію ея законовъ, но несмышленнымъ орудіемъ, не прикладывающимъ никакихъ стараній въ пользу всесторонняго усовершенствованія своего потомства, которую даже инстинктъ самосохраненія не всегда удерживаетъ отъ желанія нанести крупный вредъ себѣ и своему плоду. Слишкомъ частая беременность сердитъ большую часть женщинъ, такъ какъ налагаетъ на нея непосильные труды и одностороннюю дѣятельность, часто не удовлетворяющую ея «я» не дающую ей никакого отдыха. Она становится раздражительною, ея характеръ и умственное направленіе портятся; она дѣлается индефферентной ко всему, кромѣ своего недомогания, которое усиливается отъ сквернаго общаго самочувствія, а это послѣднее накладываетъ какой-то душевный гнетъ и разладъ на всѣхъ окружающихъ. Такой круговой оборотъ взаимныхъ и обратныхъ вліяній долженъ отзываться довольно плачевно на отношеніяхъ членовъ семьи. Вѣдь только невѣжественному древнему Египтянину было простительно думать, что женщина даетъ своему потомству одну квартиру!

У второй—служеніе своему истинному призванію вызываетъ душевное удовлетвореніе, исключающее озлобленность. Сознавая всю важность дѣла, на которое идетъ по собственному выбору и влеченію, она не только прикладываетъ заботы о наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ для развитія ожидаемаго плода, но, свободная и счастливая, стремится къ обогащенію своего ума полезными знаніями; она расширяетъ свой кругозоръ съ двойнымъ усердіемъ, потому что видитъ въ этомъ и свои личные интересы, ничѣмъ и никѣмъ не стѣсняемые, и благо дорогого существа. На все это она имѣетъ достаточно времени именно потому, что здоровье ея души и тѣла уравновѣшены, что при хорошемъ самочувствіи она прикладываетъ болѣе энергіи. (Когда приходится, какъ это нерѣдко случается, докармливая одного ребенка, уже чувствовать зарожденіе другого съ сопутствующими ему недомоганіями, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ нести двойное бремя труда съ двумя крошечными младенцами, не дающими отдыха ни днемъ, ни ночью,—чего можно требовать отъ переутомленной матери?) Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что насколько пагубно отзывается общность неблагопріятныхъ услвій при слишкомъ частыхъ дѣтяхъ, настолько благотворно вліяетъ на родильницу, воспитательницу и ея ребенка тѣлесная и духовная независимость матери. Такимъ образомъ для женщины-

матери создаются сами собою тѣ крупныя, почетныя, важныя цѣли жизни, къ которымъ она не можетъ относиться безотвѣтственно, какъ первая, потому что избрала ихъ сама, потому что разумно распредѣлила свое время и обязанности. По важности значенія, труды ея ничѣмъ не уступаютъ любымъ мужскимъ, такъ какъ они требуютъ участія многосторонняго одаренія человѣка; но къ нимъ призвана далеко не каждая женщина, а только мать по собственному желанію, способностямъ и призванію, которая, при нормальныхъ условіяхъ, болѣе всѣхъ способствуетъ совершенствованію своего потомства. Уже одно сознаніе независимости отъ воли или правъ другого лица въ дѣлѣ, касающемся главнымъ образомъ ея самой, ея собственнаго тѣла, способности, страданій, умѣнья, здоровья физическаго и нравственнаго, готовности, трудовъ и призванія—несомнѣнно должно благотворно воздѣйствовать на все ея существо съ задатками одаренности будущаго ребенка и собственнымъ самочувствіемъ включительно.

Вѣроятно по причинѣ умалчиванія г.г. авторовъ статей объ этой психической сторонѣ жизни женщины, — не слишкомъ довѣряются мнѣнію, физіологовъ будто женская покорность судьбѣ можетъ быть объяснена вложеннымъ въ ихъ природу сознаніемъ зависимости, или недостаточною одаренностью для пользованія личною свободою. Правда, что нельзя выдвигать вопросовъ философскаго характера безъ понятій по физіологіи; но, съ другой стороны, невозможно руководствоваться ни одною физіологіею, ни какими-либо практическими соображеніями, пока наука находится еще въ отроческомъ состояніи, а практическія соображенія, видимо, противорѣчатъ дѣйствительности. Будетъ-ли со временемъ доказано, что душа существуетъ самобытно, или же убѣдятся самымъ яснымъ образомъ, что дѣйствія ея проистекаютъ изъ особенностей структуры человѣческаго мозга,—это въ настоящее время составляетъ еще тайну; но считаться съ душею необходимо, такъ какъ вліяніе ея на каждое изъ нашихъ мозговыхъ отправленій до того очевидно, что физіологъ, удовлетворяющійся однѣми физіологическими объясненіями, не интересуясь другою половиною нашей жизни,—страдаетъ односторонностью и вводитъ читателей—неспеціалистовъ въ заблужденіе.

Покорность женщины можетъ не имѣть никакой связи съ ея поломъ. Чѣмъ же тогда объяснить покорность крѣпостныхъ мужиковъ, или негровъ-рабовъ?.. Есть, конечно, натуры, чувствующія особаго рода наслажденіе въ подчиненіи волѣ «*страстно*» любимаго человѣка. Понятно, если при существующемъ строѣ таковыя чаще встрѣчаются среди женщинъ, хотя и мужчины, служащіе своей страсти, довольно часто дѣлаютъ себѣ изъ женщины кумиръ. А коль скоро это встрѣчается въ обо-

ихъ полахъ, хотя-бы и не равномѣрно, то ужъ не подлежитъ обобщенію, такъ какъ сюда вступаютъ уже элементы, не имѣющія прямыхъ отношеній къ полу, а только къ разнымъ комбинаціямъ условій. Слѣдовательно, пока ученыя воззрѣнія и гипнозы по біологіи, такъ еще во многомъ противорѣчащія другъ другу, не примирятся,—никто не можетъ утверждать, что всѣмъ женщинамъ предназначена та участь, или тотъ трудъ, который такъ охотно, почти единодушно отводятъ имъ мужчины. Ламаркъ, Дарвинъ съ Уолессомъ и Пастеръ стали отцами біологіи только въ XIX столѣтіи, и неизвѣстно еще къ чему приведутъ дальнѣйшія познанія началъ жизни съ ея законами и эволюціями.

Въ такъ называемомъ женскомъ вопросѣ встрѣчаются даже между свѣтилами мысли странности, не поддающіяся объясненію. Такъ напримѣръ, если довѣриться взглядамъ несомнѣнно мудраго Л. Н. Толстого на цѣломудріе, то выходитъ, что неизвѣстно для чего создана половина человѣческаго рода, называемая женскою, такъ какъ представители науки признаютъ ея единственною дѣятельностью заботы о потомствѣ, а самое потомство это, по философіи гр. Толстого, (такой желательной во всемъ остальномъ), идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ, къ чему должно стремиться человѣчество. Развѣ не ясно, что тутъ кроется какъ-то недоразумѣніе, такъ какъ иначе пришлось-бы заподозрить Высшую Силу въ недостаткѣ не только мудрости, но и здраваго смысла. А между тѣмъ всѣ разнорѣчія сами собою примиряются, если допустить, что женскій полъ созданъ на одинаковыхъ правахъ и стремленіяхъ съ мужскимъ, т. е. что оба пола носятъ въ своемъ организмѣ разнообразнѣйшіе задатки для выбора рода дѣятельности, вмѣстѣ съ способностями разума къ всестороннему совершенствованію; и что съ выборомъ, предоставленнымъ свободной волѣ человѣка въ обоихъ его видахъ, тѣсно связано дальнѣйшее его существованіе, которое доказывается многимъ и многими, и которое не имѣло бы за собою идеи справедливости, еслибъ не составляло непроницаемой тайны Мудрости.

Душевныя способности человѣка раздѣляются учеными на три категоріи, которыя централизуются въ трехъ различныхъ частяхъ головного мозга: аффективныя, умственныя и практическія.—Не вдаваясь ни въ какія подробности того, что считается уже положительно извѣстнымъ въ ученомъ мірѣ, мы только повторимъ за нимъ, что сердечные, т. е. аффективные стимулы, составляютъ средоточіе всей психической жизни человѣка, и что нѣтъ ни одной мысли, ни одного дѣйствія, которыя совершались-бы независимо отъ сердца. Поэтому-то и справедливы слова мыслителей, что «*всѣ великія идеи исходятъ изъ сердца*». Поэтому же представительницѣ «сердца» и съ научной точки зрѣнія не подобаетъ занимать

второстепенной роли, носящей въ самой природѣ своей сознаніе зависимости.

И во всякомъ случаѣ, если матеріализировать все, что есть лучшаго въ человѣкѣ,—придется въ концѣ концовъ признать въ немъ какую-то непонятную, неосмысленную машину, неудержимо стремящуюся къ участію въ безцѣльныхъ событіяхъ безразличной жизни, неизвѣстно откуда нагромождающихся и куда исчезающихъ? Для чего же намъ въ такомъ случаѣ дана личная воля, понятія о добрѣ и злѣ, да для чего нужна и самая жизнь? Допустивъ же, что душа человѣческая имѣетъ самобытную, различную отъ плоти жизнь, возможно ли отказать въ таковой женскому полу только на томъ основаніи, что въ ней нѣкоторые плотскіе члены устроены нѣсколько иначе? А коль скоро и женщина одарена духовною жизнью, какимъ же образомъ уничтожить ея крупныя вліянія, безпрестанно доказывающіяся на практикѣ? Очевидно, въ такомъ случаѣ, что и женщинѣ свойственно стремиться, наравнѣ съ мужчиною, къ опредѣленнымъ цѣлямъ и идеаламъ счастья, для котораго требуется первымъ дѣломъ личная свобода, и что причины страннаго предположенія, будто природа заложила въ женщину сознаніе зависимости отъ мужчины, надо искать не въ структурѣ женскаго тѣла, но въ эгоистическомъ направленіи ума неразумнаго историческаго мужчины. По мѣрѣ усовершенствованія мозгового аппарата человѣка, онъ перестанетъ смѣшивать силу съ правомъ, измѣнитъ свои понятія о счастьѣ и пойметъ, что Тотъ, кто далъ намъ жизнь, какъ существо Высшее, могъ руководиться одними добрыми, а не злыми цѣлями. Тогда и женское положеніе совсѣмъ измѣнится.

Еще Декартъ (въ лицѣ Евдокса) находилъ, что «*одна изъ крупныхъ ошибокъ въ наукѣ состоитъ въ томъ, что она нерѣдко сама затемняетъ то, что именно желаетъ опредѣлить*».

Въ интересующемъ насъ вопросѣ подобный пріемъ свойственъ многимъ представителямъ науки, когда рѣчь идетъ объ одареніи женщины. Ея особенности, по крайней мѣрѣ большинство ихъ, происходя, повидимому, столько-же отъ условій жизни, сколько отъ причинъ духовнаго характера, очень мало подлежатъ вѣдѣнію науки о тѣлѣ; но есть физіологи, которые дѣлаютъ въ своей наукѣ, приблизительно, то-же, что философъ въ слѣдующемъ примѣрѣ.

Отъ царя до послѣдняго нищаго — всѣ знаютъ, что такое «время» и смыслъ этого слова, т. е. понятіе о времени, не требуетъ никакихъ объясненій. Но какъ только философъ принимается опредѣлять, что «*время лишь настолько дѣйствительно, насколько не реально все то, что его составляетъ, и что, наоборотъ,—еслибъ составныя части времени получили реальность, то само оно потеряло-бы всякую дѣйствительность*»—

непосвященный человѣкъ начнетъ сомнѣваться въ себѣ, и не будетъ знать, что думать о времени.

То-же происходитъ и при объясненіяхъ физіологовъ женской чувствительности, или доброты сердечной:

Всѣ знаютъ, что Иванъ Иванычъ и Фендрона Михайловна относятся съ сердечнымъ участіемъ къ чужой бѣдѣ и горю, что они всячески стараются помочь ближнему въ нуждѣ, и всѣ ихъ за это уважаютъ, считая добрыми, сострадательными. И вдругъ ученый человѣкъ начинаетъ мнѣ объяснять, что тутъ дѣло совсѣмъ не въ добротѣ сердца, а просто въ томъ, что извѣстныя внѣшнія явленія раздражаютъ у Фендроны Михайловны который-то нервъ, что Иванъ Иванычъ этимъ огорчается и спѣшитъ быть милостивымъ, чтобъ ее успокоить: «оттого они и кажутся добрыми».—И вотъ я ужъ не знаю какъ мнѣ думать объ обоихъ. «Ученые должны лучше знать объ этомъ!» думаютъ многіе.

Такъ какъ науки подвигаются неравномѣрно, и многое въ нихъ еще не выяснено окончательно, то нельзя не желать, чтобы для общей пользы вопроса, самой женщинѣ было предоставлено право имѣть рѣшающее значеніе въ дѣлахъ, касающихся ея пола. Для этого ей надо только учиться. Самой женщинѣ, конечно, должны быть лучше извѣстны и собственная натура, и прирожденныя требованія отъ жизни. Если-же до сихъ поръ рѣшеніемъ задачъ чужой организаціи занимался мужской полъ, то, съ одной стороны, только потому, что это давно вошло въ его привычки, тогда какъ женщина сперва не смѣла, не умѣла, а впослѣдствіи болѣе даровитыя начлись вынужденными дѣйствовать другими, окольными способами во имя достиженія цѣлей своего «я»; съ другой-же стороны—на что могла надѣяться женщина при законномъ правѣ кулака?..

Но времена измѣнились; прогрессъ мысли, хотя и не общій, принесъ съ собою иныя воззрѣнія на вещи, и сила кулака уменьшилась. Часть женщинъ имѣетъ теперь возможность ознакомиться съ науками; многія уже въ состояніи вѣрно понять и точно объяснить все, что касается ихъ внутренняго міра и физическаго организма съ ихъ взаимными вліяніями. Къ тому-же ее значительно облегчитъ старинная, наслѣдственная привычка къ тонкимъ наблюденіямъ, при помощи которыхъ она и безъ науки уже умѣла изучать и отлично понимать заднія мысли обоего пола, тогда какъ мужской полъ самъ жалуется, что женщина нерѣдко бываетъ для него загадкой. Наконецъ надо принять во вниманіе и то естественное предположеніе, что дипломъ ученаго далеко не всегда ограждаетъ мужчину отъ несправедливыхъ, хотя и смѣлыхъ сужденій, и что если представитель науки еще не освободился отъ общечеловѣческихъ страстей,—онъ и теперь еще прежде всего мужчина съ остатками самца, и какъ таковой,

имѣетъ свои цѣли, взгляды, желанія, сообразныя съ ними понятія, а потому склоненъ смотрѣть на женщину съ субъективной точки зрѣнія, односторонне, т. е. видѣть въ ней не то, что она есть, но только то, что онъ желаетъ въ ней видѣть для себя лично. Какъ многіе, незамѣтно для своего разума, считаются въ женщинѣ не съ человѣкомъ, но только съ тѣмъ, что имъ самимъ пріятно имѣть отъ нея, къ чему, какъ имъ кажется изстари, она только и рождена. Мужчина такъ мало подготовленъ къ тому, чтобы видѣть въ женщинѣ настолько-же самобытнаго человѣка, какъ онъ самъ, что подобная мысль просто претитъ большинству натуръ его пола. Глубоко укоренившіяся привычки, вслѣдствіе которыхъ обосновались прочные взгляды мужского пола, подкупаютъ его умъ и подсказываютъ, что признаніе женской независимости равняется хожденію на головѣ. Такіе господа, несмотря на свой аттестатъ зрѣлости, считаютъ свою крайне относительную мужественность за верхъ совершенства и смотрятъ на всякаго рода дѣятельность женщины съ снисходительнымъ презрѣніемъ. Какъ, напримѣръ, можетъ быть, судьею женскаго самочувствія профессоръ, который на каѳедрѣ доказываетъ, что онъ прежде всего самецъ, а потомъ уже профессоръ, когда онъ говоритъ: «*Бѣли поражаютъ самыя интереснія части женскаго пола!*» Развѣ не тотъ-же рыцарь въ дурномъ смыслѣ выглядываетъ изъ-за ученнаго, проповѣдующаго ради научнаго физіологическаго матеріала, что «*женщина, которая плачетъ,—сильна; но если она умѣетъ прекрасно плакать,—она всесильна!*»

Г. Летурно (воспитаніе въ животномъ царствѣ) признаетъ неподлежащимъ сомнѣнію фактъ, что нравственный прогрессъ и образованіе отнюдь не солидарны: нельзя облагородить характера, вкусовъ, или поднять нравственныя взгляды индивидума путемъ изученія математики, грамматики, географіи, медицины или какой другой изъ побочныхъ отраслей знанія.

Воспитаніе и раннія привычки, часто наслѣдственныя, настолько составляютъ вторую натуру человѣка, что образованіе, и въ особенности спеціальное, не въ состояніи ихъ вытѣснить. Оттого и встрѣчаются въ наше время, даже между учеными людьми, натуры примитивной грубости, къ которымъ то, что принято называть благородствомъ души, прилипаетъ такъ-же мало, какъ масло къ водѣ. Дипломы ихъ тутъ ровно не причемъ, и держа экзамены на профессоровъ, они могутъ оставаться плохими учениками приготовительнаго класса по наукамъ о человѣчности. По всей вѣроятности подобные люди должны быть причислены къ атавистамъ, воспринявшимъ образованіе только какъ ремесло, обезпечивающее ихъ положеніе въ обществѣ и матеріальную сторону жизни. Иначе ни-

чѣмъ нельзя объяснить выходокъ, напримѣръ, нѣмецкаго профессора К. Ф., публично объявляющаго, что не намѣренъ допускать въ свою аудиторію ни женщинъ, ни собакъ. Не достойнѣе его поступилъ и нашъ дипломированный авторъ «вопросительнаго знака».

Вотъ почему можно ожидать, что рѣшеніе женскихъ вопросовъ будетъ вѣрнѣе и справедливѣе, когда выйдетъ изъ рукъ образованной женщины. Далеко не каждый судья мужского пола владѣетъ способностью г. Каптерева дотрогиваться до больныхъ мѣстъ женскаго пола безъ цинизма и оскорбленія; далеко не каждый сумѣетъ, подобно ему, ступать съ должной осторожностью по вопросамъ такъ мало извѣстнымъ, такъ еще односторонне изслѣдованнымъ.

Только изъ рукъ женщины, поставленной въ нормальное положеніе человѣка, мы можемъ получить ключъ отъ того страннаго, съ виду замысловатаго ларчика, именуемаго женщиной, который часто сокрушаетъ мужчину таинственностью и кажущимися особенностями, но въ своемъ естественномъ типѣ открывается просто, какъ и всякій другой ларчикъ, не представляя ни загадки, ни секрета. Съ этой точки зрѣнія кажется болѣе всего смѣшнымъ фактъ, что къ 20-му столѣтію вдругъ принялись разсматривать со всѣхъ сторонъ и описывать особу женщины, какъ что-то невиданное, при помощи нѣсколькихъ наукъ.

Мужчина можетъ не видѣть, и даже просто не желать видѣть того, что происходитъ въ женской душѣ при условіяхъ ея жизни; сама же женщина можетъ носить внутри себя, въ самой глубинѣ своего бытія,— сознаніе обиды своего человѣческаго достоинства, и ни одна изъ наличныхъ наукъ еще не въ силахъ опредѣлить откуда и какими невидимыми путями приходитъ это сознаніе, какими тайными связями и на чемъ именно отражается. И женщина, разумѣется, этого не знаетъ, но она можетъ передать то, что чувствуетъ, и этимъ самымъ освѣтить хоть крошечный уголокъ заповѣдной области своего «я». Поэтому едва-ли не ошибается и г. Каптеревъ, предполагая, что «*въ женской природѣ заложено сознаніе зависимости*». Подобное сознаніе шло-бы въ разрѣзъ съ общимъ духомъ человѣческой природы, потому что никто не рисуетъ въ своемъ воображеніи идеаловъ счастья иначе, какъ на почвѣ свободы. Повидимому, и въ женщинѣ этого сознанія ровно на столько-же, насколько его въ лакеѣ, въ евреѣ, въ рекрутѣ и т. п. При чемъ-же тутъ природа? Да и можетъ ли живая душа довольствоваться ролью субалтерна въ своемъ собственномъ дѣлѣ? И привыкали къ нему Негры, крѣпостные люди, проданные рабы, покоренные народы, и точно также употребляла и продолжаетъ употреблять всѣ цензурныя и нецензурныя средства для выхода изъ него. Во всемъ этомъ не имѣется роли ни для особой природы, ни для наличныхъ наукъ,

кромѣ исторіи, которая, открывая передъ нами картины человѣческихъ золъ съ ихъ естественными послѣдствіями, предлагаетъ нашему уму пріобрѣтать опытныя знанія. Въ женскомъ вопросѣ наука уже сдѣлала свое дѣло, опредѣливши разъ навсегда, что по всѣмъ имѣющимся въ ея рукахъ признакамъ, женщина есть человѣкъ; а коль скоро она признана человѣкомъ, то отъ нея и слѣдуетъ ожидать общечеловѣческихъ достоинствъ и недостатковъ. Способы же выраженія общихъ пороковъ или добродѣтелей являются плодомъ условій жизни данной личности, и никакая наука тутъ ничего не подѣлаетъ, потому что здѣсь для каждаго субъекта безразличнаго пола потребовался бы отдѣльный наблюдатель.—Между мужчиной и женщиной издавна ведется нѣмой, если не открытый разговоръ. Мужчина говоритъ: «Давайте намъ только побольше наслажденій, а въ остальномъ мы и безъ васъ управимся!» А женщина ему отвѣчаетъ такимъ-же недомысліемъ: «Наслаждаться мы и безъ васъ сумѣемъ, давайте только намъ побольше денегъ! «Кому-же хорошо отъ подобныхъ отношеній половъ? Но что посѣяно, то и пожинается!

А потому за наукою стоитъ священный долгъ, во-первыхъ, признать въ женщинѣ такое же вмѣстилище многоразличныхъ задатковъ, чрезвычайно обширныхъ и сложныхъ, какъ въ каждомъ человѣкѣ другого пола, а во-вторыхъ—по возможности наблюдать за тѣмъ, чтобъ подъ научнымъ покровомъ не пускалось въ обращеніе ничего изъ того, что покуда составляетъ тайну для нея самой. Что свойственно человѣку вообще, то свойственно и женщинѣ, потому что вліянія половыхъ отправленій могутъ быть съ точностью опредѣлены только въ будущемъ. Коль скоро сами ученые спеціалисты открыто говорятъ, что истина отдѣлится отъ всѣхъ желательныхъ и нежелательныхъ предположеній только тогда, когда біостатика и біодинамика дружно займутся, каждая, своими задачами,—ради какихъ цѣлей люди дипломированные могутъ дѣлиться своими заблужденіями съ недипломированными?

Разумѣется, нельзя отрицать факта, что между людьми встрѣчаются натуры до такой степени уступчивыя, что, повидимому, онѣ способны жить только чужою волею, и это встрѣчается въ обоихъ полахъ. Быть можетъ наукѣ предстоитъ въ будущемъ сдѣлать крупныя открытія въ этой области; быть можетъ это зависитъ отъ состава крови, или отъ какихъ-нибудь комбинацій мельчайшихъ внутреннихъ органовъ и т. п., но позволительно думать, что причина различія въ характерахъ можетъ также лежать, помимо наслѣдственности, и въ тѣсной связи съ тѣми условіями, среди которыхъ проведено дѣтство. И во всякомъ случаѣ уступчивость женская, большею частью, относительна: если обстоятельства положенія не позволяютъ ни спорить, ни противорѣчить, то въ своихъ личныхъ

дѣлахъ, въ своей внутренней жизни, женщины думаютъ и поступаютъ такъ, какъ сами понимаютъ вещи. Мужскіе характеры такого рода въ обществѣ называютъ мямлями, тюфяками; въ женщинѣ же подобные характеры указываютъ ученымъ на какое-то природное сознаніе зависимости, хотя такое сознаніе вполнѣ объясняется положеніемъ, условіями жизни. До нашихъ дней женщина была поставлена такъ, чтобъ изображать собою нуль, имѣющій значеніе только при другой цифрѣ. Съ дѣтства въ ней развивали только тѣ качества, которыя пригодны для положенія подчиненности; въ годы первой молодости ей предоставлялись права только на «средства нравиться» безъ которыхъ не удалось бы пристроить барышню за чужую спину. Большинство молодыхъ дѣвушекъ, неподготовленныхъ ни въ какой думушкѣ, беззаботно отдавались этимъ средствамъ полонить мужскія сердца. За недостаткомъ знаній, за неимѣніемъ выбора для лучшей дѣятельности, онѣ вкладывали сюда всю душу; имъ нравился видимый успѣхъ, а черезъ это нравились и занятія этого рода. Такъ ужъ, видно, созданъ бренный человѣкъ: если какой-нибудь полотеръ, или почталіонъ не сумѣетъ создать живого интереса въ своихъ занятіяхъ, ему будетъ слишкомъ скучно жить на бѣломъ свѣтѣ!

Сдѣлавшись женою и матерью, т. е. вступивъ въ отведенную ей спеціальность, она опять зависитъ отъ щедротъ, великодушія, даже отъ степени порядочности мужа, если даже трудится не менѣе его. Наконецъ, овдовѣвши, она часто остается безъ всякихъ средствъ, съ дѣтьми на рукахъ; но и тутъ, въ случаѣ ей полагается пособіе отъ казны, то отнюдь не за ея личные труды, не во имя ея материнства, или многочисленности дѣтей,—но только за заслуги ея покойнаго мужа, какъ бы ничтожны онѣ ни были. Съ ними государство считается, тогда какъ воспитаніе будущаго поколѣнія дѣятелей не принимается во вниманіе. Если ко всему этому прибавить, что женщина весьма рѣдко имѣетъ возможность хоть сколько нибудь обезпечить свою старость, потому что труды ея всегда оплачиваются скудно,—и если принять въ соображеніе существующіе законы о правахъ на наслѣдство,—то становится вполнѣ понятнымъ, почему женщина особенно чувствуетъ тяготѣющую надъ нею зависимость и вступаетъ съ нею въ тайную борьбу многоразличными способами. Самый фактъ существованія этой вѣчной борьбы и женской раздражительности уже доказываетъ присутствіе въ женской природѣ какъ разъ обратнаго тому, что предполагаетъ авторъ. Дѣло въ томъ, что въ прежнія времена съ зависимостью вообще легче мирились во-первыхъ, потому, что она была неизбѣжна, а во-вторыхъ потому, что менѣе интересовались вопросами о вліяніяхъ зависимости; но по мѣрѣ прогрессированія любви къ чтенію и

увеличенія числа мыслителей, люди стали серьезнѣе вникать въ причины и послѣдствія тѣхъ или иныхъ вліяній, вслѣдствіе чего многіе вопросы, дремавшіе въ сокровенныхъ уголкахъ душъ, начали всплывать на поверхность и шевелить умы. Кто же не видитъ, что въ наши дни даже для молодежи обоего пола, едва успѣвшей осушить грудное молоко на губахъ матеріальная зависимость становится тяжелой. Юность еще не успѣла выучиться разумному отношенію къ вопросамъ и дѣлаетъ тысячи глупостей, но присутствіе работающей мысли въ ней очевидно. То же происходитъ и съ женщиной. Вѣка рабства довели женщину до такого физическаго и духовнаго безсилія, что извѣстный французскій писатель, Зола, оказывается правымъ и относительно другихъ націй; когда говоритъ, что какъ только мужчина исчезаетъ изъ семьи, такъ она становится въ безвыходное положеніе (Paris). А отчего? Только оттого, что женщина искусственно сдѣлана безпомощной, не имѣющій сама по себѣ никакого значенія. Вѣдь все это не выдумки, но горестный фактъ, происходящій отъ общественныхъ ненормальностей! Вѣдь наблюдательный, хотя и рѣзкій авторъ Парижа, воображающаго себя центромъ цивилизаціи,— ужасаетъ каждаго, желающаго сохранить свое человѣческое достоинство, картинами нравовъ столицы міра, гдѣ мужской полъ совершаетъ чудовищныя беззаконія во имя правосудія. Какими чудесами можетъ мужчина не заражать дурнымъ примѣромъ женщины, не втирать и ее въ грязныя стороны своей жизни?.. И не смотря на все это, онъ преисполненъ самомнѣнія, самоувѣренности и самодовольства; онъ считаетъ себя законнымъ ментором, даже благодѣтелемъ женщины и съ снисходительнымъ презрѣніемъ говоритъ о ея безсиліи. Взгляните на нѣмецкіе, англійскіе мужскіе типы, выставляемые ихъ лучшими національными беллетристами; взгляните на Толстовскіе типы Звѣздинцева (Плоды просвѣщенія), Вронскаго, Аркадія (Анна Карепина), Никиты (Власть тьмы) докторовъ (Смерть Ивана Ильича), типы Островскаго и великое множество другихъ,—вездѣ самомнѣніе, жречество и властолюбіе составляютъ господствующія черты мужчины, выработанныя исторіей его ложной культуры. Теперь посмотрите, какъ несправедливо относится онъ къ женѣ, предполагая, что и она имѣетъ плотскія потребности. Въ большинствѣ браковъ онъ, не стѣсняясь, измѣняетъ женѣ, когда хочетъ, но въ то-же время требуетъ во имя закона и своей мнимой чести, чтобъ жена не только никого не полюбила, но и не думала объ удовлетвореніи своей грѣшной плоти, если ея природа этого требуетъ: ей ставится въ обязанность быть въ этомъ отношеніи святой, довольствоваться умѣренностью, или сидѣть на строгой діэтѣ, сообразуясь всегда не съ своими личными нуждами, но съ его волей. И все это мотивируется тѣмъ, что жена можетъ принести чужого ребенка

въ семью: какъ будто не все равно, въ смыслѣ нравственности, пострадаетъ-ли Андрей или Софья отъ его или ея распущенности.

Чѣмъ-же онъ здѣсь превзошелъ индуса?

Теперь посмотримъ, какъ отзывается, по мнѣнію мыслителя, денежная зависимость на женщинѣ.

«*Матеріальная зависимость*—говоритъ Легувэ,—*тѣсно связана съ личнымъ достоинствомъ женщины, потому что этотъ факторъ, какъ палачъ, накладываетъ первыя цѣпи какъ на ея отдѣльные поступки, такъ и на общій складъ ея жизни; она же наклеиваетъ на нее неизбѣжные пороки! Когда законъ отдавалъ во власть мужа личное состояніе жены, онъ этимъ самымъ создавалъ ея всестороннее безсиліе*». (Histoire morale des femmes, Legouvè).

Относительно половыхъ функцій г. Каптеревъ также беретъ позицію, съ которой не видно того, что происходитъ въ разныхъ концахъ лагеря. Соглашаясь вполнѣ съ авторомъ, что «*половыя функціи играютъ видную роль въ жизни человѣка*» можно позволить себѣ оспариваніе его вывода. «*а такъ какъ женскій организмъ поглощенъ ими втеченіе трехъ четвертей своего вѣка, то перевѣсъ сердца надъ умомъ долженъ составлять особенность его психическаго типа*».

Начнемъ съ нагляднаго въ наше время факта, что по мѣрѣ пріобрѣтенія знаній и опыта женщина наравнѣ съ мужчиной теряетъ добрую часть той чрезмѣрной, иногда даже излишней чувствительности сердца, какою отличалась ранѣе,—и будемъ продолжать разсуждать такимъ образомъ:

Половыя функціи дѣйствительно играютъ и не могутъ не играть видной роли въ жизни, поэтому-то именно и непозволительно ими злоупотреблять. Кто уполномочилъ мужчину требовать отъ женщины непрестанной воспроизводительности, когда мы видимъ это только между неразрывными животными, тогда, какъ всему остальному, сама природа даетъ отдыхъ?.. Не природа, а мужчина (историческій) устроилъ такое положеніе для женщины, чтобъ необходимость заставляла ее соглашаться на всякія условія, въ томъ числѣ и на непрестанную воспроизводительность, лишь бы жить и быть сытой. Оттого и приходится ей отдавать три четверти жизни на половыя функціи, оттого и ослабѣвали постепенно всяческія ея силы. Легко можетъ быть, что тутъ и лежитъ причина недочетовъ въ ея испорченномъ организмѣ.

Мужчина въ принципѣ согласенъ, что всякое дѣйствіе должно быть подчинено разуму, но въ вопросахъ своей ахиллесовой пятки никогда имъ не руководится. Слѣдовательно, если человѣкъ, злоупотребляя своими способностями и не считаясь съ законами разума, превращаетъ свой

даръ въ безотвѣтственное наслажденіе, въ жертву которому приноситъ круговое здоровье подневольнаго пола,—онъ самъ создаетъ вредъ и указываетъ на свое легкомысліе.—Вырабатывалъ-ли когда-нибудь историческій мужчина разумные на этотъ счетъ взгляды и привычки? Считался-ли, соображался-ли съ состояніемъ организма той, которая давала ему потомство? Никогда; а это не могло не повліять на всестороннее состояніе организма воспроизводительницы, поставленной въ зависимое положеніе. Отрывая такой вредный корень изъ глубины предразсудочныхъ наслоеній человѣческаго ума въ древности, физіологъ получаетъ возможность производить болѣе полную оцѣнку вліяній, и, соединившись съ психологомъ, совмѣстно трудиться надъ вопросами великаго значенія.

Подробный разборъ этого рода вопросовъ представляетъ собою крупную задачу, особенно, когда дѣло коснется выдѣленія частицъ непреложной научной истины изъ затаенныхъ личныхъ интересовъ ученыхъ представителей мужского пола. Но нельзя-же не считаться съ тѣмъ, что благодаря рѣшеніямъ пристрастнаго свойства, воздвигаются понятія, обращающія міріады человѣческихъ душъ на вѣковое несчастіе.

Для каждаго, ищущаго прежде всего жизненной правды, недостаточно обращаться за выясненіемъ ея къ одной физіологіи: она оцѣниваетъ только ту наличность, которою дѣйствительно обладаетъ; но причины такой, а не иной наличности, могущія лежать внѣ освѣщаемаго ею угла, составляютъ для нея такую же неизвѣстность какъ для прочихъ. Тайныя связи души съ тѣломъ возможно изучать, и то до извѣстной степени, только при помощи непрестанныхъ наблюденій надъ духовною стороною природы человѣка, провѣряемыхъ всею его исторіею [1]). Коль скоро мы видимъ, напримѣръ, что угнетеніе естественнаго развитія мысли дурно отзывается на общемъ умственномъ строѣ мальчика (слѣдовательно и дѣвочки), то предположеніе, что неволя въ половомъ отношеніи можетъ также дурно отозваться на физическомъ строѣ со всѣми его отправленіями—становится правдоподобнымъ, даже вѣроятнымъ. Не чужая воля, не экономическія соображенія, но сама природа должна руководить рѣшеніемъ женщины въ вопросѣ о времени и выборѣ воспроизводителя для вступленія въ предназначенныя ей священнѣйшія обязанности, при полной силѣ и готовности организма. Когда человѣческія способности начнутъ развиваться свободно, когда серьезность послѣдствій возбудятъ въ мужчинѣ желаніе разобраться въ этихъ вопросахъ безъ лицепріятія, безъ всякихъ скачковъ и насилій,—тогда только онъ сумѣетъ, взглянувъ трезвыми глазами на свое прошлое, приготовлять своимъ потомкамъ лучшее будущее. Тогда только на-

[1]) Сообразно съ понятіемъ о ней Карлейля.

ступитъ дѣйствительный и общій прогрессъ мысли, при которомъ и заботы о всесторонемъ усовершенствованіи человѣческой породы, такъ ясно входящія въ цѣли нашего бытія на землѣ, займутъ свое видное мѣсто. Но, повидимому, время это еще очень далеко, такъ какъ прогрессъ этого рода требуетъ большой постепенности, и женщина еще способна сама испортить свое дѣло.

Въ настоящее же время, хотя сами физіологи даютъ убѣдительныя доказательства тому, что въ наблюдаемомъ ими культурномъ сословіи, гдѣ наиболѣе отступаютъ отъ требованій природы,—состояніе нервной системы, общихъ силъ (сравнительно) и здоровья женщины менѣе, чѣмъ удовлетворительно; хотя, съ другой стороны, всѣмъ извѣстенъ фактъ, что въ очень многихъ деревняхъ холодной полосы Россіи дѣвушки ходятъ поголовно въ однихъ подпоясанныхъ рубашкахъ лѣто и зиму, а женщинамъ половыя функціи никогда не мѣшаютъ нести до самой старости весьма тяжелые физическіе труды,—мы все еще не рѣшаемся признать единодушно, что по крайней мѣрѣ три четверти изъ женской слабости и болѣзненности составляютъ благопріобрѣтеніе ложной цивилизаціи.—Деревенскія женщины, хотя онѣ и находятся въ одинаковыхъ супружескихъ условіяхъ съ городскими,—теряютъ меньше, такъ какъ въ остальномъ стоятъ ближе къ природѣ. А еслибъ онѣ еще имѣли возможность свободно слѣдовать своему призванію,—вѣроятно, черезъ нѣсколько поколѣній, физическія и умственныя силы женщины уже значительно разнились-бы отъ настоящаго ихъ состоянія, и общее разстояніе между двумя половинами, созданными для воплощенія единаго цѣлаго, замѣтно сократилось-бы отъ прекращенія претензій одной половины на особыя права передъ другой, и отъ уничтоженія гибельныхъ для обѣихъ половинъ послѣдствій такой несправедливости. Тогда и человѣчество много выиграло бы отъ дружнаго служенія обѣихъ половинъ одной и той-же Высшей цѣли. При историческихъ-же условіяхъ вопросъ былъ поставленъ такъ, какъ будто Высшимъ цѣлямъ призвана служить только одна половина человѣческаго рода, а другая предназначена состоять въ качествѣ служанки своей половины, безпрестанно мѣшающей первой прогрессировать.

Въ этомъ отношеніи трудно согласиться даже съ Л. Н. Толстымъ, который держится мнѣнія, что человѣкъ, вступающій въ бракъ, (т. е. подчиняющійся одному изъ наиболѣе осязаемыхъ законовъ природы),—этимъ самымъ становится «*въ болѣе ограниченныя формы служенія Богу и людямъ*». Казалось-бы, что служеніе Богу и людямъ лежитъ болѣе всего въ связи не съ бракомъ, или безбрачіемъ, но съ субъективностью самого служителя, отдающаго, какъ въ богатомъ, такъ и въ бѣдномъ со-

стоянiи, только то изъ своего времени и средствъ, что онъ можетъ, или желаетъ отдать. Религiозной идеѣ онъ въ обоихъ случаяхъ будетъ служить постольку, поскольку эта религiозная идея развита въ немъ самомъ, такъ же, какъ и личныя его понятiя о добрѣ и правдѣ. Когда за идеалъ признается безраздѣльность *«моего и твоего»*, то служенiе благу моихъ и чужихъ дѣтей становится тоже безразличнымъ, и вопросъ сводится къ выработкѣ въ себѣ безпристрастiя, безъ котораго и женатому, и холостому одинаково трудно служить и Богу, и обществу себѣ-подобныхъ. То-же можно сказать и о женщинѣ и о всякомъ, смотрящемъ на бракъ не какъ на источникъ наслажденiй плоти, пополняемыхъ грязнымъ воображенiемъ, но какъ на важный законъ природы, дающiй намъ надежду хоть черезъ потомство постепенно достигать того, что человѣчеству предназначено Высшею Силою. И съ этой точки зрѣнiя значенiе Бога не измѣняется отъ того, что человѣкъ вступаетъ въ бракъ, и дѣти не перестаютъ быть людьми отъ того, что они свои. Весь вопросъ въ умѣньи поступать безпристрастно.

Мы знаемъ, что у эскимосовъ, у берберовъ, у морлаковъ Далматiи, у говасовъ на о. Мадагаскарѣ, въ Сiамѣ,—физiологическiя отправленiя проходятъ незамѣтно, а роды не представляютъ ни продолжительной процедуры, ни мучительнѣйшей изъ болѣзней, какъ у исковерканной женщины цивилизованныхъ странъ. Г. Штеллеръ, напримѣръ, пишетъ (Histoire du Kamtschatka, II, 200), что лично видѣлъ эскимоску, которая для родовъ оторвалась отъ своихъ хозяйственныхъ занятiй менѣе чѣмъ на полчаса.—У берберовъ Гуанчи женское воспитанiе, не отличавшееся отъ мужского, дѣлало ихъ очень храбрыми и сильными; онѣ не нуждались въ мужскомъ покровительствѣ и пользовались полной свободой. У насъ-же, среди людей, считающихъ себя вполнѣ цивилизованными, пустая и дряблая мозгомъ, но ловкая женщина, отлично понимая властолюбивыя замашки своего повелителя, подводитъ свои жизненные итоги тѣмъ, что ублажая его одного, дѣлается незамѣтной повелительницей всего остального; и выходитъ, что въ нашихъ обществахъ ублаженный умъ почиваетъ на лаврахъ превосходства, а подвластное неразумiе, фальсифицируя уступчивость, хозяйничаетъ во всѣхъ углахъ. И все это только потому, что распорядитель мужского пола смѣшиваетъ свои привычки съ законами природы.

Вотъ еще три выдержки изъ взглядовъ г. Каптерева, съ которыми трудно согласиться тѣмъ, кто долго и внимательно изучалъ женскую природу во всевозможныхъ положенiяхъ.

1) Г. Каптеревъ не раздѣляетъ мнѣнiя Мирабо, что для души не существуетъ пола.—Казалось-бы, что душа можетъ быть болѣе или ме-

нѣе чистой, или испорченной, что способы ея выраженія, сообразные съ жизненными условіями, или съ субъективными особенностями данной личности, могутъ быть разнообразны,—но какимъ образомъ допустить предположеніе, что самая сущность того, что мы считаемъ душею, могло-бы зависѣть отъ пола? Вѣдь это, безъ малаго, равносильно сомнѣнію въ существованіи общечеловѣческой души у женщины, или подраздѣленію душъ на дворянскія, мужицкія, солдатскія, чиновничьи и т. п.

2) Г. Каптеревъ находитъ, что дневникъ Маріи Башкирцевой представляетъ *«хорошій матеріалъ для иллюстраціи женщины»*.—Матеріалъ этотъ дѣйствительно прекраснъ и поучителенъ: но что онъ иллюстрируетъ? Именно безобразіе женскаго воспитанія съ предвзятыми идеями.—Дѣвушка, одаренная многимъ для пользованія счастливою жизнью, была до того исковеркана съ ногъ до головы неосмысленнымъ воспитаніемъ и дурными примѣрами окружающихъ, что не только не выработала въ себѣ здраваго смысла и критическаго отношенііія къ чему бы то ни было, но совершенно поддалась родственному гипнозу, внушающему увѣренность, что счастья надо искать не въ себѣ самой, а откуда то извнѣ. Счастье это олицетворялось въ образѣ мужчины, и бѣдная дѣвушка, не умѣя разобраться въ себѣ, не зная чего и почему слѣдуетъ желать, кого и за что она способна полюбить,—вѣрила безпрекословно, что любовь придетъ наитіемъ Святаго Духа, что для такого райскаго блаженства надо только имѣть непрестанную заботу объ украшеніи своей внѣшности. Бѣдняжка такъ усиленно ожидала, такъ усердно предавалась розовымъ надеждамъ, что упускала изъ виду главное. Разстроенное романами воображеніе, расшатанное небрежнымъ отношеніемъ здоровье сдѣлали ее, наконецъ, чахоточною психопаткою. Не подготовленная воспитаніемъ, она не имѣла ни силъ для борьбы, ни понятій о дѣйствительной жизни, ни желанія истиннаго счастья: все въ ней загублено средою, ложными понятіями тѣхъ старшихъ, которымъ довѣрилась ея чистая душа и добрый, покладистый нравъ. Природная одаренность ея доказывается тѣмъ, что въ минуты умственнаго отрезвленія она сознавала ужасную истину; можетъ быть заблаговременно принятыя опытнымъ врачемъ мѣры помемногу возстановили-бы утраченныя силы тѣла и духа,—но было уже поздно: смерть пришла прежде времени, вслѣдствіе искусственно-обезсиленнаго для борьбы организма.

Такъ гибло множество женскихъ жизней, принадлежавшихъ иногда личностямъ щедро одареннымъ, но принесеннымъ въ жертву идоламъ предразсудка.

Кромѣ того,—многіе изъ писателей по женскому вопросу впадаютъ обыкновенно въ одну и ту-же крупную ошибку: они, повидимому, ста-

раются связать два различныхъ по существу понятія—природное призваніе женщины и условія ея положенія въ господствующей у насъ переходной формѣ брака. Развѣ моногамія, по своему общему составу взаимныхъ отношеній половъ, представляетъ собою самый совершенный, самый желательный типъ полового общенія? Когда авторъ съ этимъ не считается, то грѣшитъ въ самой основѣ понятій.

3) Г. Каптеревъ, какъ и нѣкоторые другіе люди науки, находитъ, что *«стыдливость и сострадательность женщины лежатъ въ прямой связи съ кореннымъ свойствомъ женскаго организма: преобладающимъ значеніемъ воспроизводительныхъ функцій и материнствомъ»*.

Съ этимъ также нельзя согласиться, потому что жизнь сплошь и рядомъ указываетъ на вліянія совершенно иного характера. Извѣстно, что между крестьянствомъ, гдѣ на воспроизводительныя функціи обращаютъ наименьшее вниманіе,—сострадательность развита въ обоихъ полахъ несравненно болѣе, чѣмъ въ интеллигентныхъ сословіяхъ, среди которыхъ отводится такъ много мѣста для женственности въ обширномъ значеніи слова. Случайные преступники, бѣдняки, сироты обоего пола, горькіе пьяницы, даже проститутки (если только онѣ еще не слишкомъ озлоблены), проявляютъ сострадательность гораздо болѣе искреннюю, чѣмъ большинство избалованныхъ фортупою созидательницъ благотворительныхъ заведеній, прикладывающихъ не столько сердечнаго участія къ судьбѣ опекаемыхъ, сколько тщеславнаго желанія занять постъ благодѣтельницъ, и хоть чѣмъ-нибудь пополнить свою суетливую праздность. Мужчина, испытавшій глубокія душевныя страданія, крайнюю нужду, или вдумавшійся въ смыслъ ученія Христа,—будетъ всегда мягкосердечнѣе любой барыни, привыкшей рвать съ жизни одни сладкіе плоды, будь у нея хоть десятокъ собственныхъ дѣтей, предоставленныхъ попеченіямъ боннъ и гувернантокъ. Во времена крѣпостного права, помѣщицы, вступая во владѣніе крестьянами, нерѣдко превосходили своихъ мужей въ жестокости, хотя имѣли своихъ собственныхъ дѣтей. Наконецъ, каждому всматривающемуся въ нашу народную жизнь, извѣстно, что въ простомъ быту люди относятся съ гораздо большимъ участіемъ ко всякаго рода бѣдствіямъ ближнихъ, чѣмъ въ зажиточномъ, а кромѣ того замѣчено, что по мѣрѣ удаленія отъ крупныхъ центровъ, мягкосердечіе вообще увеличивается, тогда какъ по мѣрѣ приближенія къ нимъ, оно ослабѣваетъ, замѣняясь болѣе эгоистичными взглядами на жизнь. Между простонародіемъ сложились даже поговорки, рѣдко употребляющіяся въ другихъ сословіяхъ: «Отъ сумы, да отъ тюрьмы никто не зарекайся!» — говоритъ мужикъ, и подаетъ милостыню арестанту. «Всѣ подъ Богомъ ходимъ!»—говорятъ оба пола, и рѣдкій отказываетъ въ кровѣ и кускѣ хлѣба прося-

щимъ. Во всемъ этомъ половыя функціи не имѣютъ никакого значенія, тогда какъ испытанныя превратности судьбы, или сознаніе своей собственной необезпеченности ни отъ сумы, ни отъ тюрьмы, ни отъ другихъ бѣдъ, играетъ тутъ важную роль.

Значитъ и въ вопросѣ о причинахъ бо́льшаго, или меньшаго развитія въ человѣкѣ сострадательности, слѣдуетъ отводить самое видное мѣсто не полу, но тѣмъ условіямъ, среди которыхъ воспиталась, или живетъ данная личность безразличнаго пола. Вообще въ соображеніяхъ, касающихся вліяній, правильнѣе руководиться болѣе широкими воззрѣніями г. Летурно, который находитъ, что «*одна и та-же дрессировка, т. е. одна и та-же система воспитанія, примѣняемая послѣдовательно и упорно къ цѣлому ряду поколѣній, можетъ развивать значительную устойчивость въ органахъ всякаго живого существа, всегда доступнаго измѣненію и превращенію*». Не эту ли школу проходили оба пола и особенно женскій?

То-же можно предположить и относительно стыдливости. Дѣвочкамъ ее внушаютъ съ раннихъ лѣтъ. Бѣдняжки сперва этого не понимаютъ, дѣлаютъ безцеремонныя движенія тѣломъ, прыгаютъ въ рубащенкахъ, лягаются ногами, кружатся, забавляясь тѣмъ, что покровы стоятъ пузыремъ надъ оголеннымъ тѣльцемъ и т. п. Но имъ все настоятельнѣе внушаютъ, что онѣ—дѣвочки, и, наконецъ, каждая убѣждается, что именно этого ей и слѣдуетъ стыдиться.

Мальчики, получающіе чинное домашнее воспитаніе, сначала также краснѣютъ и конфузятся; но, поступая въ учебныя заведенія, довольно скоро отучаются отъ этого, когда бойкіе товарищи иного воспитанія начинаютъ поднимать ихъ на смѣхъ. Вліяніе товарищей такъ велико, что тотъ самый, который краснѣлъ изъ-за каждой бездѣлицы полгода назадъ, начинаетъ уже гарцевать отсутствіемъ всякаго стыда.

У дѣвочекъ происходитъ обратное: въ учебныхъ заведеніяхъ конфузливость поощряется еще болѣе. Смышленныя дѣвочки прекрасно замѣчаютъ, что это нравится старшимъ, что ихъ ставятъ въ примѣръ шалуньямъ, вездѣ отличаютъ, — и плутовки припимаются воздѣлывать свою конфузливость, вводя ее во всѣ свои манеры, такъ что при вступленіи въ старшій возрастъ она у нихъ уже вполнѣ культивирована, и всѣ ими довольны. Часто случается, что онѣ и сами не знаютъ чего собственно стыдятся, но понимаютъ какимъ-то чутьемъ, что это маленькое самоуничиженіе, въ пользу мужскаго самолюбія, дѣлая ихъ интереснѣе, даетъ имъ больше шансовъ на успѣхи. Простой мужикъ желаетъ только, чтобъ его невѣста была смирна, а порочный интеллигентъ требуетъ отъ дѣвушки полной невинности даже въ помыслахъ; за невозможностью его удовлетворить, ему и преподносятъ искусственную невинность въ видѣ стыдливо-

сти, входящей въ составъ кокетства. Каковъ спросъ,— таково и предложеніе!

Случается часто и такъ, что за стыдливость принимается совсѣмъ другое женское чувство. Самолюбивыя дѣвушки, и даже замужнія женщины, краснѣютъ отъ досады и негодованія, особенно когда затрогиваются ихъ больныя мѣста: ей обидно, а не стыдно, что съ нею обращаются не такъ, какъ она хотѣла-бы; что она стѣснена гораздо болѣе, чѣмъ ея братья; что нѣкоторые вопросы, касающіеся ея лично, рѣшаются безъ ея вѣдома; что на ея мнѣнія не обращаютъ вниманія, а только улыбаются и т. п. Она чувствуетъ, что изъ подъ ласки и деликатности проглядываетъ униженіе, и это ее оскорбляетъ, вызывая краску негодованія.

Кромѣ того,—еслибъ стыдливость находилась въ прямой связи съ коренными свойствами женскаго организма, она проявлялась-бы хоть приблизительно равномѣрно у всего женскаго пола, и не касалась-бы мужского; а мы воочію видимъ, что этого нѣтъ. Множество мальчиковъ и юношей, получающихъ извѣстное домашнее воспитаніе, относятся стыдливѣе къ своей наготѣ, чѣмъ взрослыя барышни и дамы, бальные туалеты которыхъ всѣмъ извѣстны; а такъ какъ у юношей это не находится въ связи съ коренными свойствами организма, то приходится искать причины стыдливости въ другихъ, общечеловѣческихъ свойствахъ, въ которыхъ найдется объясненіе и для женской стыдливости. Въ каждомъ институтскомъ выпускѣ имѣется, по крайней мѣрѣ, десятокъ дѣвицъ, прозванныхъ подругами «безстыдницами» за то, что онѣ за нѣсколько лѣтъ воспитанія никогда не краснѣли отъ стыда, хотя становились пунцовыми при довольно грубыхъ перебранкахъ.

Наконецъ, краснѣютъ, преимущественно, дѣвушки, у которыхъ эта способность, или свойство, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ замужества постепенно пропадаетъ, когда слѣдовало-бы быть обратному, потому что именно въ это время и должно-бы было проявляться вліяніе воспроизводительныхъ функцій. Обстоятельство это прямо указываетъ на то, что стыдливость, естественная, или дѣланная, могла въ этомъ случаѣ находиться въ связи со многими причинами, помимо вліяній воспроизводительныхъ функцій.

Ни между животными, ни между людьми, живущими въ первобытномъ состояніи, полового стыда не знаютъ; а между культурными людьми стыдливость проявляется въ обоихъ полахъ даже по отношенію къ старшимъ по положенію, или лѣтамъ, когда находятся отъ нихъ въ зависимости и замѣчаютъ, что робость, стыдливость (какъ синонимы почтительности) имъ нравятся.—Вообще, въ чувствѣ стыдливости есть что-то темное, трудно

поддающееся освѣщенію: она можетъ, повидимому, быть и естественнымъ выраженіемъ душевнаго волненія вслѣдствіе общей робости характера, но она можетъ быть и средствомъ, къ которому прибѣгаютъ такъ же, какъ къ лицемѣрію. Участіе лицемѣрія здѣсь обнаруживается тѣмъ, что съ стыдливостью часто обращаются какъ съ маскою: пока стремятся къ опредѣленной цѣли, оба пола не пренебрегаютъ ею, и надѣваютъ какъ вѣрное подспорье; но занявши желанную позицію, ее тотчасъ же сбрасываютъ, замѣняя болѣе подходящими для дальнѣйшихъ дѣйствій пріемами.

Вотъ еще послѣдняя выдержка изъ интересной статьи г. Кантерева: «*Мужчина никогда не отдается любви всецѣло; любя, онъ не перестаетъ быть человѣкомъ своей спеціальности, которая ни на минуту не заглушается въ немъ любовью* *). *Женщина же способна совершенно переродиться подъ вліяніемъ любви*».

Хотя встрѣчаются и женщины, перевоспитывающіяся подъ вліяніемъ любви, и мужчины—пьяницы и лѣнтяи, бросающіе послѣ женитьбы дурныя привычки, и жены, бросающія мужей, и мужья, состоящія подъ башмакомъ у супруги,—но обобщать все это довольно рисково, потому что здѣсь все зависитъ отъ темперамента того, или другого, отъ силы его, или ея чувственности, отъ удачи въ подборѣ пары, отъ степени умственнаго развитія обоихъ и т. п. Есть мужья и жены, сочетавшіеся не по любви, но вслѣдствіе другихъ соображеній, и такіе, разумѣется, ни на одинъ часъ не забываютъ ни избранныхъ спеціальностей, ни излюбленныхъ времяпрепровожденій. Но, остественно, если и въ вопросѣ о преобладаніи супружескихъ чувствъ перевѣсъ будетъ на сторонѣ женъ, потому что все ихъ воспитаніе было направлено къ этой именно цѣли, такъ что, достигнувъ ее, имъ ужъ не на что больше надѣяться. Тѣмъ не менѣе причины и здѣсь могутъ лежать въ женской природѣ лишь постольку, поскольку въ женѣ бываетъ природнаго призванія. Если же его нѣтъ, или не было при вступленіи въ бракъ,—она не отдается прочной любви, и за неимѣніемъ ни спеціальности, ни честолюбивыхъ цѣлей, ни иного болѣе или менѣе пристойнаго исхода, находитъ себѣ жизненные интересы въ которой нибудь изъ остальныхъ, дозволенныхъ ея полу, склонностей. Отъ этого и происходятъ страстныя театралки, велосипедистки, странницы по монастырямъ, безмѣрныя щеголихи, кокетки и т. п.

Объ этомъ г. Фелингъ, авторъ книги «*Женское назначеніе, положеніе въ семьѣ и призваніе*» отзывается такъ: «*Поэзія любви преобладаетъ въ женщинѣ надъ чувственными стремленіями, которыя въ ней часто не*

(* Вотъ по этой-то причинѣ и не слѣдуетъ слишкомъ довѣряться сужденіямъ спеціалистовъ о женщинѣ: они плохо знаютъ ея духовную сторону.

пробуждаются вполнѣ даже при продолжительномъ замужествѣ. Вообще, можно сказать, что стремленіе къ чувственной любви составляетъ у дѣвушекъ патологическое явленіе». Насколько это справедливо и заслуживаетъ обобщенія—судить не намъ; но чѣмъ вѣрнѣе отзывы обоихъ этихъ авторовъ, чѣмъ они ближе къ истинѣ, тѣмъ желательнѣе, тѣмъ законнѣе было бы, чтобъ женская роль, въ районѣ ея призванія, была не пассивною, но активною, потому что ея самочувствіе въ семьѣ, ея характеръ и склонности имѣютъ наибольшее вліяніе на совершенствованіе духовной стороны потомства. Кто, кромѣ матери, можетъ и словомъ, и примѣромъ научить дѣтей добру, вложить въ нихъ любовь къ безкорыстной правдѣ? Но для этого требуется, чтобъ у самой матери не были развиты рабьи инстинкты, чтобъ она сама пользовалась свободою и широкими правами на знаніе; а такъ какъ экономическія условія занимаютъ тутъ видное мѣсто, то личный заработокъ образованной матери, или государственное участіе къ сиротамъ, какъ къ своимъ будущимъ дѣятелямъ, обезпечатъ ихъ главныя нужды. Что же касается второстепенныхъ,—онѣ только полезны, потому что способствуютъ развитію энергіи и трудолюбія.

Наклонности матери (какъ и всякаго другого человѣка), всегда лежали и лежатъ въ зависимости отъ условій ея жизни, почему и слѣдовало бы болѣе всего заботиться объ ихъ благопріятности. Вотъ что говорятъ объ этомъ ученые наблюдатели: *Тэнъ*. «*Наклонности человѣка обыкновенно врожденны*» (и тѣмъ не менѣе природа тутъ не при чемъ) «*и такъ же для него фатальны, какъ, напримѣръ, дымъ отъ горящаго полѣна, или мокрота отъ пролитой воды...*»

Это было бы поистинѣ ужасно, еслибъ мы не имѣли въ виду возможности, путемъ благонамѣреннаго и разумнаго воспитанія, постепенно возвращать человѣку обоего пола его добродушный первообразъ, который становится тѣмъ несомнѣннѣе, чѣмъ глубже изслѣдователи уходятъ въ древность.

Спиноза. «*Характеръ есть теорема, изъ которой окружающая среда выводитъ съ математическою точностью неизбѣжныя послѣдствія*».

Альфредъ Фулье. «*Характеръ можетъ значительно измѣняться къ лучшему при благопріятныхъ обстоятельствахъ, и къ худшему—при неблагопріятныхъ*». Онъ называетъ благопріятными тѣ обстоятельства, когда воспитатели руководятся безкорыстными цѣлями разума, логики и любви къ правдѣ.

Смайльсъ. «*Въ характерѣ лежитъ добрая половина счастья и несчастья жизни, какъ своей, такъ и окружающихъ*».

Вѣроятно и читатели безразличнаго пола согласятся, что приведенные писатели, имена которыхъ извѣстны въ подлинной и переводной литера-

турѣ, разсуждаютъ совершенно вѣрно, и въ такомъ случаѣ остается спросить: по какой сверхъестественной причинѣ общіе законы зависимости будущаго отъ прошлаго измѣнились бы для оскорбленной души исторической женщины, и она могла бы не вносить слѣдовъ тайнаго озлобленія во все, что соприкасается съ нею?

Но не смотря на очевидность фактовъ, не смотря на свои дипломы учености,—подавляющее большинство писателей по женскому вопросу настойчиво желаетъ видѣть въ женщинѣ не обыкновеннаго человѣка, который постоянно «*выводитъ съ математическою точностью горькія, но неизбѣжныя послѣдствія внутренняго состоянія своего человѣческаго „я“*,— но что-то совсѣмъ обособленное, исключенное изъ общихъ законовъ человѣческой природы, не получающее наслѣдственныхъ способностей ума и на вѣки обреченное Высшею мудростью на одни плотскія стремленія. Но такъ какъ во всемъ животномъ царствѣ мы видимъ, что индивидуумы мужскаго пола близко подходятъ, по общему одаренію, къ своей достойной парѣ,—то кого же обличаетъ въ себѣ кичливый мужчина, составляющій пару съ этой исторической Нана?

Закончимъ книгу лаконическимъ изложеніемъ мыслей еще одного физіолога, который, такъ сказать, закрѣпитъ только что сказанное.

Г. N. также считается съ исторіею, хотя довольно своеобразно.

Съ дѣтства онъ не замѣчаетъ никакой разницы между полами; но впослѣдствіи — «*воспитаніе, жизнь, привычки, предразсудки и обычаи, все это соединяется и обусловливаетъ меньшую степень энергіи и отсутствіе глубины въ развитіи мыслительныхъ способностей женскаго пола*». (Значитъ, онъ согласенъ съ Миллемъ, Легувэ, Летурно и др.). Кажется,— трудно отнестить къ вопросу справедливѣе!.. Продолжаешь чтеніе съ увѣренностью, что вотъ, наконецъ, нашелся совсѣмъ безпристрастный мужчина, да еще въ лицѣ физіолога!.. Но далѣе слѣдуетъ совсѣмъ неожиданное: «*Женщины никогда не дѣлали никакихъ открытій, онѣ способны только къ эфемернымъ ощущеніямъ*» — говоритъ авторъ, принебрегая послѣдовательностью, и на этомъ основаніи рѣшаетъ, что «*Женщина не только живетъ, но и должна жить преимущественно маточными отправленіями*».

Да простятъ меня читательницы, но я не считаю себя въ правѣ произнести имени этого почтеннаго автора именно потому, что рѣшеніе это приведено здѣсь безъ всякаго измѣненія.

Еслибъ было возможно довѣриться слѣпо такому рѣшенію, то оказалось бы, что смертный въ своемъ микроскопическомъ хозяйствѣ сообразительнѣе Безсмертной Творческой Силы природы, потому что онъ нашелъ способъ выводить цыплятъ, не отрывая курицы отъ назначенной ей дѣятельности, когда этимъ путемъ соблюдались его мелкія хозяйственныя вы-

годы; тогда какъ Творческая Сила, устроившая съ такою непостижимою мудростью всю громаду мірозданія, въ которомъ наблюдается поразительная экономія силъ, —для дарованія потомства человѣку, не нашла ничего лучшаго, какъ приспособить къ этой дѣятельности половину всего человѣческаго рода, притомъ снабженную для чего то всѣми наслѣдственными умственными способностями и духовными потребностями, которыя оказываются совсѣмъ лишними.

Доказательствомъ несообразительности Творческой Силы служило-бы и то, что Земля, сколько извѣстно, неувеличивается въ объемѣ, и непрестанная воспроизводительность половины ея обитателей привела бы ихъ, наконецъ, къ необходимости хоть поѣдать другъ друга, если прямое избіеніе массами отмѣнится.

Къ счастью, повѣрить этому нельзя, потому что это привело бы къ очевидной безурядицѣ въ мірозданіи: человѣкъ женскаго пола стоялъ бы даже ниже самки муравья, у которой, по наблюденіямъ натуралиста Huber (Fourmis indigènes, стр. 99), «*дѣятельность не ограничивается одною кладкою яицъ, и духовная сторона материнской функціи сохраняется до сихъ поръ въ зачаточномъ состояніи*». Вотъ до какого уничиженія доведена женская организація усердіемъ ученаго мужчины! Оригинальнѣе же всего у автора общее заключеніе мыслей, изложенныхъ на 150 страницахъ: «*Впрочемъ — въ природѣ нѣтъ ничего невозможнаго!*»

Само по себѣ это заключеніе вполнѣ вѣрно; но вѣдь въ такомъ случаѣ... для чего былъ весь предыдущій трудъ?

Такъ и представляется, что добродушный авторъ счелъ долгомъ высказать написанное не вслѣдствіе глубокаго личнаго убѣжденія, но по чему нибудь другому: мало ли у человѣка искусственно-обязательныхъ причинъ?.. Такъ и представляется, что, заканчивая надоѣвшую ему статью, онъ утомился, и былъ очень радъ пріятному докладу, или визиту, дававшему ему предлогъ покончить съ этимъ несноснымъ гордіевымъ узломъ. Весьма понятно, что онъ тутъ же сказалъ, или только подумалъ: «А, ну ихъ совсѣмъ, этихъ бабъ!» — и взмахнулъ топоромъ, т. е. перомъ, для подписи.

Какъ оно ни грустно, но и самый крупный геній—человѣкъ, не болѣе!

И какъ-бы высоко ни цѣнили мы мужество человѣка мужского пола и его стремленія къ серьезному,—въ общемъ своемъ прошломъ, онъ оказался слабымъ не менѣе женщины. Если-бъ хоть большинство отличалось крѣпостью духа, то уже давно не было-бы тѣмъ, что оно есть въ настоящее время, т. е. членомъ торжествующаго варварства. Если-бъ мужчина дѣйствительно стремился къ серьезнымъ вопросамъ жизни, то давно пересталъ-бы практиковать кулачное право, и промѣнялъ-бы свою погоню

за мишурой на болѣе возвышенныя стремленія къ водворенію справедливости. Защищая, съ одной стороны, личное право, онъ, съ другой стороны, самъ попираетъ его, руководясь въ обоихъ случаяхъ собственными выгодами. Открытіе Америки, силы электричества, изобрѣтеніе микроскопа и телескопа суть, безъ сомнѣнія, дѣла грандіозныя; но вѣдъ надъ этимъ трудились единичныя умы, рѣдки какъ алмазы среди грязной массы горныхъ породъ; а что сдѣлало остальное человѣчество съ наипросвѣщеннѣйшими націями включительно?.. Не доказалъ-ли человѣкъ своего грандіознаго же недомыслія, сдѣлавшись изъ царя земли рабомъ лживыхъ условностей?.. Не интересуясь тѣмъ, что̀ для него важнѣе всего остального, т. е. вопросами своего бытія на Землѣ, того бытія, которое онъ получаетъ только одинъ разъ,—мужчина устроилъ такую цивилизацію, въ которой гораздо больше плевеловъ, чѣмъ добрыхъ сѣмянъ. Кому будетъ добро или польза, отъ того, что англичане, нѣмцы, или кто другой, отберутъ у сосѣдей золотыя сокровища, цѣною милліоновъ загубленныхъ жизней?.. Кому будетъ хорошо отъ того, что никто не сравнится въ роскоши жизни съ побѣдителями, въ блистательности дисциплины ихъ боевыхъ силъ, въ смертоносности ихъ оружія?.. За десятки вѣковъ умственный прогрессъ сильнаго пола выражается не внесеніемъ въ жизнь добра, но развитіемъ эгоизма, безсердечности и душевнаго милитаризма. Не женщина, а мужчина сдѣлалъ изъ любви къ родинѣ какое-то злое общественное предпріятіе, направленное противъ интересовъ другихъ странъ. Не умъ, а недомысліе привело мужчину къ отрицанію факта, что у всѣхъ людей одна и та-же родина—Земля, и что, слѣдовательно, общаго блага можно ожидать не отъ разъединенія, но отъ объединенія людей.—Ложный путь цивилизаціи довелъ культурныя сословія обществъ до самыхъ печальныхъ результатовъ: не заботясь о главномъ, т. е. о неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ водворяющихся золъ, люди продолжаютъ стремиться къ побочнымъ цѣлямъ наживы, или къ разрѣшенію отвлеченныхъ вопросовъ, не замѣчая того, что творится возлѣ ихъ собственнаго носа и глазъ. Они порабощаютъ и портятъ другъ друга, производятся массовыя несчастія, размножается общественное зло, извращается человѣческая природа, а ученый мужчина, заявляя о превосходствѣ своихъ умственныхъ силъ, смотритъ на это спокойно, воображая, что ему необходимо сперва разобраться на небѣ, или въ нѣдрахъ земли, а потомъ уже заняться дѣлами собственнаго призрѣнія.—Какъ немногіе изучаютъ законы природы съ цѣлью дѣйствительно полезнаго ихъ примѣненія! Огромное-же большинство учится только для средствъ къ жизни, заботясь болѣе всего о вѣрности злосчастнаго факта, людьми-же допущеннаго, что безъ денегъ нельзя ни родиться, ни жить, ни умереть, и что слѣдовательно,

настоящіе-то боги свободы и счастія сидятъ въ деньгахъ, къ пріобрѣтенію которыхъ и слѣдуетъ направлять всѣ свои силы, не обращая вниманія ни на что.

Изъ одного мужского недомыслія само собою вытекало другое, третье, и здѣсь женщины, лишенныя путей къ просвѣщенію, но по своей природѣ требовавшія своей доли умственной дѣятельности,—являлись лучшими помощницами въ дѣлѣ распространенія и утвержденія общественныхъ золъ, дававшихъ имъ и подобающую роль, и дятельность (хотя и незавидную), и возможность вкусить отъ того-же плода, какой вкушалъ мужчина. Такимъ-то образомъ женщина безсознательно мстила за свои обиды, и первопричины всѣхъ этихъ осложненій нельзя не предполагать въ поступкахъ неразумнаго историческаго мужчины, желавшаго перешагнуть черезъ непобѣдимый законъ природы.

Въ настоящее время трудно не замѣтить развивающуюся все болѣе и болѣе потребность къ опьяненію, помимо вина, развлеченіями, внѣшнимъ блескомъ, пышностью обстановки и одеждъ. Развивающійся умъ начинаетъ сознавать ненормальность многаго, но, не смѣя еще взглянуть на это трезвыми глазами, стремится отвлекать себя разнаго рода опьяненіемъ.

Нашъ ветеранъ - Л. Н. Толстой, говоритъ, что «*трудная задача искусства* (не всей ли жизни человѣка?) *состоитъ въ томъ, чтобы перенести изъ области ума въ область сердца великую истину: благо людей въ ихъ объединеніи; царство насилія должно быть замѣнено царствомъ любви, этой высшей цѣли жизни человѣчества.*

На настоящее свое положеніе русская женщина интеллигентнаго круга пожаловаться не можетъ. Хотя для нея доступъ къ высшему образованію еще сопряженъ съ довольно крупными затрудненіями, но въ началѣ дѣло это и не можетъ быть постановлено иначе, коль скоро степень умственнаго одаренія женскаго пола составляетъ еще вопросъ, коль скоро она проявляется еще у меньшинства. Съ другой стороны—мужчина интеллигентныхъ сословій, опережая законы «*писанные*» уже пополняетъ ихъ понемногу законами «*неписанными*» даже въ тѣхъ случаяхъ, когда бракъ его неудаченъ.

Точно такъ же, какъ старинныя, наслѣдственныя привычки женщины не отлетятъ сразу, такъ и улучшеніе ея общаго положенія не можетъ и не должно совершаться слишкомъ быстрыми шагами: все мірозданіе, и даже нашъ собственный здравый смыслъ указываютъ на необходимость постепенности, съ которою приходится мириться, не смотря ни на что.

При настоящей же переходной ступени можно только желать, чтобы всѣми было, наконецъ, признано право женщины не состоять въ зависимости отъ частнаго великодушія мужчины, но пользоваться общечеловѣческою относительною свободою. Вопросъ этотъ самъ по себѣ настолько сложенъ, что для разрѣшенія его требуется много времени и недюжинныхъ умственныхъ силъ. Тѣмъ не менѣе жизнь съ ея естественнымъ стремленіемъ къ счастію каждаго индивидуума требуетъ этого разрѣшенія, потому что только въ удачныхъ бракахъ, гдѣ оба пола равномѣрно связаны взаимно искреннею любовью,—ни о какихъ счетахъ не можетъ быть и рѣчи. Но подобные браки весьма рѣдки; для большинства же вопросъ зависимости имѣетъ громадное значеніе: съ одной стороны независимость наложитъ извѣстную нравственную дисциплину на оба пола, а съ другой самочувствіе женщины превосходно отразится не только на ея личности, но и на ея потомствѣ, по той простой причинѣ, что инстинкты раба и свободнаго человѣка совершенно различны. Объ этомъ, для большинства, разумѣется, пока можно только мечтать; интелигентные-же люди начинаютъ уже сами опережать законы писанные. Еслибъ и дѣйствительно женщинѣ была предназначена исключительная дѣятельность, касающаяся продолженія рода, безъ возможности выбора иной, то и въ такомъ случаѣ труды ея, будучи важными и нужными не менѣе мужскихъ, не должны бы лишать ее права на самостоятельность въ этомъ районѣ, на независимость отъ мужской воли. Давая мужчинѣ то, безъ чего онъ не можетъ и не хочетъ обходиться, женщина этимъ самымъ уже пріобрѣтаетъ нравственно-законное право получать отъ него то, чего она не можетъ сама добывать, когда періоды беременности и кормленія лишаютъ ее силъ. Въ случаѣ смерти, или несостоятельности отца, родина поможетъ матери въ дѣлѣ воспитанія своихъ будущихъ дѣтей; а если женщина не имѣетъ дѣтей, — кажется нѣтъ, и не можетъ быть причинъ, по которымъ для нея были бы закрыты пути къ образованію и самостоятельности.

Изъ-за безсодержательности мозговой жизни, изъ-за угнетающаго сознанія всегдашней зависимости отъ личнаго характера мужа, частью же изъ-за легкомыслія общественныхъ взглядовъ на жизнь, — женщина тратила время и лучшія силы на заботы о соблюденіи модъ, на изысканіе средствъ развлечь себя внѣшними впечатлѣніями, такъ что и въ самомъ материнствѣ она не видѣла, большею частью, иныхъ обязанностей, кромѣ постоянно удовлетворяемаго желанія расцѣловать своихъ дѣтей съ ногъ до головы, потомъ побаловать ихъ подарками, сластями, нарядить по модѣ,— и опять сначала. Чего же было и требовать отъ матерей, когда онѣ и сами ничего не получали, кромѣ того-же? Это было бы все равно, что требовать отъ банка процентовъ съ капитала, который никогда не былъ вложенъ.

Есть на свѣтѣ много прекраснѣйшихъ мужей и отцовъ, стоящихъ во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣримо выше многихъ женъ и матерей; — но законы пишутся не для того, чтобъ ограждать добродѣтель отъ добродѣтели, но чтобы каждый, подвергающійся обидѣ, насиліямъ, или боли субъектъ имѣлъ защиту отъ злоупотребленій. Знаніе и его вѣчный спутникъ—право, неизбѣжно наведутъ пустую головушку на думушки, особенно когда право привлечетъ за собою отвѣтственность. Втроемъ они способны передвинуть все міровоззрѣніе женщины, а черезъ это выиграютъ и ея личное здоровье, и всестороннее здоровье ея дѣтей. Это же благотворно отзовется и на дѣятельности мужей, которые слишкомъ часто опускались до умственнаго уровня жены, вмѣсто того, чтобъ поднимать ее къ своему.

Однако, не смотря на заманчивость подобной перспективы, прежде постановки вопроса о женскомъ равноправіи, слѣдуетъ выдвинуть другой, не менѣе важный, вопросъ: готова ли ко всему этому сама особа женщины, притомъ не въ выдающемся ея типѣ, но въ обыкновенномъ?

И, подумавши безпристрастно, провѣривши много разъ на практикѣ свои наблюденія, каждый убѣдится, что торопиться нельзя: въ этомъ-то и суть вопроса! По тѣмъ не менѣе положеніе вещей требуетъ не безконечныхъ доказательствъ женскаго неразумія, или бездарности, но честныхъ усилій для всесторонняго усовершенствованія ея особы; только этимъ путемъ мужчина можетъ доказать дѣйствительность своей цивилизаціи, потому что слабое направленіе мысли въ этомъ районѣ даетъ слишкомъ большой пробѣлъ въ исторіи его прогресса. Нѣкоторыя правительства, и особенно частныя лица интеллигентныхъ сословій, уже прилагаютъ серьезныя старанія къ практическому примѣненію умственныхъ силъ женщины, и поле ея дѣятельности замѣтно расширается; то, что считалась непозволительнымъ и возмутительнымъ полвѣка назадъ, признается теперь совершенно естественнымъ. Личность человѣка въ обоихъ его видахъ крайне эластична, и поддается всяческой дрессировкѣ, особенно при созданіи для нея приманокъ и подачекъ; но этимъ способомъ она не совершенствуется, и только при помощи свободы мысли, обязательности труда и развитой любви къ истинѣ возможно побѣдить звѣрскую, или похотливую сторону человѣческой природы. Въ этомъ отношеніи вліяніе хорошо одаренной женщины будетъ всегда благотворно, а исчезновеніе ея рабьихъ инстинктовъ вѣрнѣе всего пріохотитъ мужской полъ къ мирнымъ добродѣтелямъ. Дѣятельность женщинъ не тождественна съ мужскою, и объ этомъ спорить не приходится; но она не менѣе важна, обширна и полезна, поэтому не можетъ стоять ни выше, ни ниже мужской, слѣдовательно заслуживаетъ одинаковаго уваженія, вниманія и правъ на личную свободу, гдѣ

бы себя ни проявляла. Не всякая женщина можетъ быть полезною матерью, но всякая можетъ быть полезною дѣятельницею. Не надо быть пророкомъ, даже и особенно ученымъ, чтобы предвидѣть крупныя измѣненія во всемъ обществѣ относительно взглядовъ на женщину въ не слишкомъ далекомъ будущемъ: все идетъ къ тому, не надо только скакать. Женщина въ нѣкоторыхъ слояхъ общества уже начинаетъ свое перерожденіе, наши недалекіе потомки мужского пола, понявъ невѣрность прошлыхъ взглядовъ на женщину, посмотрятъ на наши ошибки такъ же, какъ мы смотримъ на ошибки нашихъ невѣжественныхъ предковъ. Тогда они найдутъ, что тайная озлобленность женщины совершенно естественна, что всѣ печальныя послѣдствія этой озлобленности не составляютъ ничего природнаго, и что они сами на ея мѣстѣ и чувствовали бы, и поступали бы также.

Мужчина, въ общемъ, дѣйствительно благодушнѣе женщины, но никоимъ образомъ нельзя ему ставить этого въ природную добродѣтель, а тѣмъ менѣе въ заслугу: онъ добръ постольку, поскольку свободенъ. Всякое животное на цѣпи будетъ злѣе, чѣмъ на свободѣ; слѣдовательно злоба можетъ быть возбуждена искусственнымъ образомъ. И женщина будетъ добрѣе, когда ей будутъ предоставлены принадлежащія ей первенствующія права въ области воспроизводительности. Тогда можно будетъ ожидать усовершенствованія человѣческой расы, потому что улучшится и всесторонняя физіономія женщины, и нравственность мужчины, и общее направленіе цивилизаціи.

Главныя, самыя цѣнныя заслуги женщины будутъ всегда заключаться въ усовершенствованіи породы путемъ толковаго воспитанія, а не въ занятіи государственныхъ должностей, которымъ она такъ увлекается въ началѣ своего перерожденія. По всей вѣроятности женщина достаточно одарена для возможности выработать изъ себя и политическую дѣятельницу; но было бы неразумно, пріобрѣтая лишнее, терять то нужное и высшее, на которое способна только она. Поэтому права на государственную службу для нея имѣютъ несравненно меньше значенія, чѣмъ права ея какъ человѣка, супруги, дочери, труженицы, и въ особенности—какъ матери.

Только опытное знаніе, при естественномъ положеніи женщины, можетъ положить конецъ спорамъ и подкупнымъ предположеніямъ мужского пола относительно степени одаренности и ширины дѣятельности, предназначенной женщинѣ; до тѣхъ же поръ позволительно думать, что хотя прогрессъ человѣчества и громаденъ, но свѣтлый ликъ богини истинной цивилизаціи еще настолько далекъ, что слабые органы нашего умственнаго зрѣнія не въ силахъ его разглядѣть. Требуется, однако, чтобъ че-

ловѣкъ увидѣлъ богиню во всей ея красотѣ—собственными глазами, безъ помощи всякихъ искусственныхъ аппаратовъ: только въ этомъ случаѣ она дастъ ему силу для перерожденія.

Опыты уже начались, опыты осторожные, разумные. Отнынѣ уже не мужчина понесетъ нравственную отвѣтственность за неразуміе женщины, но она сама, въ лицѣ піонершъ знанія. На этихъ представительницахъ женскихъ способностей ляжетъ крупный, серьезный отвѣтъ за будущую судьбу ихъ пола: что онѣ съумѣютъ посѣять, то и пожнетъ грядущее женское поколѣніе.

Если значительное улучшеніе всесторонняго женскаго положенія не такъ близко, за то оно несомнѣнно, потому что здѣсь говоритъ одинъ изъ крупнѣйшихъ законовъ общечеловѣческой природы. Все намъ указываетъ на то, что человѣку предназначено совершенствоваться, а безъ поднятія личности женщины качественное совершенствованіе человѣчества немыслимо.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Предисловіе	III
Введеніе	1
Общій взглядъ на прошлое	8
Кокетство	28
Религія Индусовъ	38
Законы Индусовъ	41
Китай	49
Египетъ	73
Краткій очеркъ положенія женщинъ у другихъ народовъ	106
Греція	115
Комментаріи	144
Римъ	150
Халдеи	177
Общій обзоръ взглядовъ на женщину	187

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
000019016 87